

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР

(ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург / Ханты-Мансийск
2018

УДК 821.161.1 – 1
ББК 84

Некоммерческое издание

Э 77 Эринтур (Поющее озеро): Окружной литературно-художественный альманах. 2018/Ханты-Мансийская окружная общественная организация «Союз писателей России», Литературный фонд «Дорога жизни». – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск: – 576 с.

Редакционная коллегия:

В. М. Волковец, С. А. Луцкий, В. Л. Михайловский, М. М. Рябий,
Р. Н. Шайхулов, Т. В. Юргенсон

Редакционный совет:

Е. Д. Айпин, М. К. Вагатова, Д. А. Мизгулин, И. А. Ширманов
(Олег Яненагорский)

Главный редактор В.Л. Михайловский

Обложка Р. Н. Шайхулов. В дизайне обложки использована керамика Демьяненко Ивана «Птица Туман» из серии «Легенда о Сихиртя», (шамот, глазурь, молоко) 73x91, 2016. г. Нижневартовск.

Рукописи не возвращаются.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна.

Адрес редакции:

628011, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области, ул. Комсомольская, 31.

ISBN 978-5-4334-04-06-9

© Коллектив авторов

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР

(ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Санкт-Петербург
«Гамма» 2018

ВАЛЕРИЙ
МИХАЙЛОВСКИЙ

От редактора

Так случилось, что после смерти главного редактора «Эринтура» Н. И. Коняева, альманах писателей Югры не выходил в 2017 году, словно время хотело поставить свою зазубрину, затесь ли (по Астафьеву), чтобы помнили, что история «Эринтура» возродилась вновь, но уже с 2018 года. И «Эринтур» выходит в свет. Многие авторы, мои коллеги прислали свои рукописи с пожеланиями мне успехов в редакционной работе. Я благодарен им за поддержку, в которой очень нуждался в период подготовки нового выпуска альманаха в сложившейся ситуации.

А вы, мои дорогие читатели и почитатели нашего альманаха, не заметите коренных изменений в структуре его, в трепетном отношении к Вам – читателям. Вы на страницах «Эринтура» встретите уже знакомых и полюбившихся вам писателей, поэтов, критиков с новыми работами, узнаете новые имена, познакомитесь с делами писательскими в

округе. У вас будет возможность прикоснуться к творчеству наших гостей. Так уже повелось, что альманах писателей Югры предоставляет возможность публиковать свои произведения известным авторам из других регионов России.

Альманах «Эринтур» является одним из лучших литературно-художественных сборников в России. Вот что не без гордости сказал в своей статье, посвященной 20-летию «Эринтура» Николай Коняев: «Решением правления Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) альманах награждён Почётным дипломом лауреата конкурса АСКИ «Лучшие книги 2002 года»; в 2009 году удостоен Диплома лауреата Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова; в 2014 году удостоен Диплома лауреата регионального конкурса «Книга года – 2014» в номинации «Лучшая художественная книга».

Положительные отклики и высокие оценки не позволяют почивать на лаврах. Напротив, мобилизуют на поиски путей совершенствования альманаха как по содержанию, так и по полиграфическому оформлению, дабы не уронить высоко установленную планку, выдержать художественный уровень публикуемых произведений. Это не просто».

Последний абзац в цитате – это есть послание Николая Коняева, многие годы возглавлявшего наш «Эринтур», нам, ныне живущим и ответственным за судьбу литературно-художественного альманаха. Коллектив редколлегии будет прилагать все усилия для того, чтобы держать высокую планку качества нашего альманаха, который носит такое поэтическое название – «Эринтур» – поющее озеро (с мансийского).

И вот вы держите в руках новый выпуск «Эринтура». Приятного вам прочтения, положительных эмоций и извлеченной пользы от прикосновения к творчеству лучших писателей и поэтов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

«Истекшее 20-летие – период тяжёлых испытаний как для писателей так и для литературно-художественных изданий. Мы и сегодня не можем утверждать, что трудности становления позади. Но верится, что «Эринтур» встретит своё 30-, и 40- и 50-летие. И если кто-то из наших будущих читателей, открыв альманах, произнесёт сокровенное: «Мне повезло, мне в руки попал альманах «Эринтур», будем считать наш труд не напрасным».

Н. И. Коняев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Мария Вагатова	10
Дмитрий Мизгулин	18
Владимир Волковец	26
Галина Хорос	35
Елена Гостева	44
Валерий Михайловский	52
Ирина Рябий	144
Светлана Динисламова	148
Сергей Луцкий	152
Игорь Северский (Кириллов)	204
Лейла Абасова	215
Андрей Рябов	219
Татьяна Юргенсон	225
Александр Филатов	231
Владимир Андреев	237
Сергей Сметанин	242
Станислав Юрченко	247
Павел Черкашин	253
Рамазан Шайхулов	266
Николай Вторушин	280
Наира Симонян	285
Анжела Бецко	291
Любовь Миляева	300

ГОСТИ ПОЮЩЕГО ОЗЕРА

Александр Кердан	313
Виктор Кирюшин	324
Олег Ник Павлов	328
Нина Ягодинцева	332
Арсен Титов	336

ДЕТСКИЙ МИР

Григорий Кайгородов	344
Татьяна Юргенсон	365
Светлана Майорова	373

НОВЫЕ ИМЕНА		
Елизавета Белозёрова	379	
Елена Капитанова	381	
Саша Кузнецова	388	
Дарья Ярушина	392	
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ		
Юрий Вэлла	394	
Виктор Козлов	408	
Маргарита Анисимкова	414	
Светлана Лихая	430	
Николай Смирнов	438	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		
Михаил Рябий	453	
Тамара Зуева	470	
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО		
Олег Яненагорский	484	
Литературные события Югры (доклады Нины Ягодинцевой, Валерий Михайловского, Александра Ананичева)		509
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА		
Игорь Северский (Кириллов)	528	
КЛАССИКИ О ВРЕМЕНИ НАШЕМ		
Федор Достоевский	546	
ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ		561
В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА		
Валентин Ливн	571	

МАРИЯ ВАГАТОВА

Вагатова (Волдина) Мария Кузьминична родилась 28 декабря 1936 года в семье оленевода-ханты в д. Юильск Березовского (ныне – Белоярского) района Тюменской области.

Окончила Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище (1955) и Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена (1971).

Пишет на родном языке. Стихи и сказки печатались в журналах, альманахах и литературных сборниках России. Автор многих книг стихов и прозы.

Член Союза журналистов с 1973 года.

Член Союза писателей России с 1997 года.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа.

Награждена Орденом Почета, медалью АСПУР «За служение литературе» и другими наградами.

Лауреат премии Губернатора, премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, международной премией «Югра», и многими другими литературными премиями.

Живет в Ханты-Мансийске.

Помни!

Не кичись своей дорогой гладкой,
Дескать, нет ни рытвины, ни складки
На пути, что вдаль летит стрелой...
Можешь вдруг о ствол гнилой споткнуться
И внезапно даже растянуться,
Болевой проколотый иглой.

День земной до вечера не прожит,
Значит, все еще случиться может –
Ты о том, прошу, не позабудь.
Если только ты живешь как надо,
Станет для детей твоих наградой
Проторенный твоей нартой путь.

Помни: все дела подобны вехам!
Вот и оставайся человеком,
Чтобы нарту жизни сохранить,
Чтобы людям, что поедут следом,
Страх бессилья вовсе был неведом,
Чтобы рода не прервалась нить!

Лишь тогда твои земные силы
Перейдут ко всем родным и милым,
Даже к тем, кого покуда нет...
Лишь тогда светило не погаснет
И твои потомки без боязни
Встретят наступающий рассвет.

Перевод А. Кердана

Сердце матери

Моей милой маме Варваре Ивановне Вагатовой

Как бы деревья шумели зеленой листвою,
Если б они не имели корней под собой?
Как бы цветы у подножья деревьев цвели,
Если бы не было вовсе Земли?
Как бы узнали все люди, что Солнце взошло,
Если б оно не дарило свое нам тепло?

Да, никому, никогда эту жизнь не начать –
Дверь в белый день не открыть,
Если это не сделает Мать!

Сердце у Матери красного Солнца теплей.
Ну а забота о детях – бескрайней дороги длинней...
Сыщется ль в мире любви материнской цена?

Честь бескорыстна, которая жизни равна.
Строгая совесть, которая ласки нежней.
Вечная песня, которая смерти сильней!

Перевод А. Кердана

Доченька, доченька

Так придумано не мною,
Так велит закон Природы:
Солнце в юрту днем заходит,
Ночью в небе свет Луны...
Так придумано не мною:
Пролетают быстро годы.
То, как дочки подрастают,
И не замечаем мы.
Доченька! Ты стала взрослой,
Научилась шить узором,
Украшать свою одежду,

В доме сохранять тепло...
Будет так, я это знаю:
Человека встретишь скоро.
Станет он твоей судьбою.
Так, как издавна пошло.
Пусть он будет сердцем светел
И высок в своих поступках.
Пусть в лицо вам смотрит Солнце,
А в полночный час Луна...
Чтоб измены злобный ветер
Не коснулся вашей юрты,
Чтоб позор, что не сотрется,
Души вам не запятнал.
Мужу ты постель постелешь
И в плечо ему уткнешься.
Пусть же не обходят люди
Дом, открытый для друзей...
Жизнь – дорога сквозь метели,
Время, что тебе дается.
Пусть же мне не стыдно будет
Дочкой звать тебя моей.

Перевод А. Кердана

Не меняй руку друга

Теплый ветер гладит щеки,
Иль кусает их пурга...
В дружбе будь всегда высоким,
Если дружба дорога.

Повстречаешься с бедою,
Или радость в дом войдет...
В дружбе будь всегда собою,
И она не подведет.

Вдруг дыханью станет тесно,
Будет в рытвинах твой путь...
В дружбе ты открытым, честным,
Настоящим другом будь!

Пусть несутся дни по кругу,
Пусть меняет облик жизнь...
Крепко взяв за руку друга,
За нее всегда держись!

Перевод А. Кердана

Кромешная темнота

Тьма кромешная страшна,
В ней просвета нету,
Но через нее должна
Я пробиться к свету!

Сквозь глухую темноту,
Что чернее сажи,
Через страх и немоту,
И мученья даже,

Я должна вперед идти,
Злые пусть хохочут,
На неведомом пути
Гибель мне пророчат.

Я должна идти вперед
К золотому свету...
Ведь за мною внук пойдет
Через бездну эту.

Будет также ночь черна,
Будут духи злиться...
Но с тропы, что не видна,
Внуку уж не сбиться.

Как лучистая звезда,
Там, где тьма – стеною,
Будет для него всегда
Свет, добытый мною.

Перевод А. Кердана

В сердце леса

Я сердце леса сердцем восприму,
И, может, лес тогда меня услышит.
Мы вместе думу думаем одну,
Я воздухом дышу, и он им дышит.

Ах, как бы это было хорошо,
Чтоб все на свете люди, звери, птицы
Могли природу воспринять душой
И с лесом навсегда счастливо слиться.

Здесь все, что нужно каждому из них!
Вода и пища, песни, кров, одежда...
Устанешь – силы возвратятся вмиг,
Наполнив душу доброю надеждой.

Лес каждому подарит красоту...
И только тот, кто верить ей не смеет,
В своей душе лелея пустоту,
В лесу прожить и часа не сумеет!

Перевод А. Кердана

Я ушел на военную дорогу

Посвящается не вернувшимся с войны

На военную дорогу становлюсь, моя жена,
Дом родимый в Осьоланге оставляю на тебя.
Сына моего Екора будешь ты теперь одна
В нем растить, моя подруга, за двоих его любя.

Может, молодость, здоровье потеряю я в бою...
Ты запомни это слово – мой тебе святой наказ!
Кровь горячую до капли отдаю тебе свою,
Свое сердце оставляю я тебе, жена, сейчас.

Чтоб другого не искала, если в дом я не вернусь,
Чтоб Екора воспитала возле отчего огня...
Пусть растет мой сын мужчиной, человеком станет пусть,
И пути мои земные дошагает за меня.

Ты отдай тугой мой пояс – он ему придется в пору:
Будет зверя, будет рыбу по-отцовски добывать,
Чтобы в доме в Осьоланге без добычи и с укором
Ни зимой, ни жарким летом не встречала сына мать.

Перевод А. Кердана

Дыхание ребенка

Ребенок дышит, значит, дышит жизнь!
Земля жива дыханием ребенка!
Что может быть еще важней, скажи?
Но притаилась хищно смерть в сторонке...

Она, собрав оружие всех мастей,
Пустить его уже готова в дело...
Отцы и мамы всех земных детей,
Давайте встанем перед смертью смело!

И защитим родимое гнездо,
Где, музыке под стать, смеются дети...
Чтоб хрупкий мир не встретился с бедой,
Мы и живем на этом белом свете.

Что может быть еще важней, скажи,
Чем новый век сберечь на грани тонкой?
Ребенок дышит, значит, дышит жизнь!
Земля жива дыханием ребенка!

Перевод А. Кердана

ДМИТРИЙ
МИЗГУЛИН

Мизгулин Дмитрий Александрович родился 10 сентября 1961 года в г. Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. Вознесенского в 1984 году.

Кандидат экономических наук.

Печатался в литературных журналах, альманахах, литературных сборниках России, Сибири. Автор более 40 книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России с 2004 года.

Член Международного сообщества писательских союзов (2002).

Член-корреспондент Петровской академии наук искусств (2002).

Лауреат премии Правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы Альманах «День поэзии – XXI век» (2013).

Лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), премии «Петрополь» (2005), премии журнала «Наш Современник» (2006), Всероссийской премии «Традиция» (2007), премии Губернатора ХМАО – Югры в области литературы (2007), премии им. Б. П. Корнилова (2008), Всероссийской литературной премии «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева (2015).

Председатель Правления Ханты-Мансийской общественной организации Союза писателей России. Президент литературного фонда «Дорога жизни».

Почетный житель города Ханты-Мансийска.

* * *

Славянства вековая связь
Оборвалась вчера случайно.
Идут на бой, благословясь
Под сенью храмов православных.
И с этой стороны и с той –
Одни Иваны да Миколы...
Как беспощаден этот бой.
Как бесконечны эти доли...
Мы все отныне на войне.
Душа немеет. Сердце стынет.
Молчат в гнетущей тишине
Многострадальные святыни.
И поле русское в крестах...
За что кровавая расплата?
С одной молитвой на устах
Идёт на битву брат на брата...
В ночи растает птицы крик.
Метут кровавые метели.
Смотрели все на Божий Лик,
Да только Бога не узрели.
И будет лютый враг разбит,
И в тишине, во мгле смертельной
Уверен каждый, что хранит
Его от смерти крест нательный.

* * *

Жизнь моя от края и до края
Расплескалась – в мареве огней.
Я живу и больше не считаю
Сентябрей своих и октябрей.

Словно кто покрасил эти клёны,
На берёзах золото и медь.
Я старею так непринуждённо,
Что совсем не страшно мне стареть.

Сложные решаются задачи,
И непредсказуем путь светил.
И конечно, выглядят иначе
Женщины, которых я любил.

Уповаю я на Божью милость,
И смиряюсь на закате дня.
Но совсем никак не изменились,
Женщины, любившие меня.

Отчего такое – сам не знаю.
Восхищаясь – на тебя смотрю.
Догораю тихо, догораю,
Возвращаясь в молодость свою.

* * *

Над немymi далями чужбины
Прочертил пространство самолёт.
Подо мною горы и долины.
Бесконечность океанских вод.

Я лечу опять над миром сонным
По волнам небесным бытия.
По квартирам съёмным и подённым
Расплескалась молодость моя.

Был и я – весёлым и упёртым.
Делал всё, что можно и нельзя.
По вокзалам и аэропортам
Разлетелись близкие друзья.

Бестолковым сумрачным влеченьем
Ветер вечных странствий – мимо мчи...
Озарится пусть душа свеченьем
У иконы таящей свечи.

И наступит тишина такая,
Что услышу, сердце затая,
Как сама себя преодолевая
Дышит тяжело русская земля.

* * *

Беда не приходит одна.
Казалось, терпенью нет мочи.
Застынешь в слезах у окна
В глухие бессонные ночи,

А там за окном – непогодь,
И вьюга хохочет и злится...
Надеждой последней – Господь,
И только осталось – молиться...

Житейской зимы холода
Пусть сердце твое не остудят.
О Господе помни всегда,
И он о тебе не забудет...

* * *

Востру́бят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовет – как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой.
Но в прошлом все – вокзал, причал
И счастье вперемешку с му́кой.

И полетит душа, легка,
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.

Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.

И на секунду оглянись –
Быть может, это все приснилось:
И это небо, эта высь –
Как бы нечаянная милость.

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

* * *

Предвосхищенье будущей разлуки
Порой важней предчувствия любви.
Остынут страсти. Растворятся муки,
Еще вчера кипевшие в крови.

Померкли звёзды и луна остыла,
Заметены позёмкою слова,
Давно меня ты напрочь позабыла
И только в этом и была права.

* * *

Жизни коромысло
Шаткое – тащу.
Стало меньше смысла
В том, что я ищу.

Мир мой слишком тесен.
В вихре новостей
Не уравновесить
Мне чужих страстей.

В сумерках ненастья
Спутались следы
И чужого счастья,
И чужой беды.

Сколько там – не знаю
Мой продлится путь.
Для тебя, родная,
Мне б пожить чуть-чуть.

Чтобы всё простила
На закате дня.
Чтоб не разлюбила
Грешного – меня.

И в тумане зыбком
Светятся слегка
И твоя улыбка,
И моя тоска.

* * *

Сиреневые грозы
По небу ветры мчат.
Зелёные стрекозы
Над травами журчат.

Ещё, казалось, лето
Вершит свои права,
Но осени приметы
Уже едва-едва

Незримо проступают:
Прозрачней синь небес,
Туманно остывает
В рассветной дымке лес.

Сомненьям нет причины,
Но вот уж там и тут
Рубинами рябины
Пронизан изумруд.

И ты, печалясь му́кой,
Любови вопреки
Уже живёшь разлукой,
Предчувствием тоски.

Приемлешь неизбежность –
Сиреневую даль,
Неистовую нежность,
Небесную печаль.

И ветра дуновенье,
И осени разбег,
И позднее прозренье,
И ранний первый снег.

Легка моя утрата,
Уйду, не пряча взгляд...
И ты не виновата...
И я не виноват...

* * *

Пора остановиться
И для себя пожить –
На лыжах прокатиться.
Да баню истопить.

Сжимаю терпкий веник
И жар кипит в крови.
Не надо мне ни денег,
Ни славы, ни любви.

Весёлые картинки
Уже не для меня.
И звёзды, как снежинки,
Летят, во мгле звеня.

* * *

Без мифов живём и без песен –
Толпа настороженных лиц...
Наш мир до безумия тесен.
Мы сжаты флажками границ.

Заборы, заборы, заборы.
Весь мир – бесконечный забор!
И всё превращается в споры,
О чём бы ни шёл разговор.

В утробе, в квартире, в машине,
Что толку роптать на судьбу.
И кончится жизнь – в домовине,
А проще, по-русски – в гробу.

Соседи теперь уже рядом
Прилежно и тихо лежат.
Ограды, ограды, ограды.
Весь мир состоит из оград.

Заборов, оград постоянство
Повсюду – межа на меже.
Лишь небо дарует пространство
Зажатой по жизни душе.

Где птицы парят высоко,
Где с Господом Богом легко...

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

С 65-летним юбилеем

Волковец Владимир Михайлович родился 22 февраля 1953 года в п. Чур Якшур Бодьянского района Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский сельскохозяйственный техникум в Костромской области (1972) и Литературный институт им. А. М. Горького (1986).

Стихи печатались в литературных сборниках, антологиях, альманахах и журналах России. Автор многих сборников стихов и прозы.

Член Союза писателей России с 1988 года.

Лауреат премий Губернатора ХМАО, международной премии «Югра», Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и других.

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Живет в г. Советском.

* * *

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Еще одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Еще одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба
И вывихнуты рамы.
Еще одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша –
Ответы непростые.
Еще одна душа
Заплачет о России.

1990

* * *

Облака к горизонту прибиты.
Ждет земля – не дождется дождя.
И начнет, пару дней погодя,
Каменеть от тоски и обиды.

Веет зноем грядущей пустыни
Из песчаной прорехи во мху.
Двадцать лет как сгубили тайгу,
А душа в ней кружит и поныне.

Где река отползла на полметра,
Двухнедельной щетиной трава.
Лес молчит, вспоминая слова,
Что разбрасывал осенью щедро.

Муха сослепу или спросонья
Замоталась в паучий капрон.
Под корягой играет хребтом
То ли щучья семья, то ли сомья.

В небе птица парит, замирая
На шуршанье ужей и мышей.
Здесь присутствие жизни моей –
Только миг без начала и края.

Старый сад

Тень на воде совпадёт с отраженьем.
На горизонте всплывут облака.
По-над малиной повеет броженьем,
Снизу натянется нить сквозняка.

Ни передышек, стоп-кадров и пауз –
Пчёлы роятся, улитки ползут...
Сад вынимает из дупел и пазух
Связки нелепиц, тенёта причуд.

Сад удивляет особым терпеньем
Выслушать вас и настроить на лад
Благоволения ангельским пеньем
Птиц ли забытых, знакомых дриад?..

Вот погостил и прощай, баба Оля!
Печь починил, расколол чурбаки...
Ты спозаранку с огнем балаболя,
Мне на дорожку печешь пироги.

Память потянет отсюда по свету
Яблонный запах и наверняка,
Если не сгину от водки, приеду
Век доживать в этот рай, а пока –

Время зовет! И запомню в итоге
После весёлой настойки твоей
Острые промельки луж на дороге
Из-под елово-лиловых бровей,

Русской избы кружевную опрятность
Да колоколенки веретено,
И благодарность за тихую радость
Саду, тебе ли, не всё ли равно.

Сезон одиночества

Не так звучит, иначе.
Земля к зиме готовая –
Звенит! А наша мягче
Вареного картофеля
И пахнет вялой хвоей
На утреннике свежем.
Светлеет осень, с коей
Шуршим о неизбежном.

В осиннике безлистом,
Под небом яснопёрым
Затосковав по лицам,
По долгим разговорам,
Жду, – забредет устало
С былицами лесничий.
И выпьем, как бывало,
Под варево из дичи.

К морозу сквозь деревья
Постреливают звезды.
И спать еще не время,
И ждать кого-то поздно,
И лёд в колеяной грязи
Уже натянут в струнку...
И дробь, нащупав в мясе,
Выплёвываю в рюмку.

Старик

Жил да был на пенсию,
На грибах с картошкой,
На частушке с песнею,
На блинах с морошкой.
Дом к зиме подтапливал,
Щи готовил с квашеной,
После вьюг откапывал
Путь к зазнобе крашеной.

Жил да был без оханья,
В срок счета оплачивал,
В местной речке окуня
Кошкам нарыбачивал,
По бруснику хаживал.
И рубашки с брюками
За детьми донашивал,
А теперь – за внуками.

В поезде

Только заснёшь на семи-
Восьмидесятой странице,
Ливень настигнет в Перми
И до Тюмени продлится.
Молниинно-ливневый гром

Смажет по окнам с размаху.
Горько вздохнул о родном –
Швы разошлись на рубахе.
Наспех, надёжно вполне,
Краем схватил наживушку...
Сунул роман под подушку.
Будет что видеть во сне.

Множились в стеклах огни,
Брызнув, опять пропадали.
В полночь тревожней они
И безысходней печали.
Вот бы застрять где-нибудь
Утром в туманных завесах,
Чтобы направленный вглубь
Свет прослоил перелесок,
Чтобы с подножки сойти,
Ахнув, упасть в зверобое.
Чтобы толкнулось в груди
Сердце об землю – родное.

* * *

Зеленые выплески листьев.
Сырая весенняя сонь.
Попробуй, худое замыслив,
Незрелое деревце тронь.
Потом, если всё-таки честно
Слагаешь живые слова,
Ты не досчитаешься песни
Синицы, дрозда, соловья...

* * *

Издалёка торопились.
А пришли и пали духом:
Валуны в реку скатились,
Обросли зеленым пухом.
Свалка лома, куча брёвен...
С горьким криком сожаленья
Облетел столетний ворон
Незавидные владенья.
У воды стоим, не зная,
Можно ль вымыться-напиться:
– Вещий ворон, здесь живая
Или мёртвая водица?

* * *

Слева кладбище, а справа
Город наш во всей красе,
И машин вечерних лава
По скользящему шоссе.

На высоком отдаленье
Церковь выпукло мила,
В настоящем потемненье
Продолжительно светла.

Как ни связаны упрямой
Болью к рекам и лесам,
Только с обретеньем Храма
Стало ближе к небесам.

* * *

Следы на снегу превратились в подметки,
Ажурно истлеют при выше нуля.
На лапах еловых клубкам без подмотки,
Комкам без подпитки морозной нельзя.
И тают без удержу.
Встал муравейник
Медвежьим загривком и мне, как на грех,
Где тени легли вроде клавиш-ступенек,
Ведущих по просеке прямо и вверх,
Никак не пройти.
Коренные сельчане –
Ворона с сорокой – повздорили вслух.
И снова крошенье, шуршанье, журчанье,
И капли веселой коротенький плюх.

Весна, как весна, ни отнять, ни прибавить.
Дороги болтливы, а вербы рябы,
Восторженна жизнь и болезненна память
Затерянной в юности первой любви,
Когда обнаженной тоска и привычной
Возносят тебя над простором крыла,
И грозы клубятся с упертостью бычьей,
И ты бесшабашен – была не была.
Мятежен в неволе, на воле – в смущенье
Не в меру зажат и подчеркнута сух...
А всюду мерцанье, журчанье, крошенье,
И капли протяжной коротенький плюх.

Не помню причин, обстоятельств, условий.
Не помню завистников, олухов, склок.
Последний автобус, походкой слоновьей
Ушел в 20:40...
И я, как оглох.
Какие терзанья, отчаянье, пытку
Делил по-приятельски снег хлопьяной,
Пока вперемешку с дождем и враскидку

С асфальтовой грязью тащился за мной...
С годами весна превратилась в волнение,
Потом в обостренное зрение, слух.
А после в сверканье, журчанье, крошенье,
И капли соленой коротенький плюх.

* * *

Травы солнцем напоены.
Узкой дымкой отчеркнут
Хвойный краешек тишины
И кувшинковый омут.

Неизменный рай в шалаше,
Птиц слепые прослушки
И навек неоплатный уже
Долг по счёту кукушки.

В дым закутались от мошки
И не помним о горшечке.
Как величественно круги
Нарезал в небе коршун.

Он в дозоре – за кругом круг
Над речным мирозданьем.
Он упал перед нами вдруг
Камнем...

И уже со змеёй в когтях
Взмыл и канул в гнездовье.
И теперь беззащитно так
Смотрим в небо пустое.

Хорос Галина Эдуардовна родилась 17 июня 1958 года в г. Ханты-Мансийске Тюменской области. Окончила факультет культпросветработы Тюменского института искусств и культуры (1993).

Публиковалась в альманахах, литературных сборниках, журналах России. Автор нескольких поэтических сборников.

Победитель конкурса «Москва поэтическая» в номинации «Философия женской судьбы» (2003).

Награждена Благодарственным письмом губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

ГАЛИНА
ХОРОС

С юбилеем!

ГАЛИНА ХОРОС / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

* * *

Жду весну в этом маленьком городе,
Где метели привычно жужжат,
Воробьи отупели от холода,
Крыши – снег устали держать.
На ладошке узенькой улицы,
Белой-белой от зимних снов,
Тополя опять заволнуются
Буйной гривой зелёных голов,
И кораблик, сынишкой отпущенный,
Украдёт озорник-ручей...
Вот тогда этот город цветущий
Будет мой. А пока – ничей.

* * *

Погода!.. Время шашлыков,
Груз нерешаемых задачек,
Ор волейбольных игроков,
Забывших за зиму про мячик.
Оттаял шёпот каблуков
В капризах быстроногой моды,
И тянут струны поводков
Щенки неведомой породы.
Жуки громоздкие ползут,
Запутываясь в паутинках,
Из леса граждане везут
Колоды свежих фотоснимков.
Под вечер вымажет стекло
Пронзительно-закатным цветом,
Неслышное встряхнёт крыло
Усталый день.
И скоро лето.

* * *

Гостили в доме у меня три милых брата –
Дарили пригоршни огня в часы заката,
Водили тропкою лесной за земляникой,
За паутинкой золотой и птичьим криком...
Мы расставались – плакал дождь, грустила роща,
Уйти за ними – не уйдёшь, остаться проще...
Метель спрячет их следы в карман сугробов,
У замерзающей воды велит мне, чтобы
Скорей забыла, как их звать –
А я не справлюсь:
Наивный Июнь,
 лукавый Июль
 и грустный Август...

* * *

Дрожит горячий полдень детства,
Где бабочки прилипли к небу,
И привередливые пчёлы
Рыдают над глухим цветком.
Недолгий век его прославить
В букет уложенные стебли
Могли бы, да неутолима
Их жажда горьким молоком...

* * *

Бессонная ночь со слезами –
Неряшливый мой визажист.
Наутро – круги под глазами,
Стихами исписанный лист,
Остывшая чашечка кофе,
Измятый платочек в руке...
Религия всех философий –
В цветочном одном лепестке.

* * *

От расставания – до встречи,
до телефонного звонка
Тяжёлым грузом давит плечи
любви прозрачная рука.
Солёных капель, как лекарства
от сладкой боли мне нальёт,
Когда безликое пространство
нас друг от друга оторвёт.
Запустит в душу злая осень
отравленные коготки...
Фигурки шахматные сбросит
с отполированной доски.

* * *

Слова теряют прежний свет – и обретают новый,
Уже грехов не замолить – объявлена война,
Которой оправдания нет, и повод пустяковый,
За всё – ехидный комплимент вечернего окна...
Из тайных слов сложу пароль, сплету венок колючий,
Чтоб умереть в твоих руках – и чудом уцелеть...
Со мной мучительную роль разучивает случай.
Ему-то что, а мне опять одной в огне гореть?!

Как быстро я успела стать смешной и бестолковой,
Лишь потому, что ты меня хранишь от неудач.
Всё ухитряешься понять, и терпеливо – снова:
«Не бойся», – утром говоришь,
а вечером: – «Не плачь!..»

* * *

Мой король некоронованный,
В плен условностей закованный,
Вы напрасно так взволнованы –
Я Вам больше не служу;
И без Вашего Высочества
Я спасусь от одиночества,
Всё, что взять с собой захочется,
В скромный узел завяжу:
Независимости горсточку,
Да уверенности тросточку,
Да для злой собаки – косточку,
Эта ноша – по плечу.
Оставляю: маски лживые,
Настроения паршивые
И любезности фальшивые –
Я чужого не хочу!
Ваши скверные придворные
Гимны Вам поют мажорные,
Только чувства в них – притворные
И неискренни слова.
В мире есть иные радости,
Чем с улыбкой делать гадости,
Зарабатывая сладости...
Может быть, я не права?

Одна

Стою в одинокой прихожей
В бреду бесконечного дня.
Мой дом, ни на чей не похожий,
Молчаньем встречает меня.
Закат за окном отцветает,
И некому шторы закрыть.
Будильник часы вычитает
Из тех, что осталось дожить.

* * *

Плечи сутулил унылый вокзал
неприветливо,
Дождик сквозь слёзы упрямо шептал
песню летнюю,
День акварелью размыт дождевой
опрометчиво,
Тучи глядели в стекло мостовой
недоверчиво.
Имя твоё на губах запеклось –
и растаяло,
Поезд тебя торопливо увёз
в недрах «спального»,
Струнка его прозвенела «пора» –
как прощание...
Чем ближе завтра, тем наше вчера
беспощаднее.

* * *

Я на обоях не рисую
Каббалистические знаки –
Напротив, тряпочкою чистой
Стираю лишние следы.
Я становлюсь обыкновенной,
Волшебные забыты сказки,
Над ледяной рекою жизни
Не держат крылья из слюды.
Когда весенний рыжий ветер
В конвертах дней листочки чуда,
Украшенные лентой радуг,
Мне по ошибке принесёт –
Я даже любопытства ради
Их распечатывать не буду –
Никто не ждёт на них ответа,
А остальное всё не в счёт –
И мимолётные удачи,
И обретение покоя,
Осенне-зимнего сезона
Организованная грусть...
Что проживу – над тем поплачу,
Чужое для меня – чужое.
А что за вечным горизонтом –
Разгадывать я не берусь.

* * *

Ты вчера рассказал про забавных зверьков,
Что построили тайную норку,
Где спасаются вместе от общих врагов,
Делят поровну хлебную корку...
Про стихи говорил и про старый шалаш,
И про лето, которого нету...
Далеко до весны – праздник кончился наш,
Ты уедешь слоняться по свету.

Вновь разрушится хрупкий домашний уют
Без тепла электрической печки.
Что поделаешь – даже зверьки устают
Друг от друга. А мы – человечки.
В этот дом, в этот дым ускользающих снов
Ты когда-нибудь снова заглянешь.
Помолчишь, вспоминая печальных зверьков...
Всё проходит. Себя не обманешь.

* * *

Ты остался, мой мальчик, а мне – уезжать.
Будет город за поездом молча бежать,
И отстанет, не в силах сдержаться от слёз,
Оттого, что всё это со мною всерьёз.
Моего любопытства случайный причал –
Город твой, что меня терпеливо встречал,
Где сумятица слов на чужом языке,
Где несбыточность снов, и синица в руке,
И неясная дрожь телефонных звонков,
И капризный рисунок любимых шагов...
Город звёзды утопит в речной глубине
И научит тебя не грустить обо мне.

* * *

Что ты знаешь?
Только версию
Мною прожитых потерь.
Сочинил себе депрессию –
Вот и маешься теперь.
Всё разгадано, разрушено,
Раскурочены замки...
Прячут ангелы послушные
Нежность крыльев в рюкзаки
И идут, понуриив головы,

Через мрак больной любви,
Лижут им коленки голые
Стебли неживой травы...
Их безгрешное страдание –
Ключ к высоким небесам.
...Выполнил своё задание?
Вот теперь и праздноу сам.

* * *

Если найдёшь минуту – поговорить – скажи мне,
почему семь пятниц в твоём бестолковом режиме,
и отчего, когда ты включаешь свет – запомни –
мне одиноко-горько, и всё равно темно мне?..
Если уж надо так, чтобы жизнь катилась
Мимо меня, к тебе – окажи мне милость,
Не называй дорогих имён, не задевай предметов,
Не оставляй следов, не открывай секретов –
Просто не будь ко мне ближе, чем раньше к тебе была я...
Всё ты, как оказалось, отлично слышишь.
Ну да, я злая.

ЕЛЕНА
ГОСТЕВА

Гостева Елена Витальевна родилась в Вологодской области в 1961 г. В 1981 г. переехала в г. Мегион Ханты-Мансийского АО. По образованию – историк. Журналист, работает корреспондентом в газете «Мегионские новости». Автор шести книг поэзии и прозы.

Лауреат премии за лучшую дебютную книгу 2006 года. Награждена медалью «Югра многолика», награждена медалью международного Союза писателей им. Св. Св. Кирилла и Мефодия, «Премия им. Ивана Лазова».

Член Союза российских писателей. Живет в г. Мегионе.

В Храме

Тысячи трепещущих свечей –
Воздух терпким ладаном пропах.
Гóря нескудеющий ручей.
Сгорбленные старицы в платках.
Ценит жизнь расчетливость и прыть,
Ну а здесь – скопленье разных драм,
Словно все, кто не умеют жить,
В страхе осаждают Божий Храм.
И какой замаливают грех
Нищие, калеки в сём дому?
Коль здесь люди к Богу ближе всех,
Что же столь убоги, не пойму?

– Сыне, знать, душа твоя во мгле,
Стержня веры ты не ощутил:
Ведь сокровища не на земле
Сам Господь собирать всех нас учил.
Ненадёжен наш успех земной,
А души бессмертной путь далек,
Понесешь с собою в мир иной
Только свет, что ты в душе сберег.
И гордыню лучше усмирить,
Поклонись-ка Божьей той рабе,
Чтобы не умеющая жить,
Тихо помолилась о тебе.

Ночь за окном

Ночь за окном. Деревья спят, и спят машины.
Усталый ветер задремал в ветвях крушины:
Ему, возможно, море пенистое снится,
И он, ворочаясь в листве, качает птицу,
Что тоже спит, в крыло уткнувшись клювом тонким, –

Ей через час встречать рассвет напевом звонким...
Вдали, в тайге, не спят взлохмаченные совы,
Они с опаской ждут луч солнца золотого,
От света спрячутся под сень дремучих елей.
...Как мерно двигаются времени качели:
От света к тьме, и от зимы – к шальному лету.
И, Слава Богу, в этом ритме сбоев нету!

Плач

Я не играю роль!
Многие тысячи
мне завещали боль.
Мне её – выкричать,
мне её – выплакать
надо за них,
для их
душ неприкаянных.
Режет вам слух мой стих –
лишку отчаянья?!
Знаю!
Но сколько их,
жизни не видевших,
в схватке с лихой бедой
просто не выживших:
мальчиков, сгинувших
в годы меж войнами.
Вместо поминок им –
песни нестройные.
Девочки юные:
очи – дырищами!
Руки исколоты,
души – похищены.

Разбогатели мы
ныне погостами.
Сколько загубленных

в те, девяностые!
И вековечный лес
просит спасения –
вдоль автострад он весь
в захоронениях!
Щедро плескал палач
русскую кровушку.
Небо над лесом, плачь!
Плачь, чисто полюшко!

* * *

И нищему достались колоски
С чужого поля...
А мне – в полнеба занавесь тоски,
Знак бабьей доли.
Как ни мечусь, не разорвать сетей,
Гнетущей власти;
Нет спутницы удушливо-верней,
Весь свет мне застит.
И рядом с ней – до гробовой доски
Любовь с бедою.
Неужто лишь в России от тоски
Так бабы воют?

* * *

*«Жизнь – обман с чарующей тоскою»
С.Есенин*

«Жизнь – обман с чарующей тоскою».
Чуешь? Черти чертят чертежи.
Чают: всё живое, всё людское
Черною тоскою окружить,

Окружить, опутать, обездолить,
Погрузить в унынье и печаль,
Чтобы подчиненный чуждой воле
Божий свет совсем не замечал.

Черный человек из ниоткуда –
Ближе всё, вот за руки берёт.
Черный человек из ниоткуда –
Льстиво речи черные ведёт.

Чу! Ты чуешь едкий запах серы?
Злобный хохот и звериный вой...
Пропитались стены Англелера
Жуткою тоскою горевой.

* * *

Я жадно вглядываюсь в лица
Идущих встреч.
Пусть с лиц чужих нельзя напиться,
А мне б сберечь,
Постигнуть, что таят их взгляды:
«Да всё путём!»
Но голос дрогнет: «И награды
Уже не ждём».
Обронят пару фраз о деле
И – прочь скорей.
А раньше до рассвета пели
В кругу друзей,
Владели вместе целым небом
И всей землей,
Страх пред жизнью был неведом
В семье большой.
Сейчас все врозь: и в душах – иней,
С оглядкой речь,
И распрямить не могут ныне
Согбенных плеч.

Негромкий шепоток: «Проблемно,
Проблемно жить.
Опять придется денно-ночно
Пахать-ломить».
Пахать-ломить за скудный ужин,
За нищий кров,
А тот простужен, тот – контужен,
Всем – не до слов.
А мимо – в джипах, мерседесах
С канар да мальт
По жизни мчат тяжеловесы,
Гнетут асфальт.

Волчье

Два безумца, на жизнь обозленные,
Волк с волчицей – ведь это же мы –
Помнишь, как пробирались, бездомные,
Мы вдоль каменной черной стены.
Дождь хлестал, мы искали укрытие,
И дразнили нас жизнью иной
Песни, смех, вин и медов распитие,
Звон бокалов в тепле, за стеной.
Нам, клыкастым, дороги заказаны
В тот, собою довольный мирок.
Не любовью – изгнанием связаны,
Не могли мы ступить на порог
Между светом и тьмой. Да и надо ли?
Дождь и снег, в небесах – круговерть,
И казалось, что все муки адавы
Обложили нас, гонят на смерть.
И, зубами от холода клацая,
Обходя, как предателя, свет,
Пробирались мы сквозь декорации
Человеческих мнимых побед.
Вещи, запахи – сплошь иноземные,
Голоса по-иному звучат.

Или те, что здесь жили – все пленные,
 Иль умом стали люди мельчать?
 Мы нашли себе новое логово,
 В глухомани, доступной лишь нам.
 И свое люди губят, и богово.
 Лес по-прежнему служит волкам.
 Он служил бы и людям, как в древности,
 Если б чтили законы его.
 И готовимся мы к неизбежности
 Новых схваток за жизнь – кто кого?

Колдунья

Что-то варится в котле у колдуньи молчаливой,
 Пламя лижет черноту старого котла.
 На поляне лишь она да костер нетерпеливый,
 Робко клонится к воде тонкая ветла.
 Вот колдунья корни трав, шкуры змей
 бросает в воду,
 Рысий коготь, волчий клык, ость орлиных крыл,
 Да с кладбищенских крестов в грозовую непогоду
 В полночь знаки соскребла...
 Много-много сил
 Забирает у нее это зелье колдовское.
 Третьи сутки на ногах, не до сна сейчас:
 Нужно ветер усмирять, подливать в котел настои,
 Да подкидывать дрова, чтоб огонь не гас,
 Да заклятья наложить на все тропки и дороги,
 Чтоб на десять верст вокруг не бродил никто,
 Чтобы даже сам лешак
 не поднялся из берлоги,
 Чтобы с дерева не пал ни один листок.
 Нагуляются еще, а пока пусть не мешают,
 Пусть погаснут над костром трижды три зари.
 Будет сила в зелье том неизмерянно большая,
 Смогут с пользой пить его лишь богатыри...
 Было раз уже такое: дух огня да ветер шалый,

Чуть колдунья утомилась, опрокинули котел.
Ох, и лихо пронеслось по лугам, полям, увалам,
И безумье охватило люд окрестных сёл.
Что творилось там с народом,
даже и припомнить страшно.
Обезлюдил край: тот выжил, кто отсель убёг.
И боится вновь пролить чародейственное брашно,
И заклятья закрутила в путаный клубок.
А остудит, усмирит, разольет по темным склянкам,
Будет мертвым и живым ведьмино питье.
Может, всех и воскресит?
Может, встанем спозаранку:
Возродился край, поет?
Эх, кабы знатьё...

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

С 65-летним юбилеем!

Михайловский Валерий Леонидович родился 13 июня 1953 года в г. Хмельник Винницкой области, Украина, врач.

Окончил Винницкий медицинский институт им. Н. И. Пирогова (1976). Активно занимается краеведением, социально-демографическими проблемами коренных жителей Севера, вопросами этнологии. Организатор нескольких многопрофильных научно-исследовательских экспедиций. Автор более тридцати научных трудов.

Печатался в еженедельниках, журналах и литературных сборниках Югры и России. Автор многих книг прозы. Редактор-составитель коллективных сборников Югры.

Произведения переводились на английский, итальянский и украинский языки.

Член Союза писателей России с 2004 года.

Член Русского Географического Общества.

Награжден медалью АСПУр «За служение литературе».

Лауреат премии Губернатора автономного округа в области литературы Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Лауреат Литературной Премии Уральского Федерального округа, Международной премии «Югра».

Живёт в Нижневартовске.

НА ТОНКОЙ НИТОЧКЕ ЛУНА...

(отрывок из романа)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Звук почтового колокольчика появился также внезапно, также вдруг, ниоткуда, как и оленья упряжка с запорошенным путником на грузеной нарте, вынырнувшей из темноты. Встречный ветер до последнего уносил вспять колокольчиковый звон. Залаяли собаки, оповещая хозяев о ночном госте. Они-то давно уловили приближавшуюся упряжку и, робко влаивая, будто от неуверенности, уже передали людям предчувствие своею настороженностью. Кто же не замечал за собой то странное состояние, когда звук, вдруг возникший в тишине ли, в кромешной темноте ли, будит в приникшем сознании самые разные чувства от тревоги и испуга до благодушного умиротворения. Все зависит от предчувственного ожидания.

Не успел Мыртя Уккувич отряхнуть набитый ветром снег с малицы и лохматой шапки, как из ближайшего чума вышел, словно выкатился из-под снега, невысокий коренастый человек с керосиновой лампой в руке. Лампу он задирали высоко над головой, словно пытался осветить всю округу, но свету хватало только на то, чтобы отделить от ночного мрака его небритое лицо, наспех накинутую малицу да снег под ногами. От нарты лица не разглядеть, но Мыртя сразу узнал своего друга Тэранго: он всегда раньше всех выскакивает на улицу, встречая почту.

– Здоров будь, Тэранго. Мыр твоему дому.

– Здоровый будь, Мыртя, ждем тебя уже третий день, – прохрипел спросонку человек с лампой.

– Я бы еще вчера приехал, но буран шибко разгулялся. У соседей ваших переждал... У Яптуная ночевал.

– Жена его как? Поправилась?

– Бегают уже так, что не догонишь, – шуточно ответил Мыртя, остукивая малицу и кисы короткой палочкой.

Из других чумов стали подтягиваться мужчины, потом выкатывали женщины, а за ними и дети. Скоро все население стойбища собралось вокруг почтовой нарты. Не сговариваясь, мужчины сняли уже отвязанные почтальоном тюки и поочередно друг за другом нырнули в чум Тэранго. Только сестра Тэранго – Устина не вышла на улицу. Она уже разожгла очаг, повесила большой чайник над огнем, настрогала тонкими пластиками мороженую нельму для гостей.

В тепле да при свете трех керосиновых ламп разобрали почту быстро и расселись вокруг стола. Мужчины зашелестели газетами. Старый Кути Ачемович напялил свои огромные очки на кончик носа и уставился в развернутую «Правду». Развернул газету и Тэранго, но его постаревшие глаза различали только фотографии и заглавия статей. Газетный шрифт он уже второй год читать не может. Он не без зависти посмотрел на Кути Ачемовича. Тот, как обычно в минуты занятости важным делом, причмокивал беззубым ртом. Так уже повелось, что очки все же достанутся и Тэранго, но только после того, как его старый сосед прочитает газеты, и своей нетерпеливостью стряхнет с новостей сладкую пыльцу предчувственного ожидания. Старый Кути, почувствовав на себе тяжелый взгляд соседа, повернулся к нему. Сняв очки в черной оправе, скрепленной синей изолентой и перевязанной замасленным шнурком, протянул, скрипнув по-стариковски:

– На, возьми очки, Тэранго. Шибко темно у тебя, ничего не вижу все равно.

Место старику действительно досталось далеко от керосиновой лампы. Он не спеша сложил газету вдвое, потом еще раз, прилепнув ладонью с размаху кучу своей корреспонденции. Взяв в две руки кружку с горячим чаем, сладко потянул со звуком воркующего ручья кипятка.

Тэранго принял из рук старика очки, словно священный бубен из рук Великого Шамана, и, то ли от переполнившего божественного чувства, возникшего вдруг от того, что сможет узнать новости раньше старика Кути, то ли по случаю прибытия почты, он строго, но так, чтобы не переборщить, сказал сестре:

– Налей, сестричка, бражки мужчинам, пусть выпьют. День сегодня хороший – почта пришла.

– А у женщин что, не праздник? Женщины тоже выпьют, если тебе не жалко, – пропищала молодая разбитная соседка, и женщины дружно хохотнули, как бы поддерживая ее.

– Тэранго не жадный, всем хватит. Устя, первому Мыртя налей – пусть согрется с дороги.

Устина поставила на стол ведро, зачерпнула мутной жидкости в большую эмалированную кружку, подала почтальону.

– Кто хочет, сами возьмите, – сказала Устина приноровисто, мол, не буду же я каждому бражку черпать да подносить. И сидящие за столом мужчины и женщины начали по очереди зачерпывать кружками, освободившимися от чая, побрякивая о боковину ведра.

Мыртя, устремив задумчивый взор к коптившей лампе, держал кружку двумя руками, как прежде держал горячий чай, выжидая, когда все наполнят свои чаши веселящим напитком. И только когда гомон улегся, когда умолкло жестяное поскрёбыванье кружек, и когда в чуме наступила тишина, он тихо, но так, чтоб слышали все, сказал, как бы затягивая слова:

– Скоро, однако, вертолетами будут почту возить – слышал от людей... – и сказанное словно оборвалось, будто не знал, как дальше вести разговор с земляками обычно говорливый Мыртя. Будто в горле застряли слова. – Да и стар я стал, тяжело уже по всей тундре колесить. Другого человека, наверное, поставят.

– Не согласные мы на другого, – тихо сказал старый Кути.

– Вертолет в пургу да в сильный ветер не полетит, а у нас, почитай, ни один день без ветров не обходится, а дорогу ко всем стойбищам только ты знаешь, – поддержал его Тэранго.

– Никто нас не будет спрашивать. Как скажут, так и будет. Главное, чтобы почту возили исправно. Может, оно даже лучше будет: вертолетом-то быстрее, ну и чаще доставлять будут. А что я могу сделать? Один раз в месяц и то не получается, – продолжил, будто оправдываясь, Мыртя.

– Мы так привыкли, нам и так хорошо, – вступил снова в разговор Тэранго, оторвавшись от газеты. – И где они столько вертолетов возьмут? Они тут у нас шибко редко появляются,

а раньше их и вовсе не было. Это там – на Самотлоре, – Тэранго, махнув рукой в сторону полуденного солнца, обвел присутствующих взглядом, – где нефть добывают, вертолетов, как стрекоз у нас в летнюю пору...

– Да-а-а, в газетах только и пишут о том, что есть такое озеро Самотлор, а в том озере нефти столько, что на всю страну хватит. Так там этих вертолетов много! О том и люди говорят и в газетах пишут, – поддакнул Кути. – Вот только далеко ли это озеро? – спросил он и потянул сладко бражку, встретившись глазами с Тэранго.

– Далеко, говорят. На оленях дней десять, а может, и двадцать, а то, может, не одна луна взойдет... Вот как может быть... Никто из наших там еще не бывал. Только нефть-то не в озере, а под землей, – возразил Тэранго. – У нас в тундре тоже ищут, говорят, нефть или газ, – он задумчиво посмотрел в сторону двери.

Тэранго окончательно оторвался от газеты. Да разве до чтения сейчас, когда такой важный разговор повелся?

– Ну, до нас далеко, к нам не скоро придут, – возразил старый Кути.

– Раз вертолеты появились над тундрой – значит, ждать не долго, – возразил неуверенно Хойко.

– Да, сын, о том тоже пишут в газетах. Говорят, газ под нами есть, – поддержал сына Тэранго.

– Куда потом с оленями? – тревожно спросил Николай.

Кути тягучим взглядом посмотрел на сына, задавшего такой непростой вопрос – он подумал о том же.

– Не нарушат ли пастбища пришельцы? Не распугают ли оленей вертолетами? – спрашивал он, оглядывая молодых оленеводов: на них теперь надежда.

Да, не раз старый Кути связывал в одну ниточку газетные новости о самотлорской нефти с появившимися над тундрой вертолетами, и всегда в такие минуты его думы простирались к Священному Камню, к стадам оленьим... На милость богов надеялся. Не было у него пока ответов на возникшие вопросы.

Возникла тревожная предчувственная тишина. Каждый о своих оленях подумал. Захлюпала в кружках бражка, запокряхтывали старики; молча смотрели в никуда перед собой моло-

дые. Даже женщины, съезжившись, словно куропатки, сидели тихо. Каждый думал о главном: об оленях, которые привыкли к путям сезонных переходов, о семьях, послушно следующих дорогой оленей, об упокоившихся родственниках – не потревожили бы пришлые их могилы, о зверях в тундре и о рыбе в реках... Подумали о святых местах, чистоту которых необходимо сохранить, дабы Духи Земли сохранили свою благосклонность к людям. О чистоте воды в Большой реке подумали...

Тема разговора не то исчерпалась, не то не нашла продолжения по другой причине. Тревога и недоброе предчувствие связали языки.

Скоро перешли на свое, привычное: весну уже не долго ждать: пришли первые светлые дни, нужно готовиться к весеннему касланию¹. Дождались, наконец, солнышка, по которому соскучились и старики, и дети, и олени, и молодые оленеводы. Показало уже оно свой золотой бочок, потянулись по тундре длинные тени, покатился по далеким пригоркам огненный шар, словно мчится на оленьей нарте. И пойдет кружить солнечная нарта, скользя по горизонту, по низким верхушкам ельника, что растет вдоль реки, выезжая все выше и выше. И запоют первые птицы, захвочут куропачи, по ельникам вдоль ручьев сойдутся в поединках могучие глухари... И заполнится тундра лебедиными песнями, журавлиными курлыканиями, захлопают натруженными крыльями в соседнем ручье утки, гусиный гогот зальет проснувшуюся тундру...

Из трех керосиновых ламп одна погасла, две оставшиеся замигали, как бы подсказывая хозяевам, что нужно подрезать фитили и подлить керосину. Разговор разгорелся с новой силой, как костер после сухих дров. Молодые мужчины и женщины наперебой перебирали свои истории, связанные с весной, с первыми лучами солнца. Старики откинулись на оленьи шкуры, отдыхали, вяло вступая в разговор все реже и реже. Уже уснул старик Кути. Усталость сморила и Мыртя, который уронил голову на стол; когда наступала короткая пауза, все могли «насладиться» его бархатистым храпом.

1 Каслание – кочевье оленьего стада с погонщиками.

– Я как-то поймала лучик рукой, – писклявым голоском пыталась прорваться сквозь мужские басы жена младшего сына Тэранго.

– Удержала? – хохоча, и как бы с издевкой, спросил Хойко, – ручки не обожгла? Что-то я не видел на твоих ручках следов от ожогов.

– Я тогда была совсем маленькая, правда. Я маме тогда рассказала, и она мне поверила, а вот ты никогда не веришь, – и она надула свои симпатичные губки.

– Ты зря обидел Аснэ – она правду говорит, – вступился за невестку Тэранго. – Человек может и ветер поймать, и луч солнца погладить, и тучи потрогать. От него зависит. Ты же только оленя можешь поймать да медведя заломать. Ты – мужчина... А вот когда был маленьким ребенком, сам мне солнышко на ладошке приносил, ветер руками обнимал, луну хореем трогал. Не помнишь?.. Короткая у тебя память.

II

В чуме наступила тишина. Похрапывал уснувший Мыртя. Висевшая над столом лампа зашипела, ярко вспыхнув, через минуту захлебнулась, изрыгнув из своего нутра черный вонючий дым. Стало заметно темнее.

– Все, пора расходиться, – тихо, но властно сказал Хойко. Старый Кути вскинул седую голову, осмотрелся мутным сонным взглядом; Мыртя же, видимо, сморенный долгой дорогой, не шевельнулся.

– Останься, сын, мне с тобой потолковать нужно.

Все, также как зашли дружно в чум, также бесшумно и быстро покинули его. На улице никто не нарушил тишину громким словом, криком: словно растворились в темном зеве тьмы.

– Завтра поедем к реке... – обратился к сыну Тэранго.

– Почему завтра? Мы же собирались на следующей неделе...

– Не перебивай, – грубовато осек сына Тэранго, – ты все ветер норовишь обогнать, ты все впереди оленя побежать хочешь... Научись уже терпению, мужчина... Нужно притащить

тот кедр, что мы выловили весной. Облас² хочу успеть до начала каления сделать. ... Хотя, куда мне спешить? Я в этот раз с вами на летние пастбища не пойду, сделать успею, – он посмотрел в глаза сына, задумался.

Хойко не рискнул задать вопросы, которые уже вертелись на языке: зачем спешно рубить облас, тем более что старый еще хорош, почему отец решил остаться здесь?

Прочитав эти вопросы в глазах сына, Тэранго произнес тихо с оттенком не то смущения, не то неуверенности:

– За очками пойду, – голос будто потерял твердость и привычную зычность, – я давно хотел себе очки купить.

Наверное, впервые за всю свою жизнь сын так посмотрел на отца. В своем ли он уме? Куда, зачем? Неужели нельзя обойтись без очков?

– И далеко ли собрался, отец? – спросил сын с нотками иронии в голосе.

Отец, выдержав паузу, возникшую от своей же растерянности, продолжил:

– Далеко. Ты уже слышал про такой город Нижневартовск, ну, где нашли нефть? – Тэранго почувствовал себя неловко, будто оправдывался в чем. – Посмотреть хочу как нефть добывают... Как люди там живут...

– Слышать-то я слышал и про Нижневартовск, и про Самолор, все газеты об этом пишут, но путь неблизкий, да и дорогу как найдешь?

– Рассуждаешь так, будто не в тундре родился, будто и не ненец... Эх, молод ты еще... Дорога сама покажет, куда идти. Есть солнце, луна, звезды, есть небо, облака, река, есть люди... Видишь сколько помощников? Нужно знать куда идешь, и главное – начать свой путь, сделать первый шаг... С оленями и без меня справишься. Какой теперь с меня помощник... А мне и заботиться теперь не о ком, я вольный, как птица... Только не радуется меня такая воля, – тихо продолжил он, чтобы сын не услышал. Еще не зажила рана после смерти жены, хотя две зимы уже миновало.

2 Облас – сибирская гребная лодка-долблёнка, используемая коренным (ханты, манси, кеты) и старожильческим русским населением Западной Сибири и Средней Сибири на таёжных реках. Изготавливается без киля.

- Не знаю, что и сказать, отец...
- А ничего не говори. Я уже все решил.

Хойко, пожелав отцу спокойной ночи, вышел из чума, прикрыв за собой оленьей шкурой низкий выход.

Устина быстро собрала со стола посуду, кружки, вымыла в большом тазу, и тихо улеглась на своей женской половине. Наступила полная тишина. Тэранго, подладив фитили в лампах, зажег одну у края стола, удобно не то уселся, не то улегся на своем лежаке и, пользуясь тем, что очки остались у него, решил почитать газеты. Так редко бывает, чтобы он раньше старого Кути узнавал новости. Он развернул «Правду» и погрузился в чтение.

«08.01.1973 года из космодрома Байконур, – читал Тэранго, – осуществлен пуск ракеты носителя «Протон-К», которая вывела на траекторию полета к луне автоматическую межпланетную станцию «Луна-21» с самоходным лунным аппаратом «Луноход-2». 12.01.73 г. Советская Автоматическая Межпланетная Станция «Луна-21» была выведена на орбиту вокруг Луны. Параметры орбиты составляют: наклонение орбиты к плоскости Лунного экватора – 60 градусов; период обращения 118 мин.; минимальное расстояние от поверхности Луны – 90 км, максимальное расстояние от поверхности Луны – 110 км».

После прочитанного Тэранго поднял глаза к отверстию над очагом. Сквозь сизую дымку размывалось темное пятно. Он начал перебирать другие газеты, заранее зная, что ищет.

«15.01.1973 г. Советская автоматическая межпланетная станция «Луна-21» совершила мягкую посадку на поверхности Луны на восточной окраине Моря Ясности внутри кратера Лемонтье в точке с координатами 25 градусов 51 минута северной широты и 30 градусов 27 минут восточной долготы. На поверхность Луны доставлен автоматический самоходный аппарат «Луноход-21», который в течение 5 лунных суток прошел 37 километров».

Это уже не было новостью для Тэранго, ибо он слышал неоднократно по радио об успешном запуске нашего космического корабля, о доставке на Луну самоходного аппарата, но одно дело услышать, а совсем другое – прочитать в газете.

Тэранго вышел на улицу, захватив зачем-то очки. Вьюга давно утихла, небо вызвездилось. Низко над линией, отделяющей землю от неба, висела огромная Луна, собравшаяся вот-вот уйти под землю. Он смотрел тягучим взглядом на яркое, набравшее красноты пятно. Сейчас Луна очень походила на бубен.

Тэранго начал пристально вглядываться в светящийся бубен, пытаясь разглядеть луноход. И ему даже показалось, что он видит темную точку – ползущую маленькую букашку. Глаза начали слезиться от напряжения, и он, нацепив очки, присмотрелся, вытягивая шею, но очертания Луны расплылись, букашка исчезла.

Тэранго зашел в чум. Все уже спали, а он, рассматривая фотографии лунохода в газете, поднимал вновь и вновь глаза вверх. Можно было перечитывать и перечитывать заметку в газете, и это доставляло старому человеку истинное наслаждение. Так и уснул он в обнимку с газетой с блаженной улыбкой на устах

Утром он долго не мог найти очки. Оказалось, они упали со столика. Тэранго достал их, протер тряпочкой. Он даже поёжился от мысли, что кто-то мог наступить на очки, сломать их.

– Нужно отнести очки старику Кути, – тихо сказал Тэранго, – но он еще спит, наверное.

– Сам прибежит, – ворчливо скрипнула сестра, уже кружащая вокруг разгорающегося огня.

Проснулся Мыртя. Он, уморенный долгой дорогой, только сначала немного похрапывал, а потом спал так тихо в своем углу, что казалось, его вовсе нет в чуме. Услышав голос Устины и бормотание своего друга, он приподнялся на локте, не решаясь, однако, выползть из-под одеяла.

– Подкинь дровишек в огонь, Устя, а то зябко, – промолвил он сильным после сна голосом.

Устина и без его напоминания уже подбросила несколько поленьев, но они еще не успели воспламениться животворным огнем.

– Сейчас разгорится. Скоро чай будет, – по-деловому сказала Устина. – Рыбки настрогать? – спросила она.

– Не откажемся, – сказал Мыртя.

– От нельмы не откажемся, – подтвердил Тэранго.

Мужчины, конечно же, согласились с таким предложением. Правда, и вопрос женщины, и ответ мужчин, скорее всего, служили не более чем утренней словесной разминкой. Женщина уже занесла в чум большую нельму, чтобы немного оттаяла. Ловко содрав шкуру с рыбыны, она острым ножом начала снимать белую стружку, укладывая завитушки в большую миску. На столе уже стояла глиняная посуда с разогретым гусиным жиром и плавающими в нем шкварками. Мужчины подсели к столу.

– На Большом озере стреляли гусей? – спросил Мыртя, макая хлеб в гусиный жир.

– На озере. Старый Кути только не ходил с нами. Первый раз за все время.

– Да-а-а-а, – протянул Мыртя, – постарел наш Кути, сгорбился.

– Осенью совсем худо было. Думали, не выживет, но как-то справился, значит, поживет еще.

– Раз боги терпят его, значит и людям еще нужен, – Мыртя взял белую стружку нельмы.

– Как не нужен? Нужен. Хоть и спорим мы с ним иногда, но то в основном из-за газет.

– А что из-за них ругаться да спорить? – искренне удивился Мыртя, хотя знал, почему иногда устраивают разборки меж собой старый Кути и Тэранго.

– Так он прочитает первым и растрешит всем о новостях, как сорока, а мне потом и читать неинтересно. Очки-то одни, вот по очереди и читаем.

– Только и споров-то?

– А о чем нам еще спорить? Всю жизнь вместе. Он как-то сказал: помру, очки себе заберешь. Но мне так не нужно. Сам куплю себе очки, – Тэранго уставился на огонь, – ему самому пригодятся они в Нижнем Мире. Там негде купить...

– А ты где купишь?

– В Нижневартовске...

И Тэранго снова уловил такой же взгляд, как вчера сыновний.

– Хочу посмотреть, как нефть добывают. Так много пишут про Самотлор, про Нижневартовск. Интересно, как люди живут, – продолжил Тэранго.

– Это же далеко...

– Ну да, далеко, но, однако, не дальше мысли, – сказал Тэранго и задумался.

– Да-а-а, – протянул Мыртя.

– Наши на Луну луноход забросили. Читал? – спросил Тэранго.

– Читать-то читал... Это уже второй... Но понять не могу, как такое может быть, – Мыртя задавал вопрос, а сам думал о том, что друг его решился на долгий путь в никому из его народа неизвестный Нижневартовск.

И, зная Тэранго с самого детства, Мыртя не сомневался, что скоро ступит он на тропу долгих скитаний. Нет, Мыртя не тревожился по поводу того, а не собьется ли с пути Тэранго, не заплутает ли в таежных лабиринтах там, где растут большие деревья, из-за которых не видно бывает ни луны, ни звезд, где живут незнакомые люди... Мудрый Мыртя знал, что дорога сама покажет правильное направление. О другом с сожалением думал – о том, что не сможет разделить с товарищем этот путь.

– Раз пишут, значит, «может быть». Вот это далеко, а ты говоришь Нижневартовск далеко, – сказал Тэранго, вернув друга к действительности, и начал набивать трубку табаком.

– Да-а-а... – протянул Мыртя, не зная, чем возразить, продолжая думать о своем, – задумал, ты, значит – в Нижневартовск? – повернулся он к своему другу, посмотрев пристально в глаза.

– Да. В Нижневартовск, – твердо ответил Тэранго.

После чая Мыртя стал собираться в дорогу.

– Пора ехать. Отдохнул я хорошо, спасибо тебе.

Выходя из чума, Тэранго снял с крючка аркан.

– Тоже куда-то собрался? – спросил Мыртя, заметив аркан для ловли оленей в руках Тэранго.

– Поеду на реку, притащить кедр нужно для нового обласа. Прошлой весной в большую воду такой добрый кедр прибило...

– Старый, что ли, прохудился? – перебил своего друга Мыртя.

– Нет, старый облас у меня еще добрый, но мне нужен побольше, на пять-шесть лебедей.

– Толстый кедр нужен, однако, – Мыртя с пониманием отнесся к желанию Тэранго сделать большой облас.

– Этот кедр такой, что втроем не обхватить, – Тэранго развел руки.

– Видел я этот кедр. На обратном пути заеду – помогу облас долбить, – сказал Мыртя, закрывая за собой выход из чума.

III

Мыртя пошел в сторону редкого низкорослого ельника, где паслись его олени. Это ягельное место хозяева берегли и не пускали туда стадо. Там в корале среди других оленей паслись и его ездовые.

Поймал Мыртя своих оленей быстро. Подведя их к нарте, надел на них упряжь, еще раз проверил поклажу – хорошо ли увязана; ловко прыгнул в нарту, и олени с места бесшумно и легко умчали его в бело-синюю мглу. Взлаяли собаки для порядка, провожая упряжку, но тут же смолкли в ожидании кормежки. Они уже привыкли к определенному распорядку – начиналось утро.

Упряжка почтальона, вырезав пологую дугу вокруг стойбища, вскоре скрылась из виду. Бегут неторопливо олени, тихо шуршат полозья нарты. Наездник-каюр умело направил упряжку в нужную сторону, ориентируясь по только ему известным приметам, а, может, полагаясь на то чутье, что вырабатывается долгим и тяжелым опытом пройденных дорог. Он отметил, что стало светлее. Словно медь раскаленная растеклась по самому краю земли, оттого и ночь разбавлялась несмелым пока светом. Нарождающееся зарево над ровной линией горизонта подсказывало, что скоро, очень скоро вылупится долгожданное солнце, как птенец из яйца, чтобы, только показав свой бочок, тут же нырнуть снова за линию земли. Каждый день солнце будет задерживаться все дольше и дольше, пока золотая нарта не выйдет на свой круговой путь. Нарта Мыртя как раз направлялась в сторону светлой полосы между небом и землей. Казалось, что нет ориентиров, нет никаких особых примет в этом бескрайнем бело-синем пространстве, не за что зацепиться глазу, нет возможности найти

верную дорогу. Но так может показаться только неопытному путнику. Старый почтальон верно выбрал направление на светлую линию горизонта, на еле заметную возвышенность. Он точно знает, что через какое-то время ему встретится одинокий каменный валун, неизвестно каким образом очутившийся далеко от гор, потом нужно повернуть немного левее, и появится редкий ельник, кустарники тундровой карликовой березы. Там обычно встречаются куропатки, сбивающиеся в огромные стаи. Это любимое место для лис и песцов. Затем последует распадок небольшой реки, длинный спуск, густые заросли кустарников у самой реки и затяжной подъем. Мыртя, чтобы не уснуть, затянул песню. Горловой звук его песни смешался с монотонным звуком колокольчика. Пел он о том, что у его друзей Тэранго и Кути чумы стоят на том же месте, где и в прошлую зиму и олени пасутся на тех же пастбищах, и о том, что боги пока милостивы к больному Кути, и просил он в своей песне здоровья старику, который всю свою жизнь знал одно дело – пасти оленей, что вырастил он четверых детей, что дочери сейчас далеко ставят чумы своим мужьям, но летом они встретятся на берегу Северного моря, куда погонят стада и Кути с сыном Николаем, и мужья дочерей старика. Там и встретится большая семья. Пел и о том, что в следующую зиму поставит ему жена чум рядом с чумом своего друга Тэранго. В песне его нашлось место и непонятному решению Тэранго пуститься в тяжелый, полный опасностей путь до неведомого города Нижневартовска за очками. Когда взор его убегал так далеко, что доставал земли спину³, он ловил мелькающие сквозь редкий ельник лучи солнца. Он пел о золотой нарте, появившейся совсем ненадолго. О солнце пел он, кружащем долгую зиму там ниже черты земли, но, поднимаясь все выше и выше, является оно людям, оленям и всему живому. И радостно танцуют женщины, и прыгают от радости дети, и даже суровые мужчины не могут скрыть радости, кружа вокруг костра жизни. И шаманы непременно ударяют в

3 Важную роль в ненецких пространственных представлениях играет понятие маха (спина): выражение я-маха означает земли спину – изгиб горизонта, хорошо просматривающийся в белесой тундре; подобный смысл имеет и образ ид-маха (воды спина), создающийся при взгляде на «тот край» моря.

свои бубны, возвещая новый день, новую весну. Вот и недавно встретили новое солнце. Вот о чем пел Мыртя.

Разбежались из-под нарты куропатки, проквохтав глухо, и скрылись в зарослях карликовой березы. И уже песня его повернула в другую сторону: он пел о весне, о птицах, которые так ждут ее – светлоглазую золотосветую весну; о том, что скоро тундра наполнится разноголосым птичьим переливом... Конечно же, круглосуточно будут квохтать куропатки, затрубят в небе длинношеие лебеди, закурлычат журавли и закрывают громко быстрокрылые утки, загогочат гуси. Кулики затанцуют вдоль разливающихся речек, зашумят ручьи и заплещется рыба в реках. Обо всем этом пел Мыртя, подражая разными голосами и птицам, и зверям.

От опытного каюра не могло ускользнуть то, что олени начали подавать признаки усталости: бег их стал не так резв, а вожак стал оглядываться и характерно фыркать. Нужно было искать место для отдыха. И вот небольшой взгорок перед очередным ручьем. Мыртя остановил оленей, спустившись, однако, к распадку, чтобы укрыться от ветра. Он уже привычно привязал узду передового оленя к левому копылу нарты⁴. Олени тут же принялись копытами разбивать плотный наст, жадно хватая ягель вперемежку со снегом.

Мыртя отвязал матерчатый мешок, перетянутый веревкой, извлек из него кусок чищенной мороженой рыбы, вяленую оленину, круглый, как солнце, хлеб, испеченный для него Устиной. Достал также старый, повидавший виды китайский термос, помещенный в меховой мешочек, сшитый руками жены. На дощечке он настрогал белоснежную нельму. Готовил свой обед Мыртя не спеша, понимая, что и оленям, и ему требуется отдых.

Когда ночь длится чуть ли не два месяца, и когда призрачность света уже приобретает какие-то явные очертания, когда хоть ненадолго появляется солнечный свет, все живое наполняется предощущением перемен. И пробуждающаяся природа в этом сизо-голубом мареве подает первые сигналы к возро-

4 Это делается для того, чтобы не потерять оленей на стоянке. Таким образом, привязанная узда работает, как повернутый руль машины: даже если испуганные с места, они будут бегать по кругу. (А. В. Головнев)

ждению нового витка жизни, как было прежде многие столетия, и как будет продолжаться впредь. И эти первые признаки надвигающейся весны от внимания Мыртя не ускользнут. Уже и куропачи заклохотали, олени сбросили рога и стали комолыми. Только важенки еще не потеряли свои рога. Мыртя решил немного отдохнуть и, готовя себе место под кустиком карликовой березы, отметил, что цвет ее коры еще не изменился, и почки не утолщились. Стало ненадолго светлее, но солнце, показавшее свой золотой бок, торопливо спряталось за линию горизонта. И все же света стало больше. День, ночь, свет, тьма... Но даже в самую долгую полярную ночь люди спят столько же, как и в полярный день, никогда не теряя ощущения дня в крошечную темень, и ночи, когда солнце вертится вокруг чума все двадцать четыре часа. И не просто так без причины пришли такие мысли в голову старого каюра. Вспомнился разговор с одним ученым, приехавшим в тундру изучать, как он говорил, феномен полярных ночей. Ему никак невозможно было разобраться, где же суточное «размежевание дня и ночи», если «все время темно». Как люди в тундре определяют, когда им спать, а когда работать. Чудак-человек, усмехнулся Мыртя, вспомнив его глуповато-недоуменное лицо, когда на вопрос: – «Вот сейчас день или ночь?» – жена Мыртя ответила: – «Сейчас утро». Ученый при всем своем просветленном уме долго хлопал глазами, спросил: – «А откуда вы знаете?» – «Очень просто, – ответила жена, – мы же только что проснулись, скоро будем завтракать, а завтракают утром». Смеялись все: и соседи, забредшие на огонек, узнав о госте, и дети, и внуки, и, наконец, сам ученый так расхохотался, что его еле уняли.

Мыртя встревожило то, что ветер совсем утих, а это могло предвещать смену ветра на южный. Ждать от южного ветра в эту пору можно только ненастье и пургу. Уснул Мыртя с тяжелой думой о предстоящей смене погоды. Так и случилось уже скоро, сквозь сон он ощутил на лице сырость от растаявших снежинок. Поднявшийся ветер закружил снежную пыль в бешеной круговерти, вокруг стало темно. Олени улеглись. Их быстро укрывало белым снежным налетом. «Пусть отдохнут еще немного», – подумал Мыртя. Сам же разгреб снег за оленями и лег, защищенный от ветра. Он, умудренный опытом, понимал,

что спешить сейчас не следует: такой буран – это надолго. «Вот приходится ночевать в куропачьем чуме», – вздохнув, подумал Мыртя, засыпая.

Любой человек мог бы растеряться, оказавшись среди бескрайней тундры, среди такой кромешной тьмы, когда вокруг не видно ни зги, когда сердце больно замирает от мысли, что все кончено. Но Мыртя, поправляя сбрую на оленях, отряхивая снег с нарты, являл собой образец уверенности и невозмутимости. Он не чувствовал себя безнадежно одиноким человеком, как и, впрочем, потерянным в этом безбрежном мире бушующего бурана. Он точно знал, куда направить свою нарту, а путь его лежал в сторону Восходящего солнца. Нарта легко тронулась с места и бесшумно ушла в ночь, вернее будет сказать – в темень, ибо только три часа, как перевалило за полдень. «К вечеру бы добраться до стойбища», – все же с тревогой подумал Мыртя. Он знал, что полпути пройдено, но в такую пургу может понадобится гораздо больше времени, чем обычно. Тут главное не пройти мимо стойбища, не отклониться слишком вправо, потому что оказавшись с наветренной стороны, олени не учуют стойбище. Но даже если он промахнется, дальше пасутся стада Иуси Афанасия, олени мимо стада уж точно не пробегут. Об этом и думал Мыртя, сидя на нарте, отвернувшись от ветра и косого секущего снега. Олени шли почти шагом: местами между кочками или мелкими кустарниками намело снегу плотными наметами. Выбравшись на ровное место, где снег не задерживался, нарта ускорила свой ход. Мыртя снова затянул песню, но она была уже не так энергична и оптимистична, голос его тонул в снежном мареве. Пел он о тяжелой дороге, о том, как тяжело оленям в такую пургу, да и самому каюру лучше бы сидеть сейчас в теплом чуме и пить горячий чай. Привыкли олени к песне старого почтальона. Бегут они резвее там, где снег сдуло с вершинки возвышенности, а местами совсем переходили на шаг, преодолевая глубокий снег в низинах. А каюр все пел, отворачивая лицо от ветра и секущей снежной крупы.

Передо мной стелется мост из летящего снега
От земли и до самых небес.

Хозяин Земли и Хозяин неба здесь встретились,
 Они помогут мне и моим оленям найти дорогу.
 Нигде не видно тропинок, спрятались звери,
 Спрятались птицы в свои снежные чумы,
 Пережидая буран...
 Моя нарта летит по небесной земле туда,
 Где ждет меня семейство Нгокатэтто,
 Где стоят их теплые гостеприимные чумы...
 Где благодатный огонь отдает свое тепло,
 Освещая лица их хозяев...

Устали уже олени, устал и Мыртя, заоченели ноги и спина от долгого сидения без движения. Он прервал песню на полуслове. «Легче дрова таскать, легче невод тяжелый тянуть, чем так долго сидеть неподвижно», – думал Мыртя. Вдруг он заметил, как передний олень характерно встряхнул головой раз, потом снова. Верный признак того, что уловил запах стойбища. Мыртя повернул оленей правее. Можно было этого и не делать, так как вожак уже начал поворачивать в нужную сторону. Вскоре и сам Мыртя уловил запах дыма. Олени побежали резвее, предвкушая отдых.

IV

Уже скрылась из виду упряжка Мыртя, уже не слышно колокольчика, а Тэранго все не может оторвать взгляд от светлой полоски в стороне Восходящего солнца. Тревожился ли он о своем друге, умчавшемся в синюю мглу? Нет, никакой тревоги он не испытывал. Мыртя был опытным наездником-каюром, и в тундре ему ничего не угрожало. Жизнь научила его всем премудростям кочевой жизни. Думал Тэранго о том, что вот приходится уже немолодому Мыртя колесить по тундре вдали от дома, ночевать у чужих очагов чаще, чем в своем родном чуме; что силы человека небезграничны, и что когда-то не сможет Мыртя отправиться с почтой в путь по стойбищам. На этом месте мысль будто застряла, не находя продолжения. Снова подумалось о назойливых вертолетах.

Подошел Хойко.

– Моя упряжка готова, – сказал он, кивнув в сторону своего чума.

– Вижу.

– Дедушке Кути совсем плохо. Утром сноха прибежала за лекарствами, – в голосе сына читалась тревога, – я вот только из его чума. Тебя зовет...

– Пойду, навещу. А ты пока мою упряжку приготовь. Нарту грузовую возьми, – на ходу бросил Тэранго, почувствовав, как холодеет в груди.

Старый Кути лежал на своем месте, укрытый одеялом, хотя в чуме было довольно тепло. Лицо его казалось бледнее обычного, глаза уставились в одну точку. Даже когда Тэранго зашел в чум, тот не повернул голову.

– Здоров будь, Кути, – сказал громко Тэранго.

Только теперь глаза старика встретились с глазами вошедшего соседа.

– Здоров будь, – тихо, еле слышно вымолвил Кути.

В чуме повисла тяжелая тишина. Даже всегда веселая и говорливая невестка молча сидела в своем углу, опустив голову. Лица ее не было видно, но можно было догадаться, что она тихо плачет. Уж очень скорбно сидела она. Все знали, как по-доброму, по-отцовски принял невестку Кути, как она отвечала взаимностью ему.

– Пришла пора уходить в Нижний Мир, – также тихо сказал Кути, но как громко прозвучали его слова, словно раскаты бубна оглушили Тэранго.

– Осенью ты тоже болел, но выздоровел, – попытался возразить Тэранго.

– Да, Тэранго, осенью я болел, а сейчас умираю: нет сил удержаться на земле. Мне уже показалась Си-Нга ...красавица уже у моего порога... – наступила тишина. Старик собирался с силами, чтобы произнести, может, главные слова:

– Я видеть тебя хотел... Возьмешь очки, мне они уже не нужны, – и старик закрыл глаза.

Тэранго хотел возразить, что, мол, еще выздоровеешь, еще прочитаешь много газет, но не вымолвил ни слова, потому что язык прилип к зубам, потому что сдавило горло, потому что не нашел в себе сил открыть рот. Он смотрел на бледное лицо сво-

его старшего товарища с чувством не то горечи, не то жалости, не то простого человеческого сострадания. Глаза старика вдруг открылись, и он мутнеющим взором нашел своего друга.

– Помнишь, мы были у Лона Земли, у священного Невехэге... Я тогда у Камня оставил старый бубен Абчи. Он ночью тогда явился ко мне и сказал: «Ты, Кути, до белых седин доживешь». ...Там у Камня я нашел три медвежьих клыка. Один зашит у меня в малице, другой – у моего сына, а третий вот... – Кути разжал кулак, – это твой, возьми. Ты тоже до седин доживешь. Не бойся ничего, соверши то, что задумал, Седой Старик тебе поможет. Он сам мне сказал, – глаза Кути каким-то неестественным образом закатились, и он замолчал, дыхание прервалось, ноги его вытянулись, достав до металлического листа, что подстелен был под очагом.

Потрясенный случившимся, Тэранго вышел из чума. Нет, смерть его не испугала. Он ее видел. Сколько родственников похоронил, и жена тоже покинула этот мир не так давно. Его потрясли слова старого Кути, который, оказывается, так дорожил дружбой с ним. Тэранго держал зажатый в руке медвежий клык. Чувство смятения и благоговейности, безмерной благодарности наполнило его душу. Он столько лет хранил его – этот оберег, эту святыню – и ждал часа, чтобы передать другу.

Только теперь он заметил мчащуюся со стороны пастбища упряжку. Бело-синей снежной пылью окутывало резво бегущих оленей. Нарта остановилась, поравнявшись с Тэранго. Сын Кути – Николай, объезжавший стадо, вернулся со своего дозора. Заметив две упряжки, он спросил не без доли удивления:

– Далеко ли собрались?

– На реку, – выдавил Тэранго сипло, и опустил влажные глаза. Он разжал кулак, на его ладони лежал медвежий клык, выбеленный временем.

– Отец! – коротко вскрикнул Николай и метнулся в сторону чума.

Много ли нужно наблюдательному человеку, чтобы догадаться о самом страшном. Хойко, видевший, как вышел из чума его отец, низко наклонив голову и, скорбно согнув спину, и то, как молнией юркнул в чум Николай, все понял.

Тэранго достал табак, трубку. Долго жевал мундштук, пере-
кладывая его с одного угла рта в другой, медленно вытягивая
спички из рукава, вглядывался вдаль в сторону Лона Земли,
безбрежного студеного моря. Вспомнилось в эту минуту, как
тогда, когда он был еще совсем молодым, собрались они с Кути
на главное святилище, как от стойбища к стойбищу рос их обоз
за счет присоединяющихся упряжек. Годом раньше старший
брат Кути – Абчи – умчал на своей нарте один на главное святи-
лище. Абчи был шаманом. Об этом говорили шепотом – время
такое было, что нельзя о шаманах вслух говорить. Семью Абчи
не завел, хотя четвертый десяток уже истекал. Жил со свои-
ми сестрами да мамой. Потом сестры замуж повыходили, он
вовсе один со старухой в чуме остался. Не такой, как все, был
Абчи: сильно заикался, да так, что слова иногда произнести не
мог. Махнет рукой, психанет и вовсе утихнет. Однажды в гневе
на себя нарту топором повредил. А вот когда начинал камлать,
когда пускался в пляс вокруг огня с высоко поднятым бубном,
песня его выходила гладкой без всякого даже намека на заи-
кание. Песня ложилась ровно и легко, летела, словно птица
белая над тундрой. На всю тундру расходилась о нем молва,
но только среди своих. Иноверцам-чекистам никто о таком его
таланте не доносил. Ушел Абчи в ту весну навстречу северным
ветрам и не вернулся. Попал ли в пургу, или в туман, никто
того не знает. Спутались, видимо, земной путь с небесным, и
умчала его нарта в небо, оставив за собой прямой красивый
след⁵. Так говорили его родичи. Так и Кути говорил: «Он доро-
гой небесной в Божий чум попал», – а там у Бога небесного, как
известно, дочь красавица. Вот и женился на ней Абчи. Раз здесь
на Земле не было у него женщины, то уж там окружен Абчи
лаской и любовью дочери самого божества. Может, когда-ни-
будь спустится он на землю вместе со своей женой. Но пока ни
его, ни его жены никто не видел.

Вот и они с Кути через год решили испытать судьбу. Кути
тогда взял старый бубен брата, чтобы возложить его к Святому
Камню Невехэге. Добрались они до святого места, преодолев

5 Прямой должен быть тюр (хорей – шест для управления оленями), прямой должна
быть каждая жердь в чуме, древко стрелы. Прямой след от нарт – признак красивой
езды, и вообще правильной жизни.

опасный путь, поклонились Святой Земле, принесли в жертву белую важенку. Много народу с ними побывало там, где «должен побывать каждый ненец», – так говорил великий шаман Абчи. Каждый вознес свою жертву, каждый прочитал молитву, каждый коснулся святыни, и это прикосновение пронесет с собой через всю жизнь.

Тихо подошел Хойко. Даже приглушенного хруста весеннего мягкого снега достаточно, чтобы вывести из состояния задумчивости чуткого Тэранго. Сын положил руку на плечо отца.

– Не грусти так, отец, – сказал он мягко.

– Как не грустить? Тяжело потерять такого друга: мы же с ним к Святому Камню ходили... Много народу тогда собрали по дороге. До сих пор благодарят, что мы затеяли такое великое дело. А ведь это все он. Он тогда хотел брата найти. Теперь найдет, теперь они встретятся... Они теперь одними дорогами ходить будут.

– Он мог умереть еще осенью, – сказал Хойко.

– Да, тогда он был очень плох, но мне приснился Абчи, и я рассказал ему о болезни брата. Абчи живет в Божьем чуме. Вот он и обратился к Нуму, чтобы тот заставил Нга забрать болезнь. И тогда посланный Нумом ветер сдул с больного Кути следы прикосновения Нга. Сегодня мне не приснился Абчи, хотя я звал его. Нет его, наверное, уже в Божьем чуме. Наверное, пришло время спуститься на Землю со своей красавицей женой. А может, снова гнусный Нга зло пошутил над ним и опять сбил его с пути, и теперь он умчал в Нижний мир. Там и встретятся братья.

Уже к вечеру Тэранго с сыном привезли толстенное бревно на грузовой нарте. В другое время все бы вышли полюбоваться таким кедром. Уселись бы на его крепкую спину, закурили бы трубки, много слов хвалебных слетело бы с их языков: вот, мол, какое толстое дерево, которое стояло где-то на самом яру у реки в стороне полуденного солнца. Глухари, косачи садились на него, белки находили приют в кроне такого могучего дерева,

а теперь предстоит этому кедру переродиться, и будет он отныне обласом, летящим по волнам. Так бы, наверное, сказал Кути, подтвердил бы его слова Тэранго, и с ними согласились бы и молодые мужчины, их сыновья. И женщины удивлялись бы не только могучести кедра, но и силе своих мужчин, хвалили бы их; и дети непременно лазили бы по бревну, прыгали с него, весело хохоча. Но ничего такого не происходило сейчас. Только дети, проявив любопытство, забрались на спину большого бревна, потом попрыгали в снег, но без всякого шума, крика, будто язычки им кто-то прищемил.

Потом долго визжала на предельных оборотах бензопила, разрывая томительную тишину и снежную метель в клочья. Сыпались тугим снопом опилки из-под шины пилы. Вокруг полукругом стояли дети и зачарованно смотрели, как искрами рассыпаются опилки, смешиваясь с кружащимися задорной круговертью снежинками. Это Тэранго срезал лишнюю древесину с толстого бревна. Делал он это с особым тщанием и старанием, чтобы спил получился ровным, чтобы отсеченный горбыль можно было употребить на то дело, которое он задумал. А решил он смастерить что-то наподобие поддона, на котором и похоронят его друга старого Кути: не на голом же снегу лежать ему до весны.

V

Человек утрачивает возможность жить спокойно, безмятежно и размеренно, как только начинает печься и волноваться о продлении своей жизни. Страх смерти поглощает человеческое достоинство, лишает радости жизни, превращая ее в мучения. Нельзя допускать, чтобы страх смерти затмевал радость жизни. Об этом иногда говорил Кути.

– Зачем думать о смерти? Думай – не думай, она же все равно придет к каждому из нас. Тревожить только ее не нужно понапрасну, а то еще услышит, что о ней говорят, да и явится раньше времени.

– Но ведь страшно умирать, – возражал Тэранго.

– Человек не успевает испугаться, – отвечал на это мудрый Кути. – Смерть наступает неожиданно, хоть и каждый чело-

век с момента рождения изо дня в день идет в одну сторону – к смерти.

– От того, что ты говоришь, становится жутко, – говорил неуверенно Тэранго.

– Ничего жуткого в этом нет, это и есть жизнь, а она все равно заканчивается смертью, но ведь начинается – рождением! – в этом месте его глаза вспыхивали. Так когда-то говорил Кути там, у Священного Камня.

Похоронили старого Кути далеко в стороне заходящего солнца на вершине холма, уложив его, укутанного в тот кусок нюка, что вырезали для выноса тела из чума, на сделанный Другом Тэранго настил головой в сторону восходящего солнца.

На могиле оставили нарту старика, на которой он прошел свой последний путь от своего чума до последнего пристанища. Перед тем, как водрузить ее на место захоронения, сын Николай топором разрубил полозья. Внутри свертка из оленьих шкур, поближе к телу покойного положили его трубку, кисет с табаком, газеты, карандаш, которым он подчеркивал значимые для себя места в прочитанных газетах. Тэранго подошел к настилу, на котором лежал его друг, достал очки, сломал их и засунул под шкуру, служившую для Кути могилкой, ощутив мертвенный холод, отдернул руку; остановившись на мгновение, окинув окрест себя взором, обошел захоронение посольем. Затем все, включая детей, опустил низко головы в скорби, последовали за Тэранго.

Уже собрались ехать обратно, как увидели приближающуюся упряжку. Это мчался, погоня оленей хореом, Мыртя. Подождали его. Он остановился рядом с захоронением. Ловко привязал оленей к нарте Тэранго. Поздоровался с каждым за руку, дольше придержал длань Николая, что-то шепнул ему на ухо. Слова не долетели до слуха окружающих, но все понимали, что говорят в таких случаях. Мыртя повернувшись к своей нарте, извлек из-под оленьей шкуры почти пустой мешок, достал журнал «Огонек» и шагнул к захоронению. Что-то пошептав, поклонился низко, подсунув журнал под могильный кусок оленьей шкуры. Так же, как только что все родичи, он обошел трижды по солнцу вокруг могилы.

Войдя в чум, Николай указал Мыртя рукой:

– Вот здесь он отодвинул железный лист, на котором стоит очаг.

Мыртя поднял глаза от очага, сразу бросилось в глаза светлое пятно новой шкуры на месте той, что еще нынешним утром вырезали женщины для выноса покойного.

– Чум переносить не будем, – продолжил, как бы оправдываясь, Николай, – скоро все равно уходить на летние пастбища.

– Да, конечно, зачем сейчас, накануне каслания переносить чум, – согласился Мыртя.

– Не нужно переносить чум, – подтвердил Тэранго.

Для Николая было важно получить одобрение старших. Он налил воды в чайник, подложил сухих дров в затухающий очаг. Чай пили молча, громко пошвыркивая. Через какое-то время Тэранго сказал:

– Устя, принеси нам бражки. Осталась еще, наверное? – посмотрел он на сестру, вопросительно вскинув брови.

– Есть еще, – коротко ответила Устина.

Говорили о своем друге – охотнике-оленоводе, об отце, что вырастил четверых детей. Дочери уехали в другие чумы, у них свои семьи, и они еще не знают, что отец уже покинул этот мир и переместился в нижний. У них еще сухие глаза, их дом пока не омрачен скорбной вестью. А у Кути родилось три дочери и сын. Все выросли здоровыми, подарили ему тринадцать внуков. Тут они вспомнили, как однажды перепутал имена внуков старый Кути, и как внуки смеялись над ним, а он почесал голову и сказал:

– Вас так много, а я такой старый, что не грех и перепутать, не грех иногда и забыть. Выпало из головы, – сказал он тогда в свое оправдание.

Внуки тогда стали дразнить его старым Седым стариком, и что у него голова дырявая, раз их имена выпадают из нее. Вспоминали о Кути, не называя его имени, чтобы не призвать дух его в этот чум. Пусть забывает сюда дорогу. Не место теперь ему среди тех, кто живет здесь.

– Я приехал от Аули Нгокатэтто, – прервал молчание Мыртя хриплым голосом, – так вот, Аули уже который раз сокрушался о том, что отец не послушал когда-то Человека, ушедшего в Нижний Мир, и проявил несдержанность в охоте на диких оленей. Все знают эту историю, но я повторюсь, потому что Человек, живший в этом чуме и покинувший нас, все сделал для того, чтобы спасти душу растерзанного волками Майма Нгокатэтто – отца Аули. Для маленьких ушей мой рассказ предназначен! – Мыртя посмотрел в сторону детей, и те сразу оживились, начали подвигаться поближе к рассказчику.

– Это было в тот год, когда снега выпало так много, что придавило лед: образовался большой замор, и вся рыба в большой реке погибла; когда оленям тяжело было добывать корм из-под твердого наста, и случился большой падеж в наших стадах. Все помнят тот год... – Мыртя обвел всех скользящим взглядом, и каждый в знак согласия кивнул головой.

– Собрались мы тогда на охоту на дикого оленя: я, Тэранго, Человек, живший в этом чуме и ушедший в Нижний Мир, и Майма Нгокатэтто. Люди рассказали, что в стороне полуденного Солнца, на границе леса и тундры, где находятся Большие озера Семи Священных духов, на берегах которого живет Си ив-Нютя Варк – Священный Семидетный Медведь, много оленей диких появилось, что наст там благоприятный для охоты. Три дня и три ночи искали мы нужное место, потом напали на след, нашли большое стадо недалеко от пятисот третьей стройки. Своих оленей едва не потеряли. Трудно было им: снег глубокий, а наст не такой крепкий, чтобы оленя держать, проваливаются они, ноги режут. Остановились мы в добром месте, где ягель был хороший. Привязали оленей каждого к отдельному дереву, чтобы ягель могли добывать, а сами дальше на лыжах пошли. Не так далеко от того места, где привязали оленей, нашли большое стадо. Полдня на лыжах прошли. Настреляли мы оленей, сколько нужно, ну, сколько увезти возможно, и домой засобирались. А Майма никак остановить не может. Стреляет оленя, освежает и за следующим идет. Одного, другого, третьего... уже и седьмого освеживал. Сутки подряд стреляет. Уговариваем его остановиться, а он словно оглох, будто язык его к губам прилип. Молча свое дело делает.

Мы уже свою добычу к оленям утащили, устали очень. Пошли Майму искать. А он уже следующего оленя свежует. Говорит ему тогда Человек, живший в этом чуме и ушедший в Нижний Мир: «Излишне много добычи промыслять нельзя, ибо Нум не любит, когда слишком много промысляют в запас, и такому охотнику может послать смерть. Пойдем домой, Майма. Мы поможем тебе добычу утащить к оленям, только как они увезут столько?» Не слушает Майма меня, не слушает Тэранго, не слушает Человека, жившего в этом чуме и ушедшего в Нижний Мир. День уговаривает мой друг своего соседа, ночью у костра просит остановиться, не слушает он – все стреляет и стреляет. А оленей добывать легко: тонут они в снегу, проваливается наст, режут они ноги, не могут уйти от лыжника. Уже патроны кончаются. Говорит ему снова Человек, ушедший в Нижний Мир и живший в этом чуме: «Патроны кончатся, как от волков будем отбиваться, если нападут, а они уже учуяли кровь, где-то неподалеку бродят, ждут удобного случая». И волками не испугаешь Майму, его уши будто ягелем кто-то законпатил. Майма сильный охотник, роста огромного, но и ему лучше дела не иметь с волками. Поняли мы, что злые духи вселились в Майма, лишили его и слуха, и разума. На трети сутки решили мы к оленям идти, а то волки еще задерут. Как домой доберемся? «Уезжайте! – кричал Майма на наши увещевания. – Не мешайте мне. Видите, как мне везет, какая охота получается добычливая!» Мы уехали, понимая, что помочь ему уже ничем не можем. Злой дух вселился в его душу. Привезли свою добычу, оповестили сыновей Маймы Аули и Пудаку о том, что произошло с отцом их. Поняли они, что отец в беде, слышали они не один раз о том, как погибают жадные охотники. Мигом собрались и помчали по свежему еще следу. Но не успели они помочь своему отцу. Нашли его, растерзанного волками. Рядом лежало ружье, но патронташ был пуст. Нож валялся окровавленный и недалеко – волк со вспоротым брюхом. До последнего защищался Майма, находясь в состоянии охотничьего азарта.

Замолчал Мыртя, установилась тишина. Даже дети не проронили ни слова. Запомнят они рассказ старого почтальона на всю жизнь.

После рассказа Мыртя взял слово Тэранго. Он еще раз напомнил присутствующим, какой Человек покинул этот мир, и то, что дожил он все же до восхода солнца.

– Теперь ему не видеть солнца, свет его недоступен в Нижнем Мире. Теперь ему будет доступен только бледный свет луны, и то только в то время, когда она прячется под Землю.

VI

Необходимо было отвлечь свои мысли от недавней тяжелой потери. Хотя речь тут шла не столько о возникшей скорби и тревоге, причиненной потерей близкого друга, что было, конечно, само собой разумеющимся, а о возникшем чувстве пустоты. Вера и обычаи его народа не позволяли ему, да и родным усопшего окупаться скорбью так, чтобы не замечать света и радости жизни. А наоборот она – вера – утверждала обратное: не кручиниться безмерно, а обратить свой взор на обычные свои мирские дела. У каждого свой путь: Абчи, святой человек, выбрал свой путь на Небо, Кути ушел в Нижний Мир на встречу с умершими предками, а мне, думал Тэранго, уготован путь другой, еще неизведанный, возможно непосильно трудный, но, несомненно, наполненный интересными встречами. Да, именно так обычно думал Тэранго о своем предстоящем путешествии – ему всегда мерещились люди, с которыми он будет встречаться, и всегда выходило так, что это будут хорошие, участливые люди с разными лицами, но все наделенные доброй и отзывчивой душой. Но может ли все складываться самым удачным образом? – вопрошал его потревоженный разум. И не находил однозначного ответа, ибо жизнь его научила многим премудростям, и главная из них та, что зло и добро, удача и невезение ходят под одним солнцем, под одной луной, и никому неведомо, что выпадет человеку, уповающему на милость этих господ судьбы.

Потрескивал огонь, уже с характерным звуком ложились на дощечку мороженые стружки белой нельмы из-под острого ножа Устины, уже закряхтел под теплым одеялом Мыртя. Тягостное течение мыслей остановилось. Тэранго оглядел чум: на женской половине все убрано, постель Устины аккуратно

уложена. Верхнее дымовое отверстие уже не чернело карим глазом, но и яркий свет еще не рвался в чум резвым столбом. Горела керосиновая лампа на привычном месте. Ее свет, смешиваясь с сумеречным светом, проникающим через дымовое окно, и мерцающим светом костра, наполнял чум тем количеством света, которое необходимо обитателям.

– Просыпайся, Мыртя, чайку попьем, – сказал Тэранго, повернувшись в сторону друга.

– Я уже не сплю, жду, когда хозяин подойдет к огню, – ответил почтальон.

– Я знаю, что ты уже не спишь, иначе не тревожил бы тебя, друг.

– Огонь сегодня трещал и вспыхивал, – сказала впечатлительная Устина.

– Это и не мудрено, – ответил Тэранго, – где-то неподалеку бродит дух нашего общего друга, жившего в соседнем чуме, ушедшего в Нижний Мир.

– Да, он пытается найти дорогу обратно, но теперь его место обитания – Нижний Мир, – подхватил разговор Мыртя. Как бы в подтверждение его слов огонь рассыпал искры, сверкнув яркой вспышкой.

– О, боги! – вскрикнула Устина. – Это я виновата, я вчера вечером не окурила очаг священным дымом. Я вчера выпила слишком много бражки.

Устина торопливо начала готовить угли для окуривания, выгребая их кочергой из огня на металлический совок. Нарезала маленькими кусочками гусиное сало, бросила его в угли. Зашипело гусиное сало, окуривая священным дымом все жилище.

Солнце уже гладило своим золотым боком место срастания неба с Землей. Пока его Золотая нарта невысоко поднимается, ненадолго задерживается на небе, но равномерный свет, медленно нарастающий задолго до восхода светила, также медленно угасает после его захода. Мужчины вышли из чума, невольно кланяясь низко восходящему солнцу. Возле кедрового бревна их уже дожидался Хойко.

– Сегодня Николай пасет оленей? – спросил Мыртя, набивая свою трубку табаком.

– Да, Николай. Так-то моя очередь, но я попросил его поменять, – ответил Хойко.

– Нам твоя помощь сегодня будет нужна, – вступил в разговор Тэранго.

– Знаю, отец. Я уже подготовил бензопилу.

– Хороший кедр, – сказал Мыртя, и погладил округлый бок лесины.

– Хороший, – подтвердил Хойко, – еле олени довели, на двух нартах везли...

– Мне облас большой нужен, – выдыхая дым курчавым облаком, – сказал Тэранго.

– Знаю, друг. Большой и надежный. Потому что путь тебе предстоит неблизкий. Я бы пошел с тобой, но...

– Тебе нельзя. Кто будет почту возить? Да и для одного дорога всегда короче, прямее, – Тэранго посмотрел на друга.

– Да, чем больше попутчиков, тем чаще встречаются перекрестки, развилки, тем длиннее и запутаннее путь, – задумчиво выдохнул дымом Мыртя.

– Помогите нам, боги! – воскликнул Тэранго, трижды развернувшись с поклонами по солнцу. Также произнесли Мыртя и Хойко.

Хойко завел бензопилу, и работа началась. Он, ловко орудуя бензопилой, срезал углы с торцов бревна, потом подровнял верхнюю часть бревна по всей длине. Топорами Тэранго и Мыртя начали закруглять переднюю и заднюю часть будущего обласа. Устина принялась тут же прибирать разлетающиеся щепки в мешок.

– Какие хорошие дрова, какие сухие щепки. Огонь будет радоваться таким сухим дровам, – причитала она.

– Собирай, собирай, Устя, – поддерживал ее Тэранго.

– Кедровые дрова хорошо горят, огонь от них не пытит, как плохая лампа, и не рассыпает искрами, как капризная ель или осина, – продолжала Устина, унося очередной мешок щепок.

– Натопи побольше воды из снега, Устя. Нам воды понадобится много.

Можно было такое поручение Устине и не давать. Она уже поставила ведро на огонь, приготовила бочку, куда будет сливать воду. Ей ли не знать, как делается облас.

Еще два дня понадобилось, чтобы выдолбить сердцевину, чтобы, наконец, кедровое бревно приобрело форму лодки. Настал главный момент – разведения бортов. Вот где понадобилась вода. На ночь заготовку залили водой, чтобы мокрая древесина лучше поддавалась обработке, чтобы не появились трещины при разведении бортов.

– Хорошо, что установилась оттепель, – задумчиво промолвил Мыртя.

– Да, это хорошо – вода не замерзнет, – подтвердил Тэранго, пыхтя трубкой.

Утром, разогревая над костром вытесанную вчера заготовку для лодки-долбленки, Мыртя и Тэранго начали постепенно сантиметр за сантиметром раздвигать борта распорками. В это время Мыртя постоянно пел долгую проникновенную песню о том, что дерево, из которого скоро получится облас, преобразуется, получая новую жизнь. Он пел о том, что облас должен получиться удобным, легким, что дерево не должно дать трещину при разведении бортов, что лодка-долбленка будет служить хозяину, а хозяин обязан охранять свой облас, ибо изготавливается такая замечательная лодка на долгие годы. А еще в песне Мыртя воздавал почести и обласу, и хозяину его, желая долгого и счастливого плавания. Такую песню когда-то пел шаман Абчи, спутавший земной и небесный пути, уехавший в туман, в снежное марево, в неведомый мир, когда изготавливал нарту.

VII

Пришла пора, и стада оленей угнали на север к морю, где летом лучше продувает ветрами пастбища, разгоняя тучи гнуса, где летом растет сочный ягель. Там край Земли, там твердь граничит с безбрежным морем, там вливаются воды Большой реки в безбрежное Северное море, смешиваясь с соленой водой; там появятся у важенек оленията, там они окрепнут. Там умножатся олени стада.

Минуло время снежного наста, наступил месяц Юнуй – месяц высоких вод. Все меньше снега остается в тундре, все больше воды прибывает в небольшой речушке. Ждет Тэран-

го своего времени, когда можно будет спустить облас на воду. Он уже опробовал его в мелководной протоке и остался доволен: облас получился вместительным «лебедей на шесть-семь» – определил Мыртя.

Когда работа была закончена, в жертву принесли давно приглянувшегося белого оленя. Мыртя смазал борта лодки кровью жертвенного оленя, «чтобы вода не прошла в лодку», благословив, таким образом, друга на долгий путь. Время уходило, унося холод, слизывая последние белые пятна уплотнившегося снега по глубоким оврагам, наполняя тундру весенними звуками перелетных птиц.

Мыртя торопился, ему нельзя задерживаться, ему нужно догонять стада, чтобы соединиться со своим стойбищем, ушедшим на летние стоянки. Там он войдет в свой чум, там он встретит своих внуков, там пасутся его олени.

Обнял он своего друга крепко, будто хотел передать ему часть своей силы.

– Пусть путь твой будет прямым, пусть встречаются тебе добрые люди, пусть Духи той земли, по которой будут ступать твои ноги, будут благосклонны к тебе. Пусть примут тебя, как своего, не чужака...

– Я благодарен тебе за помощь, мой друг. Смотри, – показал рукой Тэранго, – уже и месяц проявился тонкой царапкой. Скоро мы будем далеко друг от друга, но как бы далеко мы не разошлись, мы сможем видеть луну одновременно, наши взгляды будут встречаться там.

Олени резво взяли с места, Мыртя даже отшатнулся назад от неожиданности, но тут же, поймав равновесие, выровнялся, обретая привычную, характерную ему гордую осанку, по которой его узнавали во всей тундре и стар и млад еще издали. Долго смотрел вслед ему Тэранго, пока упряжка не скрылась за ельником.

«Они уже там» – думал Тэранго, раскуривая трубку и всматриваясь вдаль, в ту сторону, куда еще по снегу ушел большой обоз, увезший людей, чумы; куда устремляются гуси, лебеди; куда спешат нескончаемые табунки быстрокрылых уток; куда умчался на нарте его друг. Мой друг скоро войдет в свой чум.

Текут ручьи и маленькие речки.
Текут большие реки.
Текут облака.
Текут стада оленей по привычным руслам-путям.
Текут огромными косяками гуси.
Течет время.

И так происходит всегда, так происходит из года в год: мир сотворяется сызнова с каждой весной, мир возрождается, как только Золотая нарта набирает разгон и колесит по кругу, только на короткое время, прячась за линию между небом и землей. Никто и ничто не может помешать течению времени, тем переменам, что происходят на Земле от края и до края, от долгой и стылой зимней ночи до благодатного золотом озаренного летнего дня.

Чего выжидает Тэранго? А ждет он той поры, когда можно стать на воду, оттолкнуться от берега и, неистово работая веслом, уйти по ручью в Большую реку.

И вот время пришло. Не то чтобы оно пришло, оно сделало то, что творило всегда: прогнало сначала лед по ручью, наполнило его водой, превратив в большую реку, потом угнало по реке огромные льдины, поднимая воду в большой реке, превращая реку в море. А по этому морю гонит время павшие где-то там, в вершине большой реки, деревья.

Спустил Тэранго на воду новый облас, сложил в него свой нехитрый скарб, состоящий из топора, ножа, малицы, небольшого котелка, рыболовной сети и мешочка, содержащего всякие мелочи от спичек до табака и трубки. Не забыл Тэранго свое испытанное во многих охотах ружье, патроны и все необходимые приспособления для зарядки патронов, схороненные в небольшой мешок из оленей кожи, туго завернутый в брезентовый лоскут. Набралось разных вещей полная лодка. Окинул своим опытным взором уложенное добро Тэранго, и поначалу захотелось от чего-нибудь избавиться. Но, перебирая на перечет содержимое лодки, не находил ничего лишнего. Настало время оттолкнуться от берега. Он бросил медяк в воду, сказав: «будет доброе», достал из-за пазухи медвежий клык, выбеленный временем, висевший на крепкой бечевке, шепнул:

«Не позволяй мне, Седой Старик, сойти с дороги, сбиться с пути, я нуждаюсь в твоей помощи», – спрятал талисман за пазуху и неистово заработал веслом, уходя по ручью в сторону Большой реки.

Облас, разрезая водную гладь, тихо скользил по ровной поверхности, послушно повинуясь веслу, держал нужное направление. Тэранго затянул свою песню о весне, о постоянном течении времени, о том, что все повторяется ежегодно, а годы отличаются друг от друга только своими событиями. А этот год будет памятен тем, что потерял своего друга старого Кути, и в этот год он решился на долгую дорогу в далекий Нижневартовск, на великое озеро Самотлор, чтобы своими глазами посмотреть, как добывают нефть, узнать, как люди живут. Ну и, конечно, ему нужно купить очки, без которых и жизнь не жизнь, потому что с той поры, как умер его старший товарищ, Тэранго не прочел ни одной строчки. Да, конечно, в чуме есть радио, но рассказанные кем-то новости – это не новости. Чтобы поверить, чтобы знать, ему непременно нужно самому прочитать новость в газете, подержать ее в руке; газету можно понюхать, ощутив запах типографской краски и еще чего-то навроде машинного масла; ее можно перечитать много раз. В газетах есть фотографии, благодаря которым, он уже знает, как выглядят буровые вышки, нефтяники, какая техника работает на нефтяных месторождениях. А что радио? Один звук! Вот об этом и пел в своей песне Тэранго.

Еще не открылась взору Большая река, а ее близость уже стала ощущаться: берега ручья, превращенного весенним половодьем в реку, стали выше, и березки по берегам подросли, заросли их тоже погустели; потянуло свежим ветерком, даже рябь появилась на водной глади. Чаше стали подниматься большие стаи крупных уток и даже гусей, которые, конечно же, тяготели к большой воде. И вот открылось огромное пространство впереди, а вскоре белобокий облас вышел из-за мыса, скрывавшего ручей, на открытую воду. Подул ветер. Тэранго повернул свою долбленку против течения. Вода в большой реке показала Тэранго не такой прозрачной, как в родном ручье. Ну, собственно, это он знал, так как ему не раз приходилось в это время охотиться и рыбачить на Большой реке. Но вот сейчас ему

бросилось это в глаза более явственно. Его взгляд стал более пристальным и внимательным, глаза более зоркими. Тэранго стал ярче воспринимать окружающее. Он зорче всматривался в берега, в воду, бурунившуюся под веслом, в облака, плывущие в сторону Северного моря, в затопленный кустарник, будто что-то искал, будто что-то запоминал, будто прощался с родными берегами. Так обостряются чувства, когда не на кого надеяться, когда вокруг только небо, земля, вода, ветер, солнце, луна, и ни одного человека, ни одной живой души.

Тэранго не зря выжидал время для начала путешествия. Много раз приходилось ему слышать от стариков о превратностях весенней погоды, сам, уже пожив на белом свете немало, замечал некоторые закономерности поворота от дурной погоды на добрую и наоборот. Вот и ждал он окончания ледохода, когда свирепствовали шквальные «ледяные» ветра. «Дует ледяной ветер семь дней» – говорили старики, а потом наступает «тихая пора». Вот вначале наступившего безветрия – «тихой поры» и тронулся в дорогу Тэранго.

Несмотря на то, что период «ледяного ветра» закончился, это совсем не означало того, что наступил полный штиль. Ветер на большой воде ощущался довольно явственно, и уже скоро Тэранго почувствовал, как его противные холодные щупальца проникают под летний сак, сшитый еще его женой из плотного шинельного сукна. Тэранго налег на весло, облас, прорезая мелкую волну, набрал скорость. Тепло разлилось под малицей, даже дыхание сбилось. Но его жизненный опыт подсказывал, что торопливость – это черта, не достойна мужчины, и Тэранго сбавил ход. Он ведь разогнался только для того, чтобы согреться. «Нельзя уподобляться суетливой женщине» – подумал Тэранго. Ему, конечно, хотелось воспользоваться благоприятной погодой и пройти своим обласком расстояние побольше, но нельзя позволить себе устать раньше времени. Он четко отдавал себе отчет в том, что отныне главной его задачей будет преодоление расстояний от одной стоянки к другой, поворот за поворотом, и так – день за днем. С этой поры для него все: время и расстояния, вода и небо, земля и огонь, луна и солнце – оправдывают свое существование только ради этого ежедневного преодоления.

Миновал Тэранго высокую гору, известную, как Святая гора. Дальше ее он никогда на обласе не забирался. Не было такой надобности. Рыбы хватало рядом со стойбищем. В этом месте река огибала гору, и течение убыстрялось. «Мне ведь еще долго придется идти против течения», – подумал Тэранго, и вспомнил старую легенду, рассказанную старым Кути, как когда-то в очень давние времена две женщины на Земле реки создавали. А любили эти женщины поспорить меж собой. Одна говорит: «Давай реки так проложим, чтобы они в ту и другую сторону текли». Вторая не соглашается: «Нет, тогда людям слишком легко плавать будет, и они всех зверей перестреляют. Нужно сделать так, чтобы реки в одну сторону текли, тогда людям против течения тяжело будет плыть». Также они и Землю создавали. Одна говорит, что нужно ее плоской и ровной сделать, другая спорит с ней, что так людям по ней слишком легко будет ходить, и предлагает сделать ее неровной, чтобы люди шли то в гору, то с горы. Так и сделали. Улыбнулся Тэранго и подумал: «А как хорошо было бы, если б реки текли в обе стороны».

Солнце, скользнув по уже довольно высокой дуге, спряталось в распластавшихся по всей спине земли темно-фиолетовых облаках за дальним от него правым берегом, над ровной, как под линейку чертой между небесной вуалью и водной гладью. Солнечный огонь вдруг снова пробился тонкой полоской между синими облаками, ровно вытянувшимися вдоль горизонта. На чуть потемневшем небе появился нарождающийся месяц робкой царапиной. Только самые яркие звезды показали свой небесный блеск. Не спрячется уже золотая нарта под землю, не наступит темная ночь, начинается время летнего света. «Хватит на сегодня, – подумал Тэранго, – завтра, что ли, дня не будет?»

Найти место для стоянки оказалось делом непростым. Пришла большая вода, затопив низкие берега. Продираясь сквозь густой затопленный кустарник, наконец-то, удалось отыскать хоть кусочек незатопленной суши. Повезло Тэранго в том, что рядом лежало толстое бревно, принесенное к этому островку водой.

Пока потрескивал огонь, облизывая несмелыми языками черные закопченные бока казанка, Тэранго основательно го-

товился к ночлегу: натянул кусок брезента от весла, поставленного вертикально, и найденного сучковатого кола к бревну, наломал мелких веток с прибрежных кустов, уложил их на место лежанки толстым слоем, чтобы не лежать на сыром мху, напитанном водой. Вытянул на берег облас, перевернув его, и получилось что-то вроде укрытия. Нос обласа он водрузил на бревно, спрятав под него свои пожитки. Чистое небо не предвещало дождя, но, зная капризы природы в весеннюю пору, Тэранго все делал основательно, словно жить здесь собирался, по меньшей мере, неделю или больше.

Много дорог прошел в своей жизни Тэранго, много раз кочевал он с места на место, много ночей провел у костра на охотах и рыбалках. Но впервые собрался в такую неизведанную дорогу. Нужда ли погнала его? Об очках теперь почему-то не думалось. Мерещились ему озера, наполненные нефтью, хотя понимал, что нефть добывают из-под земли; мерещились люди в касках и рабочих комбинезонах, каких видел на газетных фотографиях; мерещились огромные нефтяные вышки, гигантские трактора, вязнувшие в болотах... Грезился город нефтяников... Что ждет его впереди? Хватит ли сил? Потом сознание переключалось на привычное, переносилось туда, куда ушли стада оленей, а следом за ними его родичи. Туда, в сторону Священного Камня, туда, куда бегут воды Большой реки, где пасутся его олени, где стоят чумы на границе между землей и бесконечной водной гладью Северного моря, летели его мысли. Начинается месяц отела ты ний, месяц рождения. Важенки принесут оленят. Месяц приумножения оленьего стада – самый любимый месяц не только для Тэранго, но и для всех его родных и соседей, для всех оленеводов. В это время еще нет комаров и гнуса, но уже достаточно тепло. В тундре все просыпается, наполняется весенними песнями прилетевших птиц. Сутками не спят сейчас оленеводы, присматривая за родившимися оленятами. Вспомнил Тэранго давнюю историю, как его важенка родила олененка раньше срока, когда «не положено рожать», когда пурга еще свирепствовала в полную силу. Выхаживал тогда Тэранго белого рожденного олененка, укрывая его от ветра и стужи. Выросла из того слабого олененка белая важенка, которой все восхищались, настолько снежно-белая

была ее шерсть, настолько был кроток ее нрав. Это ее принесли в жертву у Священного Камня, и благодаря той жертве долгие годы его стадо только прибывало, не подвергаясь губительным болезням. Даже волки обходили стороной его стадо. Но сила жертвы иссякла, и потом и мор случился, и волки теперь каждый год берут свою дань. Теперь настала очередь Хойко возложить Священную жертву.

Его мысли прервала стая кряковых уток, налетевшая со стороны берега. Они шумной дружной компанией сели на воду. Тэранго медленно протянул руку к ружью, тихо, прикрыв ладонью место слома, чтобы приглушить металлический звук, переломил ружье, вставил патроны. Также медленно, чтобы не было щелчка, без лишних движений поднял ружье, прицелился, подождал, когда две утки сойдутся, выстрелил. Обе утки остались на месте, а табунок также шумно, как и прилетел, снялся с воды и скрылся в серости наступающей ночи.

VIII

Только к вечеру третьего дня встретил он первую живую душу, вернее, в моторной лодке было два человека, но изрядно подвыпивших. Это оказались рыбаки из рыболовецкой артели. Они сразу, как только пришвартовались боком своего длинного деревянного барка, отрекомендовались: «Мы тута рыбачим, а изба наша вон тама», – махнул рукой рыжебородый в рваной фуфайке и шапке набекрень. Он сказал, что избу себе они поставили в боковой речке километров пять от большой реки. Другой был местным, одетый в малицу, с хоть и продолговатым, но все же скуластым лицом. Селькуп⁶ – определил Тэранго. В лодке на дне лежало несколько больших щук и парочка приличных нельм.

– Ты как тут образовался? – спросил рыжий развязно. – Мы тута каждый день бороздим, никого не видели, не встречали, а тут – на тебе! Издалека ли идешь?

– Да нет, не издалека, третий день, как из дому.

– Значит, далеко собрался, – подхватил разговор селькуп,

⁶ Селькуп – народ, живущий на севере Западной Сибири. До 1930-х их называли остяко-самоедами.

определивший своим наметанным глазом, что в таком облаسه, да с такой поклажей не на день собираются.

– Да, собрался далеко – в Нижневартовск, – как-то с вызовом произнес Тэранго. А заметив замешательство своих собеседников, сообразил: то ли знать не знают они о таком, а если знают, то Нижневартовск произвел впечатление.

– Да-а-а, – потянул рыжий, – тут без стакана водки не разберешься. – Айда с нами. В избе тепло, места хватит – нас только трое.

– Не у костра же ночевать. Ночи-то еще холодные, – снова включился селькуп.

Тэранго прикинул: пять километров туда, потом обратно, да и в компании пьяных мужиков коротать целый вечер, а потом ночь, слушая их бредни, не хотелось.

– Мне нельзя терять время. Сегодня хочу два поворота пройти.

– Ну, как знаешь, – вошел в положение рыжий, – тогда возьми хоть нельмушку. Самому-то некогда, поди, рыбачить, раз собрался далеко: целый день только и машешь веслом. Когда тут рыбу ловить?

– Некогда мне рыбачить, – согласился Тэранго.

И в тот же миг нельма шлепнулась на брезентовый куль, чуть не перевернув его утлую лодчонку.

– Тут река делает петлю, и можно маленько спрямить, – сказал селькуп, – выйдешь на тот куст, возьми левее, а там увидишь ивняк затопленный таким полукругом, слева его оставишь... – он повел рукой по воображаемой дуге. – Дальше дорога сама покажет: вдоль леса пойдешь почти вплотную, влево повернешь в прогалызину и снова выйдешь на реку. Сети наши увидишь, справа обходи. Много сократишь, однако.

– Заночевать можешь на пятьсот третьей стройке, – крикнул рыжий, наматывая веревку на шкив мотора.

Тэранго поблагодарил рыбаков, отошел от борта рыбацкой лодки, заработал веслом. А там сзади долго еще пытались завести капризный мотор. Наконец, тишину разорвал резкий рев взбунтовавшегося железа, но Тэранго уже был далеко. Он знал про эту затяжную петлю, но сам бы не рискнул спрям-

лять. Так недолго и заплутать в соровых разливах, но теперь он был уверен, что не собьется с намеченного курса.

Упоминание пятьсот третьей стройки вызвало у одинокого путника тревожное чувство, приходящее обычно с не менее тревожными и тяжелыми воспоминаниями. Будучи юношей, охотился Тэранго со своими сородичами в этих местах. Много дикого оленя тогда водилось здесь, особенно в зимнюю пору. Все тому способствовало: и рыхлый снег, и кустистый рослый ягель, и возможность спрятаться от северных ветров. Даже волки заглядывали в эти лесные дебри с рыхлым и глубоким снегом не так часто. Но после войны пригнали много людей в этот суровый, не пригодный для жизни южан край. Говорили, что на больших металлических лодках, называемых баржами, столько людей привозили, как оленей в стаде. Говорили, что стерегли этих людей столько собак, что по всей тундре столько не наберется. Поползли самые невероятные слухи о том, что охраняют их такие великаны, что выше деревьев они ростом, и что построили они себе большие деревянные дома, а в каждом доме людей так много, что они греются друг от друга, и огонь разводить не нужно. А еще шептались старики меж собой, что строят эти люди дорогу такую длинную, какой еще не было в мире, а насыпь делают такой вышины, что не преодолеть ее самому сильному оленю. А шаманы тайно камлали, спрашивая богов: за что послано на их землю такое проклятие, чем прогневили люди святых духов, зачем пришедшие чужаки разделяют Землю на две половины от самого места восхода солнца до той границы, где солнце прячется под Землю. И даже в своих камланиях называли то место «пятьсот третьей стройкой».

Солнце, выпустив последний красно-золотой луч из-под слоистых темно-синих туч, там, на склоне неба, исчезло за воды спиной – ид-маха, провалившись под землю. Краснота по всему горизонту впереди держалась долго. «Как бы погода не сменилась», – подумал Тэранго. Медленно наступали сумерки.

* * *

Будто из тумана тихо вынырнул светлобокий облас, и направился к берегу. Рядом с катером сидел на корточках человек и чистил картошку. Для него появление этого деревянного челна стало полной неожиданностью. Он резко поднялся, застыв с недоочищенной картофелиной в руках. Нос обласа коснулся тверди совсем рядом.

– Здравствуй, добрый человек, – коротко произнес Тэранго.

– Ну, здорова, – удивленно приподняв брови, ответил человек с картофелиной.

На голос из-за катера вышел человек в толстом свитере с кожаной сумкой в одной руке и карандашом в другой. Сумка была открыта, из нее выглядывали какие-то бумаги. Следом за ним появились еще два человека. Тот, что держал в руках кожаную сумку с бумагами, воскликнул:

– Вот так явление Христа народу! Ты кто такой будешь?

«Начальник» – определил Тэранго.

– Меня Тэранго зовут, – ответил путник.

– Ну, а я – Сергей. Это – Василий, наш капитан, он же – кок, он же – моторист, он же и добытчик, он же и хранитель всех наших съестных запасов, – указал он на человека с картофелиной, – а это Дамир, он еще совсем молод, поэтому от-рекомендую коротко – сейсмолог; а это наш мозговой центр, главный технолог, можно сказать доктор сейсмологических наук, Юлий Семенович, – и Сергей, широко улыбнувшись, указал на бородатого мужчину. Вот и познакомились.

– Приглашаем к нам на чай, – сказал Юлий Семенович.

– От чая не откажусь, – ответил Тэранго, он поднял стрелянных утром уток, переложил их в одну руку, другой рукой зацепил под жабры нельму.

– О! – воскликнул Василий, – сегодня у нас праздничный ужин намечается. Клади... – Василий запнулся.

– Тэранго меня зовут, – напомнил гость.

– Вот сюда, Тэранго, клади на мох, мы с Дамиром сейчас разделаем, пока шеф тебе экскурсию будет устраивать. Или ты уже бывал здесь? – Василий принял из рук Тэранго рыбину, уток гость уже бросил на мох.

– Нет, здесь я никогда не бывал. Тут плохое место, – он обвел тяжелым взглядом стеной, стоящей на возвышенности, сосняк. Минутную заминку разрядил Дамир:

– Хороша нельмушка! – восхитился Дамир, кружа вокруг серебристой рыбины. – А то тушенка уже обрыдла.

Перехватив благодарные взгляды обступивших мужчин, Тэранго сипло произнес, предупредив таким образом возможные вопросы:

– Нэльму рыбаки дали, а уток сам стрелял, – сказал он коротко.

– Ну, что ж, пойдем на экскурсию, – оживился Сергей.

– Да что же мы гостя держим на улице? Пойдемте, Тэранго, к нам на чай, а там по дороге познакомитесь с главными экспонатами, – вступил в разговор Юлий Семенович.

Тэранго вразвалку побрел за «начальником» по направлению к большому рубленому дому с темными стенами. В стороне он заметил паровоз, стоящий на ржавых рельсах. Перехватив удивленный взгляд гостя, Сергей взял за локоть Тэранго и подвел вплотную к паровозу. Своими габаритами и количеством металла паровоз конечно же сразил жителя тундры. А более всего удивило Тэранго просто физическое появление этого монстра здесь, в этом месте, где менее всего можно было его ожидать. Ведь, как знал Тэранго, дорога так и не была построена, так откуда же взялся паровоз? Сергей словно прочел мысли Тэранго, сказал, поворачиваясь к гостю лицом:

– Доставили его сюда баржой. Вон там она полузатопленная торчит из воды.

И вправду – рядом с катером возвышалась какая-то гора ржавого металла. Зашли в рубленый дом. Следом за ними вошел Юлий Семенович.

– Тут жили охранники, – пояснил Сергей, – вот мы приспособили этот барак для своего временного жилья. Мы в этих местах ищем нефть, газ.

– Вы геологи?

– Ну, что-то вроде этого... мы – сейсмологи.

Слово было незнакомым, и Тэранго смолчал.

– Сейсмологи, те же геологи, но у нас особые методы работы, и мы занимаемся более специфическими исследованиями, –

пояснил Сергей. – Ну, это для специалистов... Ну а ты, старина, куда путь держишь, если не секрет?

– Да нет никакого секрета: куда путь ведет, туда и иду, – Тэранго оглядывал потемневшие от времени стены с остатками каких-то наклеенных старых газет. В глубине мрачного помещения были сделаны нары для ночлега с нагроможденными рюкзаками, разложенной теплой одеждой.

– Так и заблудиться недолго...

– Не заблудится идущий, а вот тот, кто от очага боится отступить, тот уже заблудился, – отвечал Тэранго, а сам всматривался то в один угол, то в другой. Холодок зародился где-то там между лопаток, противно стиснуло горло. Он взял пустой стакан. Юлий Семенович, угадав желание гостя, с готовностью налил воды. Тэранго выпил крупными глотками.

– Мудрено как-то говоришь, старик, – Сергей снял с горячей печки чайник, поставил на стол. Ему передалась тревога гостя. Он наблюдал за блуждавшим взглядом Тэранго, скользившим по стенам, выдавшим и слышавшим много такого, чего уже никто не узнает. «А может, и не нужно знать все, что происходило в этих стенах?» – мелькнуло в голове Сергея. И он уже другими глазами посмотрел на Тэранго, которого явно тяготило нахождение в этом помещении.

– Ничего мудреного в моих словах нет, ибо только тот правильный путь найдет, кто ищет его, кто в пути, – услышал Сергей.

– Можно ведь и по ложному пойти...

– Можно. Если помысли твои нечисты, твой путь будет ложным, а с добрыми помыслами человек всегда окажется на пути верном. Путь сам указывает правильное направление.

– Ну, ты, старик, все вокруг да около. А если конкретно, то куда идешь? Только не говори, что «вот туда». Ну а если нет охоты открываться, то и не нужно. Видно же, что неблизко собрался.

– Верно, путь мой не близок. В Нижневартовск иду, – Тэранго и сам уже понял, что затянул разговор.

Сергей присвистнул от удивления.

– Простите, но, как бы это сказать... Понимаете ли вы, что дойти туда в одиночку на таком суденышке невозможно – это выше человеческих сил, да и Таз с Обью не соединяется, – с удивлением чуть не воскликнул Юлий Семенович. – Правда, я

слышал, что раньше местные остяки перетаскивали свои лодки через водораздел.

– Ну, коли ты слышал, то и я не без ушей. Все знаю, не думайте, что перед вами выживший из ума старик. Но я понимаю так: если человек сделал первый шаг, будет и заключительный, а между ними много-много предстоит сделать шагов, возможно, что не по прямой дорожке.

– Говоришь-то гладко, – Сергей потянул чай. – И когда думаешь прибыть в свой Нижневартовск?

– А вот этого никто не знает, и я не знаю.

Скрипнула дверь, зашли Дамир и Василий. Они принесли разделанных уток и вычищенную нельму. Пока шел неторопливый разговор, Василий нарезал рыбину кусками, присолил ее крупной солью, поперчил.

– Значит, сам не веришь в свою затею? – Сергей поставил на стол кружку.

– Как не верю? Верю и знаю! Я знаю, зачем еду, у меня добрые помыслы, мне помогут Духи Земли.

– Похвально, похвально. Вот, молодежь, берите пример, – Сергей обратился к Дамиру и Василию. – Ни карты, ни компаса. Ни тебе хоть какой-то страховки. А ведь дойдет! Потому, что верит, потому, что знает, потому что духи помогут, – в голосе Сергея не было даже намека на ерничанье.

– Какая же цель может быть такого путешествия? – спросил Юлий Семенович участливо.

Тут Тэранго сделал паузу, осмотрел всех, словно решая для себя сложную задачу. Наконец, коротко, произнес:

– За очками иду.

Все замолчали. Только самый молодой – Дамир – не выдержал и хихикнул, зажав рот, чтобы не расхохотаться. Тэранго понял всю неловкость ситуации и рассказал историю про своего старшего друга, о том, что читали газеты по очереди, и что после смерти Кути очки, принадлежащие ему, ушли с ним, потому что они в Нижнем Мире ему понадобятся

– Ему там, в Нижнем Мире негде взять очки, а я куплю, – он сделал паузу, оглядев своих новых знакомых, – в Нижневартовске. А еще хочу посмотреть, как нефть добывают, как там люди живут, – закончил Тэранго.

Сейсмоки уже не удивлялись услышаному. Ели жирную нельму руками, прихваливая, высказывая слова благодарности «тому рыбаку», что вытащил такую рыбу, ели макароны по-флотски с тушенкой. После чая вышли на улицу. Разговор повернулся в другую сторону. Сергей начал рассказывать о стройке «номер пятьсот три», которая началась сразу после войны в 1947 году и продолжалась до смерти Сталина.

– Странная стройка. Столько людей здесь полегло! А ведь изначально проект был обречен. Не накопило пока человечество столько сил, чтобы преодолеть здешние сложные геологические условия: мерзлота, неустойчивые грунты, реки, болота... Ну и техники пока нет такой, чтобы работала в таких условиях, – Сергей увлекся давно интересовавшей его темой. – Вот уже ровно двадцать лет как здесь не ведутся никакие работы, – закончил он.

– Наши люди никогда не приходят сюда, – сказал Тэранго, – это проклятое место. Здесь Нижний Мир очень близко, но это люди сделали так: горе и мучительные смерти многих людей; большая несправедливость, свершившаяся здесь, истончила землю так сильно, что Нижний Мир совсем рядом, прямо под ногами. Мы тоже слышали про эту стройку, да мало знаем...

Тэранго будто в подтверждение своим словам примял мох пяткой.

– Тут совсем тонкая земля. Ты говоришь про какие-то «условия». Мы живем в этих, как ты говоришь, «геологических условиях», здесь же жили наши предки, и никто не жаловался. Человек сам себе создает условия, – добавил он и направился к обласу.

– Да, место здесь не ангельское, но куда же вы на ночь глядя? – воскликнул Юлий Семенович, разгадав намерение гостя, – оставайтесь ночевать у нас.

– Я не смогу здесь уснуть, здесь место тонкое: между нашим миром и нижним – просто пленка, – ответил Тэранго, набивая трубку.

– Дамир, – распорядился Сергей, – приготовь для Тэранго пару банок тушенки, кусок нельмы подсоленной да и уток...

– Уток оставьте себе, – поправил Сергея Тэранго, – завтра суп сварите. Будете суп хлебать да вспоминать старика.

– Будем вспоминать, – добродушно улыбаясь, сказал Дамир.

– А, может, еще встретимся... – поддержал разговор Юлий Семенович.

– Может, и встретимся – река-то одна, – ответил Тэранго.

Сергей, Юлий Семенович, Василий и Дамир пожимая руку путешественнику, желали ему легкого пути, хотя все понимали, что легким он никак быть не может. Немного словно, но искренне, они желали Тэранго счастливой дороги.

– Счастливого пути. И пусть оберегают вас духи земли и водные духи, если таковые существуют, – напутствовал Юлий Семенович.

– Есть духи земли и воды, есть духи лесные и небесные. И люди должны помнить их, чтобы не гневить, чтобы не нарушать заведенный порядок, – ответил Тэранго на пожелание главного технолога.

Тэранго уселся в облас, оттолкнулся от берега, на котором еще долго стояли четверо мужчин. Они стояли неподвижно до тех пор, пока облас не скрылся в тумане светлой северной ночи.

IX

Время было такое, что до утра стало ближе, чем от прошедшего вечера. Тэранго пристал к берегу. То, что погода испортится, Тэранго понял еще по заходящему в слоеные облака солнцу и красному закату. Враз наступивший штиль, долго не развеивающийся туман, только убеждали его в правильности догадки. «Ветер будет меняться», – подумал он, тщательно готовясь к ночевке. Так и случилось: ближе к утру подул северный ветер, закружились редкие снежинки, дым зло заметался вокруг костра, прижимаясь к земле. С какой бы стороны костра ни усаживался Тэранго, едкий дым лез в лицо, в глаза, выдавливая слезу наружу, будто для того, чтобы смыть эту сизую горечь с глаз. Поднималась серая волна, забурунило белым яглем по всей ширине реки. «Спускать облас на воду нельзя» – подумал Тэранго. Нужно переждать. Взгляд переместился на большую глыбу льда, оставшуюся после ледохода на берегу, потом на затухающий и нещадно задымивший костер, на оку-

риваемую этим дымом нельму «на палочке» и развешанные на поперечине кусочки уже подвяленного оленьего мяса.

Он не склонен был к пространным бесплодным рассуждениям, но не мог не думать о том, что трогало его душу. А занимало его сейчас то, что Сергей с его друзьями вынуждены ночевать «в таком месте», и что они не понимают всей опасности этого. Вспомнилось, как Сергей водил его в барак, где жили заключенные. Оказалось, что печка там все же есть. Вот приедет он обратно и расскажет своим родичам про печку. Подумалось и о том, что и заключенные, и их охранники были практически в одних условиях: и тех, и других летом ели комары и мошка, а зимой донимали морозы и лютующие метели. И те, и другие были оторваны от своих семей, и те, и другие умирали здесь, не выдерживая нечеловеческих условий; и те, и другие попали сюда не по своей воле. Все они были невольниками. А еще подумал Тэранго: если бы не эти «сейсмички», он бы не осмелился пристать к тому берегу.

Весь день просидел он у костра. Лишь время от времени ходил за дровами, разминая ноги. Он даже в какой-то степени рад был такому обстоятельству, дававшему возможность отдохнуть, а то спину уже «заломило».

Недалеко от кострища на небольшом болотце Тэранго собирал немного прошлогодней клюквы и сварил морс.

Днем ветер и вовсе разбушевался, да так, что загнал путника в свое логово. Следующую ночь провел он в уже насиженном месте, где каждая вещица нашла свое место. Вот протянешь руку в эту сторону и наткнешься на чайник, а рядом с ним алюминиевая кружка. За чайником, под брезентовым навесом на палочке, воткнутой в землю, вялится нельма там же рядом утиное мясо, тоже нанизанное на палочку. Рядом на подстиле из сухой коры «под рукой» лежит ружье. Сверток с сухой одеждой под головой заменяет подушку. Перевернутый облас служит крышей, спасая от дождя и снега. Натянутый лоскут брезента, перекинутый через долбленку и с двух сторон пригвожденный деревянными колышками к самой земле, укрывает путешественника от поддувов капризного ветра.

Всю ночь бушевал ветер, затем запуржило. К утру все вокруг покрылось тяжелым мокрым снегом. Берлогу Тэранго занесло

таким толстым слоем плотного снега, что он не без труда выполз на белый свет. Свет сегодня, действительно, был белым. Только вода большой реки оставалась темной, отражая угрюмое серое небо, поглощая непрерывно осыпающийся с окружающей серости снег. Летят и летят снежинки, исчезая тихо и незаметно у самой воды, будто ныряют в эту серую, студеную воду.

Лишь к обеду следующего дня снег прекратился, ветер присмирел. Тэранго упаковал свои пожитки, спустил облас на воду. Вглядываясь в темную водную даль, пугавшую путника своей серой непроглядностью, он сначала услышал, а потом и увидел уже знакомый катер, появившейся из-за поворота, идущий курсом в верховья реки. Фарватер в этом месте проходил под его берегом, поэтому катер оказался на небольшом расстоянии. Его тоже заметили на фоне белого снега. Резко сбавив обороты, катер повернул в его сторону.

– Привет, Тэранго! – кричал Сергей. – Поднимайся к нам на борт, нам с тобой по пути!

– Я же говорю, что мы еще встретимся, – Юлий Семенович, искренне радуясь встрече, помогал принимать свертки на борт катера.

Погрузили облас, разместив его вдоль борта. Пока Василий привязывал деревянный челн веревками к лееру, геологи обнимали его, как старого друга, радостно похлопывая ладонями по плечам, спине.

– Как же ты в такую жуткую погоду на улице ночевал? – рокотал Сергей.

– Это же просто невозможно, – удивлялся Юлий Семенович.

– Что ж тут невозможного? – в свою очередь удивился Тэранго. – Если у человека есть одежда и огонь, он не замерзнет.

– Так-то оно так, но все равно под крышей, да у печки веселее, – возразил подключившийся к разговору Дамир.

– Печку с собой в обласе не увезешь... А погода бывает разной, какая дана, такой и нужно радоваться. Погоду не изменишь, к ней только приладиться можно, – рассуждал Тэранго.

– Ну, ладно, днем еще можно как-то согреться, а ночью?.. Это же просто мрак, – Дамир искренне удивлялся стойкости Тэранго.

– И ночь не хуже дня, она тоже нужна человеку и всему живому. Нам всегда старики говорили: радуйся дню, радуйся ночи, радуйся солнцу и дождю радуйся тоже, – ответил Тэранго.

Тэранго был рад встрече с этими искренними доброжелательными людьми, он был рад возможности отдохнуть от надоевшего навязчивого кострового дыма, крутившегося собачьим хвостом с утра до вечера на сыром берегу. Он мог, наконец, обсушиться: у костра в снежную погоду одежда не сушится, а наоборот, только увлажняется от таяния падающего снега. Катер подвернулся как нельзя кстати.

В кубрике топилась печка, распространяя тепло, кипел, противно повизгивая чайник.

– Сегодня уже не так визжит, – Василий кивнул в сторону чайника, – значит, погода все же наладится. Он охотничьим ножом открыл тушенку, поставил рядом с чайником на печку.

– Да, эта примета верная, – подтвердил Тэранго. – Чайник пищит обычно к непогоде, а огонь трещит к плохим новостям, – Тэранго почему-то вспомнил, как вспыхивал огонь после похорон старого Кути, когда Устина забыла провести очищающий обряд окуривания.

– Печка у нас сегодня горит спокойно – не дымит, не искрит, – вставил свое слово Дамир, – сегодня я костровой, он достал кружки с самодельной полки.

– Это хорошо, когда огонь горит спокойно, это хорошо, что не искрит, – сказал задумчиво Тэранго.

Подсели к столу Сергей с Юлием Семеновичем. Чайные кружки на маленьком столике, крепко привинченном к полу, выстроившиеся в ряд, кусковой сахар в глубокой тарелке, направляли мысли в сторону легкую и приятную. И беседа завязалась как-то непринужденно. Тэранго рассказывал о своей жизни в тундре, об обычаях и традициях своего народа, о своем друге, который недавно переселился в Нижний мир, о том, что сейчас идет «самый главный месяц» для оленеводов.

Его попутчики коротко поведали о своих планах. Оказалось, что его новые друзья направлялись в Тольку, где нужно забрать одного человека и оставить там груз, который потом понадобится.

– Наши исследования по поиску нефти и газа будут продолжены, и это оборудование пригодится, – пояснил Юлий Семенович.

– Значит, уже и у нас ищите, – с тревожностью констатировал Тэранго.

Он почему-то в этот миг подумал о своем старом добром друге Мыртя, о том, как сейчас будут доставлять почту; и о том, что не зря все чаще летают вертолеты недалеко от их чумов.

– Почему же ищем? Уже нашли газ. Уже бурить начали, – голос Сергея источал твердость человека, уверенного в своей правоте. Он достал карту и указал места, обозначенные красными флажками.

– Вот где флажки – это будущие месторождения, – Сергей явно гордился тем, что и его бригада приложила к этому, как он считал доброму делу, руку.

– Все в красном, – сказал Тэранго. – Так земли для оленей не останется.

– Останется, – оптимистично ответил Сергей. – Земли всем хватит.

Конечно, Тэранго встревожили планы геологов-сейсмиков. Карта с рассыпанными по зеленому полю красными флажками лежала на столе, примагничивая его взор. Капельки крови, как ему сейчас казалось, разбрызганные по его тундре, по тайге, будили в душе смятение и отзывались тихой грустью и тревогой, грустью по чему-то если не утраченному, то, несомненно, подвергаемому опасности. Он провел по карте рукой, посмотрел на ладонь, но крови на руке не было. Думы увели его от разговора, продолжавшегося за столом, но, как ему показалось, никто этого не заметил.

– Мир устроен так, что людям нужно много газа и нефти, – услышал он голос Сергея.

– Ты так говоришь, будто не сами люди устраивают этот мир, – возразил Тэранго.

– Да, но мир уже таков, каков есть. Большинство людей на земле нуждаются в источниках энергии, люди хотят жить лучше, их потребности растут, – вступил в разговор Юлий Семенович.

– Люди становятся жаднее? – спросил Тэранго.

Юлий Семенович хотел возразить или даже пуститься в полемический спор, что, дескать, вектор развития человечества направлен на улучшение качества жизни, а удовлетворение потребностей как раз и является неким мерилom этого самого качества... И что это не имеет ничего общего с жадностью... И что это неизбежное стремление человека к прогрессу... Так он хотел сказать, так он думал возразить. «А зачем?» – вдруг спросил себя Юлий Семенович. Жадность! Жадность! Его обескуражила простота и лаконичность выраженная в такой простой, и что тут возражать – справедливой формуле. Как он прав!

– Да, люди становятся жаднее в своем стремлении обладать все большими и большими богатствами, чтобы в большей мере удовлетворять свои потребности, – согласился он с Тэранго.

– Но ведь жадность наказуема. Разве люди этого не знают? – Тэранго пристально посмотрел в глаза Юлия Семеновича.

– Люди об этом не думают. Кто их накажет? У кого больше денег, тот лучше защищен. Так они думают, – подключился к спору Сергей.

Тэранго отвернулся от собеседников, устремив свой взор в круглый иллюминатор. После возникшей паузы сказал хриловатым тихим голосом:

– Я знал одного очень сильного и удачливого охотника, звали его Майма Нгокатэтто. Духи нашей земли наказали его за то, что он излишне много хотел добыть диких оленей.

И Тэранго повел свой рассказ тихо, но каждое слово ловилось ушами слушателей, трогая души; уже не слышно гула двигателя, уже смолкла бесконечная музыка шелестящей воды в круглом иллюминаторе; его слова впитывались в кожу, лица слушателей словно вытянулись в сторону рассказчика.

О жадном охотнике Майма Нгокатэтто повествовал он так, словно пел какую-то грустную песню. «Не смог утолить свою жадность Майма: все убивал и убивал оленей, которые не могли уйти по проваливающемуся насту» – словно напевал Тэранго, ведя свое повествование все дальше. «Он так и погиб, разорвали его волки, учувявшие запах крови. Да, он сражался

с волками, даже тогда, когда кончились патроны. Он был от-
важным охотником. Но волки одолели его, они были сильнее
Майма, потому что это были не волки, а разгневанные Духи
Земли...»

Рассказ Тэранго закончился. Наступила тишина. Даже Да-
мир, имевший на все случаи жизни готовые рецепты, и по ка-
ждому поводу свое и, естественно, верное мнение, проронив с
растяжкой «Да-а-а-а...», пошел спать. Его примеру последова-
ли и остальные.

Х

Эту ночь Тэранго спал в тепле. Первый раз с того дня, как
оттолкнулся от родного берега. Одежду с вечера развесил над
теплой печкой. Она, отсыревшая за многие дни непогоды, нуж-
далась в сухом тепле, как его тело в отдыхе на мягком тапчане.
Утром, едва проснувшись, он услышал привычные голоса, ему
уже предлагают чай, завтрак.

– Как в чуме родном спал, я тут у вас совсем обленюсь, –
пошутил Тэранго, усаживаясь за стол.

– Впереди тебя ждут еще немалые трудности, – ответил
Сергей, – так что облениться не успеешь, Тэранго.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Юлий Семенович, – пока
до водораздела доберетесь, всякое может случиться. Я тут
приготовил кое-какие лекарства. Вот это – антибиотики.
Слышали?

– Знаю, – уверенно ответил Тэранго, – наши уже лечились,
крепкое лекарство, говорят.

– Крепкое, – подтвердил Юлий Семенович, – при тяжелой
простуде принимать, а при воспалении легких, когда жар – по
две таблетки можно – три, а то и четыре раза в сутки. Курс
лечения, обычно длится неделю. Тут и аспирин есть – это от
температуры. Антибиотик лечит воспаление, а аспирин про-
сто сбивает температуру, – пытался объяснить он.

– Понятно, аспирин лекарство известное, – соглашался
Тэранго.

– Тут бинты, йод. Мало ли что может случиться. Перефрази-
руя известную поговорку – на богов и духов надейся, да сам не
плошай, – продолжал всегда основательный Юлий Семенович.

– Это хорошо, – соглашался Тэранго, принимая сверток из рук Юлия Семеновича, слывшего среди своих товарищей доктором.

Расставаясь с новыми друзьями, Тэранго подумал о том, что судьба пока благосклонна к нему, и то, что ему встречаются только хорошие люди, тому подтверждение вот эти надежные и доброжелательные друзья.

* * *

Облас тихо резал острым носом желтоватую студеную воду. Солнце, отражаясь от зеркальной водной глади, слепило глаза до боли, редкие облака застыли в безбрежной сини. Река заметно сузилась: с обоих берегов густая тайга подступала к самой воде. Продвигаясь вдоль берега, Тэранго старался избегать напористого течения. А то, что течение стало сильнее, чем в низовьях, он понял, лишь только поставил свой челн на воду.

Солнце каждый день выныривало слева из-за верхушек, тесно прижавшихся друг к дружке кедров, лиственниц, сосен, еще не распустившихся осин и роняющих желтую пыльцу белокорых берез; оно долго ползло по высокой дуге в синеве, отражаясь от гладкой поверхности Большой реки, слепило глаза, заставляя Тэранго щуриться до боли. После полудня Тэранго перебирался под правый берег, чтобы спрятаться в тени, отбрасываемой нависающими высокими кедрами, и дать глазам отдых. И так каждый день Тэранго продвигался все дальше в сторону полуденного солнца. Иногда для него, то ли погруженного в воспоминания, то ли охваченного смутными предчувствиями или яркими предвосхищениями, вдруг исчезали солнечные блики, всплески упругой воды под легким, как перо, веслом, исчезали все звуки. То ему привидятся олени, нескончаемым потоком текущие по белоснежным холмам, то обоз, вытянувшийся длинной веревкой тянется груженный домашним скарбом... То островерхие чумы выплывут в спутанном сознании, то маленькие дети, беззаботно бегающие по мягкому ягелю босиком, ощущающие теплые и нежные поце-

луи Земли. В колыбельке тихо спит маленький Хойко; жена, отрываясь от шитья, качает берестяную колыбельку...

Сменяются долгие дни короткими серыми ночами... Сменяется солнце луной, только студеная вода под облаком течет непрерывным потоком, не меняясь, напоминая путнику о так уже надоевшем монотонно текущем времени. А весло одинокого путешественника взмах за взмахом, погружаясь в воду, продвигает облас вперед. Грести становится все тяжелее.

И сегодня уже к полудню спина напоминала о себе ноющей болью, ладони горели, будто от горячих углей, ноги от долгой неподвижности превратились в бесчувственные деревянные.

Хотелось остановиться, выйти из обласа, «промять ноги». Он не находил еще какой-нибудь причины, чтобы остановиться. И вот она представилась: сразу за поворотом реки, Тэранго увидел глухаря, сидящего на нависающей над водой сухаре. Выстрел – и птица рухнула в воду. Охотник достал птицу, а, приметив тихую заводинку, пристал к берегу. Остановка оказалась полезной не только для разминки ног. Тэранго решил пройти вдоль берега по звериной тропе, которая вывела его на небольшую полянку. Старое кострище. Рядом с кострищем лежали несколько обугленных поленьев и длинное бревно, а над ним к двум тонким осинам прилаженная поперечина. Значит, здесь натягивали полог, ночевали. Люди выбирают ночлег не в каждом месте. Тэранго осмотрелся вокруг, подошел к самой реке. С высокого берега открылся вид на спокойную воду. Река в этом месте расходилась на два рукава. В какой из них ему нужно повернуть, Тэранго не знал, но он уже наметил себе место, где разведет костер, где, возможно устроится на ночлег – вон на том мысу, где расходится река на два потока.

В котелке варилось глухариное мясо, отдавая дразнящие запахи, легкий ветерок кружил не слишком докучливый дым; тихо, лишь изредка потрескивая, горел костер. «Дóбро будет», – подумалось Тэранго. «Буду ждать: ни солнце, ни луна, ни звезды сейчас не помогут. Только на человека надежда», – и он начал готовиться к ночлегу. Хоть ночь и не придвинулась так близко, чтобы торопиться, но Тэранго не стал оставлять необходимые дела на потом: натаскал дров, соорудил укрытие, как делал уже

много раз. Пригревшись у огня, он уснул. Сколько времени проспал Тэранго, того он не знал, но, открыв глаза, увидел, что огонь по-прежнему горит. «Странно, – подумал путник, – костер должен был бы уже угаснуть». Тэранго оглянулся и увидел сидящего рядом старика. Скуластое морщинистое лицо, седые усы, спускающиеся острыми углами, давно небритая редкая щетина выдавали человека, обремененного годами.

– Здравствуй, добрый человек, – произнес старик, оценивающе разглядывая наконец-то проснувшегося гостя.

– Здравствуй, – обрадовался встрече Тэранго. – Издалека иду, – сказал он, опережая вопросы, – и путь мой неблизкий.

– Вижу, что не из наших. Снизу пришел?

– Да, с низовья поднимаюсь. От самой тундры иду...

– Меня Галактионом зовут, – старик подошел, протянув руку. Он не выказал удивления по поводу того, что этот незнакомый человек пришел «от самой тундры».

– Тэранго, меня зовут Тэранго, – пожал руку путник.

– Галактион... Не знаешь, куда дальше идти? – старик снисходительно улыбнулся.

– Не знаю, потому и остановился. Люди, думаю, подскажут.

– Подскажу, как не подсказать? Издалека, значит? – старик бросил докуренную папиросу в огонь, – я живу тут рядом. У меня заночуешь, собирайся – не здесь же ночь коротать, – сказал он спокойно, но голос его был тверд. Сказал, будто черту подвел.

Стойбище, действительно, располагалось «рядом». Стоило обогнуть мыс, поросший густым сосняком, зайти в протоку, как появились явные признаки близости жилья. И не нужно было обладать особой наблюдательностью и прозорливостью, чтобы понять это. Разбросанные ржавые бочки на берегу, перевернутая полузатопленная дюралевая лодка, невод, сушившийся на высоких вешалах – все свидетельствовало об этом.

Два обласа пристали к мостику, сделанному из тесанных потемневших от времени плах. Мостик едва возвышался над бортами обласов. Галактион проворно бросил на плахи залатанный в нескольких местах мешок, перевязанный бечевой. В мешке, заполненном менее чем на четверть, шевельнулась, пытаясь распрямиться, довольно крупная рыба. Лениво

взлаiali собаки и сразу смолкли. На берегу, как грибочки, выросли две детские фигурки: мальчик лет шести и девочка младше его на пару годков. Дети, возникшие из-за спины крутого берега, остановились в нерешительности, увидев чужого человека.

Тэранго и Галактион, вытащив свои обласа на берег, перевернули их; взяли каждый свою поклажу, поднялись на берег.

– Помоги, Кирилка гостю, – обратился Галактион к мальчику, заметив, что не всю ношу может прихватить Тэранго за один раз.

Мальчишка прытко сбежал с берега, схватив лежащий на траве брезентовый куль, перевязанный веревкой.

Избушка Галактиона будто втиснулась между двух больших сосен, за ней у самого подножия возвышающейся горы виднелась изгородь для оленей. Чуть в сторону леса и выше стояла еще избенка, прилепившись к самому взгорку. И третья изба, срубленная, похоже, недавно, озорно поблескивала своим светлым боком. Она располагалась по другую сторону вытоптанной до песка поляны на ровном месте. За ней небольшое пространство было занято выстроенными вряд тремя лабазами. Их возраст, как и изб, читался легко: посредине чернел на высоких ногах самый старый, справа посветлее – чуть помоложе, и совсем новый – с левой стороны.

Кирилл торопливо бросил поклажу у порога избушки, подошел к сестричке, присел рядом. Дети, застыв в нерешительности, прижались друг к дружке, сидя на грубо срубленной скамье.

– Это мои внучата, – гордо произнес Галактион. – Младшие, старшой – в интернате. Скоро и Кирилка в первый класс пойдет, – и он глянул на внука, сидевшего у самого порога и так и не вознамерившегося подойти ближе к гостю. Девочка прилипла к нему и робко выглядывала из-за плеча брата. – Ерофей, отец ивоный угнал оленей на весенние пастбища, – продолжал Галактион. – Я теперь у них в няньках. Да, Лизавета? – обратился он к девочке.

– Да, – несмело ответила Елизавета.

– Мои тоже откочевали на летние пастбища, – произнес задумчиво Тэранго, – спасибо тебе за помощь, Кирилл.

Мальчик, не ответив, стеснительно опустил глаза.

– У вас-то там, говорят, далеко кочуют, – не то спросил, не то констатировал факт Галактион.

– Да-а-а, – протянул Тэранго, – к самому Северному морю, однако, каслаем.

– А мы тут недалеко, за озером обычно веснуем. Ерофей решил там избу рубить, вот и оставили детей. Я бы ему помог с избой еще в прошлом году, но вот и в прошлом не пришлось, и в этом... как-то все не получается... – Галактион замолчал, собираясь с мыслями. Глубоко вздохнув, открыл скрипучую дверь, приглашая гостя домой.

Зашли в избу. От печки распространялся теплый дух. На самом углу жевреющей печки стоял чернобокий, с гнутыми боками, чайник. Хозяин передвинул его на середину. Он достал папиросу, долго мял в руках, подошел к печке, достав совком уголек, прикурил, подбросил пару поленьев. Тэранго не торопил собеседника, он смотрел в прикрытую только что дверцу печки, сначала выпустившую волосатые хвосты дыма и также втянувшую их обратно, как только она захлопнулась. И непонятно было: то ли отвлекся и задумался о своем Галактион, то ли собирался с мыслями для продолжения разговора.

– Сначала старуха потерялась. Аккурат в прошлую весну, – заговорил после паузы Галактион, – за Ерофеем да Варварой – невесткой – увязалась оленей перегонять на весновку. «Помогу, – говорит, – ребятам оленей угнать, а на обратном пути клюквы поищу. Она, – говорит, – весной сладкая». Она тут вокруг клюквенные болота лучше меня знает. Я и перечить не стал. Пусть, думаю, наберет клюквы, пока не издрябла. А оно видишь, как вышло? Через пару дней снег засобирался. Сначала потихоньку, а потом так помело, что свету не видно. Два дня буранило, снегу чуть не по колени не насыпало. Весь обыскался – не нашел старуху. Она от них перед самым-то снегом и вышла. Шаман как-то заезжал толькинский. Покамлал, покамлал он у святого места и сказал: «У медведя она в берлоге живет». Так в тот год и не помог сыну избу поставить. А в этот год брат младший заболел. Что случилось, понять не можем. Здоровый всегда был, а тут прямо сгорает от жару. Заживо сгорает. В поселок ехать отказывается. «Не надо мне врачей, шамана зови, – говорит, – Силантия, он поможет».

А где я ему Силантия возьму? У него, говорят, у самого короткая душа, говорят, он уже слышал земной гул.

В это время дверь избы со скрипом отворилась и на пороге появилась женщина, одетая в расшитую бисером малицу. Она, конечно же, видела, что приехал гость, она даже подумала, что это шамана привез Галактион. Долгонько не было Галактиона в этот раз. Обычно с сетями он управлялся быстрее. Вот и подумалось, а не за шаманом ли он плавал на своем обласке.

– Здравствуйте, – с поклоном и почтением произнесла она низким бархатистым голосом. И в этот же миг поняла, что это не шаман.

– Вы не шаман? – спросила она, и голос ее дрогнул.

– Нет, – выдавил Тэранго.

– Кузьме совсем плохо, – обратилась она уже к Галактиону. – Так плохо ему еще не было, прямо весь горит, – женщина поднесла к глазам угол цветастой косынки, – он меня не признает, – боюсь я, – она всхлипнула, смахнула рукой слезу.

– Совсем плохо? – как-то обреченно спросил Галактион, и перевел взгляд на Тэранго. – Вот видишь? – обратился он вопросом к гостю, обнажив свою боль. Будто оправдываясь, будто защиты искал.

Тэранго почему-то почувствовал себя причастным к происходящему, в груди его разлилась тихим щемлением боль. Он еще не видел больного, но ему хотелось если не помочь, то хоть посочувствовать, но никакие слова не подбирались, он не знал, что сказать, что должен сделать сейчас в эту минуту. Неловкость усиливалась еще и тем, что он не шаман, а ждали здесь именно его.

Тэранго вдруг вспомнил о том, что сейсмоки дали ему коробочку с медикаментами. «Если простынешь, и поднимется высокая температура, принимай вот эти таблетки – антибиотики», – вспомнил он их напутствие, – а Кузьма как раз «сгорают от жару».

– Послушайте, – сказал он, обращаясь и к Галактиону и к вошедшей женщине, – мне сейсмоки дали таблетки – антибиотики называются. Может, таблетки помогут? Они говорили, что принимают антибиотики, когда жар, когда человек простудится. Они даже от воспаления легких спасают, так сказали

сейсмики... они еще аспирина дали, – Тэранго даже удивился, как это он запомнил все замысловатые слова, сказанные ими.

– А кто такие сейсмики? – спросил Галактион. Ему нужно было удостовериться, что лекарство дали люди с добрыми намерениями.

– Ну, это вроде геологов, они так же ищут нефть, газ, – коротко поведал о своих попутчиках Тэранго, как смог и как понял, – они хорошие люди – мне помогли... – продолжил он.

Этого уже было достаточно, чтобы принять решение. Вера, а именно так звали вошедшую женщину, покорно ждала, что скажут мужчины.

– Бери свои таблетки, Тэранго, и пойдем к брату, – твердо сказал Галактион.

Он достал чистую малицу, быстро переоделся, пригладил растрепавшиеся волосы, и направился к двери.

– Пойдем, – уверенно произнес он, махнув рукой, как бы приглашая к выходу Тэранго и Веру.

Дети тоже вскочили на ноги, но Галактион подошел к ним, что-то шепнул, и они снова сели на скамью.

В избе брата Галактиона было светлее, что ли, а, может, просто уютнее. Слева, ближе к окну, лежал больной, укрытый толстым одеялом, хотя в избе было достаточно тепло. Лицо больного, освещенное боковым дневным светом, казалось бледным, на лбу и висках выступил пот крупными каплями. Он отреагировал на хлопнувшую дверь, повернув лицо с впалыми щеками; а именно сейчас эти впадины обозначились образовавшимися тенями. Он медленно открыл глаза, окинул все пространство избы. Силясь хоть как-то сконцентрировать взгляд, больной держал голову лицом к двери. Мутные зрачки закатились под верхние веки.

– Шаман-гора светится, шаман-гора светится, – бредил он, – она светится, смотрите, смотрите, она испытывает силу моей души. Дайте мне ткань, дайте мне белую ткань, жертвенную ткань, – больной стал хватать воздух ссохшимися от болезни руками.

Галактион подтолкнул в спину Тэранго.

– Подойди к нему, – шепнул он, – скажи, что ты пришел помочь ему.

– Здравствуй, Кузьма, – достаточно громко сказал Тэранго, – я пришел, чтобы вылечить тебя.

Глаза Кузьмы открылись, продемонстрировав на этот раз хоть какую-то ясность зрения.

– Силантий! – почти воскликнул больной. – Шаман, шаман! Я знал, что ты придешь. Только ты мне поможешь, твою силу знают все, – уже почти шепотом закончил он фразу. Силы его иссякли.

– Дайте воды, – твердо сказал Тэранго.

Вера уже стояла рядом с кружкой. «Если будет очень плохо, принимать по две таблетки три, а то и четыре раза в сутки в течение недели», – вспомнил Тэранго слова Сергея. Он достал две таблетки.

– Это нужно запить водой, – обратился он к больному.

Подождал Галактион, приподнял голову брата, тот послушно принял таблетки, жадно выпил воду из кружки и в изнеможении снова откинулся на подушку.

– Их нужно принимать по две таблетки четыре раза в сутки семь дней подряд, – обратился Тэранго к хозяйке дома, протянув ей коробочку с лекарством, – так сказали сеймики, – и аспирин нужно давать, пока у него температура, – продолжил он уверенно.

– Он не возьмет лекарства из моих рук, – сказала Вера.

– Он возьмет лекарство только из твоих рук, – подтвердил Галактион. – Я не знаю, куда ты направляешься, не знаю твоих планов, Тэранго, но хотел бы просить тебя...

– Я задержусь, Галактион, настолько, насколько потребуется, я никуда не уеду, пока моя помощь будет нужна, – опередил Тэранго озабоченного брата больного.

XI

Через каждые шесть часов и днем, и ночью больной слизывал чудодейственные таблетки с ладони Тэранго. Еще сутки он бредил, скидывал с себя одеяло, порывался встать, и тут же забывался в беспамятстве. Ему грезилась Священная гора, которую раз в семь лет должен посетить каждый селькуп. Он в своих бредовых метаниях вспоминал, как старик Трифон, едва

влачивший переломанные когда-то раненым лосем ноги, мужественно взбирался на крутую гору, отказываясь от помощи. Следовавшие за ним сородичи дивились этому чуду, ибо он с трудом передвигался по дому и едва мог дойти от порога до своего обласа на реке, а тут он делал шаг за шагом, поднимаясь все выше к вершине священной горы. И только спустившись обратно к подножию ее, и рухнув у кострища на берегу озера без сил, бормотал тихо: «Я испытал силу души, я испытал силу души, я поднялся на Шаман-гору». Тогда-то и рассказал старик Трифон, как в молодости восходил он на Священную Шаман-гору и видел ее дивное свечение. «Только тому оно открывается, кому святые духи отмеряли много лет земной жизни. Мне и сегодня открылся священный огонь», – шепнул он тогда Кузьме. «Ты тоже увидишь священный свет», – добавил тогда старик.

– Я вижу, я вижу! Она светится, Шаман-гора светится! – бредил он. – Я добрался до вершины, она светится! Я испытал силу души, – снова бредил больной.

– Его голос стал крепче, – проговорил Галактион, с надеждой посмотрев на Тэранго. Больной безропотно запил водой таблетки, выпил сладкого чая, заваренного на лекарственных травах.

– Что он сказал? – спросил Тэранго, повернувшись к Галактиону.

– Он говорит, что Священная гора светится, что он испытал силу души... А свечение может видеть только тот человек, которому отмеряно на этом свете много лет; а кто испытал силу души, тот обретает особенную силу, – добавил Галактион.

– Шаман-гора священна для каждого селькупа, – продолжал тихо Галактион, будто боясь потревожить духов Священной горы, – каждый селькуп должен испытать силу души; и я там был, и Кузьма. Но не каждому открывается ее священный свет.

– Священная гора светится, ты испытал силу души, – сказал по-русски Тэранго, обращаясь к Кузьме.

– Я испытал силу души, – ответил на русском языке Кузьма, облизывая сухие губы.

Наступало утро. Только чуть посерело, а Галактион в праздничном одеянии уже сидит у постели больного брата. Вера, до-

гадавшаяся о намерении Галактиона, вышла на улицу и тут же вновь появилась на пороге.

– Скоро взойдет солнце, – возвестила она.

– Не появились ли облака в стороне восхода солнца, в стороне утренней зари?

– Нет, Галактион, небо чистое, – ответила жена больного.

– Не сорвался ли ветер, могущий нагнать внезапно тучи? – снова спросил Галактион.

Вера вновь на миг вынырнула за порог.

– Нет, вершины деревьев не колышутся, – грудным голосом отвечала она.

И вот первый луч проник в избу, заиграл яркой полоской, прочертив золотую линию через всю избу, и на противоположной стене отразилось яркое солнечное пятно. Солнце золотым бубном выкатилось из-за дальнего леса, что выстроился темным забором на том берегу протоки, и изба наполнилась утренним светом. Галактион повернул больного на постели, передвинул его так, чтобы лучи солнца попали на его лицо и непременно в ноздри.

– Лучи солнца дадут ему жизнь, проникнув через ноздри, мой брат еще не стар, у него еще не истончилась душа, он видел свет Священной Горы, – сказал он, обращаясь к Тэранго.

– Он испытал силу души, – тихо произнесла Вера, – ему рано в Нижний Мир, ему помогут животворящие лучи солнца. Мы, обитающие в мире живых, хотим, чтобы и он был здесь, – она шептала эти слова, как молитву.

– Солнце, солнце! Дай силу моему брату, не позволяй истончиться душе, – шептал он отрешенно, – он видел, видел свечение Священной горы...

Тэранго смотрел на странный обряд молча. Жена больного в покорной позе с поникшей низко головой сидела у постели, будто ожидала еще каких-то распоряжений старшего брата мужа. Она готова была исполнить самое сложное, самое опасное поручение, она готова была собственными руками развести облака, своим телом перекрыть порывы ветра, она готова была пожертвовать собой во спасение своего мужа.

– Скажи свое слово, шаман, – обратился Галактион к Тэранго дрожащим голосом. Изможденный вид Галактиона,

его умоляющий взгляд вернул Тэранго к реальности. Тут он вспомнил о своем талисмане. Он достал из-за пазухи висящий на толстой нитке священный клык медведя, выбеленный временем, поднес его к самым губам.

– Седой Старик, не дай оборваться ниточке, на которой висит душа Кузьмы, – прошептал Тэранго в раскрытую ладонь, на которой лежал священный клык медведя, выбеленный временем.

Галактион изумленно глянул на Тэранго, но ничего не сказал. Тэранго спрятал священный клык за пазуху.

– Да, – подтвердил Тэранго, прервав возникшую паузу, – солнце дает жизнь всем: и людям, и зверям – всем, кто населяет этот мир между небом и землей. Я попросил помощи Седого Старика. Он поможет тебе, Кузьма, – обратился он к больному.

Лицо Кузьмы повернулось на эти слова.

– Он услышал твой голос, ему поможет Седой Старик, – произнес тихо Галактион.

Так прошел еще один день. Состояние больного существенно не менялось. Радовало то, что он принимал таблетки и пил сладкий чай, и взгляд его стал более осмысленный.

Прошел еще один день.

– Сегодня половинка луны, – Галактион пристально посмотрел на Веру, – пришла пора провести остяцкий обряд возрождения усынг юх. Ты остячка, вот и пойдем, выберешь священную лиственницу.

– Сможешь ли ты найти священную лиственницу? – Галактион в упор сверлящим взглядом посмотрел в глаза жены своего брата.

– Я найду священную лиственницу, – уверенно произнесла в ответ Вера.

Долго выбирала Вера нужную лиственницу, словно боялась ошибиться, словно искала именно ту, в которой скрыта та великая исцеляющая сила, что сможет помочь ее мужу.

– Вот эта, – указала она рукой, но не стала касаться ее.

Галактион сделал затес.

– Снимешь с Кузьмы рубаху. Принесешь ее, когда Ерофей приведет жертвенного оленя. И не забудь жертвенную ткань – белую. Большой лоскут нужен...

– Все сделаю, как скажешь, – покорно молвила Вера и поспешила в сторону дома.

Прежде чем взяться за работу, Галактион трижды обошел по солнцу вокруг дерева. Потом он потрогал шершавую кору священной лиственницы рукой.

"Ты, священная лиственница,
Ты, дарящая силу возрождения,
Мы обрядим тебя в новые одежды,
Мы принесем тебе в жертву важенку.
От леса к реке, от болот к священному лесу
всё живое будет восхвалять тебя.
Все люди моего рода
и в нижнем мире, и в том,
что находится между землей и небом,
хотят сказать тебе:
никогда в нашем роду не рубили дерево напрасно,
никогда в нашем роду не топтали траву напрасно,
никто из нас не бивал дичи безмерно".

Непростая работа – прорубить в могучей лиственнице отверстие. Сначала Галактион сделал затесы с двух сторон, что убрало около половины толщины ствола. Летят щепки, натужными и гулкими вздохами отдаются удары топора о вязкое древесное тело могучей лиственницы, вздрагивают тревожно разложистые лапы, опушенные только нарождающимися нежными иголками. Присел Галактион отдохнуть на поросший мхом пенёк, достал папиросы. Перед ним лежало окраеванное густыми гривами круглое болото. Закурлыкали журавли. Галактион поднял глаза к небу и тут же увидел ровный журавлиный клин, вынырнувший из-за густых сосновых и кедровых крон, потянувший на север.

– Скоро достигнут они ненецких чумов, и дети твои, Тэранго, и внуки увидят их, как я вижу! – сказал он громко.

– Да, журавли гнездятся в тундре у самого Северного моря, – откликнулся Тэранго, принесший охапку сухих дров. – Первыми прилетают лебеди, они уже там. Я их встречал еще тогда, когда долбил облас.

– И у нас на большом болоте, где веснует Ерофей, на берегу озера тоже гнездятся журавли. У птиц, как и у людей, свои места насижены, свои дороги наторены, – Галактион смотрел вдаль, – там, за гривами где-то потерялась моя старуха, – вернулся он мысленно к своей боли, махнул рукой в сторону болота.

Лиственница, выбранная Верой росла на самом краю гривы, и с того места, где присели отдохнуть Тэранго с Галактионом, открывался вид на круглое болото, взятое в кольцо сплошным лесом. Солнце поднялось уже высоко, щедро осыпая своим ослепительным блеском опушку. Ночной холод только сменился теплом, и несмелая стайка комаров пугливо виляла около них, шарахаясь дружно от табачного дыма. В большом муравейнике, расположившемся на самом солцепеке, тихо копошились муравьи; воздух наполнялся непрерывными переливами самых разных птиц. В воздухе пахло прелым мхом, поднимающейся от болота сыростью, набирающим цвет багульником. Вдруг до слуха донеслась нежная песня затерявшегося в густых зарослях рябчика, оборвавшаяся так, будто горло певца резко перехватилось, и уже с другой стороны отозвалась подружка, выводя свое коленце. Галактион повернул голову.

– Чего это он засвистел? Никак подпугнул кто?

Тэранго тоже насторожился, ему уже давно показалось, что будто прислушивается Галактион к звукам тайги, будто ждет чего-то. Послышались приближающиеся шаги. Показался Ерофей, он привел жертвенную важенку. Галактион вытер пот уже увлажненным рукавом, поднялся навстречу сыну, глянул благодарным взглядом.

– Отец – это одна из тех двух важенок, которых ты готовил для вознесения жертвы на Священной горе.

Галактион одобрительно кивнул.

– Вижу, отдохни сын, приготовь все необходимое, и начнем... – он поднял топор и взялся за свою работу с новой силой.

Провели обряд моления, пружинисто кланяясь в полупоклонах, поворачиваясь по солнцу. Тэранго поглядывал на Галактиона, повторяя за ним все движения очень похожие на те, что издавна знакомы ему. Галактион что-то неистово нашептывал, покачиваясь. Временами он останавливался, замирая,

будто собирался с силами или мыслями, и продолжал молитву дальше. Тэранго тоже качаясь, поворачиваясь в разные стороны, молитвенно обращался к добрым духам этой земли, прося у них выздоровления Кузьме.

Уже Тэранго с Ерофеем развели костер, подвесили над жаркими языками пламени чернобокий котел, уже спущены в котел куски жертвенного мяса, а Галактион продолжал свою работу. Ни от кого не принял он помощи: сам должен проделать отверстие в могучей лиственнице. Наконец, щепка вылетела с противоположной стороны. Еще несколько ударов топором – и образовалось продолговатое отверстие.

Вера, все это время тихо сидевшая в сторонке, подала Галактиону рубашку больного. Обессиленный Галактион поднял высоко над головой рубашку, воскликнул:

О, священная лиственница,
Силой земли, солнца и ветра обладающая,
Даруй Кузьме силу, даруй выздоровление!
Не дай истончиться душе.
Он был на Священной горе,
Он видел свечение ее,
Он испытал силу духа...

Голос Галактиона, возвысившийся с первыми словами, спустился с высоких нот до тихого бормотания; от звонкого перешел к дрожащему, тихому и смиренному.

Протащил он рубаху сквозь прорубленное отверстие. Все смотрели на священнодействие с благоговейным трепетом. На глазах Веры выступили слезы, куропаткой затрепетало спокойное сердце. «Не дай истончиться душе», – шептала она, подняв взор к вершине могучей лиственницы. «О, священная лиственница, не дай истончиться душе...», – шептали ее губы. Ей показалось, что лиственница вздрогнула, колыхнула ветвями, встрепенулась.

– Услышала, она услышала твою молитву, Галактион, она услышала меня, – сказала Вера, повернувшись к брату своего мужа.

– На, жена моего брата, возьми эту рубаху и возложи ее у ног Кузьмы. Теперь она приняла силу от священной ли-

ственницы. И эта сила перейдет к брату моему Кузьме, твоему мужу.

Галактион положил в выдолбленное дупло несколько монеток, повязал выше прорубленного отверстия жертвенный лоскут белой материи. Затем, пока Вера бежала в избу с наполненной силой священной лиственницы рубахой, повесил на дерево рога и шкуру жертвенного оленя, что оказалось делом непростым, и в этом ему помог молодой и сильный Ерофей.

Отведали мяса жертвенного оленя, неизменно хваля его превосходный вкус. Как только все необходимые действия были завершены, прибежала Вера.

– Он узнал меня, он дотронулся до рубахи, принявшей силу священной лиственницы, – поделилась она громко радостной новостью. – Он чаю попил, и взял с моей ладони священное лекарство, – она не скрывала своей радости.

– Священная лиственница поделилась с ним своей силой, – сказал Галактион.

– Не оборвись, ниточка, помоги ему, Седой Старик, – прошептал Тэранго, сжимая за пазухой священный медвежий клык, выбеленный временем.

Галактион дал знак вставать. Все подошли к нему вплотную, ожидая команды. Он был молчалив, лицо стало непроницаемым и строгим. Молча обошли вокруг священной лиственницы трижды по солнцу. Первым торжественно шагнул Галактион, рядом держалась жена больного брата, за ними в двух шагах – Тэранго, Ерофей, Варвара и их дети, держащиеся за руки своих родителей.

К вечеру после временного улучшения больной снова забредил, снова ему являлся «свет Священной Горы». Вера грустная сидела у постели больного, опустив голову, и тихо плакала. Галактион, утешая ее, сам с трудом сдерживался, чтобы не пустить слезу.

Когда уже терялась всякая надежда, когда казалось, что невозможно избежать самого плачевного исхода, надежда все же появилась. К вечеру второго дня пришла Вера. Лицо ее еще носило печать печали, но глаза уже выказывали эту самую надежду.

– Кузьма кушать попросил, – сказала она, скромно улыbnувшись, – пришла спросить у Тэранго, что можно дать.

Теперь она видела в нем шамана, а те положительные перемены, которые стали происходить в состоянии изнуренного страшной болезнью мужа, только утверждали ее в такой догадке.

– Я уже сварил добытого нашим дорогим гостем глухаря. Кузьма должен съесть сердце глухаря и похлебать глухариного супа, и съесть кусочек печени жертвенного оленя, – распорядился Галактион, посмотрев на Тэранго, ожидая одобрения.

– Да, ему нужно съесть глухариное сердце и хоть небольшой кусочек печенки жертвенного оленя, – подтвердил Тэранго.

Галактион налил в тарелку немного супа, нашел в кастрюле сердце глухаря. В другой тарелке лежал кусок оленьей печени, плавающий в крови жертвенного животного.

– Возьми, Тэранго, и отнеси брату. Я тебе помогу, – обратился он к Тэранго.

Кузьма полулежал, опираясь на подушки, напротив того же окна, у которого впервые увидел его Тэранго. Не заметить происшедших перемен в состоянии больного Тэранго не мог.

– Здравствуй, Великий Шаман, – произнес больной слабым голосом.

– Здравствуй, здравствуй, Кузьма.

– Тэранго сам добыл глухаря, – сказала Вера.

Услышав необычное имя, и то, что шаман сам добыл для него глухаря, Кузьма посмотрел на него благодарным взглядом. Тэранго вложил в руки Кузьмы теплую тарелку супа. Больной взял непослушной рукой ложку, зачерпнул суп, медленно поднес к губам. С каждым разом движения становились увереннее. Вдруг рука безвольно упала на одеяло. Ложка громко звякнула о тарелку.

– Устал, – промолвил Кузьма, – не думал, что ложка может быть такой тяжелой, – улыбнулся он, переводя взгляд с Тэранго на Галактиона, затем на Веру, которая стояла у печки, боясь пошевелинуться, вспугнуть нарождающуюся надежду. Он уловил еле заметную улыбку на ее усталом лице, и благодатное тепло укутало его лучше самой теплой малицы. Вера опустила глаза, а Кузьма еще какое-то время смотрел на нее, и в нем воскресало до истомы знакомое чувство – чистое и животворящее.

Он должен что-то сделать очень доброе и важное в благодарности этой женщине, и он сказал, как можно громче:

– Я съем всю еду, которую приготовил великий шаман!

Он сам себя поймал на мысли, что так обычно говорят дети, когда хотят порадовать маму.

– Много нельзя, – сказал Тэранго и взял из рук больного тарелку. Тот безропотно разжал пальцы и позволил Тэранго унести недоеденный суп.

– Через два часа пусть доест, – обратился он к хозяйке дома.

– Съешь немного печени жертвенного оленя, – сказал Галактион, глянув на Тэранго. Тот одобритительно кивнул. Кузьма послушно открыл рот. Галактион своей рукой поднес кусочек печени, дав запить глотком крови. – Та-а-ак, еще кусочек, еще...

– Хватит, много нельзя, – повторил Тэранго строго, – потом еще поешь, – обратился он к Кузьме.

– Что еще можно приготовить? – спросила Вера.

– Свари кисель из клюквы, – сказал Галактион, посмотрев на Тэранго, будто ища поддержки.

– Да, – подтвердил Тэранго, – можно клюквенный кисель.

Что стало причиной поворота болезни на выздоровление, никто не мог утверждать категорично. То ли это действие целебных таблеток, отданных сейсмиками, то ли «возрождающий солнечный луч, проникший в ноздрю», то ли придающее силу больному сердцу глухаря, то ли в его тело перетекла чудесная энергия священной лиственницы. А, может, слова шамана, содержащие великую силу. Никто на свете сейчас не мог утверждать определенно, какое чудодейственное средство смыло болезнь с «этой земли», но то, что больной стал обновляться, миновав тот край, где «кончается душа», радовало всех.

– Ему стало лучше, я буду делать все, как вы скажете, чтобы Кузьма выздоровел, – сказала тихо Вера.

– Да, мне лучше. Я вернулся оттуда... я уже видел обратную сторону Земли, но свет Священной горы оказался сильнее, – шептал Кузьма, засыпая.

Вера впервые за последние дни не испугалась того, что Кузьма закрыл глаза.

– Духи земные и небесные удержали моего мужа в нашем мире, но без твоей помощи, Тэранго, и твоей, – она повернула лицо в сторону Галактиона, – душа его могла истончиться, – сказала она.

– Не оборвалась ниточка, удержалась душа, – загадочно произнес Тэранго.

ХII

– Завтра я провожу тебя в самую вершину речки, а дальше Демьян, сын Кузьмы, поможет, и покажет место перетаска. Он в тех местах живет, уже не однажды переходил на ту сторону, – сказал Галактион. – Ты нам теперь как брат, ты спас Кузьму.

– Да, – сказал Кузьма еще слабым голосом, – Демьян покажет дорогу. Ты теперь мой брат. Галактион мне все рассказал. Я ведь уже заглянул по ту сторону Земли... Не знаю, как удержался...

И Кузьма поведал о том, как оказался в Земле, на которой никогда прежде не был: деревья сказочной красоты, большое озеро, окруженное такими большими камнями, что даже снег не тает на их вершинах. В том озере люди ловят рыбу, а ее там великое множество, и никаких трудов не стоит ее добыть. Там много оленей, и нет бед и несчастий. Там он и встретил своих родителей, которые рассказали ему, что живут на берегу озера в каменной пещере хорошо. Иные ждали своих жен и детей, не сокрушаясь, однако, что их пока здесь нет. «Когда час настанет – придут, зачем их торопить».

– А не видел ли ты там старуху мою? – спросил Галактион, прикуривая папиросу.

– Нет, не встретил я ее на тех тропинках, по которым ходил, – ответил Кузьма.

– Где она заплутала? Может и вправду в берлоге у мохнатого живет. Шаман так сказал, – клубы дыма окутали лицо Галактиона.

– Может, не отпускает ее мохнатый старик ни к людям, ни к духам предков, – Кузьма развел руками.

– Кто знает, как оно там. Не всё люди знают... – задумчиво сказал Галактион.

Тэранго слушает собеседников, не вмешиваясь в ход разговора. Хотя и видит большую разницу в устройстве мира, но не удивляется, ведь много дней и ночей прошло, далеко уплыла его лодка-облас, а, значит, многое уже изменилось в мире. Безлесая тундра далеко позади, и кедры, которые к ним приносит большой водой, растут здесь везде по берегам рек. Что ж тут удивительного в том, что и Нижний Мир здесь устроен по-другому.

– Я рад, Кузьма, что ты задержался в этом мире, где властвует солнце, – Тэранго выбил пепел из трубки, постучав ею о порог, с которого приподнялся, шагнул в сторону лавки, на которой сидели братья, обнял еще слабого Кузьму, уселся рядом с ним.

– Тебе, брат, пора в избу, на улице прохладно, – спохватился Галактион.

– Да нет, мне не холодно, – возразил Кузьма, – с одной стороны ты, с другой – Тэранго, разве замерзнешь так, – улыбнулся он.

– А дома Вера греет, – пошутил Галактион.

– Да-а-а, она мне свое тепло отдает, – серьезно ответил Кузьма, – я без нее в ледышку превращусь, в пень старый обернусь.

Спал в эту ночь Тэранго беспокойно и тревожно – завтра снова в путь. Снилось ему безбрежная тундра, залитая солнцем. Родной чум. У очага сидит еще молодая жена. Расшивает бисером малицу, а рядом ползают дети. Хойко – младшенький – держит в руке щепку, по которой ползет жучок-светлячок. Он взял ножик и пытается разрезать жучка. Жена, повернувшись к нему, строго прикрикнула: «Нельзя издеваться над букашками! Это, может быть, душа дедушки Уси». Хойко не слушается. В это время входит старик из соседнего чума. Он выхватил щепку из рук Хойко, на которой сидел жучок, и бросил в огонь, причитая: «Погрей спинку, старина, в нашем солнце». Снился старый Кути, рассказывающий прочитанные новости раньше времени, снился Священный Камень и шаман Абчи, снился друг Мыртя, обмазывающий новый облас кровью жертвенного оленя...

Кузьма окреп настолько, что смог выйти на берег, чтобы проводить своих спасителей. Так, во всяком случае, его жена называла Галактиона и Тэранго, укладывающих свою поклажу

в лодки-долбленки. Она тоже стояла на берегу, прислонившись к Кузьме. А на самом взгорке возвышались две детские фигурки. Они оставались теперь на попечение Веры и Кузьмы.

– Слушайте бабу Веру и деда Кузьму, – крикнул им Галактион. И они вдруг словно ожили, встрепенулись и пустились вниз, припали к Галактиону.

– А когда ты обратно приедешь? – спросил Кирилл.

– Мне будет скучно без тебя, – пролепетала малышка.

– Скоро мама, папа придут, так что некогда будет скучать, – Галактион обнял внучку, потрепал непослушные смольные волосы внучка. – А приеду я раньше, чем лето кончится, – пошутил он.

– Пусть Духи Земли всемогущие помогают вам, – сказал Кузьма.

– Пусть путь ваш окажется легким. Передайте привет детям, сестре, внукам. Мы скучаем по ним, всегда ждем в гости, – напутствовала Вера.

– Это уже зимой на оленях приедут, – сказал Галактион, – летом-то шибко плохо добираться, да и строится Демьян, некогда ему сейчас.

– Знаем, – вздохнули Кузьма и Вера одновременно.

Относительно дальнейшего пути Галактион особо не распространялся. Он и так не относился к племени говорливых, ну а что касалось будущего, и вовсе выражал свое мнение коротко с роковой покорностью: «что будет, то и будет». Так он отвечал нетерпеливым молодым, пытающимся заглянуть в завтрашний день. Тэранго же полностью доверился своему попутчику и не проявлял излишнего любопытства.

Только на остановках, у костра за чаем, они коротко перекидывались словом-другим. За прошедшую неделю, пока Тэранго жил в доме Галактиона, их объединила и даже в чем-то сроднила единая миссия – не дать открыться воротам в мир тьмы душе Кузьмы, не выпустить больного брата Галактиона «за пределы жизни», не дать оборваться ниточке, на которой висела душа больного.

Тэранго дивился природным переменам: с каждым днем, да что там днем – с каждым часом берега сближались, возвышаясь то справа, то слева лесистыми сопками. Крутых поворо-

тов становилось больше, река, огибая сопки, уходила далеко по низинам, возвращаясь своим течением почти к тому же месту. Путники часто перетаскивались через узкие перешейки, сокращая путь. Галактиону река была хорошо знакома, он знал все перетаски наперечет. За каждым поворотом взлетали стаи уток; громкими хлопками вспенивая воду, тяжело поднимались гуси. Уже много раз в зарослях еще не одевшегося в густые зеленые одежды прибрежного тальника Тэранго видел лосей. То они тихо стояли в тени деревьев, то вдруг срывались с места, громко проламывая себе дорогу в кустарнике, торопливо убегали.

– Еще три перетаска осталось, и один большой залом, – сказал Галактион, заливая затухающий костер водой из котелка.

– Перетащимся, – согласился Тэранго.

– Приготовь пули, Тэранго, если попадет лось, будем стрелять. Демьяну некогда охотиться, строится он, а семья-то большая.

Не было нужды еще раз напоминать Тэранго о затруднительном положении Демьяна с его пятью детьми: мал мала меньше, и о том, что в прошлую осень случилось несчастье – утонул отец его жены, провалившись под лед, но беда одна не ходит, следом за одним несчастьем последовало еще одно – сгорел дом. Обо всем этом он уже узнал от Галактиона, как и то, что недалеко от Демьяна живет шаман Карсавин, с которым Демьян поссорился из-за оленей. Еще два года назад часть оленьего стада Демьяна и шамана смешались с дикими оленями. В поиски стада ушел Демьян, в то время как Карсавин не спешил, отказался от погони за дикими оленями. Может, он уже ни на что не надеялся, махнув рукой, а может, уповал на настойчивого и пронырливого Демьяна: мол, и сам управится. Случилось так, что Демьян вернул всех своих оленей за исключением одной важеньки, а из Карсавинских вернулись только три оленя. Потерялась вместе с другими оленями любимая белая важенька шамана. Уже возвращался уставший Демьян домой с оленями, как его встретил шаман, попросивший помощи в поисках; но Демьян отказался возобновлять поиски, боясь потерять то, что удалось отбить, да и сил уже не осталось. Шаман обиделся. Местью шамана объяснял Демьян и то, что сгорела изба – он «усыпил хранильницу дома», и то, что погиб тесть – это он «превратил человека в рыбу».

– Может, Демьяну попробовать примириться с шаманом? – спросил Тэранго.

– Пробовал, но Карсавин и разговаривать не хочет. Важенку белую, видимо, простить не может.

Галактион поведал другу о том, что Демьян в глаза назвал Карсавина «ночным шаманом»; что тот, являясь «проводником воли Неба», в своих камланиях на Святой Сопке утратил светлые помыслы. Демьян прямо обвинил шамана во всех своих несчастьях. И были у него на то основания: шаман сказал, когда потерялась его белая важенка: «Ты когда-то поймешь мою печаль и обиду, когда лишишься того, чем очень дорожишь».

– А если мы с тобой с миром пойдем? – искал выхода из конфликтной ситуации Тэранго.

– Тебе нельзя к нему. Два шамана на одной речке не живут.

– Я не шаман. Ты же знаешь... – возмутился Тэранго.

– Я-то знаю, – пылко перебил Галактион друга, – но по реке уже слава пошла, что новый шаман приехал издалека, из тундры. Сколько людей побывало у меня, пока ты гостил? И все знают, что это ты вылечил Кузьму. Ты, что – врач?

– Нет, я не врач.

– Вот видишь! Значит – шаман. Так люди думают и говорят: слух по всей реке пошел. Кукушки быстрее нас летают, – заключил Галактион.

Теперь два обласа шли рядом: лишь на полкорпуса отстал от Галактиона Тэранго. Загребали они бесшумно, всматриваясь в прибрежную поросль и в глубину тенистой тайги. Путники отметили то, что прибрежные кусты уже начинали робко примерять на себя зеленое убранство. Еще не потеряв прозрачность, кусты смородины приобрели ту нежно-зеленую вуальность, что так волнует истосковавшееся по весне сердце. Чуть выше рябины уже готовы выбросить свои резные листочки. Белоствольные стройные березки окаймляют чуть тронутой желто-зеленой паутиной побережье, возвышающиеся над рекой разложистые кедры, устремленные ввысь островерхие ели выстроили высокую острозубую стену, не пропускающую ветер.

Вдруг Галактион замер на мгновение, повернул к берегу, и, зацепившись за ветку, нависавшую над водой, остановил свой челн, поднял руку. Тэранго замер, придерживаясь веслом за берег.

– Ты заметил в кустах лося? – шепотом спросил Галактион.

– Да, но мне кажется – это лосиха.

Галактион дал знак своему другу оставаться на месте, а сам продвинул облас вперед. Остановился. Толкнулся бесшумно от берега, снова остановился, вглядываясь в лесную чащу. Вскинул ружье, но тут же, положив его поперек обласа, махнул рукой.

– Лосиха с лосенком, – уже громко сказал он.

Дошли до перетаска. Не стовариваясь, каждый вытащил свой облас, и потянули по моховине, проминавшейся под ногами. Уже вышли на реку, как услышали сначала треск ломающихся сучьев, потом громкий всплеск. Через реку переплывал лось. Его бархатистые, еще не олопатившиеся рога напоминали вычурную моховую кочку. От плывущего лося, распространялась волна, расходясь острой стрелкой.

Охотники изготовились к стрельбе. На том берегу лось не без труда вскарабкался на берег. Зайдя в паутину кустов, остановился, стряхнув с себя воду, оглянулся вокруг, определяя для себя источник опасности. Этого времени было достаточно, чтобы охотники успели выстрелить. Два выстрела слились в один залп. Лось рухнул на месте.

ХIII

Стойбище Демьяна не сразу показывало себя путнику, оно было скрыто от глаз поросшим молодым сосняком, выстроившимся вдоль песчаного берега. Узкая тропинка вела к жилью. Посередине открывавшегося за молодой сосновой порослью пространства, красовалась стройка, сверкая свежошкуреными сосновыми бревнами, светлостенным безверхим срубом. Небольшой домик, стоявший несколько осторонь, вросший в землю, казался вовсе и не домом, а в лучшем случае хозяйственной постройкой. За этой полуземлянкой стояло еще одно строение, названное Галактионом палаткой: сруб из нескольких тонких бревен венчал брезентовый верх. Поверх брезента был прилеплен кусок рубероида.

Встречало гостей все население стойбища. Сначала залаяли собаки, и дети, возившиеся в песке, насторожились, застыв

на мгновение. Из-за нового сруба вышли Демьян и старший одиннадцатилетний сын Илья.

– Я уже слышал о вас. Молва всегда быстрее человека идет, – сказал Демьян, пожимая руку Тэранго. – Это вы спасли моего отца. Я в долгу перед вами.

– Мы вместе с Галактионом и твоей мамой старались помочь Кузьме, – попытался возразить Тэранго.

– Я знаю, у меня недавно был Ерофей. Но слово шамана всегда остается решающим.

– Я... – Тэранго хотел возразить в том плане, что он не шаман, но легкий толчок Галактиона не позволил ему открыть рот. Он понял, что его возражения не будут приняты.

Демьян познакомил Тэранго со своим семейством.

– Это Евдокия, моя жена, а это ее мама Акулина.

– Акулина – сестра Веры, – дополнил Галактион.

Евдокия, нахлобучив платок на миловидное лицо, тут же отвернулась: нельзя мужчинам старше мужа видеть ее. А ее мать, напротив, проворно поправила платок, сдвинув его назад, затянула узел под подбородком, открыто посмотрела в лицо Тэранго.

Ее живые глаза, выразившие и смирение, и в то же время простое женское любопытство, понравились Тэранго.

– А где наша Аннушка? – спросил Демьян, оглядываясь вокруг.

Из палатки вышла стройная девушка. Несмело приблизившись, она стала за спинами детей Демьяна, которые сгрудились стайкой возле своей мамы.

– Это моя младшая дочь, – звонко сказала Акулина, улыбувшись.

Анна, смутившись, сначала опустила глаза, но любопытство взяло верх, и она открыто, по-детски пристально посмотрела в лицо незнакомца.

Тэранго поразила красота девушки: ее острокрылые брови взметнулись вверх, большие глаза с несколько приподнятыми уголками выстрелили остро, но тут же обрели мягкость взора. «Как она похожа на свою мать», – подумал Тэранго.

– А вы надолго к нам? – спросила Аня несмело.

Вопрос застал Тэранго врасплох. Он замялся и с тихой грустью, навеянной неопределенностью его положения, произнес:

– Не знаю... Нет, ненадолго. Мне еще предстоит долгий путь.

– Ему предстоит очень долгий путь, – подтвердил Галактион.

И он заметил, как вмиг слетела улыбка с уст Акулины.

Мясо убитого лося перетаскивали пешим ходом. Малые дети тоже участвовали в этом важном и полезном для всех деле. Оказалось, что лось лег недалеко от стойбища. По тропинке через высокий сосновый бор, потом вдоль речки и только в одном месте нужно было продираться сквозь кустарники. За два захода вынесли все мясо, которому Демьян был несказанно рад.

– Мне-то некогда охотничать, – оправдывался он.

– Знаем, – когда человек строится, на другие дела не остается времени, – коротко отвечал Галактион, щипая пальцами жидкие концы заостренных седых усов.

Вечером женщины сварили в казане лосиное мясо. Самое лакомое блюдо – нарезанную кубиками лосиную печень, все ели с большим удовольствием. Дети, подбегая к столу, выбирали упругие печеночные кубики. Даже самый маленький двухлетний сынишка пытался поддеть кусочек печени вилкой.

– Они лосиную печень больше конфет любят, – пошутил Демьян.

– Это для них как шоколад, – подхватил тему Галактион.

В избушке наступила тишина, как бы в подтверждение сказанному – все были заняты едой.

Вдруг Галактион хитровато посмотрев на Тэранго, сказал:

– Завтра полнолуние, а тебе в дорогу. Шаманы любят начинать дела в полнолуние.

– Я не шаман, ты же это знаешь, – парировал Тэранго, осматривая всех сидящих за столом.

– Попробуй убедить в этом моего брата и его жену или Демьяна. Все знают, что ты шаман, – Галактион похлопал по плечу своего друга и улыбнулся.

После ужина Тэранго вышел на улицу. Полная луна выкатилась полупрозрачным бубном над высокими соснами. На фоне еще светлого неба она походила на четко очерченное круглое

облачко, что придавало ей какой-то воздушности. Тэранго оглянулся вокруг: крыши домиков, лабазов, стволы высоких сосен, новый сруб, что вылез на самую середину стойбища. Только один день, как я здесь нахожусь, думал Тэранго, а все уже стало таким привычным для глаз, таким родным. Тэранго смотрел на луну и думал о том, что сейчас так же, как и он любят ее дети, внуки; его друг Мыртя тоже смотрит на небесное светило и думает о своем друге, как сейчас Тэранго о нем. Только луна там еще прозрачнее, еще тоньше ее ободок. И солнце там сейчас совсем не прячется под землю, а только на ночь прибивается ближе к спине земли.

Вышла на улицу Акулина, остановившись у порога в нерешительности. Тэранго захотелось заговорить с женщиной, поделиться своими мыслями, рассказать, как тоскует он по своим родным, но не решался произнести хоть слово. Акулина оказалась смелее.

– Белые ночи у нас начинаются, – сказала она.

– У нас там, где я живу, и вовсе нет ночей, – ответил тихо Тэранго.

– Как так? – удивилась Акулина.

– А так: солнце круглые сутки не прячется – ходит по кругу, – Тэранго вдохнул.

– Скучаешь по своим? – спросила она как-то просто.

– Да, скучаю, – коротко произнес Тэранго. И добавил после паузы: – Дети, внуки сейчас тоже смотрят на луну, и друг мой Мыртя.

– И жена, – сказала Акулина, включив свою чисто женскую любознательность.

– Нет у меня жены, – вздохнул Тэранго, – уже два года, как умерла...

– Я не хотела сделать тебе больно, – сказала тихо Акулина.

– Я ведь тоже в прошлом году потеряла мужа....

Наступила неловкая тишина. У Тэранго не нашлось слов, чтобы поддержать разговор. А так хотелось, чтобы эта женщина подольше задержалась здесь рядом с ним. Акулина еще какое-то время постояла молча, потом ушла в избушку, а Тэранго долго стоял в тиши наступавшей серой ночи.

* * *

Тэранго не стал задерживаться у Демьяна. Нужно было «ловить большую воду». Демьян сам несколько раз повторил, что большая вода в верховьях держится недолго и скоро «скатится», и ручей «потеряется», тогда придется далеко тащить облас к водораздельному озеру.

– Я рад, что у меня появился такой друг. Может, еще встретимся, – сказал Тэранго, упаковывая утром свой скарб.

– И наша семья благодарна судьбе, что подарила такую встречу с таким человеком. Без тебя Кузьма не удержался бы в мире живых... Ну, пусть Духи Лесные будут благосклонны к тебе, – Галактион чуть не прослезился, голос его осип от нахлынувшего волнения.

– Может, встретимся на обратном пути, – повторил Тэранго не очень уверенным голосом.

– Может, и встретимся, – неожиданно ответила Акулина за всех, и протянула Тэранго вышитый бисером кисет для табака и связанные шерстяные носки. – Возьми, в дороге сгодятся, – сказала она просто. – Я сама вышивала, сама вязала, даже не знаю, зачем, а вот и пригодились.

Она, засмутившись, отвернулась и торопливо пошла в стойбище. Тэранго показалось, что плечи ее вздрагивают.

– Встретимся, – с опозданием, но твердо произнес Галактион и обнял своего друга.

От пронизательных глаз наблюдательного Галактиона не ускользнул этот внезапный уход Акулины, и взгляд Тэранго, огладивший теплом ее спину, тоже не ускользнул от него.

Грести за молодым и проворным Демьяном было не одно и то же, что за старым Галактионом. Приходилось крепко налегать на весло. Тэранго начинал отставать, и тогда Демьян ждал его, прибываясь к берегу. Уже к вечеру речка сузилась настолько, что из обласа можно было достать веслом и один, и другой берег. Берега дальше выровнялись, исчезли сопки, все чаще стали встречаться огромные просветы, открывавшие взору моховые болота.

Преграждающие путь и поросшие мхом упавшие деревья осложняли продвижение. Приходилось обносить обласы по суше.

– Дальше я обычно не хожу, никто здесь завалы не убирает, – как бы в оправдание бросал на ходу Демьян.

Он протаскивал свою долбленку по берегу, огибая могучие кедры, лиственницы, возвращался на помощь Тэранго. Только к третьему дню путешественники вышли на огромное болото, открывшееся неоглядным зеленым ковром, окраеванное далекими гривами там, на линии, отделявшей землю от неба. Дальше ручей с возвышающейся кочки просматривался довольно далеко, смахивая на извивающееся тело гигантской змеи. Хвост ее терялся в зеленых моховинах.

Путешественники продолжали путь, отталкиваясь от берегов сузившегося до ширины облака ручья. А вот и наступило время, когда плыть на облаке стало делом невозможным. Демьян деловито вытащил свой облас на мох, снял ружье, оставил его в лодке.

– Успели, – сказал Демьян, опираясь на облас веслом. Вот за теми дальними гривами будет большое озеро, из него начинается ручей, который приведет в реку Вах. Заблудиться там уже невозможно, – мой облас останется здесь. Дальше придется топтать пешком, – весело произнес он.

– Пешком так пешком, – ответил бодро в унисон своему попутчику Тэранго. Моховой ковер прогибался под ногами, что намекало на перспективу нелегкого пути. Тэранго посмотрел в сторону желанной гривы. Отсюда, из самой середины болота, она показалась ему довольно отдаленной.

Демьян свое весло не оставил у перевернутой долбленки.

– Буду толкать облас – все же помощь, – показал он веслом на груженный облас попутчика.

– Ты, Демьян, шибко не спеши, а то затолкаешь меня совсем, – Тэранго смерил взглядом молодого и крепко сложенного Демьяна.

– Торопиться не будем, нам уже спешить некуда, – спокойно ответил Демьян, – озеро-то вон за той гривой.

Под ногами покачивалась почва, качалось над головой низкое серое небо. Солнце, сегодня мелькнувшее лишь однажды ранним утром, заплутало в серой вате нагрубших влагой облаков. Идти становилось все тяжелее, но Тэранго тащил свой облас, вцепившись глазами в приближающийся лес.

На берег озера путники вышли уже после захода солнца, что определялось по сгустившемуся до плотной серости скудному свету. Демьян помог уставшему Тэранго собрать дров, устроить место для ночлега. Тэранго лишь смотрел на молодого Демьяна, казалось, не знавшего усталости. Демьян подробно рассказал, как найти ручей по ту сторону озера. Место приметное: березняк, а ориентир был виден даже отсюда сквозь серость наступившей северной ночи – это круглая шапка высокой гривы, чуть правее которой и начинается ручей.

– Я не знаю, как бы один преодолел это болото, – устало вымолвил Тэранго за чаем. – Я благодарен тебе, Демьян.

– Вы сделали для меня гораздо больше: вы спасли моего отца, – ответил Демьян.

– У тебя сильный отец, у тебя заботливая мать, это она своим теплом, заботой спасла своего мужа, твоего отца, это солнце, проникнув золотым лучом в ноздрю, вернуло силу Кузьме, это священная лиственница поделилась с ним своей силой, это и антибиотики помогли: мне сейсмологи дали такое лекарство, что помогает при простуде. Видишь, сколько помощников было у твоего отца, – Тэранго посмотрел на Демьяна, угадывая в его лице черты и Кузьмы, и Веры, от чего в душе потеплело, усталость ушла.

– Мне все рассказал Ерофей... Видно нужен еще отец Духам Земли и нам, раз послали они таких помощников, раз не дали истончиться душе... – Демьян помолчал какое-то время. – Дальше Вам будет помогать река, она выведет к людям. Первое стойбище будет Захара и Данилы. Пусть Духи этого озера и реки помогут вам.

– Возвращайся домой, Демьян, там тебя ждут. Уповая на помощь озера, реки и добрых Духов этой Земли, я пойду дальше один.

Они распрощались. Тэранго уселся на приготовленную для костра лесину и сквозь прозрачную низкорослую березку, только-только обзаведшуюся нежной зеленью, смотрел на удалявшуюся в серую ночь фигуру Демьяна. А вот и совсем исчез его силуэт, и путник остался снова один. «А у нас в тундре ночи сейчас светлее» – подумал он. Достав кисет,

он долго рассматривал расшитый руками Акулины чудный узор-орнамент. Бусинки в свете костра заиграли множеством разноцветных звездочек. Он закрыл глаза... Побежали олени, спутываясь рогами, поплыли белые облака, касаясь друг друга ватными боками, заиграли блики по всей глади большой реки... Стало тепло, уютно. Дым от костра смешивался с табачным дымом, смешались мысли; свет, смешавшись с темнотой, породил густую серость весенней ночи.

Уже засыпая, Тэранго услышал два приглушенных густой туманной серостью выстрела в той стороне, куда ушел Демьян.

XIV

Так далеко от дома Тэранго еще не оказывался. Не потеряться бы в этом мире между землей и низким серым небом. Не сбиться бы с тропы, избежать бы опасных случайностей, снискать бы расположение грозных стихий, избежать бы коварности таинственных неведомых сил и слепого случая. Так думал, оставшийся в одиночестве, Тэранго. Так он думал всегда, когда нельзя ожидать помощи, когда над тобой только небо, когда домашний очаг далеко, когда все на грани. Крайняя осторожность в помыслах, дабы не обозлить духов, и предусмотрительность в принятии любого решения, чтобы не оступиться, не пойти по ложному пути: вот что требуется путнику, оказавшемуся по велению судьбы один на один с природой.

Относительно дальнейшего пути, возможно, и ощущалась некоторая неопределенность, но только не на ближайшую перспективу. А дальше... Он вспомнил слова отца, запомнившиеся на всю жизнь: в пути человеку все помогает не сбиться с правильного курса: и звезды, и луна, и солнце, и ветер, и звери, и птицы, и, конечно же – люди. А имея столько помощников, разве заблудится человек?

Когда стемнело на столько, на сколько может стемнеть в конце мая, а ночь сегодня наплыла своей темно-серой густотой раньше положенного срока, заморосил нудный дождь. «Это надо долго», – подумал Тэранго и уснул под монотонное дробление

мелких капель по днищу облака, служившему Тэранго крышей по ночам.

И утром ничего не изменилось: та же промозглая серость, тот же скучный морозящий дождь и полное отсутствие даже самого слабого ветерка, что не давало даже малейшего повода надеяться на какие-то перемены. С большой неохотой выполз из своего логова Тэранго, и сразу почувствовал, как эта вселенская сырость начала пробираться под одежду, вызвав набежавший волной озноб. Путник вздрогнул всем телом, будто пытался сбросить с себя навалившуюся тяжесть, оглянулся по сторонам. Простиравшееся перед ним озеро погрузилось в серую мглу. Оттуда, из туманной неизвестности, доносились громкие гортанные крики лебедей, многозвучное гусиное гоготание. Недалеко от берега резвились легкомысленные утки, нарезая круги в серой неподвижной воде, громко возвещая всему миру о своем присутствии. Противоположный берег терялся в непроглядной серости. Именно туда смотрел Тэранго в надежде на то, что вдруг туман рассеется, и он увидит заветные приметы-ориентиры. Но ничего не менялось. Он поднял глаза вверх: прямо над ним нависала сосновая ветка, отяжеленная влагой. На длинных остроконечных иголках висели серебристые капли. Он тронул ветку, и она просыпалась дождем. Крупные росинки, умывшие лицо Тэранго, вывели его из задумчивого оцепенения. Он прошел вдоль берега, увидев несколько березок, принялся снимать полупрозрачные шелестящие лоскуты отмершего слоя бересты. На обратном пути он подошел к молодому кедру. Его нижние сухие ветки хорошо подходят для розжига костра. Припасенную бересту и сухие ветки Тэранго спрятал под навес. Потом топором снял мокрый слой древесины из сосновой сухары, принесенной вчера Демьяном и отщепил сухой пахучей щепы. Сложив ее шалашиком над сухими кедровыми веточками с берестой, поджег. Береста весело взялась огнем, пронизывающим шалашик. Потянул бело-сизый дым, и сухие щепки воспламенились. Тэранго подложил уже приготовленные дрова, повесил наполненный водой котелок над разгоревшимся костром.

Все это время он размышлял, как ему поступить: подождать ли, когда совсем кончится дождь, и тогда продолжать путь, или

сейчас под этим нудным, морозящим дождем перебраться на тот берег. Он знал из своего жизненного опыта, что перемена в погоде свершится, когда ветер разгонит нависшие тучи. «Мне не преодолеть это озеро в сильную волну», – подумал Тэранго, снимая с огня горячий котелок с кипящей водой.

Скользит облас, прорезая своим острием серую холодную воду, устремляясь в туман, даже всплески от весла кажутся приглушенными, даже волна, расходящаяся от носа лодки острой стрелкой, гасится мелкой дробью непрерывного дождя. Только лебединые крики напоминают путешественнику, что он еще здесь: между землей и небом, еще не сбился с пути, не ушел по небесной дороге, ведущей в небесные чумы. Скоро забрезжил берег, спустя какое-то время обозначились долгожданные березы. А вот и ручей. Подхваченный течением, облас ускорил ход. Подул ветерок, разгоняя серый туман, возвысилось небо, потекли по синеве белые облака.

Как хорошо, думал Тэранго, дождь прекратился, завалов по ручью нет, течение несет его, приближая к цели. Где-то он подгребают веслом, где-то отталкивается от берега, пытается держать облас по течению. Мысли его потекли легко, как вода в реке, как облака в синем небе над головой, как ветер, колышущий кроны деревьев. Низкие мшистые берега, казалось, сжимали узкий ручей, устремлявший свои воды вперед к следующему повороту, к следующему плесу. Сначала его удивило, что нет завалов, но вот и открылась эта тайна: во многих местах виднелись пропилены упавших стволов могучих кедров, лиственниц и сосен для прохода лодок. Спилены были и старые, потемневшие, даже поросшие мхом, но были и совершенно свежие.

Вдруг далеко за поворотом что-то мелькнуло раз, потом другой... Это не показалось – там кто-то движется. Тэранго привычно нащупал ружье, не отрывая взгляда от прибрежного кустарника. Он прибил к противоположному берегу, насто-рожившись. Облас прилип бортом к низким моховым кочкам. Что-то темное пронеслось среди белоствольных березок да низких сосенок, но уже ближе. Медведь, догадался Тэранго и взвел курки. Медведь, показавшись на редколесье, бежал довольно быстро, на махах. «Нужно остановить мохнатого ста-

рика», – подумал Тэранго. Он громко крикнул в надежде, что медведь остановится, услышав его голос:

– Эй, старик, остановись! – но мохнатый, мелькая среди редких деревьев, никак не отреагировал на голос и шел крупными махами, сокращая расстояние:

– Эй!.. Эй-эй! – закричал Тэранго.

Но медведь не останавливался. Он уже появился на чистом месте. Это был большой медведь, его темно-бурая шерсть волнами переливалась от головы до задних ног. Он бежал, не обращая никакого внимания на окрики Тэранго, которому на мгновение показалось, что медведь заметил его. Это был плохой знак. «Он меня увидел, – промелькнуло в голове, – но не остановился».

– Куда спешишь, брат!?! – еще громче крикнул Тэранго, поднимая ружье, прикладывая его к плечу.

– Эй, остановись, я буду стрелять! – Все же Тэранго надеялся, что медведь остановится и уйдет, как бывало раньше. Но медведь не останавливался, он уже давно заметил человека. Он встал на задние лапы в нескольких метрах от путника, зычно рыкнув, снова опустился и в прыжке бросился на Тэранго. Раздалось два выстрела. Медведь рухнул в воду, передней лапой зацепив нос обласа. Охотник вывалился из перевернувшейся долбенки, зацепился за моховую кочку и замер. Глубина была небольшой. Стоя по пояс в воде, Тэранго не шевелился, зная, что зверь обычно реагирует на движение. «Пока дойдет человек до края жизни, не одна беда случится с ним», – вспомнились слова старого Кути. «Вот она и случилась. Вот он и край...» Медведь яростно схватил облас зубами, утопив его на какое-то время, шумно ударил лапой по вспенившейся воде и затих. Тушу медведя, повисшего на обласе, уносило течением. «Значит, это еще не беда, значит, это еще не край», – подумал старый охотник.

Он достал медвежий клык, выбеленный временем, висевший на прочной толстой нити. «Это мне Седой Старик помог, спасибо тебе, Старик», – прошептал он дрожащими от холода и волнения губами. «А огонь сегодня утром не зря шипел и рассыпал искрами», – подумал он, вспомнив, как стрелял искрами утренний костер. Тэранго спрятал за пазуху священный медвежий клык, подаренный старым Кути.

Ухватившись за моховую кочку, Тэранго выполз из воды. Невдалеке на первом же повороте к берегу прибило убитого медведя и облас, чуть дальше – весло. «Ружье здесь», – он стиснул его руками. «Весло, облас», – проговорили губы. Появилась тревога, не повредил ли медведь хрупкое суденышко. Сердце гулко колотилось где-то в горле, руки дрожали не то от холода, не то от пережитого волнения. Он судорожно нащупал кисет, подаренный Акулиной – на месте. И в груди потеплело.

Вытащив облас на берег, Тэранго даже улыбнулся, прежде всего потому, что облас уцелел, и привязанный к поперечинам мешок с вещами тоже был на месте. Даже спички, спрятанные «на всякий случай» за пазухой и завернутые в непромокаемую пленку, остались сухими. Облас все же немного пострадал: не сразу заметил Тэранго щербину на правом борту. Это медведь в страшной злобе, в агонии, выкусил кусок древесины.

Непростым делом оказалось выбрать прибитого к берегу зверя на мох. Напитавшаяся водой шерсть выskalывала из рук, не хватало сил приподнять тушу над водой и вытащить на низкий берег. Тэранго, подхватил снизу голову зверя, и переднюю часть туши с трудом вытолкал на мох.

От холода и волнения его знобило, намокшая одежда не грела. «Огонь, только огонь спасет», – шептал он дрожащими губами. Собирая сухие ветки для костра, разжигая огонь, Тэранго думал над тем, как вытащить тяжеленную тушу на берег. Согревшись у костра, Тэранго решительно подошел к мешку с вещами, достал веревку. Надев петлю на голову зверя, он внастя привязал конец веревки к ближайшей березке. Потом за веревку, привязанную к задней лапе, с трудом, но все же выкатил тушу на берег.

– Я не хотел тебя убивать, – говорил Тэранго, разделявая тушу огромного зверя.

Нашлась и причина, отчего зверь не остановился, отчего не сошел с тропы, от чего бросился он на человека: пальцы передней лапы были вырваны с когтями. Шерсть на поврежденной лапе слиплась от запекшейся крови. «Похоже, что он вырвался из капкана», – прошептал тихо Тэранго.

– Вот оно что...? Тебя кто-то обидел, – Тэранго проводил взглядом проплывающую сухую ветку, скрывающуюся за излучинной, будто хотел заглянуть вперед, за поворот, в будущее – в завтрашнее будущее. Будто хотел отгадать загадку: кто же мог поставить капкан на медведя в пору на изломе весны и лета, кто обидел мохнатого старика?

Освеживав тушу, Тэранго нашел неподалеку сухару, стоящую у самого ручья одиноким столбом. Он поднял над головой череп медведя, обошел вокруг лежащей на мху туши трижды по солнцу со словами: «Я не хотел этого делать. Я не хотел тебя убивать... У меня не было другого выбора», – и водрузил голову медведя на сухару-столб мордой в сторону Восходящего Солнца. Потом он достал три медяка и бросил один в воду, другой в лес, а третий подsunул под медвежий череп. Он знал, как задобрить лесных духов, чтобы заслужить доброе расположение их, чтобы отвести от себя напасть злых стихий. А чтобы отвести от своих родных и близких гнев злых духов, он окурил вокруг костра и медвежьей туши можжевельником, приговаривая: «Я этого не хотел делать...» Он взял в руку висящий на прочной нитке выбеленный временем медвежий клык, поцеловал его: «Это ты, Кути, помог мне, это сила великого шамана Абчи сотворила чудо, это – Седой Старик, я знаю». Только проделав все необходимые и подходящие случаю обряды, Тэранго начал готовиться к ночлегу.

Долго сидел у костра Тэранго, поворачивая разными сторонами подсыхающую одежду. На свежетесаной лесине сушилась табакерка, вышитая руками Акулины, а рядом с ней аккуратно разложенный отсыревший табак.

Спал он урывками, часто просыпаясь от холода. Только перед рассветом сон сморил странника. Но лишь начало побиваться солнышко сквозь еще не погустевшую листву, Тэранго проснулся от возникшей дрожи во всем теле. Одежда, не успевшая высохнуть, плохо держала тепло.

Каждый раз, просыпаясь среди серой ночи, Тэранго смотрел на потерявшую половинку Луну. Он не мог отделаться от навязчивого убеждения, что на теле луны он видит черную точку меньше макового зернышка, умом понимая, что видеть луноход он не может. Но ощущение того, что точка видна, не

могло оставить его. Ему показалось вдруг, что Луна теперь потеряла чистоту, что ли? Что теперь, после того, как там появился луноход, на нее налипла какая-то печать если не скверны, то, во всяком случае, изъяна. Луна пошла уже на убыль и висела над кронами деревьев лоскутом шкуры со лба белого медведя сначала там над озером, потом переместилась в сторону противоположного берега, отражаясь в водах ручья. Лунная дорожка словно звала его вперед, в неизвестное будущее. Снова вспомнился разговор, который состоялся у Галактиона. Друг рассказал о том, что в газете пишут, будто луноход остановился, потому что наступила лунная ночь. Тэранго смотрел на Луну и думал: «Какая же там, на Луне, ночь? Наверное, совсем темная и длинная, не такая, как сейчас у нас». «Если с Земли видно Луну, то и Земля должна быть видна с Луны. Какая она, наша Земля? Гагарин видел, говорил – красивая, говорил, что беречь ее нужно...», – рассуждал Тэранго.

XV

Светло-зеленая, местами уже по-настоящему сочная листва, распятывала над головой голубизну неба ажурными ягельными кружевами. Просеиваясь сквозь копеечную листву, солнечные лучи достигали земли, воды. Эта с каждым днем густеющая паутина не создавала пока заметной тени. Белые стволы берез, выстроившихся на противоположном берегу, просвечивались от самого низу, от только что пробившейся травы, до самых вершин. Полупрозрачный лес только издалека отдавал сплошной зеленью.

Тэранго налил в кружку кипятка, добавил остатки размокшего сахара, выпил, громко прихлебывая, и начал собираться в путь.

Тревога, противным холодком скребнувшая душу, заставила тревожно оглядываться вокруг. Речка тихо несла свои настоянные на торфе темные воды. Лишь только у самого поворота расплывались еле заметные водоворотные круги. Деревья также, как и вчера, и позавчера, и как много дней назад, стоят тихо, лишь слегка покачивая головами-вершинами. Также доносится редкий лебединый клич из-за болот, кукует кукушка,

прерывая свой счет, когда вздумается. Также внезапно, вдруг, срываются утки из-за очередной кочки у самого берега. Речка привычно, как и вчера, петляет, являя путнику все разнообразие меняющейся природы: тут и деревья, подступающие с двух сторон так близко, что кроны их чуть не смыкаются вверху, то вдруг расступается тайга, полоса водной глади выходит на простор, и с обоих берегов расстилается мшистая равнина с кочкарником. Все вокруг привычно, но только на первый взгляд: все изменилось, нарушился каким-то неведомым, неуловимым образом порядок. «Разве это порядок, когда медведь нападает на человека?» – продолжал рассуждать Тэранго. Кто мог обидеть его? Кто потревожил злых духов этой Земли?

Река стала заметно шире, а течение медленнее. Облас легко скользил по гладкой поверхности воды, почти не образуя волну: лишь строгие стрелки, расходившиеся от острия носовой части деревянного челна, легко уходили к противоположным берегам, теряясь незаметно у самой травы. Вдруг пахло неприятным запахом гниющей плоти. Тэранго направился к берегу. Бросились в глаза примятая, раздвинутая носом большой лодки, трава. На берегу следы человека, а недалеко от берега вываленные кишки большого животного, смешанные с грязью большие жуки, издававшие тяжелый гнилостный запах. «Кто-то медведя приманивал», – подумал Тэранго. Чуть дальше он заметил измятую, видимо, зверем траву, поднятый могучими лапами мох. «Здесь он и сидел в капкане, пока не вырвался», – промелькнуло в голове путника.

За поворотом реки Тэранго увидел дюралевую лодку, привязанную к толстому колу, вбитому в мшистый берег. Тэранго пристал рядом. Огромная серая собака, похожая на волка, бросилась к путнику с яростным лаем. Кто-то грубо окрикнул ее, и собака отпрыгнула от берега к порогу рубленной избы, черным боком показавшейся из неплотной зелени прибрежного кустарника. Никто не вышел на берег. Тэранго осторожно поднялся, встал на грязный вытоптанный сапогами берег, прошел к избе. Собака, поджав хвост попятилась, а развернувшись, убежала по тропинке. В плохо освещенных сенях избы человек собирал что-то в мешок. Движения его были торопливны.

– Здравствуй, добрый человек, – сказал Тэранго, остановившись у открытой двери.

– Ну, здоров, чё надо? – буркнул человек, продолжая заниматься своим делом. Только теперь Тэранго понял, что человек складывал в мешок шкурки, скорее всего, ондатровые. Лицо его, поросшее густой бородой, казалось темным, даже не человеческим. Было в нем что-то звериное. – Что молчишь? – спросил басом бородач. – Водки нет, так, что можешь проваливать на ...! – бородач грязно выругался.

– А мне водка не нужна, – перебил его Тэранго.

– Так какого ... тебе тут нужно? – рыкнул незнакомец.

– Смотрю – лодка, избушка, значит, люди тут есть...

– Ну, есть люди, а тебе какое дело?

Странно было беседовать с этим мужчиной, не видя в темноте ни лица, ни глаз. Доступными взору путника были лишь спина и руки, перекладывающие шкурки с деревянного ящика в мешок. Он быстро перебирал руками, будто воровал, боясь, что его застукают за этим занятием. Закончив работу, выпрямился, ловко перемахнул через руку веревку, завязал мешок и вынес его на улицу, бросив под дерево, где валялись уже какие-то мешки, рюкзаки.

– Что-то я тебя не припомню, – пристально взглянув на Тэранго, произнес он.

– А мы не знакомы, – сказал Тэранго. – Я сверху иду.

– Как сверху?! – удивился бородач. – Там же никого нет, – он махнул рукой по направлению озера, – мы до самого озера доходили.

– А я из-за озера пришел, – Тэранго рассматривал бородача.

Вышел из леса еще один человек с красным круглым лицом.

– Это еще кто такой? – спросил он, неприязненно разглядывая пришельца.

– Люди его интересуют, – язвительно сказал бородач, – говорит, что сверху пришел.

– Ну и пусть дальше идет, – грубо сказал круглолицый. – Тащи мешки на болото. Что-то ты заболтался, – обратился толстяк к бородачу, обозначив таким своим

обращением свое главенствующее положение. Потом, оценив обстановку, скомандовал:

– Что стоишь? Быстрее! Вертолет ждать не будет. И ты тоже, – обратился толстяк к Тэранго, – бери вот этот рюкзак, эту железяку и тащи за нами. По дороге будем калякать. Сверху пришел, – скрипнул он, сверкнув недобро глазами, передразнил он бородача, – разберемся...

Железяка, как сразу сообразил Тэранго, оказалась тем самым капканом, еще хранившим на себе засохшую кровь медведя.

Тэранго потащил вслед за круглолицым, согнувшимся под тяжестью лодочного мотора, тяжелый рюкзак и капкан. А следом за ним шел бородач, тащивший мешки со шкурами.

Тропинка вышла на край гривы, за которой открывалось большое болото. Там уже громоздились различные мешки, канистры, приготовленные для погрузки в вертолет. Несколько осторонь лежали мешки с мясом, кровавые пятна, просочившиеся сквозь мешковину, уже побурели. Неободранные шерстяные лосиные ноги с растопыренными копытами, две лосиные головы валялись на растянутом брезенте. Рядом сидел на ящике худой долговязый человек с усами и в широкополой шляпе. Его острые колени торчали, как два полена. Он курил папиросу, перекладывая ее языком из угла в угол растрескавшегося на ветру рта, поглядывал исподлобья на притащивших новую поклажу товарищей и на Тэранго.

– Его что, тоже с собой? – ткнул он рукой в сторону Тэранго.

– Нет, он сверху пришел на обласе. Покурит и дальше пойдет. Да, чукча? – спросил бородач, повернувшись к Тэранго.

– Я не чукча, – сказал Тэранго, сверкнув глазами.

– Ишь, не нравится, – засмеялся тот, что сидел на ящике.

Тэранго резко развернулся, опустив голову, и молча пошел в сторону избушки и своего обласа.

– Он куда помаршировал? – спросил громко человек с круглым красным лицом.

– Я-то откуда знаю? Ему разве влезешь в башку? – огрызнулся бородач сипло. – Эй, чукча, ты куда!? Смотри, Петрович, он уходит! – крикнул он.

– Пусть уходит, – ответил грубо краснощекий.

Тэранго не остановился, не ответил на грубость, не вступил в спор. Он, проходя мимо порога, посмотрел в открытую дверь, в темноту нутра этой неприветливой избы, сел в облас и, оттолкнувшись от дюралевой лодки, направил челн вдоль берега по течению в сторону полуденного солнца, медленно выгребая на середину речки.

Когда-то он полагал, что следует доверять людям. Теперь же последние события сильно потрепали эту иллюзию, и он начал сомневаться в том, что до сих пор было таким же неизбежным, как Земля со своим голубым небом; как натоптанная тропа кочевий от границы леса и тундры, где живет Священный Семидетный Медведь, и до самого Северного моря – вотчины Голубого Медведя; как луна, восходящая по ночам, и прячущаяся под землю, чтобы хоть ненадолго приносить свет в Нижний Мир.

Появилось другое ощущение – совершенно ненужное и даже сбивающее с толку: может, не все люди достойны доверия, сострадания и справедливости? Он своим практическим умом пытался докопаться до чего-то, может быть, главного в мировосприятии окружающего так быстро меняющегося мира.

Он вдруг, вот сейчас, понял, что люди, собирающиеся улететь вертолетом, глубоко несчастны уже только потому, что не знают еще, что растревожили злых духов своей неумеренностью и жадностью. Они пока не догадываются, какое возмездие их ждет. А то, что оно придет неотвратно, как пришло к Майма, когда он стрелял оленей до последнего патрона, и потом нечем было защититься от волков, Тэранго не сомневался.

Тэранго почему-то начал корить себя за то, что не смог, не захотел ли, а может и не успел предупредить их о страшной опасности. Но прислушались ли бы они к нему? Майма вот не послушал старого Кути. Жадность застала его черным туманом глаза, заткнула ягелем уши, лишив рассудка.

(Продолжение следует)

ИРИНА
РЯБИЙ

Рябий Ирина Геннадьевна родилась 28 октября 1954 года в городе Хабаровске.

Окончила филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1978) и аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (1985–1988). Кандидат филологических наук, доцент.

Публиковалась в газетах, журналах, альманахах, литературных сборниках. Автор нескольких сборников стихов. Автор более 60 критических и литературоведческих статей.

Член Союза писателей России с 2007 года.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы.

Живет в городе Ханты-Мансийске.

Остаться...

* * *

Мы вошли в полосу потерь,
Как корабль в опасную зону.
Кто подскажет, что будет теперь,
И куда подстелить солому?

Но зачем нам пытаться судьбу:
Будь, что будет – не ждать подарка, –
Улыбаться любому дню –
Вон закат полыхает ярко!

Весь до крохи раздать каравай,
Выполняя закон вселенной.
Разгорайся ж закат, полыхай,
Обнимая любовью нетленной.

* * *

По дорогам нехоженным –
В дебрях и топях:
Мимо сел неухоженных,
Мимо угольных копей...
Золотых городов
И их жителей праздных
Мы идем средь лесов
И небес ясноглазых.
Отдохнув у костров,
Мы встаем всегда рано
И с молитвой без слов
Мы бредем неустанно.
Крестный путь наш далек –
Где-то наша обитель?

Но ведет нас сам Бог
И Владимир-креститель.

Ветер нашепчет слова,
А трава сложит вольную песню.
Тучи, по небу гуляя, слезы прольют на траву.

Ветер нашепчет слова,
И поэт сложит грустную песню –
Будет гоненье ему или венок из травы?

Не хватит дня, чтоб все дела доделать,
Не хватит ночи – сны пересмотреть...
Ума не хватит в пекле не сгореть
Страстей земных, кружащих оголтело.

Не хватит мига, чтоб сказать «спасибо»
Тому, кому обязан жизнью ты,
Не хватит жизни воплотить мечты...
Мы тянем время, а ведь всё могли бы...

Остаться, возможно ль, остаться?
Засохшим цветком меж страниц,
Растаявшим звуком метаться
В пространстве без четких границ...

Запрятаться в плотные шторы,
Иль ветром в листве шелестеть?
Остаться – о чем разговоры?..
Остаться? – оставить, стереть...

Остаться. Зачем расставаться? –
Злодейка-разлука – горька...
Остаться бы в памяти, братцы,
Но память, увы, коротка!!!

Хочешь сказать, что жизнь моя прошла зря?
Что служение Слову – забава мирская и только?
Дуй на Запад не дуй, – на Востоке взойдет заря,
А на солнце долго смотреть – нестерпимо больно.

Пусть устала рука от чернил и пера,
Если взмыло перо в облака и летит беспечно...
Не достать его никому, и оно надмирно паря,
Только Богу, ему одному подопечно.

Пусть будет зима в январе,
А в августе – синие дали,
Пусть в каждой грядущей поре
Все будет, как вы ожидали...
Кончается век или год,
А жизнь пусть потоком стремится,
Пока над главой небосвод,
И Бог позволяет молиться!

СВЕТЛАНА
ДИНИСЛАМОВА

Динисламова (Садомина) Светлана Силивёрстовна родилась 17 марта 1960 года в посёлке Сосьва Берёзовского района Тюменской области.

Окончила Ханты-Мансийское медицинское училище (1979); Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (2002).

Кандидат филологических наук.

Пишет на родном и русском языках. Публиковалась в литературных сборниках, альманахах.

Автор 7 книг стихотворений и прозы, 3 научных монографий, имеет более 100 научных публикаций. Занимается переводческой деятельностью.

С 2012 года автор-составитель и главный редактор журнала для детей на мансийском языке «Витсам».

Лауреат литературных премий: Всероссийской премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник», им. Ювана Шесталова за вклад в сохранение и развитие родных языков, литературы, фольклора и традиционной культуры; премии Губернатора ХМАО.

Член Союза писателей России.

Живёт в г. Ханты-Мансийске.

* * *

Взмахнула крыльями и взмыла вверх,
И дух от счастья сразу захватило,
Я над землёй, подобно птице – стерх,
Над милым домом плавно закружила.

Мой дом родной средь сосен и берёз,
Тропинки словно лучики от солнца,
Идут в бора, на речки, на покос,
Вдали соединяясь в полукольца...

Они, не отпуская в дальний путь,
Ведут обратно к отчему порогу,
В них предначертана всей жизни суть –
Не забывая домой свою дорогу!

Гляжу на речку: вьётся средь лесов,
У Посал-озера берёт начало,
А озеро – с Уральских родников,
С тех мест, где маму мать её качала...

Спешит на Сосьву чистая вода,
От родника через озёра, дали,
О маме память береги всегда,
Ведь мамы наши – первый вдох нам дали!

Я птицей белой над землей лечу,
В заоблачную высь меня не манит...
В родных местах с родными жить хочу,
Ах, как же в Сосьву сердце меня тянет...

2014

* * *

Все уходят в тот мир... Все уходят, уходят...
 Одинокие тени неприкаянно бродят,
 По тропинкам знакомым идут в никуда...
 И не стелется след... Нет следа, нет следа...

Нет возврата домой... Нет дороги, дороги...
 И душа пребывает во власти тревоги,
 За спиной путь земной, а что ждёт впереди?
 Где ж ангел-спаситель? Проводи, проводи...

Дай спасение душам... Спасенье, спасение,
 В мире чистом, высоком дай вознесение...
 Все уходят в тот мир. Нет возврата домой,
 Но останется здесь след земной, след земной...

2015

* * *

Если топну твердо ногою,
 Утихнет ль смятенье души?
 Если в ночь волчицей завою,
 Отзовется ли кто в тиши?

Если вдруг засмеюсь сквозь слезы,
 Неужели станет смешно?
 Если ночью приснились грозы,
 Это плохо иль хорошо?

Если в небе черные тучи,
 Пробьется ли солнечный свет?
 Если совесть порою мучит,
 Прав ли взятый мною обет?

Если время так быстро мчится,
Виноваты ли стрелки часов?
Если путник ночной постучится,
Открывать или нет засов?..

Да... не стать никогда другою.
Не унять смятенье души,
Если топнуть твердо ногою...
Хрупкий мир можно вмиг сокрушить!

2017

* * *

Я устала, отчего – не знаю,
Просто вдруг однажды поняла,
Осенью, рванувшись в небо стая,
Сил моих немного отняла.

Поняла и то, что все закаты,
Оставляют в сердце моем – грусть,
И грозы ночной далёкие раскаты,
Не дают спокойно мне заснуть.

Ливни, льющие сплошной стеною,
Ветры, гнущие живое всё к земле,
С ними в унисон я волком вою –
Что-то очень одиноко стало мне.

Где взять силы, чтобы снять усталость,
Радоваться, петь, писать стихи,
Может быть, моя крадется старость,
И ее шаги неслышны и тихи?

1999

СЕРГЕЙ
ЛУЦКИЙ

Луцкий Сергей Артемович родился 31 октября 1945 года в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области, Украина. Окончил Черновицкий индустриальный техникум (1965). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1975).

Автор многих книг прозы. Печатался в журналах, альманахах, литературных сборниках России.

Редактор-составитель литературных сборников «Кедровая грива», «Под северным небом», «Высокие широты» и др.

Рассказы переводились на арабский, дари (Афганистан), украинский языки.

Член Союза писателей России.

Награжден медалью АСПУР «За служение литературе».

Лауреат премии Губернатора ХМАО – Югры (трижды), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, литературной премией УРФО.

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

Живет в п. г. т. Излучинск Нижневартовского района.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

(повесть)

«Здесь, – думает он, останавливаясь в темном тамбуре. – Пикнуть не успеешь. И не услышит никто».

Место, в самом деле, удобное. Свет с лестничной площадки сюда не достает, его отсекает внутренняя дверь тамбура. Темнота полная. Входящего с улицы видно, а того, кто может здесь поджидать, нет.

Один удар по голове – и кранты. Или из пистолета с глушителем, сейчас это запросто. По телевизору чуть ли не каждый день рассказывают.

Айтышев привычным движением толкает наружную дверь. В глаза бьет яркий весенний день. В ноздри врываются оттаявшие запахи смолистых стен их двухэтажной «деревяшки», легковушек под окнами, воньца недалекого контейнера с крупными буквами ТБО. Но всё перекрывает мощный дух кедрачей и ельников, подступающих к поселку. Пока.

Айтышев вдыхает живой апрельский воздух. Этот месяц, первый по-настоящему весенний в их местах, он любит. Впереди распутица, из поселка можно будет выбраться только на вертолете, зато весна. Досадно лишь, что из-под снега вылезает накопившаяся за долгую зиму дрянь. Порванные целлофановые пакеты, банки из-под пива, обертки от сникерсов и чипсов. Бардака Айтышев не переносит. Хоть иди сам убирай. Но снега во дворе еще полно, утонешь.

Он оглядывается на входную дверь. Надо носить с собой фонарик. В случае чего светить в глаза, ослепить. Ему самому понятно, насколько это смешно, по-детски, но на какое-то время становится все же спокойней.

Их «деревяшка», как отражающий экран – что происходит с той стороны дома, не видно и не слышно. «А вдруг?..» – ду-

мает Айтышев. Он и оделся, чтобы пойти посмотреть, как там, за домом. Все-таки сегодня общепоселковое собрание, приедет начальство из райцентра, должны прекратить. На носу выборы, конфликтовать с людьми власти ни к чему.

Еще у глухого, без окон, торца «деревяшки» Айтышев понимает, что кедрач продолжают валить. Слышен звук работающей техники, а когда Айтышев оказывается с обратной стороны «деревяшки», становится видно, как за узкой полосой леса вдруг подпрыгнет верхушка кедра и тут же клонится, исчезает за другими деревьями.

У Айтышева каменеют желваки.

Скоты, ничего не боятся!..

Крупным решительным шагом он направляется к гриве. Он здесь и все должно перемениться. Откуда такая уверенность – неизвестно, но она переполняет Айтышева, заставляет раздуваться ноздри.

– Стой! – кричит он и поднимает кверху руки, скрещивает над головой. – Стой, сказал!..

В лесу по-зимнему полно снега, весны почти не чувствуется. Разве что мороз не давит и запахи сильнее. Чадающий и громыхающий монстр доделывает операцию, дисковые пилы с визгом срезают на стволе сучья. Потом голый и прямой, как карандаш, ствол укладывается на лесовоз. Лишь после этого валочная машина замолкает, из кабины выглядывает оператор в оранжевом комбинезоне, бросает:

– Подожди, я сейчас!

Айтышев тяжело смотрит на приближающегося оператора. Молодой, совести у таких мало.

– Тебе сколько надо? – опережает парень. Голос приглушенный, оператор воровато оглядывается на не до конца загруженный лесовоз.

– В смысле? – не понимает Айтышев, на секунду-другую его запал сбит.

– Сколько хлыстов надо, говорю? Кедр, ель, сосна?..

До Айтышева доходит. Кровь ударяет в голову.

– Заткнуть рот хотите?! Взятку предлагаете?! – звереет он.

– Не купите! Так и скажи тому, кто послал!..

Оператор пожимает плечами:

– Ваши мужики подходят, договариваемся. А чего, нормально. Думал, ты тоже.

Он поворачивается и уходит. Оранжевый комбинезон ярким пятном выделяется на фоне срезанных, в лохматой хвое сучьев и свежих, похожих на открытые раны, пней. Земля и снег перемешаны, перемолоты гусеницами и колесами техники.

Айтышева трясет от обиды и злости. Давно его так не унижали.

2

Первым про кедрач узнал Кузьмич. Он и позвонил дней десять назад:

– Валерка, ты? Слушай, здесь кедрач валят... Какой, какой – ближний! Надо чего-то делать, а то поздно будет... Ты слышишь меня? Чего молчишь?

Позвонил Кузьмич не вовремя. Олечка, младший сын, только что ушел в школу, они с женой остались одни, и Айтышев решил использовать момент.

Вчера он вернулся с вахты, но пообщаться с Людмилой сразу не удалось. Несговорчивой она какой-то стала последнее время, каждый раз находила причину. Понятно, возраст, но ведь и ему столько же, а интерес остался. Тем более, если две недели не видел женщины.

– Валерка, заснул? Кедрач, говорю, убирают! Куда за шишкой ходить будем? Мотор не у каждого, чтоб за увалы мотаться.

То, что Кузьмич панибратски называл его Валеркой – ладно, он старше. Плохо было другое. Жена, воспользовавшись тем, что его отвлекли, закинула руки за спину и стала торопливо застегивать бюстгальтер. При этом озабоченно посматривала на часы и вполголоса приговаривала, дескать, совсем забыла, сегодня ей на первый урок поставили замену, надо идти.

– А чего ты мне звонишь? – раздраженно сказал в трубку Айтышев. Не силой же Людмилу удерживать. – Есть глава администрации, ему звони!

– Звонил. Нету его, в район вызвали. А ты все ж профсоюзный босс, человек авторитетный. Тебя должны послушаться.

Слова Кузьмича были приятны – помнят, что несколько лет подряд вышкомонтажники избирали его профоргом. Но и лукавство в этих словах было. Любят мужики на чужом хребте в рай въехать. Айтышев не раз замечал, выдвигая его куда-нибудь, за спиной перемигивались.

– Ага, босс... Накрылся профсоюз медным тазом. Кто кедрач валит?

– А хрен знает! Какая-то фирма.

Некоторое время Айтышев молчал, прислушиваясь, как Людмила возилась в прихожей с одеждой, как щелкнул входной замок. Подумал, что предки были умные, несколько раз женились. Молодая жена так бы себя вести не стала. Во всех смыслах.

– Ну так что?

– Сейчас подойду.

– В случае чего я в стайке.

Толковый он все-таки был мужик, Николай Васильевич. Айтышев его не застал – когда приехал в поселок, Свиридова уже забрали в Тюмень. Но только и слышно было: Николай Васильевич, Николай Васильевич. В семидесятые директор в геологоразведочной экспедиции бог и царь. Все на нем – и производство, и поселок.

Свиридов, говорят, сам это место выбрал. То, что на берегу реки, – понятно, иначе ни вышки на ремонт не доставить, ни технику, всё в их краях по воде. Зимой, правда, зимники по болотам среди чахлах сосенок прокладывают, но это временно. А летом и в межсезонье – река. Свиридов еще выбрал место так, чтобы материк полого сходил к воде – поселок в разливы не затопит и не подмоет. Со строительным лесом тоже предусмотрел, урманы вокруг, к тому же охотиться можно.

Айтышев шел по прямой, словно профиль у геофизиков, улице и одобрительно поглядывал по сторонам. Досада на жену как-то понемногу сгладилась. Если честно, и он уже не тот. Еще год-два назад Людмила ни за что не отвертелась бы. Теперь начинаешь думать о том, на что раньше не обращал внимания, считал, так и должно быть.

Все у них в поселке по уму. Ровные улицы, два бывших орзовских магазина, продовольственный и промтоварный, баня,

детский сад «Солнышко», средняя школа... Понятно, не все Свиридов сделал, были и другие хорошие директора, но основу заложил он. Потому до сих пор вспоминают.

Этого козла не будут!..

Навстречу ехал лоснящийся полировкой «лексус». Кто за тонированными стеклами – не разобрать, но Айтышев до хруста отвернул голову. Машина нынешнего директора экспедиции. Точнее, того, что от экспедиции осталось. Заказов на разведочное бурение почти нет, половина поселка без работы, а у этого зарплата триста тысяч. И ничего не сделаешь.

Айтышев не поверил, когда узнал о такой зарплате. Задал вопрос на профсоюзном собрании. Ответа не услышал, зато через пару недель его сократили. А некоторое время спустя разогнали и профсоюз. За это проголосовали сами рабочие. Конечно, тяжело голосовать по-другому, если из президиума смотрит директор и делает пометки в блокноте. Но Айтышев все равно этого не понимал. Он тогда уже устроился охранником на месторождение, казалось бы, не его дело. Получается, мужики сами себя кастрировали. Профсоюз в экспедиции был не особо смелый, но раньше они все-таки могли рассчитывать, что заступится. А сейчас у этого полностью развязаны руки!..

Еще один плюс Свиридову, выбрал обжитое место. Когда-то здесь стояла небольшая деревушка Никишкина. Наверно, первым поселился какой-то Никишкин, отсюда название деревни – Никишкина, а не Никишкино, как обычно бывает. Теперь от нее ничего не осталось, разве что дом Кузьмича у самого леса. Этот еще сто лет простоит – из лиственницы.

От Кузьмичева дома уже было хорошо слышно: за деревьями что-то происходит. Но что именно, неясно. Айтышев открыл калитку, прошел к приземистой, будто присевшей в снегу, стайке, заглянул внутрь. После спящего на апрельском солнце снега здесь казалось темно. Пахло коровой и почему-то укропом.

– Кузьмич, ты где?

– Сейчас, – раздался из темноты голос. Вскоре появился и Кузьмич с ведром в руке. Укропом пахло из ведра. – Корова того гляди отелится. Пою, а то пучит, теленка газы задавят... Ну чего, пошли?

– Точно кедрач валят? – на всякий случай спросил Айтышев.

– Нет, шучу. – Кузьмич, высокий, худой, с морщинистым небритым лицом, посмотрел в сторону леса. – Погоди, я сейчас.

Бывая у Кузьмича, Айтышев всегда с интересом смотрел на крепкий бревенчатый дом, на стайку, на поленницу жарких березовых дров, на «Буран» под навесом. Настоящее деревенское хозяйство. Не скажешь, что это в поселке геологоразведчиков.

Через минуту Кузьмич вышел из дома с ружьем. На удивленный взгляд Айтышева сказал без улыбки:

– Чтоб уважали.

Оказалось, выяснять отношения они явились не первые. На поляне с бросающимися в глаза свежими пнями кроме лесовалочной машины стоял джип, а перед ним размахивала топором многодетная Валентина Галушко. Молодой упитанный мужчина с серьгой в ухе показывал ей какие-то бумаги в прозрачном файле, хлопал по ним ладонью, но Валентина не унималась:

– Ты, что ли, мне орех дашь?!. А брусничник подавили, он здесь хороший! А грибы!.. Чего я в город повезу, на что детей в школу собирать? Обнаглели, сволочи, до нас уже добрались! – Платок на женщине сбился, волосы растрепались, глаза злобно горели. Такая в самом деле зарубит. – Бумаги он показывает! Подотришь своими бумагами! Порублю колеса на хрен!.. Всё мало им, никак не нахапаются. Чтоб вы подавились!..

Айтышев помедлил. Было неудобно за Галушко перед посторонним человеком. А с другой стороны, после Валентины проще разговаривать. Действительно, кто разрешил? Десятка три деревьев уже были свалены, а этот кедрач даже свои не трогали. Орех многим в поселке помогал сводить концы с концами, особенно сейчас, когда экспедиция сидит без заказов. Прав Кузьмич, не у всех лодки, чтобы ездить за увалы, для многих только ближний кедрач доступен.

– Здравствуйте, – сказал он, подходя к джипу. – Вы кто и по какому праву валите лес?

Галушко сбоку закричала, перебивая:

– Какие у них права! Мы здесь живем, наш кедрач! Нету у них никаких прав, нехай уматывают!..

– Валентина, успокойся, разберемся. – Укоризненно взгля-

нув на женщину, Айтышев опять повернулся к молодому мужчине с серьгой в ухе. – Вопрос задан, мы ждем ответа.

– А вы кто?

– Представители общественности. Знать о происходящем наша обязанность. Очень не хотелось бы доводить дело до конфликта. Люди настроены решительно. – И как бы невзначай Айтышев оглянулся на Кузьмича с ружьем.

Он чувствовал, все у него выходит как надо, веско и достойно. Опыт – большое дело. Раньше он в подобных случаях горячился, начинал кричать и ругаться, а надо по-другому, спокойно, с умом.

То, что он теперь знает, как разговаривать, добавляло уверенности. Смешно, но после облома с женой уверенность была особенно нужна.

Молодой мужчина обрадовался:

– Слава богу, вменяемый человек!.. Я исполнительный директор акционерного общества. Мы выиграли тендер на заготовку деловой древесины на этой площади. Вот документы. – И он протянул прозрачный файл, который только что показывал Галушко. – Можете убедиться.

Айтышев заметил, кроме серьги у молодого исполнительного директора полированные ногти, они мягко отсвечивали бесцветным лаком. Видеть это на мужских руках было так же неприятно, как и серьгу в ухе. Но Айтышев не подал вида.

– А почему нас, жителей поселка, никто не спросил?

– А почему вас должны спрашивать? Лесные фонды принадлежат государству, оно само решает, как ими распоряжаться.

– Порублю! – опять заблужила Валентина Галушко и пошла на джип с топором.

Айтышев перехватил ее. Держа за руки, повернул лицо к исполнительному директору:

– Советую немедленно прекратить. Пока глава администрации не подтвердит, что вы нам здесь наговорили, валить кедрач не позволим. Иначе я ни за что не ручаюсь.

– Вот именно, – вставил Кузьмич, снимая с плеча ружье. – Сейчас еще мужики подойдут. А я в историю поселка этот факт запишу. На века останется!..

Исполнительный директор возмутился:

– Какая еще история поселка, бросьте меня пугать! Все законно, вот документы. А за самоуправство можно ответить.

– Самоуправством занимаетесь вы. Повторяю, пока глава администрации не подтвердит, мы вам ничего делать не дадим.

Кузьмич с чувством плюнул под ноги:

– Ну, уроды! Даже во время войны кедрач не трогали, в урман за клёпками для бочек под рыбу ездили. Все для фронта, все для победы – а не трогали!.. Ну вот, мужики идут.

От поселка действительно двигалось несколько человек. Некоторые, как Кузьмич, были с охотничьими ружьями.

– Это мы еще посмотрим, – сбавил тон исполнительный директор. – Вы еще пожалеете.

Утопая чуть ли не по пояс в снегу, он направился к лесовалочному агрегату. Тот выжидательно молчал с тех пор, как возле джипа появились Айтышев с Кузьмичом. Исполнительный директор что-то коротко сказал в приоткрывшуюся дверцу. Оператор в броском оранжевом комбинезоне выбрался из кабины и пересел в стоящий поблизости лесовоз. Обе машины, лесовоз и джип, двинулись к дороге из поселка.

– В тувельках он приехал, фраер дешевый! – мстительно закричала вслед многодетная Галушко. – Начерпал снега по самые помидоры! Отморозишь!..

Подошедшие мужики засмеялись, стали здороваться за руку. Похоже, они жалели, что обошлось без них. Кузьмич, противным голоском передразнивая приезжего, принялся рассказывать, как было дело. Опять смеялись. Настроение у всех было приподнятое.

– Агрегат оставили, – заметил кто-то. – Вернутся.

– А хрен им на воротник! Неужели свой кедрач не отстоим? Да костями ляжем!..

Все согласились, что так оно и будет.

3

Леня Соколкин был не то чтобы дурак, но с крепкой придурью. Заносило его довольно часто. Сейчас Леня ходил перед

зданием поселковой администрации и строго поглядывал по сторонам. На плечах у него лежало увесистое бревно.

– Я живу в свободной стране. Имею право, – сказал Леня Кузьмичу, неудобно вывернув шею.

– А то! – легко согласился Кузьмич. – Не видал, Юрий Семенович приехал?

Ленино лицо расцвело, он был рад, что с ним заговорили. Леня притопнул ногой, как делают солдаты в американских фильмах.

– Так точно, сэр! Мы должны быть в форме, свободу надо уметь защищать!.. – Продолжая дураковато улыбаться, Соколкин принялся приседать с бревном на плечах.

Айтышев вспомнил, такое же лицо у Лени было, когда умерла мать. Его в поселке жалели, говорили хорошие слова, утешали – и от общего внимания Леня лыбился, чувствовал себя именинником.

По дороге от кедровой гривы мужики рассосались по домам, так что к администрации Айтышев и Кузьмич подошли вдвоем. Следовало толком все узнать у Петлеваного. В здании было по-особому тихо, даже телефоны не звонили – похоже, глава еще не вернулся. Что и подтвердила секретарь Наташа, оставив чашку с чаем.

– А когда будет?

– Точно сказать не могу. Юрий Семенович, возможно, задержится в городе.

– Ну, вы даете! Сидите здесь и ничего не знаете?.. Кедрач у них под носом рубят, а они сидят! Кончайте чай гонять, спасать кедрач надо, пока не поздно!.. – Кузьмич говорил с веселой напористостью, присвистывая прогалами между оставшимися зубами, небритое лицо было оживлено. Настроение у него все еще оставалось боевым.

Грудастая Наташа смотрела непонимающе.

– Где? Какой кедрач?..

Айтышев отвел взгляд. Всю жизнь, начиная с детдома, он среди русских, а кровь все равно другая. Нужно было усилие, чтобы не смотреть на Наташину грудь. Айтышев заставил себя думать о том, что в администрации к нему относятся с уважением. Хотя он уже не вышкарь шестого разряда и не

профорг, а всего лишь охранник на нефтяном месторождении. Это отвлекало от Наташиной груди и само по себе было приятно.

– Ну что, Валерка, и мы по чайковскому вдарим? – сменил тему Кузьмич. – Наташ, мы подойдем после обеда. В случае чего, к Петлеваному первые.

– Хорошо, Михаил Кузьмич, обязательно.

Кузьмича здесь тоже уважали, а он давно пенсионер. Не каждый историю поселка пишет, к нему даже из краеведческого музея в городе приезжали. Но за «Валерку» при посторонних Айтышев на Кузьмича все же покосился.

Об истории поселка они и заговорили за чаем. Чаевничали вдвоем, Кузьмич уже несколько лет как похоронил жену. Сначала, конечно, еще раз обсудили то, что произошло в лесу. Прохиндей, сейчас таких до хрена, не на тех нарвался!.. Обычно Кузьмич избегал говорить об истории, отделялся намеками, но то, что оба были на гриве, сделало его откровенней.

Айтышев собирался услышать о метрах скважин, о лучших вышкарях и бурильщиках, о переходящем знамени министерства, которым экспедицию наградили в восемьдесят шестом. Так было бы понятно. За цифрами и именами труд, нервы, несчастные случаи – показатели давались тяжело, потом, а порой и кровью.

Но история Кузьмича была странная. Какая-то женщина отдала два пуда картошки, когда по реке возили эвакуированных из Ленинграда, – это еще до поселка, в деревне Никишкиной. К одному мужику пришли заказывать пимы, а он направил к соседу – у того пимы получались лучше, хотя деньги мужику были нужны. В охотничьей избушке на том берегу жил монах, лечил травами и молитвами. Говорил, где мои ноги пройдут, там плохого не будет...

– А чего это эвакуированных возили по реке? – Айтышев смотрел недоверчиво.

– Как – чего? У государства на всех не хватало – война, карточная система. На людей надеялись, от себя, дескать, оторвут, пожалуют доходяг.

– А монах откуда в здешних краях?

– Может, не монах – так рассказывали, я еще пацаном был. Может, дезертир, дело во время войны было. С передовой, думаешь, не бегали? Эге, до самой Сибири добирались!..

Не зря Кузьмич темнил. Айтышев был озадачен.

– А ближе к нашему времени ты не писал? О Николае Васильевиче Свиридове, например.

Кузьмич принялся листать общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

– Есть. Его ешшо Зверидовым называли. Крутой был мужик. Улицы нарезал – не считался, усадьба не усадьба, огород не огород. А сколько навоза в наш суглинок надо вбухать, чтоб рожал!.. Многие в Никишкиной хозяйством жили, огородами... Ну, лесом, конечно.

Айтышев пошевелил бровями. При почти седых волосах на голове брови у него все еще оставались черными.

– На всех не угодишь. Стране была нужна нефть. Почему об этом не пишешь?

Кузьмич засмеялся, будто знал что-то, Айтышеву неизвестное. Его небритое лицо в сивой щетине сделалось хитрым.

– Ты в библиотеку пойди, газеты возьми – там о нефти... Хотя, думаю, подписки за те годы навряд сохранились, сожгли. А это... – Он закрыл тетрадь и с довольным, почти счастливым видом прихлопнул сверху ладонью. – Это останется! Это надо долго. Может, навсегда.

Странный дед. Замызганная тетрадь с загнутыми кончиками листов – и навсегда!..

Встретиться в тот день с Петлеваным у них не получилось. Еще не закончили чаевничать, как заиграл мобильник. Звонила Людмила.

С полминуты выждав, Айтышев нажал кнопку приема, хмуро спросил:

– Чего надо? – Пусть знает, муж недоволен.

Голос у Людмилы был заискивающий. Но, как оказалось, по другому поводу.

– Валер, зайди к Рустаму. Он болеет, температура, а в амбулаторию идти не хочет. Альфия беспокоится.

– Какой Рустам?.. Ты по Генку, что ли?

– Валер, перестань. Пусть будет Рустам, он взрослый мужчина, сам решает... Альфие он стесняется сказать. Что-то по мужской части. Зайди, прошу.

Татарин, блин!.. Имя, которое дали родители, ему не нравится, паспорт поменял, жену поменял. Еще на него, отца, сваливал – типа, выжил Светку, придирался. А кто будет молчать, если невестка кастрюлями суп в унитаз выливала! Вчерашний, дескать. Он цену еде с детства знает, с детдома. Потом тоже ничего с неба само не падало. Это свой труд не уважать, заработанное на ветру, на морозе. Кожа на металле остается, если схватишься без рукавицы.

– Ладно, – буркнул Айтышев.

Надо было идти. Все-таки сын.

Генка жил не в «деревяшке», а в двухэтажном коттедже на одну семью по улице Таежной. В таких при Свиридове селили итээровцев и передовых бурильщиков. Первый этаж коттеджа теперь занимал магазин, принадлежавший Генкиному тестю. В магазин Айтышев и зашел.

– Здравствуй, – сказал он Альфие. – Где больной?

Невестка поднялась со стула с той стороны прилавка. Она была месяце на восьмом. Беременность, похоже, давалась ей тяжело, хотя Альфия старалась не показывать вида.

– Проходите, пожалуйста. – Старательно улыбаясь, она открыла боковую дверь. Во взгляде была выжидательная осторожность. Невестка знала, Айтышев не одобрял новой женитьбы сына. Даже на свадьбу не пришел. – Извините, не могу проводить вас... отец. Покупатели идут.

Неспешно ступая, Айтышев стал подниматься на второй этаж. Магазин с пестрыми от разноцветных упаковок полками, вереницы бутылок, скрипучие ступеньки лестницы, какие-то татарские половики на полу – все здесь было чужое. Даже воздух особо пахнул.

– Ты где? – сказал он громко, не называя сына по имени.

Дверь в одну из комнат открылась. Генка с синевато отсвечивающей бритой головой стоял, подавшись плечами вперед и отставив зад. Понятно. Вид у него в самом деле был больной. Вообще-то все к тому шло. Татарин – так настоящий, стопроцентный. Сын тоже упертый, гнет свою линию.

– В город к врачу поедешь?

Генка не сразу, но кивнул. Видимо, действительно прижало. В поселковую амбулаторию не хочет обращаться – о причине сразу станет всем известно.

С Александром Михайловичем, хирургом, Айтышев познакомился, когда сломал лодыжку. Ладно бы на работе, а то в бане на скользком полу. Александр Михайлович снимал ему пластину. Оказалось, увлекается рыбалкой, Айтышев пригласил приезжать. Естественно, на рыбалке выпивали, говорили о жизни. В итоге врач стал друг не друг, но добрый знакомый, к которому можно обратиться в случае чего. Сейчас был такой случай.

Созвонившись с Александром Михайловичем, Айтышев заехал за Генкой. Сын осторожно, чтобы не потревожить шинкой хозяйство, спустился со второго этажа, медленно забрался в тойоту на заднее сиденье, где попросторней. Когда выехали за поселком на зимник, Айтышев спросил:

– Зачем это делаешь?

– Что ты имеешь в виду? – после паузы отозвался сын.

– Другое имя взял, со Светкой развелся, на Альфии женился. Теперь вот...

– Межсезонье скоро, распутица, – неизвестно к чему сказал Генка. – Поползет ваш зимник. Пока река не вскрыется, невыездными будете.

Айтышев оглянулся с переднего сиденья.

– Не понял. Чего вдруг ты о межсезонье? – Про себя отметил: «ваш», «станете»... Будто сам здесь не родился и не живет. Отделил себя от поселка, отрезал.

Голос сына был бесцветным:

– За исламом будущее.

– Крысы бегут с корабля?.. От русской матери еще не отказался?

Генка-Рустам не ответил. Неглупый парень, заочно учится в нефтяном университете в Тюмени. Что они себе напридумывали, эти молодые? Будто какой ты веры самое главное. Главное в жизни – какой ты сам, что из себя представляешь. Или потому Генка так поступает, что неглупый?.. Размышлять о подобном было непривычно и тревожно.

Александр Михайлович все быстро устроил. Поехали в больницу, там он больше часа продержал Генку в операционной и оставил в стационаре на несколько дней. Требовалось наблюдение, случай запущенный, не было бы сепсиса.

– Кто его так? Стопроцентная самодеятельность. – Глаза врача за стеклами в тонкой оправе смотрели непонимающе, но спокойно.

– У него спроси. Настоящим мусульманином решил заделаться.

– Да уж, мусульмане... Как насчет этилового ректифицированного? А, ты за рулем... Ладно, подкинь домой, моя машина в ремонте.

По дороге заговорили о рыбалке. Сейчас на озерах хорошо брал окунь, как ни странно, на клюкву. Александр Михайлович не поверил:

– Да ладно!

– Мужики таскают только так. А чего, давай проверим, у меня две недели свободных. Но не затягивай, а то зимник скоро поплывет. Сейчас ехал, кое-где начал проседать.

Стали строить планы. Уже возле многоэтажки, в которой жил хирург, Айтышев рассказал о кедраче. Александр Михайлович заинтересовался:

– Тендер выиграли?.. Странно, тендеры еще не проводились. Подожди, сделаю звонок одному человеку, он должен знать точно.

Оказалось, действительно, тендеров в районной администрации пока не было. Айтышев, не сдержавшись, хлопнул обеими ладонями по рулю тойоты:

– Так и знал – прохиндей! Лапшу вешал! Кто разрешит кедр возле поселка валить? В районной администрации толковые мужики сидят, они понимают!..

Александр Михайлович ничего не говорил, а лишь внимательно смотрел на приятеля.

4

У Айтышева свои тараканы в голове. Лет с четырнадцати он считал, что может влиять на происходящее.

И не обязательно ему самому что-то делать, достаточно присутствовать.

Впервые он это понял в детдоме. У него был дружок Лешка Асабин, который занимался легкой атлетикой, хорошо прыгал в высоту, но неуверенный в себе пацан. Может, потому, что слишком жалостливый. Когда детдомовские ходили в лес искать бурундучьи заначки, Лешка не ходил со всеми. Говорил, бурундуки с горя вешаются, если не обнаружат своих зимних припасов. Находят на кедре подходящую рогульку и засовывают туда голову.

Перед соревнованиями Лешка мандражировал, ходил бледный, перепуганный. Старшие пацаны над ним издевались, не по делу давали пендаля, а Айтышев однажды пошел с Лешкой на соревнования. Когда дружок стал в секторе разбегаться, он, набычившись, смотрел на него, не отрываясь. И почувствовал, как упруго ходят под дешевым детдомовским трико тугие Лешкины мышцы, тесноту полукед на ногах, запах пота из подмышек, проскальзывающую черную крошку гаревого сектора – будто сам стал Лешкой.

Он ощутил, как дружок твердо ставит на землю толчковую ногу, тормозит перед планкой всей пяткой, как скорость тела меняет направление, готовая нести вверх. Но одной ее мало – и короткий судорожный то ли вдох, то ли всхлип, толчок что есть силы, взмах маховой ноги, рука следом, все уходит в движение вверх, тянет, мощно несет за собой... Чудесно и странно.

Есть! Лешка уже на песке. Алюминиевая планка сверху между стоек даже не шелохнулась. Айтышев выдыхает, будто разбежался и прыгал сам. Облегчение и слабость во всем теле.

Сначала Валерка решил, что он гипнотизер, просто не знал об этом раньше. На тоскливых уроках алгебры пытался внушить учительнице, чтобы та запела матерную частушку и пошла вприсядку, но не получалось. «Чего уставился? На доску смотри, отличник!..» Однако какая-то сила от него все-таки исходила. Собаки в городке, где находился детдом, его боялись, старшие пацаны тоже не особо задирали. А когда он ходил с Лешкой на соревнования, тот показывал хорошие результаты. В восьмом классе перед выпуском из детдома даже выполнил второй взрослый разряд.

Иногда Айтышев думал, окажись он в Москве на стадионе, когда играла сборная СССР, наши обязательно выигрывали бы. Какой бы противник ни попался!.. Об этом он никому не говорил – скажут, крыша поехала, – но мысли такие были. До сих пор иногда появлялись.

С уверенностью, что с кедрачом все нормально, он на следующее утро направился к гриве. Следовало все-таки проверить. Но, оказалось, там во всю идет работа. Лесовалочный агрегат, смахивающий на угловатый трансформер из мультяшного сериала (Олежка любит смотреть), судорожно двигался, чадил, оставляя за собой свежие, издали броские пни. Здесь же был и вчерашний лесовоз.

Айтышев засунул пальцы в рот, свистнул и погрозил лесовалочному агрегату кулаком. Его заметили.

– Чего надо, мужик? – сказал человек в камуфляже, судя по всем, из частного охранного предприятия. По глубокому снегу, который в лесу и не думал таять, двигался еще один чоповец.

– Вы что творите?! Сейчас мужиков позову! Кто разрешил?!

– Не твое дело. Вали отсюда.

Айтышев задохнулся:

– С кем разговариваешь, урод! Я здесь живу!..

– За уroda ответишь.

– Да мы тебя сейчас!..

– Неужели? – Чоповец прищурился, стал похлопывать по ладони черным «демократизатором». – Приключение на жопу ищешь? Вали по-хорошему пока я добрый.

Через несколько минут Айтышев уже был в администрации.

– Хорошо, что пришел! – словно обрадовался Петлеваний, когда он порывисто распахнул дверь в его кабинет. – Присаживайся. Ты что один? Я думал, вы всем поселком заявитесь.

Айтышев шагнул к столу главы.

– Выходит, знаешь насчет кедрача? – Тон Петлеваного ему не понравился, но впечатление от встречи с чоповцами было сильнее. – Мы их вчера шуганули, так они сегодня с мордоворотами приехали, сволочи!..

– Погоди-погоди, кто – они?

– Кто ближний кедрач валит!.. Хотел поговорить – слушать не хотят! Есть, в конце концов, у нас власть в поселке или нет?!

– Ты не горячись, Валерий Ильясович. Успокойся. – Петлеваный поднялся с вишневого, богатого на вид кресла, протянул Айтышеву руку. – Присаживайся. Я вот что давно хочу спросить. Почему тебя всё время вперед выставляют?.. Другие спокойно себе живут, в ус не дуют, а ты поперед батьки в пекло, все шишки на тебя. Интересное кино получается, не задумывался?..

У Айтышева по жизни было так: человек ему сразу нравился или нет. Лицо, взгляд, как двигается, говорит – в чем дело, непонятно, но отношение определялось сразу. И редко когда он ошибался. Что в детдоме, что в армии, что позже в экспедиции. Рано или поздно первое впечатление подтверждал сам человек. Айтышев где-то читал, так узнают друг друга животные. Даже в темноте. С одними они свои, с другими ничего хорошего быть не может.

Петлеваный ему не нравился. В девяностые был в экспедиции инженером по технике безопасности, а это слуга двух господ. Если по-настоящему следить, чтобы вышкари или бурильщики работали по правилам, получится итальянская забастовка, план никогда не сделать. Начальство (да и работяги тоже) будут недовольны – скажется на зарплате и премиальных. Инженер по технике безопасности оказывался между двух огней, при несчастных случаях в первую очередь спрашивали с него. Надо уметь продержаться в такой должности больше шести лет. И вот уже почти столько же Петлеваный был главой поселковой администрации.

Не дожидаясь от Айтышева ответа, Петлеваный подошел к стене, где висела большая разноцветная карта поселка. Судя по всему, собирался что-то на ней показывать. Он уже и отточенный карандаш в руки взял, и лицо к карте повернул, как вдруг быстро оглянулся на Айтышева:

– Ты Ивана Даниловича Батюшкова знал?.. Хороший был человек.

Айтышев молча кивнул. Хитрит Петлеваный, запутывает разговор, но Иван Данилович действительно был хороший мужик. Умер недавно. Пришел с работы из ремонтных мастерских, опустился на лавочку возле своей «деревяшки» и вроде как задремал. Оказалось, сердце остановилось.

– То, что он сидел, знаешь? А за что, тоже знаешь?.. Так вот, раньше Иван Данилович был старшим мастером в леспромхозе, а о минерализованной полосе вокруг базы не позаботился. Хотя по должности полагалось. А тут жаркое лето, лес загорелся, сильный ветер – базы в пять минут не стало. Были жертвы, о технике не говорю... – Петлеванный пристально, с усмешкой смотрел на Айтышева. – Как думаешь, мне охота на зону? Вот... Так вот честно скажи, похож я на идиота? Я тебе верю, Валерий Ильясович, ты мне прямо говори, в глаза!..

У Айтышева дрогнули ноздри. Разговаривает, будто перед ним недоделанный Леня Соколкин. Или издевается. Раньше он взорвался бы, обложил по матушке и хлопнул дверью, но так ничего не добьешься.

– Давай ближе к делу, Юрий Семенович. Убирают ближний кедрач, а ты здесь...

– А разве я не о деле? – искренне удивился Петлеванный и даже слегка откинулся назад. – Посмотри на карту. Это наш поселок к двадцатому году, перспективный план. Видишь, где границы проходят? Да ты ближе подойди, оттуда плохо видно!.. Границы, обрати внимание, отодвинутся метров на сто. В поселке появится спортивный комплекс, культурно-досуговый центр, новая улица... Между прочим, планирую объявить конкурс на ее название, так будет демократично. – Петлеванный доверительно подался к Айтышеву, понизил голос: – Еще, конечно, КОСы нужны, канализационно-очистные сооружения то есть. Сам посуди, поселок растет, а жидкие бытовые отходы до сих пор сливаем в лесу. Разве это нормально? Экологию губим, о детях и внуках своих не думаем. Это ж потом в наши организмы с водой попадает, сами себя травим... Площадь под КОСы потребуется? Однозначно! Остальная инфраструктура? Без вопросов! Короче, поселок должен расширяться. Хочешь не хочешь, лес придется отодвинуть, а как это сделать, если не вырубать?

– Кедрач валят, чтобы защитная полоса от огня была в случае чего? Так, что ли?

Петлеванный хлопнул ладонью об ладонь:

– В самую точку, Валерий Ильясович! Вот именно!.. Я не раз поднимал этот вопрос в районе. Очень рад, что наконец услышали. Зону мне топтать как-то неохота, сам понимаешь.

Сирена, заслушаешься!.. Олежка недавно готовился к истории, вслух читал про путешествие Одиссея. Айтышев усмехнулся:

– Когда он еще будет, этот двадцатый год. Экспедиция на ладан дышит, люди из поселка уезжают – какое расширение, какой перспективный план! Ты что мне лапшу вешаешь!..

Про лапшу он напрасно, Айтышев это понял, еще не договорив. Но Петлеванный, похоже, не обратил внимания. Опустил глаза, сокрушенно покачал головой:

– От кого от кого, а от тебя, Ильясович, не ожидал. Не патриот ты, нет!.. Поселок есть и будет. Здесь наши дети родились и выросли. Здесь наши лучшие годы прошли. В экспедиции дела поправятся, я в этом абсолютно уверен. Сейчас разрабатывается план поддержки геологоразведочной отрасли, обрати внимание, в масштабах страны! Первые лица государства понимают, без разведанных запасов перспективы у нефтяников и газовиков под вопросом. А это половина бюджетных поступлений. Да что я тебе говорю, сам телевизор смотришь!..

Айтышев поднялся, вполголоса, будто сам себе, сказал:

– Говорить они умеют. И обещать тоже. Что сейчас, что при советской власти...

Петлеванный отреагировал по-своему:

– Правильно, о перспективе нужно всегда думать. А то какая это власть? Население не поймет.

– Ты мне, Юрий Семенович, прямо скажи, будут продолжать валить кедрач или не будут?

– Так я же тебе все обрисовал! – Петлеванный укоризненно склонил голову к плечу и раскинул в стороны руки, поражаясь непонятливости Айтышева. – Рисковать поселком никак нельзя. Минерализованная полоса прокладывается с учетом перспективы. Или ты против, чтобы поселок развивался?..

– Мы кедрач не дадим вырубать.

Петлеванный посмотрел себе под ноги, выдержал паузу.

– Кто это – мы? Что за альтернативная власть в поселке появилась? Вас кто-то выбирал?.. Я тебя, конечно, уважаю, Валерий Ильясович, ты в экспедиции много лет проработал. Но не лишнее ли берешь на себя? Так и надорваться можно. Решение принято, и оно будет выполняться.

– Кто принял? Чтобы вырубать, полагается тендер провести, а его не было.

– Об этом уж позволь тебе не докладывать. Вверху приняли. – И Петлеваный посмотрел на потолок.

Разговаривать дальше не имело смысла. Айтышев вышел из кабинета, изо всех сил стараясь не хлопнуть дверью.

Людмила и сын уже были дома, сидели у компьютера. Олежка повернул навстречу счастливое лицо:

– Пап, мы пятый уровень прошли! Четыре тысячи двести семьдесят три балла! Иди посмотри!..

Людмила была так увлечена, что даже не взглянула в его сторону. На дисплее какой-то уродец прыгал по конструкциям, похожим на недостроенный многоэтажный дом, взлетал и проваливался. Голубоватый свет компьютера лежал на Людмилином сосредоточенном лице.

Айтышев, не ответив сыну, принялся молча раздеваться. Ладно, пацан. А с какой стати пятидесятилетняя баба фигней занимается? Делать нечего, все перестирано? Обед готов, полы пропылесосены, окна к весне вымыты?..

Нормальную жизнь игрой заменяют! Лишь бы не думать ни о чем, не видеть ничего! Не только Людмила с Олежкой – многие сейчас так, молодежь особенно. Сплошная суходрочка!..

– Давай обедать.

Жена вздохнула и неохотно поднялась от компьютера. Олежка тотчас занял ее место.

– Ты ел? Пошли тоже пообедаешь.

– Сейчас, сейчас... – Сын впился глазами в дисплей, рука сжала мышь.

Странно все-таки. В молодости Людмила ловила каждое его слово, старалась угодить, хотя была с высшим образованием, а он простой работяга. Как она бросилась его защищать, когда отец пообещал перебить ноги, если он ее тронет. Айтышев после армии учился в городе в школе буровых кадров, провожал Людмилу домой в частный сектор, остановились под ее окнами. Тут хлопнула форточка вверху, высунулась лысая голова и понесла Айтышева по кочкам. Мужик разве что матом не ругался. Людмила не посмотрела, что отец, ответила так, что голова скрылась. Позже выяснилось, отец у нее фронтовик, контуженный.

Сейчас все переменялось. Теперь уже он больше от нее зависит, а не наоборот. В собственной семье отодвинут в сторону. И незаметно как-то все произошло, постепенно. Хотя и теперь он обеспечивает жену и сына, не говоря уж о времени, когда был вышкомонтажником.

– Опять суп? Я этих супов вот так наелся на вахте! Ты нормальный борщ свари, с капустой, со свеклой!..

Жена удивленно взглянула:

– Сварю я тебе завтра борщ, успокойся.

– И слов таких чтоб я не слышал! Я спокоен!..

Из комнаты с компьютером прибежал Олежка, непонимающе уставился на родителей:

– Вы чего?

Айтышев рявкнул:

– Быстро за стол! Обнаглел! Чтоб не видел я больше этих дебильных игр!.. Поешь – дневник покажи!

Он понимал, причина его гнева в другом. Но и домашних время от времени надо строить – не помешает, а то распустились! Сейчас это было особенно ясно.

После обеда Айтышев взял ручку, лист бумаги из поддона принтера, на котором Людмила распечатывала материалы к урокам, и сел за кухонный стол. Наморщил лоб. Петлеваный делать ничего не хочет, надо обращаться в районную администрацию. Насчет минерализованной полосы к двадцатому году – туфта. Кому-то понадобилась кедровая древесина, она ценная. Все, кто был вчера на гриве, письмо подпишут. Да и многие другие в поселке тоже.

Казалось, все понятно, яснее не бывает, но когда Айтышев принялся писать, выходило не то – неубедительно как-то. Он порвал листок и выбросил в мусорное ведро, взял новый. Но и на этом получилось хреново. Обращаться к Людмиле не хотелось, и он взял еще листок. В конце концов все-таки пошел в комнату с телевизором, хмуро сказал сидевшей на диване жене:

– Пошли поможешь.

Людмила посмотрела сдержанно, но все же поднялась и пошла следом на кухню.

– Садись, письмо в район написать надо... Ближний кедрач ваят, слышала, наверно? А зачем новая полоса, если старая

есть? – заговорил он, понемногу заводясь опять. – Ты распорядись подрост вырубать регулярно – и все дела! Проблем-то! Когда еще поселок будут расширять, за десять лет планы сто раз переиграют!.. Зону он топтать не хочет! До двадцатого года собрался в своем красивом кресле сидеть!.. О кресле не пиши.

Жена остановила:

– Давай по порядку. Какая полоса, какой двадцатый год, какое кресло? И причем здесь зона?..

Выслушав, неоднократно уточнив детали, Людмила полчаса сосредоточенно писала. Наконец прочла вслух, что получилось. Айтышеву прищелкнул пальцами – что надо! Как не крути, а высшее образование много значит. Жаль, у него возможности не было. Одной школой буровых кадров пришлось ограничиться.

– Молодец!

– Ну тебя, – отмахнулась жена.

Она еще обижалась за недавнюю вспышку, хотя могла бы привыкнуть к его характеру. К тому же обижаться у него больше оснований...

– Давай текст на компьютере наберу. Солидной смотреться будет. – Похвала все-таки подействовала на Людмилу.

– Точно!..

Минут пятнадцать спустя она протянула листок с красивыми печатными строчками.

– У меня вопрос, Валера. – Людмила подняла к мужу лицо, прямо, требовательно посмотрела в глаза. – Оно тебе надо?

Айтышев не понял:

– То есть?

– Оно тебе надо, все это? – повторила жена, не отводя серьезного взгляда и тряхнув листком в руке. – Зацикленный правдолюбец, ей-богу! Мало тебе гадостей из-за твоего характера делали? Квартиру не давали, с разрядом тянули, сейчас вообще сократили...

– Ты еще вспомни, что до революции было.

Людмила шутки не приняла:

– Когда были молодые, я думала, ну, горячий, пройдет. Потом думала, кризис среднего возраста. Сейчас-то чего? Пенсия на носу, успокойся! Что ты каждой бочке затычка!..

Айтышев, злобно взглянув на жену, выхватил листок «Затычка»!..

Однако сдержал себя, не стал говорить то, что готово было сорваться с языка.

Овцы! Их стригут, ни в грош не ставят, а они еще спасибо говорить готовы!..

5

Теленок стоял, широко растопырив ноги и опустив голову. Вид у него был глупый. Корова теленка вылизала, волнистые следы от языка все еще виднелись на коричневой шерстке.

– Телочка, – сообщил довольный Кузьмич. – Я по-старому, в избу взял, по ночам ниже десяти опускаться. О, пруденит!..

Из теленка в самом деле полилась струйка на сено в углу, где он стоял.

– Пошло пишеварение!..

Айтышев был весь в другом, но вспомнилось, как в детдоме пацаны подсматривали, когда в подсобном хозяйстве рожали коровы. Взрослые гнали их в шею, ругались, но пацанам было любопытно видеть, как из коровы лезет теленок. Все, связанное с этим, детдомовских жгуче интересовало. Еще в школу не ходили, а уже заставляли девчонок снимать трусы и показывали пальцем: «Пирожок!»...

Айтышев усмехнулся. Барбосы! Но почему до сих пор ему нет покоя?..

– Ну-ка, что ты там намайстрячил? – Кузьмич вытер руки чистой тряпкой и взял обращение к главе районной администрации. Вспомнив, что нужны очки, опустил листок на стол, пошарил на подоконнике с геранью. – Ну-ка, ну-ка... А чего, толково, все по делу. Мнение населения, с ним начальство должно считаться. Опять же выборы... Где подписать?

С обращением Айтышев обошел всех, кто был вчера на гриве. Услышав, что Петлеванный в курсе и останавливать вырубку кедрача не собирается, подписывали. «К прокурору надо! Шахер-махер здесь! – заявила Валентина Галуш-

ко. – Столько лет ни о какой полосе не думали – и нате вам! Не верю я, другое что-то здесь, чувствую!..»

В квартире у Валентины было влажно, как в бане – вся кухня завешена сохнущим детским бельем. Недавно в семье родилась двойня. «Как с моим Галушкой помиримся, так трах – и новый короед!» – объясняла Валентина в поселке. С двойней в семье стало шестеро детей. Мужа Валентины Айтышев хорошо знал, раньше работали в одной бригаде. Его, тщедушного и молчаливого, подначивали: не только умудряется уживаться с боевитой крупной Валентиной, но и столько детей настрогал. Хорошо, пока не сократили. Вот уж кому туго придется, если кедрач вырубят. В конце августа у Галушко обычно начинались горячие дни. Орех, ягоду, грибы добывали всем кагалом, потом отвозили в город продавать.

Озадачил Иван Волобуев. Он тоже был на гриве, но подписывать не стал. Крутя в пальцах шариковую ручку, несколько раз прочел обращение и дальше коридора пройти не пригласил. Отведя глаза, вернул листок и ручку. «Ты чего? Пусть вырубают, по-твоему?» – «Нет, я, конечно, за...» – «Тогда в чем дело? Почему не хочешь подписывать?» – уязвлено стал наседать Айтышев. «Я в эти игры не играю». – «Тогда зачем приходил на гриву? Сидел бы себе дома!..» Иван усмехнулся: «За компанию и еврей повесился». Еврей нашелся...

Волобуев был из тех поселковых мужиков, которые уволились, не дожидаясь сокращения. Районная администрация давала ссуды, можно было открыть собственное дело, и Волобуев года два назад купил мини-пекарню. Бизнес однако не пошел, он пробовал заниматься извозом на «газели», потом открыл парикмахерскую, где стригла и делала маникюр жена, сам ходил по поселку, ремонтировал бытовую технику – всё без особого успеха. Возможно, потому, что в полутора часах езды находился город, где все было дешевле. Айтышев краем уха слышал, сейчас Иван затевает какой-то новый бизнес.

– А чего здесь не понимать, – сказал Кузьмич, когда Айтышев рассказал о Волобуеве. – Очень даже понятно себя ведет. Светиться человек не хочет, вдруг в администрации не понравится, что подписал. Денег не дадут... Хитрожопые, скажу тебе, люди, эти наши бизнесмены – и рыбку съесть, и на хер сесть!

А может, наоборот – несчастные, кто знат... – Кузьмич почесывал теленку лоб, и сам жмурился от удовольствия. – Здесь, Валерка, вот какая штука. Леня Соколкин приходил. Знаешь, чего предлагат? Давайте, говорит, подожду агрегат – ну, лесовалочный. Бензина просил.

– Seriously, что ли?

– Ну. Вроде как народный мститель.

Говорил это Кузьмич как бы с усмешкой, но что-то в его лице было, заставившее задержать взгляд.

– А ты?

– Что – я?.. Помнишь, читал тебе про одну никишкинскую тетку, она картошку отдала эвакуированным. Может, за счет своей семьи других пожалела. Как ни крути, хорошее дело – вроде как жертва, когда всем одинаково хреново. Не каждый сможет, потому и записываю в историю. – Кузьмич остановил на Айтышеве далекие мечтательные глаза. – А хорошо было бы, а? Пострадал, чтобы другим была польза. По мне, такое должны помнить. У нас ведь как, умер человек – и забыли. Правильный был или так себе, неважно. Это нехорошо. О правильных должны помнить.

Айтышев нашелся не сразу:

– Так Леня с приветом. Зачем втягивать?

– Ты чего, Валерка! Кто говорит, что надо втягивать?.. А с другой стороны, через двадцать лет никто знать не будет, какой он был. Останется только, жил такой Леня Соколкин, сел в тюрьму, когда хотели наехать на малоимущих. Это будет помнить, кто с совестью, конечно. Вроде как маяк для других.

Шутит Кузьмич или говорит серьезно, понять было трудно. Айтышев представил, как Соколкина с канистрой бензина скрутят мордороты из ЧОПа, с которыми он столкнулся утром. Ведь наверняка попадет.

Кузьмич посмотрел на часы. Не ходики с гирей, как можно было бы ожидать в деревенском доме, а современные кварцевые, с надписью не по-русски.

– Ладно, телке исть пора. Пойду молозива нацезу... А насчет Волобуевых подумаю, продавать им молоко или нет, Иван просил... Каждому по делам его.

В поселке только у Кузьмича была корова. Претендентов же на настоящее молоко – не магазинное, в пакетах – было много. «Правильно!» – согласился про себя Айтышев.

– Ты как спишь? Нормально? – Кузьмич остановился в дверях. – Я полночи кручусь, заснуть не могу. Погода меняется, что ли? Беспокойно мне чего-то.

– Межсезонье скоро, потому. А может, полнолуние наступило. На небо не смотрел?

Кузьмич махнул рукой:

– Э, ты молодой, не понимаешь!.. Межсезонье у нас всю дорогу, что будет завтра, никогда не знаешь. Я не про поселок – вообще про страну. Так что, не спать из-за этого?

«На философию деда потянуло, – подумал Айтышев. – Вон как повернул. Обобщает!»

Он тоже спал последнее время неважно, но объяснял это тем, что за две недели вахты ломался график. Дома только войдешь в колею, спать начнешь ночью, как опять надо на прежнее переходить. Дежурство на вахте четыре часа через четыре, спишь урывками.

Хотя было что-то еще – смутное, сразу не объяснишь словами. Дело не только в кедраче. Прав Кузьмич – беспокойно как-то стало в последние годы, ненадежно. Что-то должно случиться, так долго тянуться не может.

Встреча с Геннадием Николаевичем Ваулиным остановить его не могла, но душу царапнула. И сильно. Бывший технолог сидел у подъезда своей типовой двухэтажной «деревяшки» в инвалидном кресле на колесиках и призывно взмахивал здоровой рукой. Был он бледный, правая половина лица съехала вниз, на голове зимняя шапка с опущенными ушами, хотя во всю светило солнце и на припеке у подъезда было тепло.

Подходить не хотелось. Тягостно было видеть в таком состоянии недавно еще вполне здорового мужика, не дурака выпить и насчет женщин. Но Айтышев Ваулина уважал и потому подошел. Геннадий Николаевич протянул действующую руку, радостно замычал.

– О, сила есть! – сказал Айтышев, не сразу сообразив, что надо тоже здороваться левой рукой. – Дело, смотрю, на поправку, я правильно понимаю?

Геннадий Николаевич хотел что-то ответить, но у него не получалось. Он пробовал это сделать несколько раз, мучительно искажалась здоровая половина лица. Вторая была неподвижной, мертвой, с красной изнанкой отставшего века и опустившейся половиной рта. Нужно было что-то говорить, и Айтышев сказал:

– Не всё сразу, Николаич. Придешь в норму, мы с тобой еще попаримся в моей баньке. И на грудь примем. Если в меру, это даже полезно, любой врач подтвердит.

Бывший технолог прекратил попытки что-то сказать, действующей рукой показал: не могу. Получилось безнадежно.

– У него сейчас только мат хорошо выходит, – послышалось за спиной. С полной сумкой к подъезду шла жена Ваулина, наверно, из магазина. – Теперь мат у него на все случаи жизни. Доволен, не доволен, хорошо, плохо – пуляет только так... Ну что, погулял? Давай домой, хватит. Простынешь, мало мне с тобой мороки!..

Подобным тоном взрослые обычно разговаривают с недоевшим ребенком. Айтышев давно подметил, отношение у здоровых к тем, кто долго болеет, пренебрежительно насмешливое. Ими тяготятся и не скрывают этого. Будто еще недавно уважаемый человек стал недоумком и не достоин, чтобы относиться к нему нормально. Горько было думать, что такое может в любой момент случиться с любым мужиком, пока еще благополучным и вполне здоровым. С ним, Айтышевым, тоже.

Зачем тогда всё? Чего стоит? Все его, Валерия Айтышева, радости, недовольства, желания и заботы – сама жизнь?..

Отталкиваясь от настила перед подъездом действующей ногой, Ваулин стал медленно двигаться к двери. На инвалидном кресле у него только так и получалось ехать, спиной вперед.

– Ладно выделываться! – одернула жена. – Самостоятельность он свою показывает!.. Валера, поможете на лестничную площадку поднять? Хорошо еще, не на втором этаже живем, а то сидел бы все время в четырех стенах. Господи, когда это кончится!..

Айтышев завел кресло в тамбур, ухватившись за дно и спинку, остро чувствуя запах чужого человека, поднял кресло на пло-

щадку. Геннадий Николаевич не смотрел на него, в позе было покорное безразличие, из скобоченного рта текла слюна.

– Твою мать! – только и сказал Айтышев, выходя на улицу в яркий апрельский день, освобождено вдыхая живой весенний воздух. Других слов у него сейчас не было. – Твою мать!..

6

Ночью мысли бывают странные, это он еще на вахтах заметил. Особенно под утро. Айтышев закуривает на застекленном балконе, прислушивается.

Люди в доме спят, это понятно, но и «деревяшка» их спит, как живая. Старое дерево потрескивает, словно дом ворочается во сне. В комнатах и коридорах застывший густой воздух. Черные окна похожи на глаза – закрыты, свет ни в одном не горит, на снег внизу не падает. Вещи в квартирах тоже спят, замерли на своих местах, притихли. А может, они думают – никто не знает, что вещи такое и как всё на самом деле. На стульях сидят, в шкафах одежда, в холодильнике еда, но есть что-то еще, под утро об этом начинаешь догадываться, если ночь не спал.

Айтышев не удивляется таким мыслям. Начало четвертого, самое непонятное, мутное время в сутках.

Два прошлых дня мело, не скажешь, что середина апреля. На большой земле стали бы смеяться – вот так весна. Сейчас тихо, небо чистое, звезды горят. Айтышеву представляется, как морозный воздух устремился мощным потоком с Ямала, накрыл лесотундру, клюквенные болота, урманы, весь их округ. Хлынул дальше на юг, в казахские степи. Все представляется Айтышеву явственно, в красках, будто на цветной карте в конце «Новостей» по телевизору. Еще явственнее – он всё это чувствует.

Пространство от Ледовитого океана до гор бывших советских республик сплошная низина, остановить холодный воздух нечему. Согретый в южных пустынях, он ринется, как по трубе, обратно, принесет тепло. Снег растает в два-три дня. Потом всё повторится снова, опять ледяной воздух с Ямала, метели и мороз. Не зря звезды мигают, ровно не светят – сверху что-то происходит, жди изменений. Метеозависимый стал, думает Айтышев, пятый десяток добиваю.

Не спится не только ему. Слышно, как открывается наружная дверь «деревяшки», Айтышев открывает створку застекленного балкона, смотрит вниз. Серега Базанов, увалень под два метра. На плечах куртка, однако ноги в домашних тапочках. Вспыхивает зажигалка, Серега закуривает.

– Ты куда? – сонно спрашивает Людмила, когда Айтышев проходит через комнату с белеющей постелью.

– На блядки.

– Ну-ну, – безразлично говорит Людмила, но голос у нее уже не такой сонный.

На крыльце Айтышев здоровается с Базановым за руку. Нормальный мужик, тоже устроился на месторождение охранником, раньше работал бурильщиком. На крыльце заметно прохладней, чем на застекленном балконе. Какое-то время молча курят.

– Давно тебя не было видно. Вахта?

– Мать ездил хоронить.

– Долго болела? – спрашивает Айтышев, выдержав паузу.

Огромный Серега сутулится – от роста и оттого, что куртка то и дело норовит соскочить с плеч. Спокойным голосом отвечает:

– Все боятся рака, а она за неделю от пневмонии. Прохватило где-то.

Полагается еще что-нибудь сказать, вслух посочувствовать, и Айтышев говорит:

– Сколько ей было?

– Семьдесят один в феврале исполнилось. – Базанов, видимо, повторяет то, что уже десятки раз говорил. – Для женщины не много, это мужики редко доживают... Любила меня. Радовалась, когда звонил. Дома бегемотом звала. – И Серега усмехается.

Своих родителей Айтышев не помнит – так, отдельные картинки. Худая женщина в линялом длинном платье отводит тыльной стороной руки волосы со лба, наклонилась над корытом со стиркой, на табуретке рядом большой кусок черного мыла. Наверно, мать, Айтышев не уверен. Ничего, связанного с отцом, в памяти вообще не осталось. Еще помнится прокуренный общий вагон,

люди ругаются из-за мест, Валерка напуган, плачет, какой-то мужчина протягивает ему красного петушка на палочке, говорит по-русски. И еще: барак с толевой крышей в длинных рейках, яркая зелень двора, ребята подбрасывают вверх мяч, играют в «штандер», его не берут – маленький. Во всем бараке комары и постоянный рыбный запах.

– Помянем? – предлагает Базанов.

– Сейчас?..

– А что, мы на кухне, тихо.

Тот редкий случай, когда Айтышев не знает, что сказать. Пить не хочется, но отказываться неудобно, можешь соседа обидеть. Вроде как полагается.

На тесной кухне своей квартиры Серега кажется еще больше, двигается осторожно, боясь ненароком что-нибудь зацепить. «Бегемот», – вспоминает Айтышев. Серега прикрывает кухонную дверь и достает из холодильника бутылку.

– Земля пухом... Да ты садись, Ильясович, не стоя же.

Выпить и сразу уйти нельзя, рюмок должно быть четное число.

– Так-то я понимал, мать не вечная, головой готов был. А все равно... Лежит, молчит, на себя уже не похожа... – Серега старается говорить тихо, повторяет сказанное на крыльце: – Очень любила меня, радовалась, когда звонил. А уж когда приезжал в отпуск... – Он пристально смотрит на Айтышева, медленно произносит: – По-настоящему нас любят только матери. Жена, дети, остальные – так, ерунда. Матери – да!

От Айтышева это далеко. Любила его мать или нет, он не знает. Звонить было некому, в отпуск приезжать некуда. В детдоме, когда подрос, узнал, отец и мать были вербованные, работали в рыболовецком колхозе на Иртыше. Оба утонули, запутавшись в сетях, во время путины. Родственников, желающих забрать его, не нашлось.

«Один по жизни! – думает Айтышев, когда выпивают еще. И не знает, чего в нем сейчас больше, жалости к себе или гордости, что не сломался, стал нормальным человеком, хотя никто его не любил и не помогал. У детдомовских судьба по-разному складывалась. Дружок Лешка Асабин, например, спился, хотя окончил техникум и преподавал в школе физкультуру. Сейчас,

рассказывают, бомжует, зимой живет в теплотрассе. – Один я по жизни!.. Сам!..»

– Слышал, у нас здесь с кедрочом заваруха. Типа полови-ну уже вырубил, – переводит разговор на другое Базанов. Его грубое лицо с толстыми губами становится внимательным.

– Правильно слышал. Главное, за жабры никак их не возь-мешь – скользкие, суки!..

Айтышев пододвигает бутылку и сам себе наливает. Он по-нимает, что ведет себя не так, как полагается, но остановиться не может. Базанов коротко смотрит на него. До выпивки Айты-шев никогда жадным не был.

– Все вроде соглашаются, мы кругом правы, а ничего не меняется. Продолжают кедрач валить, скоты!.. Будто ты в лесу заблудился, глотку дерешь, надрываешься, а результат... Поряд-ки, блин!

Не дело показывать свое состояние – если он дрогнул, чего от других ждать. Наоборот надо подчеркивать, типа все будет хорошо, внушать людям оптимизм. Но эти мысли проходят краем, не они сейчас главное в Айтышеве. Требуе-тся выговориться. И Айтышев продолжает говорить и пить, пить и говорить. Сколько это продолжается, он не знает. Время исчезает.

Как они оказываются на крыльце снова, он тоже не знает. Происходящее остается в голове кусками. Курят, на улице уже во всю светло, раннее розовое солнце лежит на голенастых со-снах. Айтышев говорит, для убедительности берет Серегу Ба-занова за куртку и трясет, тот, здоровенный, неловко ухмыля-ется и отводит глаза. В конце концов, уговаривает Айтышева идти домой, сам отводит.

– Господи! Где ты в такую рань успел?.. – говорит Людмила. Она уже поднялась, готовит Олежке завтрак.

– Все путем, мать!.. Серега, заходи, у меня тоже есть!..

Но Базанов порог не переступает, смотрит на Людмилу из-виняющимися глазами, быстро уходит.

– Валера, ну нельзя же до такой степени, честное слово!.. Ложись спать давай.

Айтышев отводит ее рукой, опускается на табуретку и мол-чит. Кладет на столешницу сжатые кулаки, катает желваки.

Людмила знает, лучше его сейчас не трогать и уходит с кухни. Слава богу, такое с мужем случается нечасто.

* * *

В субботу приехал Александр Михайлович, с ним была рыжая девочка лет десяти, дочь Аня. Раздеваясь в прихожей, Аня стреляла по сторонам глазами и совсем не смущалась незнакомых людей. На ее сметанно белом лице, как часто бывает у рыжих детей, карие глаза казались особенно броскими, черными.

– Уговорила показать деревню, – Александр Михайлович с любящей снисходительностью смотрел на дочь. – Мы на озеро, а Олег тем временем... Олег, ты где? Сможешь поводить Аню по деревне?

– У нас поселок, а не деревня, – послышался мрачный голос из-за двери в комнату с компьютером.

Аня бойко сказала:

– Он спрятался, потому что стесняется меня. Выходи, я не кусаюсь, честное слово! И не обижайся, пожалуйста, за деревню.

Все засмеялись. Да уж, такая не пропадет!..

Людмила постаралась, стол получился богатый – выражала таким образом свою признательность за Генку-Рустама. У того после операции все было нормально, уже вернулся домой. Пить, однако, перед рыбалкой не стали, это лучше делать после.

Наст был крепкий, искать снегоход, чтобы доставил к озеру, не понадобилось. Пошли пешком. Александр Михайлович сменил очки, надел темные – день, как и все последнее время, был солнечный, наст горел холодным белым огнем.

– После института я работал в Якутии. Там ваш поселок был бы центром мировой цивилизации. – Врач перехватил неудобней лямку своего рыбацкого ящика. – Кстати, клюкву не забыл? Проверим твою наживку. Я на всякий случай мотыля купил... Так вот, самое плохое время для охотников-якутов это когда наст и солнце. Светофильтры достать тогда было трудно, якуты сами себе очки мастерили. Технология элементарная. Берется кожаная лента, подгоняется по голове, делаются прорезы для глаз – и вперед! Иначе ослепнуть можно, не до охоты.

– У здешних хантов тоже так было, мне рассказывали. Слушай, может, потому у всех у них глаза узкие, что щуриться все время приходилось?

– А китайцы? У тех снега почти не бывает.

– Ну, может, от песчаных бурь щурились. У них есть большая пустыня, по телевизору показывали.

– Почему тогда у арабов нормальные глаза? У них одна Аравийская пустыня чего стоит... – Александр Михайлович вдруг повернулся к Айтышеву. – Как думаешь, наши по поселку пошли или у компьютера сидят? Я специально Аню взял с собой, чтобы побыла на воздухе, подышала фитонцидами.

– Не говори. Подсела молодежь на компьютерные игры, они им жизнь заменяют. Ладно бы, молодежь, моя Людмила тоже. Поверишь, до ругани иногда доходит...

Такие разговоры велись до самого озера. Айтышеву хотелось говорить о последних событиях, но врач сам не спрашивал, а с какой стати грузить человека.

Рассказать было что. Кроме письма в районную администрацию написали еще в прокуратуру. Из администрации ответа пока не было, а от районного прокурора приезжал неприметный человек с серым, будто присыпанным пеплом лицом. Он походил между пнями расширяющейся с каждым днем вырубке, покивал на слова Айтышева, Кузьмича и еще нескольких оказавшихся дома мужиков. «Нам что, пикеты проводить, как шахтеры на Горбатом мосту? Под агрегат лечь?..» – «Это экстремизм. Есть статья», – сдержанно заметил человек из прокуратуры. «А что тогда делать? Они даже при вас продолжают! Незаконное ведь дело, самовольное!» – «Ждите решения». – «Сколько нам ждать?! Скоро от кедрача ничего не останется!» – «Давайте без эмоций».

Походив по гриве, понаблюдав за работой лесовалочного агрегата, человек из прокуратуры уехал. После его визита ничто не изменилось, кедрач продолжали валить.

Айтышев был недоволен собой. Мало того, что на выходе из поселка не хотел, а все же скосил глаза – на месте ли банька?.. Ведь запросто могут сжечь. Тот же упитанный директор с серьгой в ухе и полированными ногтями своих настропалит. Чтобы Айтышев не гнал волну и, чтобы другим было непода-

но. Может, он еще кому-то на хвост наступил – погреть руки на денежном деле желающие всегда найдутся. Так что исполнители не проблема.

Но дело не только в этом. Раньше Айтышев и пикет организовал бы, и первый под траки лег. Или поджег бы ночью валочный агрегат, как Леня Соколкин собирался. Он помнил волну победительной ярости, которая охватывала в молодости. Теперь осторожный слишком стал.

Ему, салаге, в первом карауле хотели устроить «присягу» – бляхой врезать несколько раз по заднице, чтобы синие звезды остались. Практически все через это проходили. Кто добровольно не соглашался, наваливались всей караулкой, заламывали руки, унижительно ставили раком. Айтышев тогда бросился к оружейной пирамиде, выхватил АКМ, загнал рожок и сбил вниз предохранитель. «Оборзел, салага! Поставил автомат! Мухой!..» Чувствуя, как ощерились зубы, как ударила в голову кровь, он передернул затвор. Осталось нажать на спусковой крючок. Он готов был это сделать – и сделал бы, в караулке это поняли. «Оставьте его, – сказал сержант. – Он бешеный». Айтышева оба армейских года так и называли бешеным, старались не связываться.

Озеро угадывалось по ровной, без наметов поверхности. Кое-где чернели согнутые фигуры рыбаков. Александр Михайлович первым выбрал себе место, принялся разгребать снег, сам Айтышев пошел дальше. Как всегда перед рыбалкой, приятно познабливало. Он просверлил лунку, насадил на жало мормышки отошедшую в кармане клюкву. Посмотрим!.. На клюкву ему самому ловить еще не доводилось, только слышал от мужиков, что хорошо берет окунь.

Не клевало. Айтышев играл удочкой, время от времени переставал, однако резиновый «кивок» оставался неподвижным. Он просверлил лунку на новом месте, но и там окуня не оказалось. Айтышев оглянулся на Александра Михайловича. Тот сосредоточенно склонился над своей лункой, ловится у него или нет, издали было не разобрать. Апрельское солнце понемногу двигалось по чистому небу, ощутимо пригревало спину даже сквозь теплый комбинезон – память от работы вышкомонтажником.

Когда он перебрался на четвертое или пятое место, глухо, под одеждой, заиграл телефон. Чертыхаясь, Айтышев долго доставал его.

– Валерий, нас приглашают на уху, – сказал Александр Михайлович. – Как думаешь?

Айтышев оглянулся. Рядом с врачом виднелась еще одна далекая фигурка. Появляться с несколькими рыбешками было стыдно, но по голосу Александра Михайловича ясно, тот не прочь принять приглашение.

– Ты на что ловишь? – стремительно подался к нему Федосов, когда Айтышев подошел. Федосов, представитель энергетической компании, которой платили за электричество, был сравнительно новым человеком в поселке. Но коммуникабельный, со всеми уже знаком и на «ты».

– На клюкву.

– И я на клюкву! Полным-полна коробочка, могу поделиться опытом!.. – так же стремительно, не договаривая слов, бросил Федосов.

К этому человеку нужно было привыкнуть. Быстро Федосов не только говорил, но и двигался, глаза ни на секунду не оставались спокойными, все время сметливо прыгали. Казалось, там, где обычный человек проживает минуту, Федосов проживал несколько. Чем-то он напоминал хищно беспокойного соболя. Про Федосова говорили, что толковый, много знает, но по пьянке дурной.

– Секрет прост, я на вегетарианцев попал, а вы на плотоядных! Скажите спасибо, не обиделись, в лунку не утащили, клюква оскорбление для плотоядных!.. – Федосов не засмеялся, а лишь бегло, вскользь ухмыльнулся, будто думал в это время о чем-то еще.

По тому, как весомо и прочно стоял на насте его рыбацкий ящик, было ясно, Федосову действительно повезло больше. В ловле на клюкву, похоже, существовала какая-то тонкость, Айтышеву неизвестная.

– Ну что, ко мне на дачу, господа офицеры? Уху сварим, водочки выпьем – мужская компания, святое дело, в субботу сам бог велел! Михалыч, велел тебе твой бог в шабат или как?..

Оказалось, Федосов не так давно тоже был пациентом Александра Михайловича. Аппендикс, отсюда и знакомство.

– Ну, что, мужики, по коням? Здесь у меня на тройную уху хватит, слово джентльмена!..

Без особого желания Айтышев двинулся за Федосовым и врачом. Минули слепящую поверхность занесенного озера, свернули на дорогу к дачным участкам. Она была основательно перемолота. Вместо наста – весенний крупчатый снег, а сверху по отпечатавшимся, прессованным следам крупных протекторов, похоже, прошли волоком бревна.

– Строится кто-то? – поинтересовался Айтышев, всматриваясь вглубь участков, где находилась его банька. Отсюда уже было все хорошо видно. Зимой он банькой почти не пользовался – участки заносило снегом, не пройти и воды не подвезти.

Цела, слава богу!..

Вместе с облегчением Айтышев почувствовал досаду. Что-то было не так, слишком гладко всё шло. В телевизионных сериалах такому, как он, давно бы устроили подлянку. По телефону бы, например, угрожали, подстерегли бы в подъезде, машину сожгли или ту же баньку.

По телефону – ладно, от стационарного они с Людмилой давно отказались, а на мобильник звонить значит засветиться, оставить свой номер. Но почему с остальным тихо, не достают? Хорошо, конечно, что не достают, однако Айтышев чувствовал себя уязвленным. Его не принимают всерьез? Считают безобидным треплом?..

На вопрос о строительстве Федосов ухмыльнулся:

– Ванятки Волобуева дела. Он каждый день лес возит, бизнесмен наш неугомонный.

– Откуда? – Айтышев задержал на Федосове взгляд. Не потому, что тот по неизвестной причине все время ерничал. С недавних пор в поселке можно было видеть свежие, пахнущие корой и скипидаром бревна. Мужики тоже откуда-то возили.

– А кто его знает, Ванятка конспиратор известный. Говорит, бани на продажу буду строить, в городе на них, говорит, огромный спрос, настоящий бум, можно сказать!..

Дача Федосова напоминала скворечник, однако внутри оказалась довольно просторной. А главное, к ней было подве-

дено электричество. «Еще бы, – хмыкнул про себя Айтышев. – Своя рука владыка!» В его баньке приходилось пользоваться аккумуляторным фонарем.

Уху решили варить по-хантыйски. Окуней не чистили и не потрошили, лишь выдавили содержимое кишечника. На даче у Федосова оказалось все необходимое, вплоть до рюмок. Когда выпили по первой, Александр Михайлович сдержанно удивился:

– Если ближе к городу, бомжи давно все вынесли бы. В том числе вилки и ложки. Почему нет – цветной лом.

– Здесь не балуют, здесь отношения патриархальные, – отозвался Федосов, проворно снимая с окуня кожу вместе с чешуей. Тут же с удовольствием облизал пальцы. – Другой вопрос, надолго ли. Прогресс штука такая, не все еще на этот счет въехали. Ждать манны небесной сейчас не приходится. Это коммунисты обещаниями избаловали, светлое будущее и все такое, вперед и выше!.. Ладно, как там народная мудрость гласит, между первой и второй промежуток небольшой. Разлили и погнажи!..

Раньше среди окончивших институты людей Айтышев чувствовал себя не в своей тарелке. Не то чтобы тушевался, но неуверенность была. Однако со временем понял, основа у всех одна, мужику с мужиком всегда найдется о чем поговорить. А то, что один умнее, а другой глупее – от образования или должности не так уж и зависит. Особенно это было заметно по женщинам, соберутся, по разговорам не различишь, где директор школы, а где техничка.

И все же к людям с высшим образованием Айтышев относился с уважением. Потому промолчал, когда Федосов заговорил о нем так, будто его рядом не было.

– Взять хотя бы этот персонаж. Наверняка не знает о Канте, даже имени не слышал, а пожалуйста!.. – Федосов, не глядя на Айтышева, ткнул в его сторону пальцем. – Звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас. Хорошо? Это как сказать! Когда у нас герр Иммануил жил? Во-о-т, восемнадцатый век! А сейчас какой, где поправочка на время, спрашиваю я вас, господа офицеры? Или все остановилось, до основы дошли, постигли и познали, дальше яйца не пускают?

Айтышев весело посмотрел на Александра Михайловича. Ну и разговоры! И выпил-то Федосов немного. Но врач, не отозвавшись на взгляд, с невинным видом спросил:

– Что, и звездного неба уже нет?

– Ладно тебе, Михалыч, ты все прекрасно понимаешь, не придуривайся!.. Вот он бьется за кедрач, поселок на уши поставил, а что можно сделать, если страна объявлена зоной свободной охоты? Власть сказала, ребята, дерзайте, кто может – проблем не будет! Какой на хрен нравственный закон, с чем его едят! Самому подставляться? Персонаж ссыт против ветра, а это накладно – брызги летят, вонять будешь!..

Александр Михайловичу, похоже, стало неловко. Словно извиняясь за Федосова, он взглянул на Айтышева и хотел что-то сказать, но Федосов не дал:

– Стой, Михалыч, стой! Знаешь, что американцы говорят? Их философы, имею в виду. Универсальной истины нет, в смысле, одной на все времена. То, что оправдывается на деле, – и есть истина! Здесь и сейчас. Сегодня такая, завтра другая, послезавтра третья, главное, чтобы результат был, остальное – бла-бла! Сотрясение воздуха!..

Прыгая глазами, беспрестанно меняясь в лице, выплевывая на стол кости, Федосов принялся рассказывать о городке, где раньше жил. У них было градообразующее предприятие, выпускавшее химудобрения. Во время перестройки удалось добиться его закрытия – в городке росла детская смертность и число выкидышей. Возглавлял движение учитель биологии, хороший знакомый Федосова. При Ельцине учителя избрали председателем горисполкома, потом мэром. Когда началась приватизация, предприятие открыли опять, у мэра оказался контрольный пакет акций. Детская смертность и число выкидышей снова подскочили, но речи о закрытии больше не шло.

Айтышев спросил:

– Это ты к чему? – Сидеть и молча слушать, как разглагольствует Федосов, было неприятно.

Тот на него не взглянул. Продолжал с таким напором, будто убеждал не его с Александром Михайловичем, а кого-то еще:

– Философия времени следующая: урви, возьми, стань богатым! Как – неважно! Россия зона свободной охоты. И не надо

на Путина все сваливать, не надо! Он развал страны остановил, уже за одно это ему памятник из золота надо поставить. При коммунистах кто-нибудь вякнул бы насчет кедрача? Да никогда! Валят – значит, так надо. Не наше дело, государству виднее. Сейчас хотя бы можно возникать, мнение свое...

– А Васька слушает да ест, – вставил Александр Михайлович и осторожно улыбнулся. После водки лицо у него всегда краснело, но как-то необычно, пятнами.

– И хрен с Васькой, пусть ест! Россия по-другому существовать не может. Коррупция, чиновники, суды – да хрен с ними! На нашей почве другие овощи не произрастают. Убери – рассыплется все к чертовой матери! Для другого содержания другая форма понадобится. Понимаешь ты это, пролетарий? – Федосов неожиданно повернулся к Айтышеву, уперся в него злым взглядом. Сейчас он особенно был похож на беспокойно хищного соболя. – Героем себя чувствуешь? Все вокруг в говне, а ты в белом? Включи мозги, если они у тебя есть. Хочешь, чтобы страна развалилась на двадцать или там тридцать огрызков? Что тебе дороже, Россия или Кант сраный?..

Федосов явно нарывался, но Айтышев отвечать не стал. Выпрямившись, застыл с неподвижным лицом. Он насторожился еще тогда, когда пол под ногами стал мелко дрожать. А когда в дощатые стены дачи принялся туго бить звук мощного двигателя, быстро поднялся и вышел за дверь.

Федосов сказал правду. Мощный К-701 тянул связку строевого леса. В кабине, неотрывно глядя перед собой, сидел Иван Волобуев. Айтышева он не увидел, хотя дверь дачи выходила прямо на улицу.

Насчет тягача Иван мог с поселковым цехом ЖКХ договориться. А откуда бревна? Неужели?..

– Какое на хрен гражданское общество! Развалится все к чертовой матери! – горячился Федосов, когда Айтышев вернулся в помещение. Александр Михайлович слушал, уклончиво отведя глаза. – Повторяю для тупых, новому содержанию понадобится новая форма! Знаешь китайское проклятие: чтоб ты жил в эпоху перемен? Хватит, ребята, сыты! Приспосабливайся, а не залупайся, слышишь, пролетарий? Что, самый честный? Рухнет страна – всем песец! Сориентируйся, поимей для себя!

Думаешь, я от радости это говорю, кайф ловлю? Хрен вам!.. – Федосов на секунду умолк, потом с обидой сказал: – Ладно, он пролетарий, но ты-то, Михалыч!.. Странно, приходится объяснять элементарные вещи айду. Честно говоря, я о вашем племени был лучшего мнения.

Терпеливая снисходительность на лице врача перешла в смущение. Что такое «айд», Айтышев не знал, но тон Федосова ему давно не нравился. Хамски себя ведет, неуважительно. И матерится не по делу. Небольшой, но начальник, так следи за собой, держи в руках.

– Ты своих детей тоже этому учишь? – спросил он, чувствуя, как внутри начинает полузабыто подрагивать.

Федосов вскинулся:

– А что, пусть неудачниками станут, лузерами?.. Спасибо, батяня, за подготовку к жизни! Новое поколение должно быть другими, а то не выживут. Это вам все равно, недолго осталось, скоро лапы склеите. Будет тогда вам и нравственный закон, и звездное небо, и кофий с какао в постель по утрам!..

Очень хотелось ему врезать. Айтышев даже знал, куда ударит. Но ни лежачего, ни сидячего нельзя, это он еще в детдоме усвоил. Западло.

– Ну-ка, встань.

– Валерий, Валерий! – быстро все поняв, Александр Михайлович поднялся, раскинул руки. – Да вы что, взрослые люди! Брось, Валера, мы в гостях!..

– В гробу я такого хозяина видел. – Айтышев с трудом оторвал взгляд от переносицы Федосова. Действительно, дурак дураком, когда выпьет. Зря они пошли к нему. – Ладно, Саш, ты как хочешь, а я домой.

Врач догнал его уже в поселке. Сказал сквозь одышку:

– Вот такая судьба. А на вид вполне благополучный человек.

– Обычный пиздобол, – бросил на ходу Айтышев. – Член правящей партии. Сейчас все начальство там, как раньше в КПСС.

Александр Михайлович мягко возразил:

– Не все так просто, Валера. Он мне рассказывал о себе. С этим мэром они были друзья, это потом ему пришлось уехать

в нашу тмутаракань. По сути, бежал. Попробовал, как в перестройку, поднять волну, чтобы завод закрыть. А поезд ушел... Дело на него завели, экстремизм, подстрекательство и все такое. Сам понимаешь, как это сейчас делается... В общем, разное в его биографии было.

Айтышев помолчал. Потом сказал:

– А я думаю, кается. Испугался, что не так себя вел.

Александр Михайлович, о чем-то, видимо, подумав, пристально посмотрел на Айтышева. Но говорить ничего не стал.

7

В день собрания он выходит из дома за час до начала. Усидеть в четырех стенах невозможно, внутри у Айтышева работает бешеный моторчик – с самого утра, когда оператор валочной машины предложил бревна. Если не двигаться, не идти куда-то, не перекинуться с кем-нибудь словом, моторчик внутри пойдёт вразнос.

– Не забыла? – говорит он и строго смотрит на Людмилу.

– Что я должна не забыть? – не сразу отвечает жена и отводит глаза. Она прекрасно понимает, о чем речь, и только делает вид, что не догадывается.

– Ты это брось! – Лицо у Айтышева темнеет. Он знает, откуда это недоумение, и ему в очередной раз становится досадно. Как все-таки жена переменилась в последнее время! До нее никак не дойдет, что дело серьезное. – В случае чего оденешь, в чем в лес хожу. Никаких костюмов. На ноги – унты. Поняла?

– Весной – унты?..

– Не твое дело.

Жена смотрит на него и разве что не качает головой.

– Опять собрался людям глаза открывать? Еще не надоело?.. Что ты меня позоришь? – Не будь она учительницей, начала бы кричать. Но в Людмилином голосе только усталость.

Айтышев не считает нужным отвечать. Баба, хоть и с высшим образованием. Для них главное, чтобы в гнезде было хорошо, остальное – по барабану. И супружеский долг не выполняет.

На дворе опять солнце, голубой апрельский воздух, вытравленная бетонка улицы. Но Айтышев почти не замечает этого – всё мимо. Мимо и первая невестка Светка, которая гуляет с Аришкой по уже подсохшим кое-где плитам. На внучке пуховый комбинезон, их с Людмилой подарок ко дню рождения. Айтышев наклоняется к внучке, заговаривает, фигуристая Светка смотрит косо – считает, что развел их с Генкой он. Дура, из-за одной Аришки не стал бы! Он всю жизнь хотел дочку, а родились ребята.

Но и об Аришке он думает сейчас мельком, невнимательно. А когда видит машущего от своего подъезда здоровой рукой бывшего технолога Ваулина, отворачивает лицо. Не нужно ему сейчас эта встреча, размагнитит, собьет настрой. Жизнь в любой момент может превратить тебя в слюнявого идиота, это так, хотя неправильно и горько. Но пока здоров – живи, не прогибайся, держись! А что будет потом – то будет, здесь уж от тебя не зависит.

О чем-то подобном он уже догадывался. Иван Волобуев со своим баннным бизнесом, свежие хлысты по поселку, еще этот оператор в оранжевом комбинезоне сегодня утром... Поэтому не особенно удивляется, увидев возле Кузьмичевых ворот десяток бревен с медового цвета свежими спилами.

– Хороши? Первый сорт, прогонисты! – довольно говорит Кузьмич, появляясь из-за высокой глухой калитки. Смущения ни в голосе, ни в лице его не заметно.

Выступать на собрании Кузьмич теперь не станет – купили! – хотя Айтышев на него рассчитывал. И оттого, что Кузьмич неловкости не чувствует, Айтышев играет желваками.

– Нам что, от кедрача вообще ничего?.. – Кузьмич вроде бы оправдывается, но не очень. – Мне в стайке нижни венцы менять надо, а тут бесплатно предлагают. Отказываться, что ли?

Айтышев не отвечает. Сколько раз его в жизни подставляли, а всё тяжело, будто впервые.

Возле крыльца дома культуры несколько черных иномарок – районное начальство уже прибыло. Здесь же милицейские «газели». Как водится, сначала пошли по поселку. Цех ЖКХ, врачебная амбулатория, школа, детский сад «Солнышко»... Поговорить с бюджетниками перед скорыми муниципальными

выборами начальству не помешает. Не обойдут и экспедицию, но только офис – там уже чужая епархия, районному начальству не подвластная... Айтышеву всё это давно знакомо.

Он поднимается по крыльцу дома культуры, сдает в гардероб куртку, хотя раздеваться здесь не принято – ДК холодный, строился давно, чуть ли еще не при Свиридове, с печным отоплением. Но Айтышеву важно, чтобы была видна его медаль за освоение недр Западной Сибири. Он здоровается со знакомыми, отвечает на шутки, но опять все вскользь, невнимательно, моторчик внутри продолжает бешено крутиться.

– Здравствуйте, – подходит к нему девушка с микрофоном. – Я корреспондент районного телевидения. Вы не смогли бы рассказать для нашей аудитории о нынешнем дне поселка? Людям важно мнение заслуженного человека.

Вслед за девушкой проталкивается парень с камерой на плече, бросает на корреспондента взгляд – готов работать.

Айтышев хмыкает. На такое внимание к своей медали он не рассчитывал, она для своих. Лестно, конечно, но вряд ли станут эти ребята кусать кормящую руку. Хотя все может быть, не один же он такой.

– Предлагаю после собрания, – дипломатично говорит Айтышев. – Отвечу на любые ваши вопросы. Только уж не забудьте, ладно?

На лице девушки легкое разочарование.

– Хорошо. – И она ищет глазами, к кому из поселковых можно еще подойти.

Рядом с Айтышевым появляется и как ни в чем не бывало протягивает руку Федосов. Айтышев удивляется, такому плюй в глаза – ему божья роса!.. Людей в вестибюле прибывает, обычно на собрание идут не очень охотно, но сейчас всех интересует будущее экспедиции. Может, районное начальство сообщит что-нибудь обнадеживающее.

Петлеванный постарался, дал ценное указание. Вдоль стен выездная торговля, как бывает только в дни выборов. За лотком с выпечкой, соками и шоколадками Айтышев видит Генку. Торгует, не стесняется, хотя это не мужское дело. И совсем ни к чему расшитая серебром бархатная национальная шапочка на голове.

– А где Альфия?

– На сохранение положили, вчера отвез... Что будешь, ата? Рекомендую темный шоколад, московская фабрика, отменное качество.

– Ата... – Айтышев хмыкает. – Сейчас видел Аришку, красивая девка растет.

– У нас парень будет.

– Батыр.

– Да, батыр, – серьезно соглашается Генка.

Выездная торговля не единственная новость. Айтышев подходит к зеркалу, чтобы посмотреть, не скосбочилась ли медаль, и видит в нем Валентину Галушко. Оборачивается. Валентина вышла из кабинета заведующей домом культуры, на руках у нее двойняшки. Лицо покраснелось, глаза далекие, рассеянные – Валентина вся еще там, в кабинете.

Оказывается, туда целая очередь. Прием по личным вопросам?.. Раньше его проводили отдельно, специально приезжали работники администрации. Решили на этот раз провести перед собранием. Чтобы меньше крика и претензий на собрании?.. Грамотно. Но для Айтышева плохо.

– Ой, не знаю! Ничего не знаю!.. – громко, на весь вестибюль делится Галушко. – Обещать-то обещают, сочувствуют, а как на деле будет? Восемь человек в трехкомнатной, на головах друг у друга! Разве нет пустых квартир в поселке? Да полно, сколько народу уехало!.. Ипотеку я не потяну, пусть помогают, будущих налогоплательщиков воспитываю!..

Валентина почти кричит, но больше по привычке. Похоже, в кабинете она добилась своего. Не сбавляя голоса, с детьми под мышками (так нести удобней) она уходит из дома культуры.

Еще один человек минус, отмечает Айтышев.

Зато есть люди, которых лучше бы здесь не было. Нарядно одетые сотрудницы ДК начинают приглашать всех в зал, и тут из задвигавшейся толпы появляется Леня Соколкин. Он хватает Айтышева за руку, принимается с жаром трясти.

– Молодец! Молодец!..

Лицо у Лени сияет, глаза безумные, руку он трясет так, что того гляди оторвет. Айтышев выдерживает ее, косится по

сторонам, заметил ли кто. Хорош единомышленник!.. В зале он говорит пытающемуся сесть рядом Лене:

– Здесь занято. Здесь тоже. Иди на задние ряды.

Первому, естественно, дают слово главе районной администрации. Тот начинает рассказывать, сколько за последние четыре года построено и отремонтировано в районе жилья, в каких населенных пунктах введены водоочистные комплексы и КОСы, сколько проложено километров подъездных дорог и каких успехов добились спортсмены. Конечно, о патриотическом воспитании молодежи тоже.

Глава районной администрации молодежав, раньше возглавлял газоперерабатывающий завод. Это его первый срок в должности, но, похоже, не последний. Говорит глава и об их поселке. Один из самых живописных населенных пунктов района – вековая тайга, река, озера, отличная экология. Нет проблем с жильем, а это в районе редкость, в хорошем состоянии школа и детский сад. Но дом культуры до сих пор без централизованного отопления, это плохо. В ближайшее время вопрос будет решен, средства выделены, есть фирма, которая готова их освоить. Выделаны средства и на проектирование участковой больницы, врачебная амбулатория для такого поселка вчерашний день. Также есть фирма, которая освоит выделенные средства. Администрация знает о ситуации, в которой находится экспедиция, и готова помочь тем, кто хочет открыть собственное дело. Малый бизнес – резерв, который необходимо задействовать, это рабочие места и поступления в бюджет.

– Если есть вопросы, я готов ответить, – заключает выступление глава и внимательным взглядом обводит зал. – Пожалуйста.

Какое-то время тихо. Это потом люди разойдутся, а пока начинать первым никто не решается. «Давай!» – командует себе Айтышев и поднимается.

– Вы так хорошо рассказали о поселке, будто мы не живем здесь, а прилетели с Марса. Большое вам спасибо!..

Айтышев чувствует, как замер зал, не зная, как реагировать, шутка это или издевка. Видит подавшегося к главе района и что-то тихо говорящего ему Петлеваного. Петлеваный тоже

в президиуме – сидит, как полагается на таком собрании, по правую руку от главы.

Айтышев ощущает в себе такие уверенность и силу, что пальцы, сжавшие спинку кресла впереди, продавливают дерматин, проваливаются сквозь него и поролон до металлической основы. «Спокойно! – радостно сдерживает он себя. – Спокойно!..»

– Давайте по существу, – говорит глава.

– Хорошо, по существу. Меня интересует, почему районная администрация не считается с мнением людей? Две недели назад мы написали коллективное письмо, реакция – ноль! Мы обращались в прокуратуру, реакция – ноль! Почему так, хочу знать?.. Вы красиво говорите про экологию, а у нас рубят кедр, больше половины уже вырубил. Как людям жить? Как жить малоимущим? Вы знаете положение с заказами в экспедиции, скоро мы все малоимущими станем. Почему не можете остановить жуликов? У вас власть!..

Айтышев поворачивается к залу. Он обойдется без купленных и хитрожопых, но интересно знать, как остальные относятся к его словам. У большинства лица внимательные, сочувствующие, но есть и насмешливые. Некоторые смотрят безразлично – этим все равно, справедливость им до фени. Кузьмича не видно, может, вообще не пришел на собрание. Иван Волобуев сидит с постным выражением, смотрит прямо перед собой. Федосов прикипел глазами, подался вперед, его хищноватое быстрое лицо заострилось еще больше. Всплывают слова Александра Михайловича, когда они возвращались с дачи. О бывшем перестройщике, дорвавшемся до власти. «Точно! – озаряет Айтышева – Точно!..»

– Или вы не хотите ничего делать и специально не останавливаете? У самих рыло в пушку, акционеры этого самого ЗАО, которое валит кедр?.. А что, дело выгодное, кедровая древесина дорогая!.. Или откат отрабатываете, что разрешили? Чего молчите? Люди должны знать, кому спасибо сказать, в ножки кланяться!..

Теперь уже оглядываются на него. Весь первый ряд в зале занимает милиция, в основном это немолодые, с животами майоры и подполковники. Все, что происходит вокруг, Айты-

шеву врезается в память сейчас отчетливо и остро. В президиуме директор экспедиции тоже. Приблизив к главе района лицо в очках, что-то говорит, как недавно Петлеваний. И этот характеризует. Как – понятно.

– Вы говорите общие слова. Вы кого конкретно обвиняете?

– Вас! Вы руководитель, вы должны отвечать за то, что происходит в районе. Развели коррупцию, сволочи продажные!..

Зал и раньше тихий, замирает. Такие слова начальству... В этой тишине слова главы района звучат особенно веско:

– Ваши обвинения в мой адрес безосновательны. Я подам на вас в суд за клевету и оскорбление.

Ответить Айтышев не успевает.

– На меня подайте в суд! На меня!.. – громко заявляет в дверях Валентина Галушко. И проходит в зал, останавливается перед сценой.

Она отнесла детей домой и вернулась. Для Айтышева это приятная неожиданность.

– Из комиссии уже приезжали, типа мало у меня на одного ребенка приходится. Заберем, говорят, в приют. Я при всех предупреждаю, еще раз приедут – убью! Где это видано, у матери детей забирать! Сажайте!.. Раньше ореха наколотим, грибов наберем, ягоду, а сейчас чего? Куда идти, где брать? Валерка Айтышев правильно говорит – как нам жить? Это еще муж работает, а сократят?..

Айтышев подхватывает:

– Почему нельзя ничего добиться? Почему? Вон сидит с вами рядом, глазки опустил. Имущество экспедиции втихаря распродает, назначил себе зарплату, столько целая бригада не получает. Почему? Где справедливость?

– Правильно! – опять вступает Валентина. – Поносите советскую власть, а сами? Зажрались! По карманам всё рассовываете, вы еще хуже!

– Что им наше мнение? С них как с гуся вода. – И Айтышев опять поворачивается к залу, повторяет недавно слышанное. Оно ему кажется сейчас таким горьким и точным: – А васька слушает да ест!

– Верно, слушает и ест. Никак не нажрется, – замечает кто-то на задних рядах.

– Порву!.. – вдруг раздаётся в зале. Это кричит Леня Соколкин. – Медведев сказал, Путин сказал!.. Бороться!.. Коррупция!.. Каленым железом! Покажите мне!.. Медведев, Путин!.. Порву!..

С первого ряда на Леню поначалу оглядываются с ухмылкой. Вот дурачок, всерьёз принимает кремлевские речи... Но ухмылки скоро исчезают. Вид у Лени дикий. Те, кто сидит рядом с ним, отшатываются в стороны. Леня продолжает несвязно выкрикивать, его пытаются успокоить. Наконец два милиционера помоложе направляются к Соколкину, выводят из зала.

– Вызовите медика, – распоряжается глава районной администрации, поднявшись и зачем-то одергивая пиджак. Он неодобрительно смотрит на Валентину и Айтышева. – Критиковать все имеют право. Но надо иметь в виду, в зале могут находиться нездоровые люди... Какие еще будут вопросы? Давайте, я потом отвечу на все по очереди.

Айтышев не согласен. Прием известный, хочет заболтать, спустить на тормозах.

– А зачем откладывать? Отвечайте сейчас, мы хотим знать, почему администрация не реагирует на коллективное письмо! – Полузабытое победительное чувство несет Айтышева, он знает, от его напора и воли многое теперь зависит. Практически, всё.

– Вот именно! – подхватывает Валентина. Но женщина есть женщина, сбивается на свое: – Пособие на детей слезы, материнский капитал трогать нельзя, а как растить детей? Вы в магазинах давно были? Зайдите, поинтересуйтесь! Или у жены спросите. Сейчас что на взрослого купить, что на ребенка – цена одна! Демографию они поднимают, рождаемость увеличивают!..

Одни в зале поддерживают ее, другие хотят знать, что будет с экспедицией. Айтышеву и Валентине это тоже интересно, и они на время замолкают.

Ничего нового. Глава поднимал вопрос перед губернатором, но нефтедобывающие компании давно уже коммерческие структуры, заставляя их делать заказы на разведочное бурение значит идти против принципов рыночной экономи-

ки. В Совете Федерации есть депутат от региона, он лоббирует государственное финансирование геологии. Наметились кое-какие сдвиги в этом вопросе.

Зал молчит. Хорошего мало.

– Надо рвать когти, – раздумчиво говорит кто-то. То ли шутит, то ли всерьез. Наверно, молодой. А куда уедешь, если семейный, здесь квартира и другой профессии нет?..

Глава администрации старается не упускать инициативы. Обещает сделать все, что от него зависит. Снова предлагает желающим заняться малым бизнесом, открыть собственное дело. Поворачивает голову к директору экспедиции, может, тот хочет что-то сказать. Но директор опускает очкастое лицо, смотрит в стол и молчит. Его должность от выборов не зависит.

Поступают вопросы о тарифах ЖКХ, вопросы помельче. Генкин тесть, бывший заведующий орсовским магазином, а теперь его владелец, предлагает построить в поселке мечеть. Он круглолиц, курнос, со светлыми волосами – не скажешь, что татарин. Наверно, казанский. Как обычно, жалуются на качество воды. Когда начнется строительство КОСов? Жидкие бытовые отходы сливают за поселком, загадили лес. Правда ли, что после выборов вырастут цены на автобусные билеты до города?..

Всё, как всегда. Кое-где люди уже поднимаются и, стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку выходят из зала.

Когда глава администрации начинает отвечать на поступившие вопросы, Айтышев следит за каждым словом. Его непримиримость и сила должны передаваться другим. Как только в словах главы появляется пауза, он тотчас вклинивается. В голосе такой накал, что собравшиеся было уходить останавливаются в дверях.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас... – неожиданно заявляет глава района и смотрит в листок перед собой. – Валерий Ильясевич. Поблагодарить за то, что вы неравнодушный, болеющий человек. Что близко к сердцу принимаете все происходящее в поселке. – Лицо главы администрации озабоченно-серьезное. – Я взял на заметку ваши

вопросы. То, что с кедрачом происходит, безобразно, если соответствует действительности на самом деле. Я сейчас не готов ответить по существу, мне понадобится день-два, чтобы разобраться и наказать виновных, если такие окажутся.

Айтышев не знает, как отнестись к этим словам. Хитрит? Хочет сбить градус?.. На всякий случай заявляет:

– Я сказал правду. Можем пойти прямо сейчас на гриву, сами убедитесь. Предупреждаю, если валить кедрач не перестанут, я подам в суд. Конкретно на вас! Вы покрываете коррупцию. Пилите бюджет и за откаты подкармливаете нужные фирмы!..

Последние слова говорятся почти наугад, хотя некоторые детали доклада главы администрации дают основания так думать. Но и теперь глава остается невозмутимым. Лишь первый ряд опять оборачивается к Айтышеву. Лица у милиционеров недобрые.

В вестибюле после собрания Айтышев чувствует, что он здесь особый, чужой. Люди, негромко переговариваясь, выходят из зала, их много, большинство досидели до конца. Но вокруг Айтышева пустота. Никто от него не шарахается, но и не заговаривает, не шутит. Все стараются не встречаться с ним глазами. В том числе мелькнувшая рядом телевизионный корреспондент. Не подошла все-таки.

Айтышев усмехается. К такому отношению ему не привыкать.

– Я о тебе в историю запишу. Достоин! – говорит Кузьмич.

Взгляд его не юлит, как у других, лицо в сивой щетине выглядит довольным. Кузьмич все-таки был в зале, сидел, наверно, где-нибудь на задних рядах.

Айтышев смотрит на него высокомерно.

– Когда убьют, тогда запишешь. Тебе надо, чтоб человек пострадал. Так это скоро.

Домой он возвращается в одиночестве, попутчиков ему не находится. Неторопливо шагает, с удовольствием дышит апрельским воздухом, особенно вкусным после спертого воздуха зала.

Перед подъездом своей «деревяшки» он вспоминает, что не взял фонарик. Но на улице еще не стемнело, вряд ли кто в

тамбуре его поджидает, светить в глаза не придется. Просто на будущее надо иметь в виду, всё может быть.

8

Кедрач вырубил и вывезли до распутицы.

Глава районной администрации на Айтышева в суд не подал.

Заявление на главу от Айтышева суд не принял.

Айтышева никто не тронул.

ИГОРЬ СЕВЕРСКИЙ (Кириллов)

Кириллов Игорь Викторович (литературный псевдоним И. Северский) родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области.

С 1973 по 1975 года служил в Советской армии. В 1987 году окончил Уральский государственный университет, факультет журналистики.

Печатался в коллективных сборниках, альманахах, журналах России и Сибири.

Автор нескольких книг стихов.

Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей. «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Живет в Сингапае Нефтеюганского района.

Журналистский блокнот (поэма)

Журналистский блокнот – верный друг,
Как и я – полуночник.
До поры он в себе
Много разных историй хранит.
Здесь, петляя, бегут
Быстрокрылые нервные строчки.
Знак заветный особый
Здесь кое о чём говорит.
И бывает, что нет
На странице ни даты, ни темы...
Начинается текст то с отточий,
То с красной строки.
И порой не поймёшь –
То ли это начало поэмы,
То ли очерков завтрашних
Вдруг, да зажглись огоньки.
Я в блокнот черканул:
«Николай. Приближается полночь.
Поезд будет к рассвету.
Эх, где бы тут чаю достать».
А беседа течёт, как душевная
«Скорая помощь».
Остается не спать,
За беседою ночь коротать.

Глава 1 Николай

– Все свои ордена, –
Говорил Николай, –
Получил ещё в нефтеразведке.
– А что дальше-то было?

– Что было? Почти ничего.
Захотел я однажды жениться
На Светке-соседке.
Но она не пошла за меня,
А пошла за него.
– За него, за кого?
– Ты не знаешь, он наш, деревенский.
Вместе в школу ходили,
Бывало и крепко скублись,
Был он парень-ходок.
Мастаком был по части, по женской.
Ну а дальше не знаю –
Ведь наши пути разошлись.
Я учиться уехал,
Закончил и в нефтеразведку.
Только годы спустя
Вновь в родных оказался краях.
Забежал, как всегда,
По привычке
Я к Светке-соседке...
Только дверь приоткрыл –
И застыл на проходе, в сенях.
Стол на кухне стоял,
А за ним мал мала
Ребятишки.
Жили? Нет, не богато.
Но радость лилась от икон.
И почувствовал я
Здесь себя, как-то сразу
Не нужным и лишним.
Что-то там пробуровил,
Смутился и выбежал вон.

2

Долго пил, куролесил
И хвастался как-то уж слишком.

Да направо-налево
Деньгами без меры сорил.
Хорошо, что к причалу
Тогда подошёл катеришко.
Там я встретил ребят.
Дальше с ними я профиль рубил.

3

Всё потом я вернул:
Всё – диплом, книжки вон наградные
И паспорт.
И в родную шарагу опять пригласили меня.
Должность дали,
Но чётко сказали – не пить и не хвастать.
Вот с тех пор и живу.
Жду чего?
А, наверное, судного дня..

4

Тетка мне написала,
Что Светка вдовою соломенной стала.
Муж уехал на прииск
И, как говорится, пропал.
Может, где-то замерз,
Баба, может быть, где приласкала.
Светке я написать захотел,
Только что написать, я не знал.

Глава 2

5

*Неотправленное письмо Николая.
(Как оно ко мне попало – не помню).*

Любовь моя,
Как жаль, что никогда
Мне этих слов не вымолвить
Прилюдно.
Хотелось обойтись мне без прелюдий,
Но не получится –
Ты помнишь, как
Тогда,
Метель мела уныло, препаскудно.
Сковали нашу реку холода.
Мы шли по улице,
Дышать мне было трудно,
А в голове царила ерунда.
Спросил я что-то –
Ты сказала «Да».
И засмеялась – этот миг как чудо.
Что нам молва людская, пересуды.
Стояла на кону моя судьба.

6

Любовь моя,
Простишь ли ты меня
За то, что пил я много, беспробудно.
Я каялся, грешил и бил посуду.
И приходил в себя я лишь
На днище дня.
А между тем ночные поезда
К себе манили сквозь завесу буден.
Был выбор прост,
А потому нетруден.
Пошел туда, куда вела звезда.

Любовь моя,
Хранителем твоим
Хотел я стать, увы, не получилось.
Ты обрела свою судьбу с другим.
Ну что же – что случилось, то случилось.
А что нашёл я в северных краях?
Почёт ли неземной?
Большие деньги?
Пусть кто угодно верит в эти бредни.
Всё суета мирская – тлен и прах.
Любовь моя,
Чужие города на нас глядят
Глазницами пустыми.
Дышать здесь тяжело.
Этот мир пустынен.
Повсюду только мёртвая вода..
Уверен я, что это навсегда.
Заказаны домой пути-дороги,
А на тропе к родимому порогу
Давно растёт крутая лебеда..
Как много я хотел тебе сказать,
Но вышло кособоко и коряво.
Тебя бы мне женой своей назвать,
Любовь моя,
Но не имею права.
Письмо тебе не стану отправлять –
Единственной моей и самой лучшей.
Что буду делать?
Буду просто ждать, ждать и терпеть –
Надеяться на случай.

Читатель скажет: всё слова, слова, слова.
Всё монологи – бла, бла, бла сплошное.
А где же дело?
Что-нибудь такое, чтоб мигом
Закружилась голова.
Что ж, можно рассказать и о делах.
Их суть в сухих отчётах, цифрах, фактах.

О новых буровых здесь речь идёт, о шахтах.
О молодых и статных городах.
И это всё в моём блокноте есть.
Об этом я пишу в своей газете.
Но только есть на нашем белом свете
И то, о чём в газете не прочесть.
Случилось, что под лёд ушёл «Урал».
С водителем что стало – не известно.
Мне друг его об этом рассказал.
Предельно откровенно, очень честно.
Сам в переделках он бывал не раз.
Их было столько – сбился он со счёта.
Спасали тормоза и верный глаз.
Такая вот нелёгкая работа.
Но и друзья, конечно же, друзья
Всегда всем, чем могли, тем помогали.
Весной он как-то раз на зимнике увяз.
Да буксовали, славно буксовали.

Глава 3 Рассказ водителя

Буксовали.
В брызгах расписных
Отражался мир и рассыпался.
Только мой напарник не сдавался.
Мой напарник – он не из таких.
Коренастый, северных кровей.
До работы и до баб охочий.
Жизнь его ворочает, как хочет.
Он же только крепче и сильней.
Буксовали.
Падала капель и
Со звонким криком разбивалась.
Но была дорога, был апрель
И до дома малость оставалось.
День-деньской

Как дьяволы в грязи,
Поминая жизнь не лучшим словом.
Мы свой путь мостили из лесин,
Пили чай, густой как керосин,
Застревавший в наших глотках комом.
Уж стемнело...
Только вот вдали,
Будто бы из бездны прорываясь,
Показались жёлтые огни.
И сказал я парню: «Посмотри».
Он же мне ответил: «Показалось».
А потом слышали мы шум.
И мгновенно ноги подкосились.
Миг удачи в воздухе носился,
Мой напарник стал не так угрюм.
И потом тянули нас друзья.
Ничего особенного – тросом.
Всё нормально было. Без вопросов.
Мы домой добрались до утра.
И теперь в житейской кутерьме
Тех ребят я часто вспоминаю.
Дружба настоящая, мужская –
Это – лучший трос в любой беде.

Глава 4 **Василий**

Где эти строки выцепил блокнот,
Вам даже я не расскажу, пожалуй.
Ведь он у нас и ушлый, и бывалый.
Он пишет музыку, хотя не знает нот.
Он знает каждый новый анекдот
И у него роман с амбарной книгой.
Замечен во дворцовых был интригах.
Но, Слава Богу, кажется, не врёт.
Случается порой его несёт.
Всё норовит рассказывать он байки.

Пора бы подкрутить бродяге гайки,
Но не решаюсь, так как он не пьёт.
Гусиный как-то наблюдали перелёт.
Был с нами егерь, звался он Василий.
Потом мы с ним траву ещё косили
И это всё фиксировал блокнот.
Был в наших разговорах поворот,
Но уходил Василий от ответа.
Я спрашивал: «Зачем в молодые лета
Он служит егерем, в глухой тайге живёт?»
В подкорку мой блокнот к нему проник,
Я говорил уже – он парень ушлый.
Умеет слушать он, умеет и подслушать.
И вот вам монолог, да нет – душевный крик.
Старый зека Иванов так говорил Василию:
«Помни – основа основ – сила.
Крепко запоминай: «Сила солому ломит».
Лучше не убегай – словят.
Ты оттяни свой срок скорбно.
Год и второй пройдут скоро.
Там и крылом махнёт третий.
К осени приползёт лето.
Выйдешь – весны дождись славной,
Станет она теперь главной.
А как пойдут плоты сплавом,
Двигай тогда ты в путь дальний.
Вниз по большой реке двигай,
Где-то в глухой тайге спрыгни.
Выживешь – заживёшь с толком.
Ежели нет – помрёшь волком.
Через день, при попытке бежать
Иванова конвой застрелил.
То ли жить уже не было сил,
То ли просто так – задурил».
А Василий, оставшись один,
Вечерами, уставившись в угол, думал.
Попутный вертолёт меня забрал,
Летел спецрейс по важной разрядке,

Василий передал со мной тетрадку,
А на обложке адрес написал.
«Москва, Литературный институт,
На конкурс».
Ниже чуть – обратный адрес.
Конечно, незатейливым был абрис
Вначале,
Но каков же был финал!
Блестяще конкурс творческий прошёл,
Сдал все экзамены, был заселён в общагу.
К учёбе не испытывал он тяги.
Себя искал и, кажется, нашёл.
Но тут уже история своя,
В моих она не числится анналах,
Мы плавно подбираемся к финалу.
Пусть будет так – доволен этим я.

Глава последняя **Вместо эпилога**

Ну что же – вот ещё вам аргумент
И доказательство, что слово тоже дело.
Без слова нужного и дело б не посмело
Являть себя в ответственный момент.
Иная речь огромный континент
В единый миг безжалостно взрывает.
И тут уж ничего не помогает – глобальный
Начинается размен.
Всё рушится. В тартарары летят религия
И древние уклады,
А в сторону дворцов летят снаряды
И каждый жаждет только разрушать.
Потом придётся, правда, созидать
И слушать уж совсем иные речи.
Но, право слово – затянулся вечер
И, кажется, пора пойти мне спать.

Блокнот закрыт.
Вернусь ещё не раз к тому, что здесь
Хранится на страницах.
Я думаю, что долго будет длиться
О судьбах человеческих рассказ.
Пока же до поры ему лежать
В прохладном месте, там
На книжной полке.
Не надо никуда ему бежать.
Опровергать не нужно кривотолки.
Здесь другу старому век долгий коротать,
О чём-нибудь рассказывать негромко.
И что-то постараться передать
Моим, на свет явившимся потомкам.
Эх, только согласились бы хранить,
А то боюсь, когда не станет деда,
Блокнот отправят на помойку – гнить!
Кому какое дело, чем он ведал.
Но, впрочем, есть надежда у него:
Перепечатан будет, оцифрован,
На полку ляжет в оболочке новой
И столько проживёт, что о-го-го.
Конечно же, не вредно помечтать...
Я сам бы никогда не отказался
От предложения, чтоб разум мой
Остался
В обличии ином существовать.
Хотя, как знать?
Кто, что тут может знать?
Что ново на земле, а что не ново...
Ведь сказано: «В начале было слово»
И тут уж ни добавить, ни отнять.

Абасова Лейла Пазилевна родилась 17 июля 1977 года в городе Махачкала, республика Дагестан. По национальности – кумычка.

В 1999 году окончила Дагестанский государственный педагогический университет, по специальности учитель английского и французского языков.

В 2003 году переехала вместе с семьёй в Нижневартовск.

Является членом городского литературного объединения «Замысел».

Стихи публиковались в городском альманахе «Зори Самотлора», нижевартовской и кавказской периодике.

Живет в Нижневартовске.

ЛЕЙЛА
АБАСОВА

Дебют в «Эринтуре»

ЛЕЙЛА АБАСОВА / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Салам

«Салам!» – волшебное кричу,
Когда приветствовать хочу
Соседа, друга, незнакомца,
Оно из уст как песня льётся!

При этом руку подаю
Всегда я, правую свою,
Ведь на Кавказе так ведётся –
Рука при встрече подаётся!

Везде и при любой погоде
Приветствовать в любом народе,
Хороший такт, знак уваженья,
Благих желаний проявленье!

И в жизни, пусть неоднократно
Вернётся ваш привет обратно.
Сегодня, дорогие, вам,
Кричу я: «Здравствуйте, салам»!

Лезгинка

Осанка, жест, и взгляд
Безмолвно оголяют душу,
Дыхание живого танца
Дробь барабанов не нарушит.
В нём целомудрие горянки,
И доблесть славного джигита,
Почтенье слову аксакала,
И сакля, что гостям открыта.
Не властно время, что рекою
Течёт, оттачивая камни,
Над ритмом пламенной «лезгинки»,
Оно в сердцах людей веками!

* * *

Чистым ангелом родившись,
Бед, не зная, не ведая боли,
Мы свою заполняя нишу,
Уповаем на Божью волю.
Короток путь наш или долог,
Лёгок, весел или тернист,
Он любой нам очень дорог
И прервать его не торопись!
Перелистывая рассветы,
Книгу жизни закрыть не спеши.
Пусть вопрос не находит ответа,
Пусть беда ворвалась в твою жизнь.
Богу богово, нам – человечье,
Волю в кулак собери и иди...
Помни! Не прошлое душу лечит,
А то лишь, что ждет впереди.

* * *

Ласкает слух звон хрусталя бокалов,
Наполненных на счастье молодых
И режет – звон скрестившихся кинжалов,
Что вынуты из ножен золотых.

За первым – море радости, веселья,
А за вторым – отчаянье и боль,
Неведомо – какое из звучаний
Сыграет в судьбах роковую роль!

Степь

Расправил гордо крылья горизонт...
Вновь красным золотом закат окрасил землю,
И ветром убаюканные травы дремлют,

Лениво ночь раскрыла чёрный зонт.
 Кузнечики стрекочут и звенят,
 И в торжестве весёлых звуков утопая,
 Степь сладко спит, широкая, нагая,
 Вся, словно на ладонях у меня.

Кунак⁷

Не из томов о бытности кумыков⁸,
 Из уст в уста, от сердца к сердцу в нас
 Живёт обычай, в пору ту возник он,
 Когда лишь гор законы знал Кавказ.
 Обычай давний, как отвесы скал,
 С великим уважением принимать,
 Любого, кто порог переступал:
 Ты мог узнать в нем друга, а мог его не знать...

Им мог быть путник из аулов дальних,
 Пастух или уздень⁹, не важен титул, род.
 Им мог быть кровный враг – обидчик давний,
 Окажут и ему внимание и почёт.
 И цель визита вовсе не причём,
 Хозяин встретит радостно, без лести,
 «Спасибо, – скажет, – что вошёл в мой дом».
 Уважить кунака считалось честью!

...И снова в бурки белоснежные оделись
 Вершины гор... не страшен холод им.
 Завоют вьюги и утихнут птичьи трели,
 И станет вновь Кавказ седым...
 Давайте же, в природной круговерти
 Не растеряем бытность, свой уклад...
 А в нашем доме и сейчас, поверьте,
 Любому гостю каждый будет рад!

7 Кунак – гость

8 Кумыки – тюркоязычный народ, один из коренных народов Дагестана.

9 Уздень – лицо, принадлежавшее к феодальному дворянству Дагестана.

Рябов Андрей Анатольевич родился в 1968 году в Ханты-Мансийске. С 1986 по 1988 годы проходил службу в рядах Советской армии. С 1998 года работал корреспондентом, редактором отдела, заместителем главного редактора, главным редактором в различных муниципальных и окружных СМИ. Член Союза журналистов России с 1999 года.

Автор нескольких книг прозы. Награждался Почетными грамотами Думы ХМАО и Думы Тюменской области. В 2015 году признан «Журналистом года» Югры. Лауреат Премии губернатора ХМАО в области литературы (2016).

АНДРЕЙ
РЯБОВ

АНДРЕЙ РЯБОВ / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

СИБИРСКАЯ КОСТОЧКА

Я перебираю тяжелые награды: орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд», сразу две – «Ветеран труда». Они, стопочка пожелтевших документов, несколько фотографий – вот и все, что осталось на память от моего деда, Николая Борисовича Ковалева, всю жизнь прожившего в старенькой избушке над Иртышом. Но еще остались мои детские воспоминания об одном из самых светлых людей, которых я встречал...

У печки

– Деда, расскажи про войну! – я поудобнее умещаюсь на старом диване и прижимаюсь спиной к обжигающе горячей русской печке. Деда Коля с легкой улыбкой смотрит на меня, чуть склонив набок лобастую голову с большой залысиной.

– Да ну ее к лешему, войну эту... Страшно там было, Андрюша... Ни к чему ее поминать. Да я и позабыл уже все.

– А тебя как ранило? Тяжело? Пальцы вон до сих пор не разгибаются! А чем – осколком или пулей?

Дед поднимает свою правую руку, чуть-чуть шевелит скрюченными мизинцем и безымянным, усмехается:

– Да это фашист, гад, меня укусил...

Видя мои выпученные от удивления глаза, переводит разговор на другое:

– Ты вон лучше пойди, корове вынеси. Баба Ганя ей уже пошло направила. А о войне как-нибудь потом расскажу...

Молчал он больше, Николай Борисович Ковалев. Днем по-

тихоньку колготился во дворе – то сена натеребит, то навоз отбросит, то дрова переложит. Вечерами любил сидеть в темноте, смотреть в окно на реку и слушать радио. В еде был неприхотлив. Черпанет мятым алюминиевым ковшиком студеной воды, возьмет ломоть черного хлеба с солью – вот и весь его ужин. И это при том, что жена, баба Ганя, была настоящей кудесницей во всем, что касалось выпечки...

Ну и выпить, знамо дело, тоже любил. Особенно «с устатку». «Робить – так робить, а пить – так пить!» – частенько говаривал. Мы, потомки, не в его корень пошли. И не пьем толком, и трудиться как-то того... не очень...

На новом месте

У наших стариков закваска была настоящая, крестьянская. Не смогли ее превозмочь «комиссары в пыльных шлемах», раскулачившие в 30-х годах крепкую работающую семью Ковалевых и выславшие ее из Викуловского района в далекое село Самарово. Именно сюда, в дремучую тайгу, некогда уперся указующий перст партии и велел ссыльным рубить столицу новенького Остяко-Вогульского национального округа.

И они рубили – от зари и до зари, отпугивая пламенем костров многочисленных медведей, ежедневно выходя на перекличку перед комендантом, питаясь, чем пошлет Бог и землерой-Иртыш. Местные, самаровские, к «колонистам» относились настороженно. Кто их, пришлых, знает – может, все они каты да разбойники?!

Высокий стройный красавец Николай начал свою трудовую биографию на рыбоконсервном комбинате простым разнорабочим. А в 1940-м перевелся в промартель «Пламя» техноруком. В сумерках спешил домой, к родителям – надо было избу рубить, лес корчевать, огород разбивать. А молодая кровь иногда требовала общения, веселья, чего-то большого и светлого...

Вместе с друзьями-соседями организовали в поселке Рыбном (там, где сейчас начинается Восточная объездная дорога в Ханты-Мансийске) драмкружок, ставили любительские спек-

такли, выступали перед неискушенной ссыльной публикой... Где-то здесь он и заметил невысокую поленькую хохотушку Агафью, Аганю, Ганю... Вскоре молодые сыграли свадьбу, с помощью многочисленной и дружной родни заложили свой дом. В 39-м родилась дочка Ниночка...

Как родная меня мать провожала...

А потом на Россию тяжело опустилась война. Замолчали гармони, утих перестук девчачьих каблучков на «вечерках», упали на землю кудри призывников – льняные, смоляные, рыжие... Щемящий бабий вой повис над тайгой.

Поначалу раскулаченных на фронт не брали, боялись доверять оружие «врагам народа». А в 42-м дошла очередь и до них. Когда призывников провожали на пристань, многие из них не могли сдержать слез, уж больно тяжело было оставлять своих детушек-женок-матушек. И все знали, какое количество «похоронок» шло с фронта домой.

Николай Борисович всегда слыл «натрыжным» и «поперешным», а потому наперекор всем на проводах был изрядно весел. Вместе с другом они «приняли на грудь» по стакашку самогона, подбоченились и принялись горланить разудалую песню. Уже много позже люди подметят, что практически никто из тех, кто во время отправки ронял слезы, домой не вернулся. «Чуяли они свою смерть», – шептали бабы, утирая платочками выцветшие глаза...

Где и как воевал деда Коля, я могу судить лишь по записям в документах. В составе 225-го стрелкового полка пережил весь ад Сталинграда. Был замечен командованием и в январе 43-го направлен на учебу в 10-ю запасную бригаду. После окончания курсов зачислен в 148-й стрелковый полк в качестве помкомвзвода. А 25 сентября 1943 года получил тяжелое ранение и полгода провел в госпитале №2975. Врачи говорили, что рука до конца жизни останется мертвой, однако Николай Борисович смог, заставил ее ожить. Почти всю – за исключением двух пальцев...

Мужики и бабы

Вернулся бравый сержант домой, на радость бабе Гане и дочке Ниночке. Ну и что из того, что покалеченный, главное – живой! Вновь устроился на работу в свое «Пламя». Кстати, он всю жизнь – почти 45(!) лет – трудился на одном предприятии, которое прошло путь от промартели до горпромкомбината, а Николай Борисович – от технорука до главного инженера.

Вместе с другом-фронтовиком, дядей Толей Надеиным, выстроили новый дом – один на два хозяина. Детей растили, потом и внуков, хозяйство держали, жен своих воспитывали и сами ими воспитывались... Однажды на покосе бабы шибко умаялись, сгребая сено. А мужики тем временем бегали по озерам за утками. В обед собрались все вместе – разругались. Женский пол с претензиями: мол, работать надо, а вы прохлаждаетесь. Пуще всех разошлась на своего баба Ганя. Дед возьми и скажи:

– Ты сама попробуй дичь добыть, а потом уж разорыйся! Знала бы, как тяжело она достается!

Баба Ганя, недолго думая, схватила ружье и рванула на ближайшее озерко. Опаматовалась – мать честная, а патроны-то не взяла! Один-единственный и был в стволе заряжен. Но возвращаться – гордость не позволяет. Прокралась баба на цыпочках сквозь густой пырей, глядь – а на воде утки плавают. Дождалась она, когда птицы сплылись вместе, глаза зажмурила и бабахнула.

Через пару минут вернулась к становищу. Мужики рты разинули, когда она с напускным спокойствием бросила им в ноги пару тяжелых осенних уток.

– Чаво вы там говорили про «тяжесть»? Вам бы только бражку халкать! Два шага шагнула, один раз пульнула – вот и добыча...

Но ее строгость по отношению к деду была напускной, в глубине души она гордилась мужем. Однажды поехали всей родней в дальний бор на гребнях. Грибов в том году уродилось – видимо-невидимо. Бабы принялись их собирать, а мужики отправились сети ставить. Пока крутились по урману, баба Ганя примостила под кедром полную корзину грибов – и потеряла ее.

Остальные говорят: поехали домой, Бог с ней, с корзиной. Но Агафья Ефимовна заупрямилась: сейчас Коля вернется – принесет. Где ж он ее в тайге найдет, недоумевают бабы? Тут самим бы не потеряться. Пришел Николай Борисович, выслушал жену, молча огляделся и канул в зарослях. Не успели в лодки погрузиться, глядь – а он уже с корзиной возвращается...

Не стало деда 8 мая 1986 года. На похоронах дядя Толя Надеин вытер рукой глаза и с упреком высказал:

– Что ж ты, Николай... Сутки не дождался до Дня Победы... Я бы уж всяко до праздника утерпел...

Его сосед, бывший десантник, кавалер ордена Красной Звезды Анатолий Николаевич Надеин ушел из жизни ровно пятнадцать лет спустя. 8 мая 2001 года...

Юргенсон Татьяна Владимировна родилась 9 января 1966 года в селе Степной Баджей Манского района Красноярского края. Закончила заочное отделение факультета журналистики Томского государственного университета.

В 1999 году возглавила городское литературное объединение «Логос».

Вышло более 20 поэтических книг. Член Союза писателей России с 2005 года.

В настоящее время работает редактором Мегионской ЦБС.

ТАТЬЯНА
ЮРГЕНСОН

ТАТЬЯНА ЮРГЕНСОН / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Цикл стихов «С памятью о нем»,
посвященные Юрию Вэлле

* * *

Светильник зажгу –
Пусть тьма испугается
Молитвы поутру.

Отправлю другу –
Чтобы сердце запело –
Письмо о любви.

Между строк моих
Найдёт он то, что ищет –
Путеводную нить.

Видишь? Дорога
Уже и не так страшна...

* * *

Давай погадаем на счастье! –
Сегодня волшебный вечер.
Я в доме старого друга
Захвачена воспоминаньем.
И знаю – чуда не будет,
Того, что так жаждет сердце,
Но голос его я слышу.
И грустно, и радостно мне...

* * *

На стойбище сейчас совсем тепло.
В тиши охристых корабельных сосен
Ни вьюги вой, ни тьма полярной ночи
Не властны над душой. Покой и радость
Тихонько заполняют сердце мне.
Весёлый танец саламандр в печи,
И разговор о духах и легендах –
Всё вспоминается, как будто снова
Гощу у друга под охраною тайги.
Я помню бледное мерцание луны,
И тихий шорох медленных шагов оленьих...

* * *

Раскрыла ладонь навстречу –
В ней моё сердце – возьми.
Всё, что его наполняет,
Всё, что в моей крови –
Искренность и метанья
Вместе с ним отдаю,
Ошибки пути и знания,
Что ненавижу, люблю...
И потому так сложно
Бывает со мной говорить.
Как это неосторожно
Сущность свою дарить...

* * *

Не ропщи на меня, друг.
Я попала во времени лёт,
И игрушкой стала вдруг,
Что швыряют насильно в полёт.

За возможность вот так парить,
Прощены мной и страх, и боль.
Только времени просто жить
Не хватает. К сему позволь

Иногда ни о чём мечтать
И любить просто так, но всех.
Только знай, не смогу молчать
И с исходом моих лет.

* * *

Иду по дороге в тысячу ли –
В попутчиках время, небо и ветер.
Быть может у самого края земли
Меня твой корабль неожиданно встретит.
И новые тысячи ли промелькнут
Под боцманский свист в погоне за чудом...
Пока на бумаге рисую маршрут,
И каждую точку на нём не забуду.

* * *

Чтоб не огрубела память –
Чётки встреч перебираю.
В каждой – маленькое чудо
Чистых помыслов и дружбы.
Это всё, что предъявляю я
В срок, который не минует,
Как свидетельство исканий.

* * *

Не люблю восхваляющих фраз,
Что наносят на чувства лоск.
Мне б попроче – твоих глаз
Свет с хитринкой и тихий голос,
Что удержат в любой шторм
На плоту, на доске, на весу,
Даже если Везувий взлетит
Или сушу волны снесут.
Жизнь свою и души чистоту,
Даже если останусь в долгу,
В самый страшный судьбы час
Только другу доверить смогу.

* * *

Жажда.
Страстно хочется пить,
Только вот мёда ли?
Жизни!
Так, чтоб взахлёб,
С полновкусием.
Сердцем движет
Страсть, инстинкт,
Желание – просто жить.
А, впрочем, ты в курсе.
Иначе бы не возник
Этот путь
Из проб и ошибок.

* * *

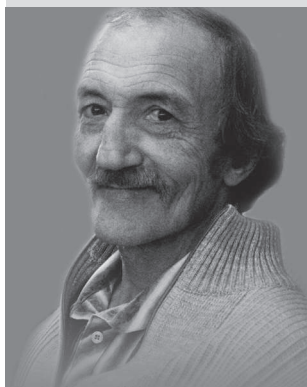
Впереди
Пять дней очарованья
Сосняком
С черничною начинкой,
Феерическим соблазном
Фотокадров
Круглосуточных –
С зари и до рассвета,
И безмолвным разговором
По душам.
Как сюда, волнуясь,
Манит сердце –
В мир таёжный,
Дом недавний друга...
Через грусть,
Но с искренней любовью.
Год прошёл,
Печаль всё так же гложет.
Через боль,
Но с памятью о нём.
Есть конечно страх,
Что не сумею
Скрыть душевной раны
Кровоточье.
Но меня поймут,
И старый облас
Не откажет в праве полетать
В облаках,
Что стали отраженьем,
В зазеркалье призрачном,
Озёрном.
Я ведь слышу –
Дух его бессмертный
Мне диктует новые стихи...

Филатов Александр Александрович родился 18 августа 1953 года в городе Полтава. После службы в Советской армии в 1974 году уехал на строительство Байкало-Амурской магистрали. Был на укладке Золотого звена в Куанде в 1984 году. Год жил на севере Свердловской области. В Покачи приехал в 1986 году.

Печатался в русских журналах, альманахах, литературных сборниках.

Автор нескольких сборников стихов. Член Союза писателей России.

Живет в г. Покачи.

АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ

С 65-летним юбилеем!

АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

* * *

Старуха в чулках и в галошах,
В мороз – минус тридцать один,
Плелась по шершавой пороше –
В рекламных щитах магазин.

Свободной рукою крестилась,
И что-то шептали уста.
...И мутное солнце садилось
На маковках церкви Христа.

2017

* * *

Замерла природа.
Золотыми зёрнами
Звёзды с небосвода
Пали в гладь озёрную.

Ясной зорькой рано
Солнце встало сонное.
Плавают в туманах
Сосны невесомые.

И поманит сердце
Даль тайги зелёная.
Как мечты из детства
Неосуществлённые.

2017

Справедливость

От гнева праведного рдея,
Почуяв рядом чью-то близь,
Я закричал: «Держи злодея!
Он мне подсунул чью-то жизнь».

Хватал рукой его за горло,
Ввязавшись в ярую борьбу.
И всё кричал: «Вяжите вора!
Он обокрал мою судьбу».

Я мог бы жить совсем иначе,
Я б мог судьбу благодарить.
Любовным пламенем охвачен –
Другую женщину любить.

Стихи писать в тени азалий,
Живя в тропическом лесу...
– Вяжи его!

Меня связали...

И повели на Божий суд...

2017

* * *

Белый снег... а в тених – синька.
Там вон – голубой.
Отступает в лес Синильга,
Манит за собой.

Отступает... манит, манит
Через Чёртов мост.
Словно мороком шаманьим
Застилает мозг.

Я иду по горям серым,
Ставлю ногу в след.
Не отпустит, видно, север.
Не отпустит, нет.

Не отпустит... словно иглы
Мне вонзились в грудь.
Отступает в лес Синильга –
Бесконечен путь.

Встала вдруг у сосен медных,
Гордо выгнув стан.
И шепчу ей: «ведьма....ведьма...»
И клонюсь к устам.

2017

Ольга

Утро. Скрипнули ворота.
Загремела цепь.
Ночь оврагом, тенью хорта,
Уходила в степь.

Лишь заря пришла с востока,
Среди редких туч,
С неба пал стрелою сокол,
Как ярилов луч.

Меркнул рок красавца Мала
В пламени луча.
И рука сильнее сжимала
Рукоять меча.

Позади гудели гусли,
Спал древянский лес.
Сокол нёс над светлой Русью –
О княгине весть.

2016

* * *

На закате цвета меди,
В сторону ручья,
Пролетели гуси-лебеди
В огненных лучах.
И стреляло солнце стрелами
В запоздалый клин.
Крася крылья нежно-белые
В золотой кармин.

2015

* * *

В небе тучи грозовые
Над клочком унылой суши,
Ходят, будто бы живые
Неприкаянные души.

Торопясь от дома к дому
Стежками родного края,
То вопя безумным громом,
То безудержно рыдая.

Сияясь все свои пороки
Разом выплеснуть навечно.
И бегут воды потоки,
Словно слёзы человечьи.

2015

Грустное

Заплакало небо от края до края,
И дятел стучит по промокшей сосне.
Пылает рябина и всё не сгорает,
Как будто Аввакум в духовном огне.
Иду я в усталую, грустную осень.
Иду я в родную таёжную сень.
И тихо в душе, как порой на погосте
Бывает в отрадный родительский день.

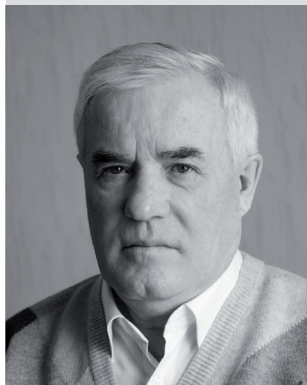
2015

Андреев Владимир Петрович родился в 1947 году в д. Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Тетюшский сельскохозяйственный техникум (1967), Казанский государственный университет (1976) и Северо-Кавказский государственный технический университет (2000).

Публиковался в альманахах, журналах и литературных сборниках России.

Автор многих поэтических книг.

Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора в области литературы, премии Уральского федерального округа. Живет в Нижневартовске.

ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВ

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сидел рыбак на берегу...

Светлой памяти Виктора Козлова

С размашистого половодья,
превращавшего смирную речку
в буйную строптивую реку,
в бешенстве выпрыгивающей из берегов,
до самого робкого ледостава,
на второй излучине от моста,
он делил дружеское ему одиночество
с удочкой, рекой и рыбами,
на расстоянии вытянутой руки
держал от себя смертельную болезнь,
которая год за годом завоёвывала
его некогда крепкое тело
и однажды унесла на кладбище,
навсегда облегчив усталую душу.
И с той поры уловистое место
свободно и не занято никем.
И вряд ли потомки тех рыб,
голосистых соловьев, лягушек,
тонких ив, вымахавших в деревья,
помнят молчаливого рыбака,
никогда не певшего песен.
Ничего не поделаешь: в подлунном мире
память о человеке короче клюва трясогузки.

Монолог одинокого дерева

Когда-то в бессмертном детстве тракторист-лирик
сохранил мне жизнь, бережно опахав вокруг землю.
И больше никто из людей не посягнул на меня.
Ты, поэт, тоже схож со мною: замкнуться в себе –
волевым и храбром – и молча пить одиночество –
мёд мудрости – это и есть постижение истины.
Твоё одиночество помогает ловить особенные слова.

Люди, внимая им, обрастают крыльями, возносящими их над смрадом бытия, чтоб узреть, пусть на миг, необычную чистоту неба и открытую любовь солнца. Мне часто хочется уйти к смешливым деревьям, как тебе – к смешливым красивым женщинам. В них скрыта волнующая радость, дающая сердцу солнечный взлёт, а глазам – озорной блеск. Особенно вспоминая, как жутко в убийственные морозы слушать монотонную песню смерти. Сжимаешься в надежде согреться и боишься – вот-вот сердце от напряжения лопнет пополам, и льдинки в теле превратятся в мёртвую кровь, и твоя кончина сообщит миру пушечным выстрелом. Я не открою тайны, одинокие деревья всё же видят дальше леса, ибо их острый взор проникает за кромку обманчиво красивого горизонта, как вода казалось бы через непроницаемую стену. У таких деревьев, к счастью, без интеллекта толпы, обострённое чувство большого пространства, и самооценка выше нулевого варианта, потому как им полное одиночество служит как бронезилет. Одинокие деревья любит человеческая память. К сожалению, на этих деревьях птицы не вьют гнёзд.

Монолог хлебной крошки

Я молекула хлеба, его сердце и душа.
Там, где я, и песни, и счастье – не мечта.
Пребывая в середине закона еды
и привыкшая с рождения к справедливости,
я ненавижу и жалею бедные столы.
Если меня нет на столе, – это знак беды:
улыбка сходит с лица, в глазах появляются слёзы,
из груди вырывается стон отчаяния
и туда, в края восхищённого горя,
боясь опоздать, торопится смерть.
Я как настойчивая пешка в шахматной игре,

зачастую победно выходящая в ферзи:
недаром из-за меня народы бросали родину
и исчезали за горизонтом, словно облака,
чья участь – быть вечными странниками.
Я объединяю и разъединяю людей,
за мной история, как выжившая из ума старуха,
говорящая правду невпопад и в сторону
глухих ушей чрезмерно гордых болванов,
не испытавших повальную эпидемию голода.
Пусть я и бесценна в переменчивом мире,
но не обрамлённая в золото и алмазы
для многих я обыкновенный сор.
Вот почему и люблю мне те редкие люди,
кто собирает нас бережно в ладонь
и отправляет в рот, а не в мусорное ведро.
Их мало, очень мало...

Пластинка памяти

Не знаю: к месту или некстати
эта песня, как патефонная иглолка,
вроде бы обычно, однако, волшебю
из невидимой пластинки времени
извлекла одно из дорогих воспоминаний –
живые в том далёком прошлом голоса
тех простых людей, коренных, от сохи,
баловавших душу взлетающей к небу мелодией.
Бог то любил их нежно, по-отечески,
то забывал, предоставляя им самим в трудные минуты
каждому кряхтеть под собственным крестом.
Как много в той песне уместилось молодой радости,
подаренной ей от чистого сердца теми,
кто был сам молод душой и телом,
кто уважал стеснительную старость
в шаге от обещанной вечной жизни
и старался преодолевать препятствия
с фанатичной настойчивостью сороконожки.

Те отзвучавшие голоса, принесённые песней,
как первым жаворонком приносится весна,
как молитвой возносятся в горный край
совсем ослабевшие в безверии души,
твердее твёрдого во мне укрепили надежду
на бессмертие человеческого братства,
не отличимое ни в жизни, ни в смерти,
привязанное к движению вселенского маятника,
в корне отрицающего разрушительный покой.

СЕРГЕЙ СМЕТАНИН

Сметанин Сергей Егорович родился 25 мая 1952 года в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне с. Октябрьское) Стерлитамакского района Башкирской АССР. Окончил музыкальную школу в г. Омске. Окончил факультет иностранных языков Башкирского Государственного университета (1975) в г. Уфе. Специальность: филолог (немецкий язык).

Стихи публиковались в литературных сборниках и альманахах. Автор нескольких поэтических книг.

Член Союза писателей России с 1995 года.

Лауреат международного конкурса детской, юношеской, художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси – 2007», один из победителей VI Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2009», победитель конкурса газеты «Правда» в номинации «Стихотворение – 2013».

Гром

В Башкирии грозы – чума для рассудка.
Храню это чудо с младенческих лет:
Мир высветит молния ясно и жутко,
И ждѣшь откровения грома в ответ,

Но дремлет долина у неба в объятых.
Меж туч тѣмно-синих таинственный свист...
Волнуются липы в темнеющих платьях,
Лист тополя светится – влажен и чист.

И вдруг, расколов весь уклад мироздания,
В безумную пропасть бросается гром,
Пронзая всё тело, взрывая сознание,
И тут же двойник его – гром за углом!

И вдаль по равнине грохочут раскаты,
С ворчаньем и треском, стихая во мгле,
С укором – вы сами, друзья, виноваты,
За всё, что творится сейчас на земле!

Шестой год

Скрип полозьев. Бег коней.
Влажный блеск кольца уздечки.
Я подушку грел у печки —
Хорошо прижаться к ней.

На цветастом на диване,
Засыпая, вспоминал:
Дед ли, Бог ли погонял —
В небеса летели сани!

Вера

Бывает миг. Бывает так,
Когда, поймав себя на вздохе,
Не верю в сущий кавардак
Так называемой эпохи.

Закон борьбы царит и в нём,
Подобный выплескам сердечным,
И ждёт отечество подъём
Вслед за паденьем бесконечным.

Жизнь

Жизнь – таинственная штука:
Что начало, что итог —
Ни искусство, ни наука
Не допущены в чертог.

Понапрасну изощрялись
Подобрать отмычку к ней,
Понапрасну увлекались —
Жизнь прекрасней и сложнее.

Ходжа Насреддин о мире

В Самарканде на базаре,
Мудрецам в укор,
Не о ценах и товаре
Разгорелся спор.

Два купца, забросив дело,
Выясняли суть.
Мир Аллаха чёрный, белый,
Если вглубь копнуть?

И сказал, о том услыша,
Насреддин Ходжа:
«Не поехала бы крыша,
Домом дорожа.

На любой вопрос упорный
Есть ответ внутри.
Мир не белый и не чёрный,
Что ни говори.

Мерь его люблю мерой,
Неправа молва.
Он рассыпчатый и серый,
Сладкий, как халва!»

Смелость этого ответа
Принял Самарканд.
По всему разнёс он свету
Мудреца талант.

Давайте отдадим себе отчёт

И море дремлет, и река течёт,
И соловей на ветке распевает...
Мы знаем звуки все наперечёт,
И даже те, которых не бывает.

Откликнуться Вселенной – дважды два:
Аукнет бор, отдастся сонным лаем.
Лишь за произнесённые слова,
В ответе быть не очень-то желаем.

О, да! Век двадцать первый не таков,
Чтоб клеветы бояться и навета.
И домик наш укрыт от сквозняков
Под неусыпным оком интернета.

Бушует море и река течёт,
И скомканное слово – не работа.
Но будем отдавать себе отчёт,
И от других потребуем отчёта.

Пенсионер

Его друзья впадали в детство,
Но он не брал того на ум,
Лишь обожал переодеться
В парадный новенький костюм.

Был слабоват. И, вроде штрафа,
Что сам себе он назначал,
Достав бутылку из-за шкафа,
Плескал коньяк себе в бокал.

Глядел в окно на синьку неба,
Тянул «пшеничный» Беломор,
И на душистый ломтик хлеба
«Ложил» багровый помидор.

Струилась осень сизым дымом,
Цвела над крышей благодать...
Я всё о том – невыразимом,
Что не умею передать.

Юрченко Станислав Георгиевич родился 18 июня 1948 года в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Отец – офицер, военный летчик. В 1971 году окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1990 года Юрченко С. Г. работал в строительных организациях Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области.

Публиковался в коллективных сборниках и альманахах.

Автор многих стихотворных сборников и прозы. Член Союза писателей России с 2001 года.

В 1986 году награжден орденом «Знак Почета», а в 2010 году ему присвоено звание «Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Почетный гражданин Советского района.

СТАНИСЛАВ
ЮРЧЕНКО

С 70-летием!

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сретенск

Я помню заборы, покрытые пылью,
и вкус огурца принесённого с грядки.
Тогда коноплю втихаря не курили,
хотя её произрастало в достатке.

Ещё вспоминаю затон и рыбалку
с добычей, которой не стыдно, поверьте,
девчонку в сандалиях и со скакалкой,
что мне надоела кривляньем до смерти,
плашкоут, что вёз нас с отцом через речку,
и звёздную ночью гудки пароходов,
сверчка с его песней за русской печкой,
да радость щенячью в любую погоду.

Там бабушка чёрная, как головёшка,
укрыв под платком заплетённые косы,
дымит на крылечке своей папиросой,
а рядом, мурлыкая, ластится кошка.

Пожарная вышка под самой горою,
где лазили мы, несмотря на запреты,
отвесные скалы над бурной водою
и миг пролетевшее жаркое лето.

Как славно мне было в те юные годы
поехать к ней в гости, где брат мой, Володя,
летал на моторке по водным угодьям,
шалльной представитель бурятской породы.

Глаза закрываю, и видится город
тогда ещё песенный и не унылый
на Шилке-реке, в забайкальских просторах.
Но как бесконечно давно это было...

Полощется детство цветною рубахой,
сигналил с небес до последнего вздоха.
А бабушкин город рассыпался прахом,
зарос коноплёю и чертополохом.

Павловский парк

Липы к центральному плацу
в линию, словно солдаты,
вписаны в круг аббераций
клумбы, скульптуры и даты.

Павел с мальтийскою тростью
в пышной дворцовой огранке.
И пригласительный в гости
к маленькой речке Славянке.

Дуб с обезглавленной кроной,
выстояв в битвах и сечах,
выглядит белой вороной,
кавалергардом увечным
между танцующих елей
и тополей серебристых
с разноголосицей трелей
звонких пернатых артистов.

Кажется скучным и мелким
в этом зелёном заслоне,
где вездесущие белки
тащат орехи с ладони,
всё, что осталось снаружи.
Лечит хандру и мигрени
вязь белоснежная кружев
лестничных львов и ступеней.

В зеркале водных каскадов
не угадаешь, хоть тресни,
что тебе в принципе надо
в этом намоленном месте,
где шелухой отлетают
страхи, болезни и годы.

Как нам всегда не хватает
счастья, любви и природы.

* * *

От эха стороннего звука
в квадрате ночного окна
мне снятся ни дети и внуки,
а ярче и чаще – война.
Разрывы снарядов беззвучны,
пролитая кровь горяча.
Здесь смерть и любовь – неразлучны,
а правда и кривда – горчат.
Но держит великое нечто:
решимость стоять до конца,
и это вселяет надежду,
как детям улыбка отца.
Зачем в нас, не нюхавших порох,
стреляют до самых седин?
Любой подозрительный шорох
в нас будит животный инстинкт.
Мне страшно и руки трясутся,
как перед ужасным концом,
я даже пытаюсь проснуться,
но веки налиты свинцом.
Убитый в еловом подлеске
от раны смертельной хриплю.
Колышется тюль занавески.

- Та спишь, дорогой мой?
– Да, сплю.

Гроза в июле

Сверкнула молния.
А следом грянул гром,
потом перекатился за излучку.
Предместье разбудило этим звуком,
окно, пугаясь, звякнуло стеклом.
Притихло.
По воде промчалась дрожь.
Заквохтали и тут же смолкли куры.
Пролаял пёс и спрятался понуро,
предчувствуя, что сразу грянет дождь.
От первых капель до стены воды
продлился миг, короткая минута,
жесть грянула подобием салюта
и это было только полбеды.
В мгновенье ока вспенился ручей,
с остервененьем ринулся в низину,
песок, смывая, ведра опрокинул,
скользя по косогору, словно змей.
А ближе к устью, превратившись в вал,
нёс всё подряд рыжеющий и голый,
спуская в речку хвост, как шлейф подола
у девушки, приехавшей на бал.
Листву, срывая с ивовых кустов,
с небес летели жалящие пули,
они весь белый свет перечеркнули
пунктирами от самых облаков.
На лужах стаи звонких пузырей
подпрыгивали весело и смело.

Ну а природа нежилась и пела,
ведь засуха стояла двадцать дней.

* * *

Сгорает жаркий день в малиновом огне,
короткий, тёплый дождь остался незаметен.
Сегодня в летний зной скучаю о зиме,
как, впрочем, и зимой о долгожданном лете.

Так хочется весны в осенний, хмурый день,
в холодном октябре – цветущего июня.
Меняет наш настрой любая дребедень:
то шутим невпопад, то распускаем нюни.

Мы жаждем перемен в погоде и делах,
торопим ход часов и стрелки переводим,
поддерживая дух в дряхлеющих телах.
Сплошная маята.
Да что я о погоде?

Черкашин Павел Рудольфович родился 28 сентября 1972 года в селе Мужы, ЯНАО. Окончил филологический факультет Тюменского государственного университета в 1996 году. Член Союза журналистов России с 2000 года. Член Союза писателей России с 2003 года.

Публикуется с 1989 года. Автор многих книг поэзии, прозы и переводов, вышедших в свет в России, Латвии, США и Канаде. Соавтор многих коллективных сборников и альманахов, нескольких антологий.

Произведения переведены на четырнадцать языков мира. Отдельными изданиями выходили книги на английском, армянском, белорусском, болгарском, коми-зырянском, сербском, татарском и хантыйском языках.

Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных премий и конкурсов, в том числе им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Югра», литературной премии УрФО, премии губернатора ХМАО – Югры (дважды), премии губернатора ЯНАО.

Награждён медалью Союза писателей России «Василий Шукшин», медалью Петровской Академии культуры и искусств «За достижения в культуре и искусстве», медалью Всемирного союза писателей Армении «Ованес Туманян».

ПАВЕЛ
ЧЕРКАШИН

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

(рассказ)

Шестого июня из глубокого утреннего сна Александра беспощадно вырвал звонок служебного мобильного.

– Михайловский, – сильным спросонья голосом представился он, нажав на кнопку ответа и мельком бросив взгляд на часы: шесть ноль пять.

– Александр Андреевич, это дежурный Сочнев.

– Слушаю вас.

– Начальник управления срочно вызывает. Собирайтесь.

– Принял. А что стряслось?

– Товарищ майор, мне ещё пятерых с постели подрывать!

Некогда разъяснить. На месте всё узнаете. Машина за вами уже выехала. Отбой.

– Отбой, – машинально повторил Александр коротким гудкам телефона и взглянул за окно. Летнее солнце уже набирало силы для предстоящего долгого дня, но город ещё спал.

Почти тремя часами ранее на другом конце города над экраном ноутбука навис, перечитывая только что набранный текст, главный редактор независимого информационного агентства «Чебак.fm» Тарас Печёнкин. Зевнув от недосыпа, он, наконец, удовлетворённо откинулся в кресле, ослабился и с хищным предвкушением потёр ладони. Глаза блогера так и блестели чертовщинкой.

– Вот это будет бомба! Настоящая инфо-бомба! – злорадно пробормотал он и тут же принялся мечтательно прогнозировать вал посетителей, кипение комментариев и неудержимый рост рейтинга своего электронного ресурса.

Дело оставалось за малым. Главред кликнул мышкой и перешёл на сайт информационного агентства.

«ЧЕБАК.ФМ. ПЛАВАЕМ ШУСТРО» – поприветствовала его главная страница портала с эмблемой в виде силуэта рыбы,

отдалённо оправдывающего своё название. Переключившись в меню администратора, Печёнкин скопировал материал, отметил необходимые теги-приманки, выждал, пока 03:59 в углу сменилось на 04:00 и нажал на кнопку «Публиковать».

К половине седьмого утра в приёмной начальника Главного управления МЧС России по области Виктора Непылаева собрались все заместители и начальники самостоятельных отделов.

– Ну что, все в сборе? – уточнил, выглянув из кабинета руководителя, первый заместитель начальника.

– Все, – ответил за коллег начальник управления кадров.

– Начальника пресс-службы не вижу.

– Я тоже здесь, – подтвердил Михайловский, выглянув из-за внушительной фигуры начальника управления госпожнадзора.

– Хорошо. Заходим.

Пока офицеры деловито рассаживались по местам, Виктор Константинович торопливо докурил и затушил сигарету и без предисловий обратился к начальнику пресс-службы.

– Александр Андреевич, всё ли в порядке в информационном поле региона по нашей епархии?

– Судя по всему уже нет, товарищ полковник, – после секундного замешательства нашёлся с ответом Михайловский.

– Верно. Уже нет. Но «судя по всему» причины вам ещё не известны. Как и большинству присутствующих, – начальник Главного управления пытливо обвёл офицеров взглядом. – Что ж, это легко исправить. Прочтите вот это, – и Виктор Константинович передал подчинённым небольшую стопку листов с распечатанным текстом под кричащим заголовком:

6 июня, 04:00
ДНИ ГОРОДА СОЧТЕНЫ!
СУДЬБА АТЛАНТИДЫ ВНОВЬ
ПОВТОРЯЕТСЯ!

КОМУ НА РУКУ ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ? – угольно зияли буквы.

Все непроизвольно углубились в чтение.
Распечатка с рыбовидным логотипом сообщала:

«Из проверенных, но пожелавших остаться анонимными, источников независимому информационному агентству «Чабак.фп» стало известно, что вся область находится на грани геологической катастрофы. Активное, прогрессирующее выкачивание из недр минеральной воды привело к образованию громадных пустот.

По компетентному мнению геологоразведчиков, коллапс неизбежен! Идёт масштабное проседание пластов земли. Увы, сейчас это не всегда удаётся вовремя отследить, так как в разгаре паводок и значительные территории залиты тальми водами. Но и на незатопленных участках уже имеются случаи провалов грунта на глубину до 100-150 метров. Местные жители в панике, главы муниципальных образований в растерянности и в шоке.

Буквально вчера вечером житель деревни Ивановка провалился вместе с телегой и лошадьёю в образовавшуюся под ним пустоту. Чрезвычайное происшествие произошло на глазах у ошеломлённых соседей. Докричаться до односельчанина так и не смогли.

Учёные прогнозируют неблагоприятное развитие ситуации в ближайшие дни вплоть до землетрясений. Угроза возникла и для областного центра. Необходима срочная эвакуация населения и культурных ценностей. Напрашивается резонный вопрос: почему молчит и бездействует региональное управление МЧС?

Ответ на поверхности – нет правительственной отмашки. Областные власти как воды в рот набрали. Хотя своих родных и близких они уже заблаговременно вывезли несколькими чартерными рейсами. Наблюдательные жители городской окраины не могли не заметить, как четыре дня назад поздним вечером вне всякого расписания из аэропорта вылетели с минутным интервалом семь авиалайнеров.

Мы попробовали обратиться за комментарием в пресс-службу губернатора, но, к сожалению, кроме вежливого голоса автоответчика, ничего вразумительного не услышали.

Тем временем на федеральных трассах километровые пробки. Автообозы с горожанами пытаются выбраться из местной апокалиптической кухни в сторону ближайших гор.

Ситуация настолько напряжённая, что даже мародёры опасаются тратить драгоценное для спасения жизни время на грабёж опустевших квартир. Более сотни жителей города настолько близко, как личную трагедию, восприняли известие о надвигающейся геокатастрофе, что их пришлось срочно госпитализировать в кардиологический центр с острым сердечным приступом.

Не повторит ли завтра областной центр судьбу Атлантиды и Китеж-града?..

Мы будем следить за развитием событий.

Служба новостей «Чебак.fm.»

– Бред какой-то! – первым нарушил тишину начальник управления гражданской защиты населения.

И сразу как прорвало:

– Точно – бред!

– Во! Сивой кобылы!

– Совсем журналисты с катушек съехали!

– Полная дурь!

– Может, это шутка такая?

– Хороша шутка!

– Издевательство, а не шутка!

– А вы что думаете, Михайловский? – прервал бурные восклицания замов Непылаев.

– Это газетная утка, Виктор Константинович.

– Как газетная? Это же в Интернете размещено. Сайт «Чебак эф эм» какой-то.

– Суть та же, товарищ полковник. Преднамеренно ложная информация под соусом кажущегося правдоподобия. К тому же известно, что чем больше и невероятнее соврётся, тем вероятнее и больше поверят.

Начальник юридического отдела при этих словах коротко хохотнул и согласно закивал.

– Так-то оно так... – задумчиво произнёс Непылаев и следом возмущённо добавил:

– Но уж так-то зачем? Нагло!.. Мужика ещё какого-то из Ивановки вместе с лошадьёю и соседями приплели, мародёров до кучи.

– А зачем в Сеть новые вирусы то и дело запускают? – парировал Михайловский. – Так и тут. Какая-то корысть, видимо, есть.

– Ясно, – резюмировал начальник. – И что же это за «чебак» такой воду мутит? Кто там, в агентстве этом независимом у руля, известно?

– Известно. Тарас Печёнкин. Блогер. Но у нас он для освещения деятельности МЧС не аккредитован.

– Почему?

– Независим. И неблагонадёжен. Даже среди своих.

– Яа-а-сно, – выразительно протянул Виктор Константинович и с тоскливой нотой в голосе в рифму добавил:

– А теперь Печёнкин с утра сидит в печёнках.

– И нас в молчаливом бездействии обвиняет, – поддакнул первый зам.

– Какие будут соображения по сложившейся ситуации? – обратился глава управления ко всем присутствующим. – Через два-три часа эта утка запросто может превратиться в бомбу. Так что думаем быстро.

Спустя несколько минут мозгового штурма алгоритм действий на возможные варианты развития событий был выстроен. Непылаев раздал необходимые указания и распустил участников экстренной планёрки. Попросил задержаться только Михайловского.

– Расскажи-ка мне, Андреич, об этом сайте и его чебаковоме, – в доверительной беседе с глазу на глаз начальник перешёл на «ты». – Чего нам можно ожидать? А то государственный праздник на носу, а нам тотальную эвакуацию тут пророчат.

– Да что особо говорить... Редактору я оценку уже дал, и далеко не одинок в таком мнении. А сам сайт новый, только завоёвывает ещё медиа-поле и своих посетителей. И тут, как говорится, все средства хороши. Скорее всего, и у нынешней утки ноги именно отсюда растут.

– Как считаешь, много на эту утку клюнет?

– Прочитают, вероятно, многие. Уж больно заголовок «вкусный». А выльется ли это в панику – это сложно просчитать. Статейка, конечно, абсурдная, но... – развёл руками Михайловский. – Сейчас многое от нашей оперативности зависит. Пока рабочий день не наступил.

– Что ж, действуй. И держи меня в курсе.

– Есть! Кстати, во второй половине дня будьте готовы к пресс-конференции. На всякий случай.

– Добро.

– Разрешите идти?

– Иди.

Оказавшись в своём кабинете Александр первым делом включил компьютер, зашёл на «Чебак.fm» и скопировал статью на рабочий стол. Затем набрал мобильный номер директора новостного отдела областной телерадиокомпании.

– Женя, привет!

– Привет!

– Не разбудил?

– Бреюсь уже.

– Ты ведь Печёнкина знаешь?

– Ха! Лучше б не знать! Попортил он мне крошечки и нервов.

Далее Александр кратко, но красочно рассказал о новом опусе рыбного главреда и чем это всё потенциально грозит.

– Вот барбос! – ругнулся в трубку излюбленным словечком Евгений. – Ничего, мы ему не позволим нас из родного города выселить!

– Ясное дело! Слушай, Жень, ты как-то раз обмолвился, что у тебя младший брат в программах лихо шарит, так?

– Сёмка? Ха! Растёт, хакер! Только в восьмой перешёл, а по примочкам разным ас просто! И ведь никто не учил барбоса.

– У меня тут одна идея с его участием нарисовалась.

– Заинтриговал.

– Ты, давай, поторопись на работу, а я сейчас пресс-релиз руководству в резерв накаатаю и к вам в телекомпанию подъеду.

– Лады. До встречи.

– Ну что за идея, дружище? – пожимая в приветствии руку, нетерпеливо спросил Евгений подъехавшего Александра. – Как чебачьего барбоса прищучить собираешься?

– Чем героически бороться с грядущими последствиями, разумнее ликвидировать проблему в зачатке, так?

– Так.

– Идея у меня, по сути, проста, но без твоего юного компьютерного гения нам не обойтись.

– Это у сёк. Рассказывай дальше, не томи!

– Ты печёнковский меморандум апокалипсиса уже прочитал?

– Ну.

– Цепляет?

– Sapienti sat.

– А если кто-нибудь не очень sapienti?

– Хм, мда... А идея-то твоя всё же в чём?

– Надо, Жень, кожуру обманного правдоподобия с материала счистить. В шутку всё обернуть.

– Это хорошо бы. Но как?

– Сёма поможет. Я уверен.

– Кажется, я уже догадываюсь, – расплылся в заговорщицкой улыбке Евгений. – Ему это только позволь! Сейчас звякну этому чудо-барбосу, чтобы не убежал куда-нибудь из дому.

– Давай.

– Да, кстати, – вспомнил после предупредительного звонка брату Евгений, – я эту кричащую портянку коллегам на ознакомление по электронке скинул с инструкцией по полному игнору темы.

– Думаешь, надо было?

– А как же. А чего ты испугался?

– А вдруг, наоборот, сдетонирует?

– Не-е, тут без вариантов. Во-первых, все наши ведущие СМИ-шники одним разом в теме будут. Отпадёт дух соревновательности в её освещении. Во-вторых, массовой рассылкой я предотвратил прямой заход на сайт-первоисточник, а значит, кастрировал Печёнкину рейтинг посещаемости. Ну и, в-третьих, таким способом я подстраховал нас на тот случай,

если этот вероломный барбос догадался запустить ребятам аналогичную рассылку, только наоборот: с каким-нибудь аппетитным анонсом-наживкой и адресом ссылки на страницу своего чешуйчатого детища.

– Ладно. Почти успокоил. Ну что, поехали?

– Поехали.

Тринадцатилетний каникуляр встретил визитёров с серьёзным видом. По всему чувствовалось, что паренёк цену своим способностям знает. Выслушав задумку Александра, он деловито отправил гостей на кухню пить чай, чтобы не стояли над душой.

– А ты, брат, точно справишься? – с некоторой опаской в голосе поинтересовался Евгений. – Не подведёшь под монастырь?

– Жека, я тебя умоляю! – комично воскликнул Сёмка, театральным жестом воздев руки. – Я же в любом случае демо-версию вам сперва покажу.

– Понял. Уже ретируемся.

Каких-то полчаса спустя Сёмка крикнул из комнаты ожидающим заказчиком:

– Готово!

Александр и Евгений буквально прильнули к монитору. Перед их глазами как и прежде чернел знакомый заголовок. Чернел и не пропадал.

– И что?.. – обескураженно выдохнули оба. – В чём подвох?

– А вы крутаните мышкой на конец статьи, – подсказал хакер-самоучка довольным голосом.

Текст до последнего абзаца легко убежал вверх.

– Алле-оп! – подобно цирковому дрессировщику громко воскликнул Сёмка.

И в тот же момент из финальной точки статьи с хихиканьем выросла цветная мультяшная рыбка (чебак чебаком!) с клоунским колпаком на макушке. Она презабавно махнула хвостиком и смешно раскрыла рот, из которого выдулся пузырь с незамысловатым текстом внутри: «Вот и сказочке конец! Прочитавшим – леденец!»

Взрыв хохота потряс комнату!

– Да ты у меня, братец, ещё и поэт! – выдавил сквозь смех Евгений.

– По-моему, самое то! – весело кивнул Александр. – Утка-бомба обезврежена!

– Пока ещё нет, – остудил радостный пыл Сёмка. – Это «демка». Но раз всех всё устраивает, то я хоть сейчас готов запустить нашу дружелюбную рыбку на вражескую территорию.

– Здорово! – восхищённо покачал головой Александр, но тут же встревожился. – А вдруг рыбку нашу удалить смогут? Противник-то у нас тоже не дурак.

– Это вряд ли, – с удовлетворением протянул Сёмка. – Он до пенсии мой пароль отгадывать будет.

– Ну, ты голова! А какой пароль-то?

Сёмка хитро стрельнул глазами на Александра:

– Столицы Мадагаскара и Гондураса. Причём набранные слитно русскими буквами в английской раскладке. Двадцать четыре знака. Не хухры-мухры!

– Не хило. Тут ЦРУ и то бы вспотело сто раз.

– Так я что? Запускаю?

– Запускай!

Ближе к одиннадцати дня Александр вернулся в Главное управление и постучался к начальнику.

– Разрешите?

– А, Михайловский. Проходи. Что-то ни слуху ни духу от тебя. А у меня тут телефоны звонят-надрываются.

– Странно. А кто звонит? Зачем надрывается? – в шутку прикинулся непонимающим Александр, сохраняя при этом вполне серьёзный вид.

– Замы звонят. Все же на ушах стоят, к худшему готовятся. Что тут странного, по-твоему?

– Так ведь всё худшее позади, Виктор Константинович. Я уже всё уладил. Армагеддон отменяется.

Полковник долгим немигающим взглядом уставился на своего пресс-атташе.

– Не понял, майор. Если это шутка, то неудачная.

– Вы на «Чебак.fm» давно заходили?

– Всё шутишь? И не думал уходить.

– И ничего не заметили? – интригуяще улыбнулся Михайловский.

– Нет, – начальник непонимающе перевёл взгляд на экран и посмотрел более пристально. – А что я в этом безобразии ещё должен заметить?

– Хм... Ах, да! Вы же наверняка не перезапускали страницу. Обновите её.

Непылаев кликнул мышкой, бегло скользнул утомлённым взглядом по пресловутым абзацам и... брови его неудержимо взлетели вверх, а губы непроизвольно вытянулись в трубочку изумления. Под раздавшееся из динамиков заразительное хихиканье он шумно выдохнул, откинулся в кресле, буквально расцвёл и, наконец, дал волю смеху.

– Крррасиво сработано! – наконец смог выговорить он. – Кра-си-во. Значит, Армагеддон отменяется, говоришь?

– Отменяется, товарищ полковник. Пресс-конференция, кстати, тоже. За ненадобностью.

– Слава Богу! – ещё улыбаясь, но с заметной усталостью в голосе ответил Виктор Константинович, растирая большими пальцами рук седые виски. – И так с утра вымотался вконец. Даже какой сегодня день не помню.

– Четверг.

– Да, верно. Рыбный день.

– Что?

– Четверг – рыбный день, говорю.

– В смысле?

– Ах, ну да, ты, наверно, и не помнишь... В советское время на многих предприятиях общепита традиция такая была: по четвергам всегда рыбный день устраивали. Все блюда готовили из рыбы.

– Точно. Припоминаю. Смутно, правда. А я подумал сначала, что вы нашу эпопею так окрестили.

– Какую?

– Сегодняшнюю. С «Чебаком.fm» и мультяшной рыбкой.

– Мда, вот совпадение... Ладно, иди, спаситель города. Родина тебя не забудет. А мне ещё отбой по службам объявить надо, пока телефон окончательно не расплавился.

В эти же самые минуты в своей квартире очнулся ото сна Печёнкин. Сгорая от любопытства, он мгновенно вскочил с дивана и в одних трусах сразу метнулся к компьютеру.

– Давай! Давай! Давай! – торопил он безучастную шкалу загрузки, нервно барабанил пальцами по столешнице. С таким же успехом главред независимого информагентства мог бы поторапливать движение луны по ночному небу. Наконец техника соблаговолила допустить человека к работе.

– Так-так-так... Уже восемьдесят четыре читателя. Нормалёк! Процесс пошёл. То ли ещё будет! – алчно забормотал он, взглянув на строку статистики посещений материала в углу экрана. – Чудненько! А что там у нас с комментариями?

Печёнкин прокрутил мышкой текст и с вытаращенными глазами остолбенел. Ещё один, эксклюзивный только для администратора сайта, сюрприз от Сёмки дождался своего звёздного часа.

Из финальной точки статьи под зловещий скрежет звуковых колонок вырос на всю высоту экрана ядовито-зелёный анимационный монстр Халк. На рельефном обнажённом торсе громилы красовалась крупная татуировка-надпись «НЕ БАЛУЙ, ПАДЛА!», а пудовый кулак недвусмысленно грозил в сторону оцепеневшего у монитора «аффтара».

– Что за хрень! – возмущённо и растерянно смог проронить Печёнкин после затянувшейся немой сцены и машинально навёл курсор на супергероя. Кликнул.

В ту же секунду Халк взбугрил до предела мускулы, рот на его свирепом лице ещё больше оскалился и сквозь стиснутые зубы, с хищным рыком в динамиках, поверх текста выдавился прозрачный пузырь с многообещающей гневной репликой: «Ещё раз кликнешь по мне – обнулю всю статистику!»

Печёнкин затравленно взвыл.

* * *

Вернувшись на рабочее место, Александр поглядел на часы. Приближалось время обеда. Желудок, словно подтверждая это, продолжительно заурчал.

– Где бы мне сегодня перекусить? – спросил он вслух самого себя. Поперебирал в памяти ближайшие забегаловки и кис-

ло поморщился. Не то, всё не то... И вдруг встрепенулся, вынул мобильник, нашёл нужный номер и нажал кнопку вызова:

– Жень, в ресторан мне компанию не составишь?.. Ну и что «дороговато», я думаю, мы с тобой это сегодня стопудово заслужили!.. Что я буду? Рыбу. Сёмгу... Почему-почему – четверг сегодня, рыбный день... Ну всё, замётано! Через полчаса жду в «Шульце». Отбой.

РАМАЗАН ШАЙХУЛОВ

Шайхулов Рамазан Нурисламович родился 14 декабря 1961 года в д. Худайбердино Белорецкого района Башкирской АССР в семье известного башкирского писателя Нурислама Шайхулова. Окончил Аркалыкский государственный институт, художественно-графический факультет в 1984 году.

Доцент Нижневартковского государственного университета. Печатался в альманахах и коллективных сборниках Ханты-Мансийского автономного округа. Автор двух книг прозы.

Член Союза дизайнеров России. Живёт в Нижневартовске.

ЗЕРКАЛО

(эссе)

Старый, добрый, уж изрядно обшарпанный, темно-желтый наш шкаф. Последние годы ты сиротливо стоишь у двери, в темном углу холодных сенцев. Я помню каждую трещинку на твоих боковушках, каждый изгиб на фанерных накладных орнаментах. Твой нутряной запах... Через отшелушившиеся слои краски, как метки памяти, проглядывают пятна того родного первоначального цвета. Края твоей дверцы, ручки выдвижных ящичков засалены бесчисленными прикосновениями наших рук, рук наших детей. Сейчас ты старомоден, твоё место занял безликий, лакировано напыщенный, равнодушный современный шкаф. И сегодня ты обиженно скрипишь заржавевшими от сырости петлями дверец и хранишь в своём чреве ненужный хлам...

Каждый раз, нежно прикасаясь к твоим фанерным узорам, к четвертушкам балясин по периметру зеркала, к точенным на токарном станке ручкам ящичков, я чувствую тепло папиных рук, его вдохновение... Чувствую пульс времени, пульс прошлого...

* * *

Наш дом в деревне, в котором я родился и рос до пяти лет, отличался от других домов тем, что во дворе, напротив кухонного окна, росла высокая ель. За елью с тыльной стороны дома было пристроено крыльцо, ведущее в сени, и как продолжение сенцев с обратной стороны крыльца располагалась папина мастерская. Здесь он, в свободное от школьных уроков и хозяйственных хлопот время мастерил, столярничал.

Когда он начинал какое-либо новое дело, то работал неистово. Как только там раздавался свист рубанка, стук топора, оставив уличные игры, я бежал под это полуоткрытое про-

странство, увешанное инструментами, кипами сложенных в навесе под потолком сохнувших заготовок и множеством интересных для мальчика деталей. Здесь появились на свет мои любимые игрушки: фанерная копия грузовика «ЗИС-5», на котором можно было катать малыша, копия истребителя «Як», самокат с подшипниками вместо колес и многое другое.

Энергично передвигаясь по мастерской, потряхивая черными, как смоль, кудрями, неизменно щурясь при подгонке деталей и насвистывая любимые мелодии, он ловкими движениями большим фуганком строгал доски и рейки. Помню, как росла на верстаке и падала на пол горка чудно пахнущих свежей древесиной, тонких, прозрачных, спиральных стружек. Как тонким фонтаном летели из-под лучевой пилы мелкие опилки. Как методично и четко стучали долото и стамески, вынимая из заготовок пазы и проушины.

Но особенно мне нравилось, когда он, присев на край верстака или чурбана с прикрученными тисками, отдыхал. В эти минуты он с любовью разглядывал сделанное, его зеленые глаза светились задором и энергией. На рубашке проступали пятна пота, он прерывисто дышал и улыбался. И в эти паузы он, наконец, обратив на меня внимание, доставал из-за уха карандаш и начинал на обрезке доски или фанеры рисовать для меня рисунки-загадки или писал буквы и учил складывать слоги.

Много мебели и хозяйственной утвари он сделал в этой мастерской. Но мне всё же больше запомнилось, как был сделан этот шкаф. Как он обшивал его остов сзади и по бокам фанерой от разобранных ящиков из-под грузинского чая. Как выпиливал лобзиком орнаменты и точил на токарном станке с ножным приводом балясины, ведь в то время в нашей деревне не было света, и все инструменты были ручными.

Верх шкафа он украсил орнаментами, внизу вмонтировал три выдвижных ящичка, а по центру навесил дверцу. Затем покрасил в приятный желто-охристый цвет, который тоже был природным – в руднике, что по дороге из города в деревню, раскапывали охру, сушили, долго мельчили, перетирали и, размешав олифой, красили полы и мебель.

С тех пор как этот шкаф занял своё место в большой комнате, он стал главным предметом мебели в нашем доме. Здесь на

перекладине висели на самодельных плечиках пальто, плащи и костюмы. Внизу под ними кипы белья. В выдвижных ящичках – шерстяные носки, варежки и другая мелочь. А на самом верху, как на самом недоступном месте, родители хранили вещи, доступ к которым был нам запрещен, и поэтому оно было самым таинственным, загадочным и самым интересным для нас.

В шкафу мы прятались во время игр или я, обидевшись на кого-то, зарывался между пальто, закрывал за собой дверь и долго сидел в темноте, вдыхая запах сукна, кожи и меха. Обижаясь на весь свет и угрожая, что вот умру здесь, и вы все будете жалеть о том, что вовремя не нашли меня, не поняли, не пожалели, и вот...

Но самым главным и интересным для меня в шкафу было вставленное в дверцу на уровне груди взрослого человека зеркало. Раньше это зеркало висело высоко на стене и скучно отражало одно и то же. Но вот папа вмонтировал его в дверцу, и оно зажило совсем другой жизнью.

При открывании дверцы на зеркале феерично отражалось все окружение, возникали подвижные картинки. Тогда еще не было телевизоров и поэтому эти меняющиеся картинки завораживали. Я мог просто так водить дверью, двигая ею туда-сюда, рассматривая эти стремительные отражения. Вот прошла мимо с неизменным вязанием в руках бабушка в белом платке. Её отражение послушно скакнуло, подчиняясь рывку моей руки, и вот уже на зеркале появились отражения кухонной печи, и за окном наша зеленая ель, мама у печи.

Но когда дверь была полностью открыта, то на месте этого иллюзорного пространства возникали скучно висящие в полумраке тривиальные одежды, как будто утверждая с насмешкой: «А чудес и не бывает!». Исчезало пространство. И я всё время пытался заглянуть за фанеру, которой папа обшил обратную сторону зеркала – мне не верилось, что там ничего нет. Мне казалось, что все эти отражения прячутся за этой противной фанерой и живут там своей сказочной, таинственной жизнью.

А ещё теперь я мог, выдвинув среднюю задвижку, встать на неё, топчя её содержимое и видеть внизу зеркала отражение своей макушки, глаз и чуть-чуть носа. А если вставал на носоч-

ки на боковые доски ящика, то на несколько секунд, пока мог терпеть боль от врезавшихся в стопу жестких торцов досок, мог и увидеть своё удивленное и исказившееся от боли лицо.

Теперь свой рост я мог определять по отношению к этому зеркалу. Вот уже перед переездом в другую деревню я мог с пола на носочках видеть свои глаза, а если вставал на тот же выдвижной ящик, то и всё лицо.

И вот однажды зеркало поздним зимним вечером отразило такую сценку. Папа, поужинав, сел у керосиновой лампы проверять школьные тетради. От лампы на всю кухонную стену падала большая подвижная папина тень, слышался стук пера об дно чернилницы и её скрип об ученические тетради. Чуть дальше от стола на кровати, склонившись над рукоделием, тихо напевала мама. Её белое, приятно круглое лицо, с большими карими глазами красиво подсвечивалось лампой.

Но эту идиллическую картину испортил я: папа вечером, на мою беду, торжественно занес новенькие лыжи с палками домой, которые с осени мастерил для меня. Высушил заготовки из липы, долго строгал, резал. Гнул носочки над паром в бане, подгонял, шлифовал, пробил стамесками поперек прямоугольные отверстия для ремешков, из лыка свил ремешки. Лыжи получились легкими и изящными. И он хотел, чтобы я их утром опробовал.

Но мне не терпелось и, надев лыжи, громко стуча ими по деревянному полу, я стал представлять себя катающимся. Папа раз попросил не шуметь, два. Но я так увлекся игрой, так не хотел расставаться с лыжами, что пропустил мимо ушей очередную его просьбу. Он, вконец разозлившись, вскочил: на меня надвинулась его большая, стремительная тень. Он снял лыжи, отшвырнул меня к кровати и, сломав об колени и лыжи, и палки, бросил обломки в печь с горящими дровами...

Как-то утром зимой я проснулся от резкого лесного запаха и с удивлением обнаружил у печки ещё лежащую на боку ёлку. Покрытая морозным инеем, она начинала оттаивать, издавая хвойный экстракт, щекочущий нос. До Нового года было ещё далеко и, как выяснилось, папа решил таким образом отметить мой первый маленький юбилей – пять лет. К вечеру ёлка была увешана блестящими новогодними игрушками.

Мальчики во дворе соорудили из снега большую горку, полили ее водой, на вершине красовалась ещё одна ёлка, украшенная самодельными бумажными и картонными игрушками. И вот четырнадцатого декабря со всей деревни ко мне в гости со своими мамами пришли мои ровесники. Поужинав вкусностями, приготовленными мамой, мы под аккомпанемент папиного баяна водили хороводы, пели детские песни, играли в игры. И в тот день мне почти все подарили одну и ту же книжечку – детские стихи на башкирском языке, потому что в деревенском магазине других подходящих подарков и не было.

Часто зеркало шкафа и остекленные дверцы буфета по вечерам оказывались облепленными фотографиями, это папа их так глянцева. К утру они с тихим треском начинали отклеиваться и опадать. К нашему пробуждению пол у шкафа был усеян блестящими свежими снимками. Я подбегал к ним, собирал их, как опавшие листья, и с восторгом рассматривал. Вот на одной из них я стою у папиной картины, одетый в свою любимую темно-зеленую «шинельку», перешитую мамой из старого её жакета. На голове шапка с самодельной кокардой, картонные погоны, ремни крест-накрест, а на пояском ремне висит «кобура» – пустой футляр от фотоаппарата «Смена».

Только вчера в затемненной бане при красном свете папа их печатал. Внутри фанерного ящика стояла керосиновая лампа, сбоку ящика был прикручен объектив, фокусирующий изображение с негатива на вертикальную плоскость с фотобумагой. С противоположенной стороны объектива было проделано отверстие, застекленное красным стеклом, дающим свет для ванночек с растворами проявителя и закрепителя.

Я видел, как папа этот снимок долго кадрировал, по миллиметру двигая стоящую фанерку с фотобумагой, наводил резкость. И на ней отображалось моё изображение, где вместо белого лица был темный овал, вместо темных глаз – белые отверстия, а темные шапки и шинель были белыми. При тусклом свете лампы он долго считал и, прикрыв объектив красным стеклышком, вынимал фотобумагу из рамочки и опускал её в ванночку с проявителем. Так были напечатаны все фотоснимки нашего детства.

Но вот летом родители по частям стали перевозить наш скарб на новое место жительства, и как-то в доме остались лишь матрацы и одеяла, на которых мы спали на полу, цветы на подоконниках и крупная мебель. Шкаф остался в большой комнате один и отражал пустоту...

И я помню, как долго я сопротивлялся этому переезду. Глупый, как будто мои капризы и рев могли что-то изменить. Но я не мог представить себе другую жизнь в другой деревне. Без своих соседок-ровесниц, без игр с ними на лужайке у околицы деревни, без березы-качелей к которой я водил их, при этом наяривая на игрушечной гармошке мелодии, и они, подражая своим родителям, орали «пьяными» голосами песни.

Не мог представить, как жить без этих милых сердцу картинок, когда солнце, очертив свой дневной путь, подрумянившись, приблизится к закату и тихо, подсвечивая белые облака, начнет садиться за пригорком Сатра, который упирается в хребет Зильмердак. Тени от танцующих на поляне берез удлинятся, направив свои вершины к деревне. И тень от хребта полностью накроет нашу маленькую улочку, перешагнет через ложбинку, по которой мы ходили в папину школу, и достигнет второй, большей улицы деревушки. Но еще долго будет светиться румяным блеском гора Маяк с сосной-великаном на вершине и правее «длинная поляна» на пригорке, через который сельчане ездили в большой рабочий поселок. Как румяные лучи через щели на дощатой стене торца мастерской проникнут внутрь, веером подсвечивая поднявшуюся пыль. Полосами осветят полки с инструментами, папину спину и, скоро помутнев, погаснут. В деревне постепенно замолкнет мычание коров, фальцет телят, кудахтанье кур и дома, заборы, кусты черемухи и калины в садах осеребрятся вечерними сумерками, выпадет обильная роса. И когда, наконец, погаснет небо над Зильмердаком, и дугообразные, плавные изгибы вершины хребта сольются с темнотой неба, над деревней рассыплются звезды. Загорятся красным отблеском от керосиновых ламп окна, с полян и пригорков, что вокруг деревни, зазвучит перезвон кутазов.

Но ничто не вечно... Мы со слезами на глазах прощались с родной деревней... Потом все остатки домашнего скарба погружили уже в настоящий «ЗИС-5». Забрались в кузов и мы.

Я сидел с мамой напротив шкафа и видел, как зеркало отражает небо, калейдоскоп из пронсящих мимо деревьев и на последнем повороте и спуске с горы прощальное перевернутое отражение сосны-великана – символа нашей деревни... Всю дорогу я смотрел на дрожащие, стремительные отражения. Когда поднимались в гору, отражения менялись медленно, лениво, почти застывали, под гору – сливались в одно пестрое полотно. Я засыпал, просыпался, опять засыпал... И когда окончательно проснулся от наступившей вдруг тишины – зеркало уже отражало другие горы, другое небо...

Шло время. В этой деревне шкаф занял новое место и отражал уже более яркие картинки – здесь был электрический свет. Здесь я пошел в первый класс и уже мог с шаловливыми, двоюродными сестрами спокойно стоять перед зеркалом и видеть своё лицо, строить с ними всякие рожицы и хохотать. Потом уже мог с гордостью разглядывать пятиконечную звездочку, приколотую на лацкан моего школьного пиджака и нашивку «Отличник».

И уже теперь не вспомнить, не восстановить в памяти тот момент, когда впервые, глядя на своё отражение, я стал мучительно задумываться: а кто я такой, почему такой, почему у меня такие глаза, нос, губы?

Может, это было, когда я впервые вышел в новой деревне знакомиться с уличными мальчиками и на их вопрос: «Кем хочешь стать?» – опрометчиво ответил: «Композитором». А все они хотели стать моряками, летчиками, танкистами. А тут – композитор! И тут же расхохотавшись, они мне приклеили обидную кличку – «Компанист». Я ответил так потому, что, ещё не умея разговаривать, в точности воспроизводил все окружающие звуки – скрип двери, звук упавшей ложки, жужжание бабушкиного веретена. А сейчас мог на баяне подбирать простенькие мелодии, и поэтому папа говорил: «Мой сын будет композитором!»

Я вглядывался в своё лицо, стараясь понять: почему я не такой, как эти мальчики? Они везде носились босиком, не обращая внимания на комья засохшей грязи, камушки, стерню от скошенной травы, крапиву, в то время как я не мог и шага ступить без сандалий. Они по-другому разговаривали, быстро

соображали, ловко забирались на заборы и деревья, никого и ничего не боялись, дрались и обидно дразнились. И среди них я всегда себя чувствовал белой вороной, неженкой, и поэтому с тех пор мне всегда казалось, что я не так хожу, не так стою, не то говорю... Я хотел быть похожим на них, но и не мог быть таким, как они.

Особенно я отдалился от этой уличной ватаги, когда на лето к нашей соседке стал приезжать из города её внук, ни слова не знавший по-башкирски. Меня время от времени учил русскому языку папа. Этому мальчику не с кем было играть. И вот как-то он подошел ко мне, и мы стали вместе играть. Нашли общий мальчишеский язык и в игре методом «делай, как я», он стал учить меня русскому языку. «Я падаю», – говорил он и падал на траву, «я ползу» – и полз, «я бегу», «я стою». Так, к концу лета мы практически разговорились, стали неразлучными друзьями, и этот мальчик стал первым моим учителем русского языка.

И тогда по вечерам часто я стоял перед зеркалом, старательно повторяя новые слова и, чтобы это было точно, без ошибок копировал его гримасы, ужимки и жесты. Позже, довольно легко осваивая другие иностранные языки, я понимал, что этому способствовали вот эти уроки с городским мальчиком и что это и есть метод погружения при изучении чужого языка.

Но к началу учебного года он уехал домой, и я опять остался наедине с уличными мальчиками.

Эх, зеркало, родное зеркало... Только ты видело моё истинное лицо в минуты обид и огорчений. Ведь когда ты ещё толком и не знаешь, кто ты и что ты, любые опрометчивые слова, сказанные другими просто так, из шалости, из зависти или просто чтобы посмеяться над тобой, очень больно воспринимаются, и ты на самом деле думаешь, что ты такой, что это насовсем и ничего не исправить. Эти маленькие мальчишеские трагедии, тогда они, конечно, не казались маленькими...

Но шло время, менялось время. Незаметно для меня выросли, повзрослели сестры и скоро перед зеркалом стали кокетливо примерять свадебные наряды и потом уже стояли, разглядывая друг друга, обнявшись, счастливые пары. В доме появлялись новые люди – зятья, а потом и внуки.

А зеркало всё так же старательно отражало, как я каждое утро завязываю красный галстук перед школой и вижу себя уже по грудь. И, возможно, оно удивилось, вдруг увидев во мне неожиданную перемену – глаза блестели необычным блеском, на губах блуждала таинственная улыбка, щеки горели, и я надолго застывал, глядя в одну точку и видя не себя, а улыбающийся образ белокурой, голубоглазой одноклассницы...

И теперь я разглядывал себя в зеркале не просто, чтобы понять, кто я такой и почему такой, а пытаюсь увидеть то, что может во мне понравиться или не понравиться ей. Мне казалось, что у меня слишком большие уши, маленький подбородок и в глазах телячья неуверенность. Я разглядывал себя, пытаюсь увидеть черты мужественности и силы, но себя не обманешь: хоть я и подросток, но по-прежнему был хил и слаб. На уроках физкультуры не мог делать и половины того, что могли мои одноклассники, и это меня угнетало. Я мечтал о спортивной и сильной фигуре, чтобы понравиться ей. Но казалось, что это недостижимо и что придется всю жизнь терпеть насмешки, издевки одноклассников и недовольство родных, ведь в деревне нужны сильные и крепкие руки. И часто от мамы приходилось слышать: «Вот сыновья Сальмана уже наравне с взрослыми косят, а ты и косу в руках держать не умеешь...» От таких обидных укоров я уходил в себя, и я начинал привыкать к тому, что я неполноценен, что моя доля быть всегда последним...

Но так было до тех пор, пока однажды во время покоса после очередных моих безуспешных попыток что-то сделать по хозяйству и насмешек по этому поводу сестер, зять более близкий мне по возрасту не вызвался со мной переночевать на сеновале и по-мужски, доверительно поговорить. На следующее утро мы с ним сделали турник, перекладину которого я доставал с земли, и он показал мне упражнения для укрепления нужных мышц. Насыпал в ведра песка и показал, как их тягать. С тех пор я всё свободное время проводил за перекладиной, по утрам стал делать зарядку и толкать ведра с песком.

Постепенно упражнения на турнике стали даваться всё легче и легче, и я каждый раз поднимал перекладину все выше, а в ведра докладывал камни. К концу лета зеркало уже отразило наметившиеся мышцы и какую-то твердость в «телячьих» гла-

зах. Через год на физкультуре в строю я стоял третьим и уже многих обогнал по силе и ловкости. И уже тогда с удивлением стал обнаруживать в зеркале, как постепенно пушок под носом и на подбородке становится всё жестче и чернее, и тогда сестра уже смеялась не над моими хилыми мышцами, а над тем, как всё густеет и меняется мой голос, крепнут плечи.

Теперь моя макушка в отражении упиралась в верхний край зеркала и на пришкольном стадионе на виду у всех отдыхающих, мы с самым сильным одноклассником соревновались на перекладинах – кто красивее выжмет клепку одновременно обеими руками или больше прокрутится после маха, больше подтянется. И зеркало часто стало отражать небольшие ссадины, синяки после разборок и драк за ту голубоглазую...

Наш старый, добрый шкаф, глядя на то как добротны ты сделан, я понимал, как нужно умело, как папа, выполнять любую работу, как много надо уметь. Сила в мышцах придала уверенности и во всем остальном. И вскоре с начала вместе с папой, а потом и сам я стал делать всю домашнюю мужскую работу, мастерить, столярничать. Когда уже переехали в новый дом, где наш шкаф и занял это место в сенцах, потому что для нового дома купили новый шкаф, я поменял всю электропроводку в доме и во дворе. Вместе с папой переставляли перегородки, ремонтировали и переделывали двери, окна, ворота. Заново обустраивали весь дом, чистили, скребли и красили. И тогда зеркало шкафа уже в полумраке сеней отражало мои счастливые глаза, потому что всё получалось, всё ладилось.

Но и не всегда я оставался довольным своим отражением.

...

Весною нужно чистить покос от зимнего мусора. Надо убрать упавшие за зиму деревья и ветки, сжечь остатки сена с оснований стогов, прибрать разобранные зимой жерди с изгороди вокруг них. Я на мотоцикле с коляской приехал на покос и полдня возился, вдыхая свежий, насыщенный прелой травой воздух и слушая щебет птиц и перекличку кукушек. Но, когда закончив работу, поехал домой, на крутом подъеме мотоцикл забуксовал, и тяжелая коляска увлекла его в глубокую сырую колею. Мотоцикл намертво сел на раму коляски и ни на санти-

метр не смещался вперед, буксующее заднее колесо всё больше и больше зарывалось в мокрую глину.

Когда я уже изрядно вспотел, устал и отчаялся, наконец увидел невдалеке упряжку. В телеге сидели старый лесник и его помощник. Я побежал к ним навстречу и стал просить о помощи. Но они и не замедлили рысцу лошади и не подумали помочь, а, беспечно улыбаясь, проехали мимо. И только злость на них, наверное, помогла мне вытолкать мотоцикл и продолжить путь.

Через какое-то время этот самый старый лесник пришел к нам домой, прося моего отца написать какую-то важную бумагу. Но папа после вчерашнего застолья сильно болел и не мог ему помочь, поэтому стал заставляя сделать это меня. Я наотрез отказался, бросив ошеломленному старику, мол, а вы тогда в лесу мне помогли?! Никакие уговоры мамы и просьбы старика не могли заставить меня взяться за ручку. И поникший старик, сгорбившись, молча прошел мимо зеркала, и его грустный профиль отразился рядом с отражением моего негодующего, замкнутого и гордого в своем непослушании и упрямстве лица. Тогда мама ещё долго корила меня за это, а папа сказал просто – это хорошо, что умеешь стоять на своем, но старым надо помогать. Прошли годы, и мне до сих пор стыдно за это ненужное упрямство и уж совсем детскую месть.

Но время несется неумолимо, накладывая свои отпечатки на всё окружение. Вот и шкаф посерел от пыли, давно на нем не обновлялся слой краски, и он стал шелушиться, трескаться. К окончанию школы моя макушка вылезла за край зеркала, и мне уже надо было наклоняться, для того чтобы полностью увидеть своё лицо. И в один прекрасный день доброе, старое зеркало отразило меня одетого в нарядную белую рубашку и лицо с грустными глазами... С грустными потому, что тогда не мог и представить себе другой жизни – без привычной школы, учителей и одноклассников, друзей и подруг. Без школьного стадиона и спортзала, без лыжни и хоккея на замерзшем пруду. Без той из параллельного класса, с которой впервые целовался у высоких сосен на краю села...

И оказался пророческим тот сон бабушки. Она как-то увидела весенним солнечным днём ещё в той деревушке, где появ-

вился на свет наш шкаф, мы идём с ней на прогулку. Я в своей любимой зеленой «шинели». Впереди у речушки, огибающей деревню, – пойменная поляна. Весною в половодье её заливают вода и в морозные ночи поляна покрывается ровным, блестящим, прозрачным слоем льда, под которым видна прошлогодняя трава, замерзшие пузырьки воздуха и снующие рыбешки. И бабушка увидела, как я легко, свободно и размашисто заскользил по этому катку на коньках, лишь от встречного ветра развеваются полы моей «шинели», и в такт шагам подпрыгивает шапка-ушанка. В ослепительной белизне, от окружающего поляну снега, я удалялся всё дальше и дальше, превратился в точку и растворился где-то у горизонта... Бабушка звала меня, ждала и, испуганно проснувшись, подумала, что моя жизнь, видимо, пройдет далеко от родины...

Так и получилось – после школы я уехал, и теперь всё реже стало отображать родное зеркало изменения во мне. В редкие приезды, сначала во время каникул в институте, а потом и во время отпусков, зеркало показывало не изменения в росте, а то, как зреет, мужает и постепенно старится лицо.

После второго курса зеркало обнаружило в моем лице жиденькие усы и бороду, отпущенные мной в знак принадлежности к цеху художников. И потом они, приобретя окончательные очертания и жесткость, стали неизменной деталью в моем облике. А после третьего курса рядом с моим отражением появилось отражение моей юной жены...

Шли годы...И как-то летом в перерывах между работой на покосе я увидел, как моя младшая дочь, повертевшись у шкафа, вдруг догадалась выдвинуть среднюю задвижку, наполненную шерстяными носками, варежками и другой мелочью, встала на неё и начала разглядывать своё лицо...

* * *

Старый, добрый, уж изрядно обшарпанный, темно-желтый наш шкаф. Последние годы ты сиротливо стоишь у двери, в темном углу холодных сенцев. Я помню каждую трещинку на твоих боковушках, каждый изгиб на фанерных

накладных орнаментах. Твой нутряной запах...Твоё потемневшее зеркало всё реже и реже отражает родные лица. Уже давно нет отца, давно мама переехала в город, и мы навещаем тебя только летом.

Вокруг всё давно изменилось, всё хозяйство, которое мы с отцом и матерью обновляли, пришло в упадок. Время безжалостно расправилось с нашим уютным прибежищем. Сырость, дожди, холодные сугробы до трухи сгнили доски во дворе, столбы и штакетник на заборах, крыши сараев. Не уберегли мы и привычное убранство дома, оно со временем стало чужим и неуютным. Неизменным остался только ты, как память о той, шумной и дружной жизни нашей семьи.

И я, вглядываясь в родное зеркало и видя в нем своё лицо, уже испещренное морщинками, с поседевшими висками и бородой, пытаюсь представить лицо того мальчика – тянущегося на носочках с выдвинутого среднего ящичка...

НИКОЛАЙ ВТОРУШИН

Вторушин Николай Михайлович родился 12 ноября 1946 года в д. Шалимово Уватского района. Образование 11 классов. Служил в армии – город Саратов.

Работал машинистом бульдозера 30 лет в посёлке Бобровский Ханты-Мансийского района. Член Союза писателей России с 2007. Автор 16 книг прозы, поэзии и песен. Заслуженный работник лесной промышленности ХМАО – Югры.

Победитель конкурса поэзии 900 лет Югры. Полуфиналист Общероссийского конкурса «Герои ВОВ». Почётный гражданин Ханты-Мансийского района. Живет в п. Бобровский Ханты-Мансийского района.

Шабаш

Замели голубые снега
Деревеньку по самые «уши»,
И ночами здесь в ступе Яга
Залетает на каждую крышу.
Прилетит, не спеша приземлится,
И понюхает сладостно дым,
А на крыше иной матерится,
И грозит кулачишком худым.
А вон там из трубы, без оглядки,
Полетел перепуганный чёрт –
Окрестили, видать, для острастки,
Или кто-то молитву прочёл!?
Наблюдая за шабашем этим,
Улыбнётся ехидно луна,
А к утру, чтоб никто не заметил,
Отзовет свою рать сатана.

* * *

Я родился в глухой деревушке
Средь полей, да раздолья берёз,
Где темнели дома друг за дружкой,
И за речкой уютился погост.

Там заря занималась в полнеба,
И в тумане купался закат,
И поэтому, где бы я не был,
Всё мечтаю вернуться назад.

* * *

Зарастают подворья крапивой,
На межу завалился плетень,
Только ветер рукой торопливой
Здесь калиткой скрипит целый день.
Затаились в смертельном испуге,
Почерневшие, с горя, дома –
Люди съехали все, и в округе
Из осенних дождей пелена

Обложила ненастьем деревню,
И ночами не видно зарниц,
Только с крыши дождевки на землю,
Словно слёзы, струятся с ресниц.
Содрогая небесную сырость,
Пролетит вдалеке самолёт...
И опять тишина, да унылость;
Лишь калитка скрипуче поёт.

* * *

За деревней поля и низины,
Как и прежде ласкают мой взор.
У меня здесь души половина
За родной зацепилась простор.

За мою зацепилась деревню,
За синеющий купол небес,
За кусты, что над омутом дремлют,
И за юность прошедшую здесь.

И тоскуют души половинки –
Не срастись им уже никогда,
Потому-то поля и низинки,
Будут душу тревожить всегда.

* * *

Мы сидели, обнимались
Под сияющей луной,
Как умели целовались,
Наслаждаясь тишиной.

Ты всё время собиралась
И шептала: «Ой, да ой! –
Как я долго задержалась,
Мне давно пора домой».

Я же гладил твои плечи,
Руки грел своей рукой,
Говорил, что ранний вечер,
Вишь – луна над головой.

А луна, напившись ночи,
Уплывала на покой,
Дверь закрыла на замочек,
Где-то в небе, за собой.

...Долго мы ещё сидели,
Небо красилось зарёй.
Кое-где уж птицы пели –
А мы всё не шли домой.

* * *

Лето снова колобродит:
Комары, жара, паут,
Солнце всходит и заходит,
И цветы кругом цветут.

Целый день на речке слышен
Визг и хохот детворы,
Даже дед купаться вышел, –
Не стерпел такой жары.

Под навесом бьются кони –
Жалит крепко их паут,
Хоть открыта дверь в загоне, –
Кони в пекло не идут.

Солнце робит не на шутку,
Нет спасенья от жары,
В тень зайдёшь лишь на минутку, –
Роем вьются комары.

Зной над лесом, зной над полем,
Над моей деревней зной,
Солнце пьют цветы запоем, –
Похмеляются росой.

Наира Александровна Симонян родилась 30 июня 1971 года в селе Эштия Богдановского района (ныне Ниноцминда) в Грузии в семье учителей.

Окончила Ереванский государственный педагогический институт имени Хачатура Абовяна, филологический факультет.

Поэт, переводчик. Автор девяти сборников стихов на армянском языке.

Член Союза писателей Армении. Член Союза писателей России. Лауреат национальной премии Армении в области Культуры, награждена многими дипломами, грамотами, благодарственными письмами, медалью им. Ованеса Туманяна.

Живет в Сургуте.

НАИРА
СИМОНЯН

НАИРА СИМОНЯН / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

* * *

Теперь я каждый день благословляю,
Пусть в нём есть ревность, желчь и месть,
И боль с улыбкой, милый, принимаю,
Хоть слёз пролитых в прошлом мне не счесть.
И жизнь мою не расчленишь до срока –
Все краски дня растворены в крови.
Как Бог я вновь бескрайне одинока,
Как человек – я подданный любви.
Несёт в края неизвестные поезда
Тебя, украв у моих лучших дней.
Судьба о нас ничуть не беспокоясь,
Связала крепко, не поспорить с ней.
Лишь свет реален в нас, хоть и далёко,
Во лжи лишь правда – видно издали.
Как Бог я вновь бескрайне одинока,
Как человек – я подданный любви.

ЭЛЕГИЯ НА НОЧНЫХ АККОРДАХ СЕВАНА

1

По водной глади плавала луна,
Мешая жёлтый воск с водой текущей.
Мой новый грех я пережить должна,
Пусть тонкая душа в твоей погрязла гуще.
Огня всполохи рвутся из груди,
Бесстрашным танцем возбуждая тело.
О, прошлого, любовь, в огонь войди,
Стори, чтоб ночь дыханием вскипела.
Воскреснут ли любви прошлых битв?
Признай их лики ангелами, Отче!
За то, чтоб пенорожденною быть
Глубинам вод сдала я душу камня жёстче.
Вовек ты мой. Но только я-то чья?

Марионетка Бога? Пассия аггела?
Жуй горечь моих губ. Любовь моя
Прожжёт до сердца скорбным солнцем белым.

2

Ветер слова старой легенды надёжно знал,
Шептал и мчался упрямо в дальнюю даль.
Дьявол шептал: «Твои крылья ветер забрал,
Тело твоё в ладонях его – грааль».
Парил и вторил ему древний дух воды,
Пробуждая волнения нервный звук –
Из мелодии выплавил, как из руды,
Новых Адама и Еву, выдвинул в круг.
Когда прорастает легендой случай земной?
Где смерть и любовь равны и зла не таят?
Напой мне, Севан, песню, сложенную тобой,
О том, как моряк пред Сиренюю не устоял.
Дьявол шептал: «Твои крылья ветер забрал,
Тело твоё в ладонях его – грааль».
Всю ночь над нами гимном любви звучал
Вернувшийся ветер, тревожа мелодией даль...

3

На бесконечно-трудных переходах бытия
Взрывоопасной смеси пола – страсти,
Неутолим соблазн в волнении моля
Порывы боли переплавить в слово-части.
И извергать вовне всё то, что жжёт внутри,
Божественное, нежное и злое,
Задача призванного – выдержать тот ритм
Подъёмов и падений жизни стоя.
Мы – сиротинушки и чужеземцы здесь!
Жизнь – дрёма сладкая, но так обманна,
Чтоб жизни пар не испарился в небе весь,

Дай вёснам семена, что Богом данны.
Над тайною своей полог не скинет смерть,
И тайнами любви её мы не подкупим.
И звёзды втянуты всё в ту же круговерть –
Остынут, упадут, и их забудем.
Но всё же нет конца для элегичных строф,
Они прорвутся в мир кровавым потом,
Бессчётным множеством моих, чужих стихов –
Звуком крещендо, выписанным в нотах.

* * *

Ты – незрелое яблоко из моей сказки.
Магия ночи глаз моих не закроет.
В каждом вращении есть миг возвращения –
И этим жива моя надежда, золотыми искрами сверкая.
Так предают дням, я это точно знаю, –
Холодный пепел сожжённых ночных грёз.
Так вслед за мечтою Икар разбился однажды,
Оставив бесконечному морю любви свои белые перья.

* * *

Отзовись, высокий Дух неземной!
Силой стихии наполни мне душу.
Звёздно-земной монолит пред тобой,
Но битвы страстей его могут разрушить.
Сплавь вождельенье, обман и мольбу
С древним и пройденным мудрым учением,
Развей по Вселенной боли золу,
Придав ей нового смысла значение.
Чтобы я, уходя, дав свободу словам,
Смогла бы оставить их хлебом насущным,
Целительной силой мудрым волхвам
Предвидящих путь эмбрионов грядущего.
Меня преврати в росчерк мысли твоей,

В животворящее высшее семя,
Чтобы прах мой не стал просто глиной с полей,
В общей могиле, что дарит нам время.

* * *

Здесь, среди белой песни берёз
Как запретная книга безмолвной тоски
Я останусь.
Диких цветов радужным языком,
Ликующей страстью в предсмертный миг
Я останусь.
Далеко от Родины милой моей –
Я – осколок сияющих горных вершин
Здесь останусь,
Где объятья сибирских белопенных снегов
Отражают правдиво свет далёкой звезды.
Здесь останусь.
На русской земле...
Но бескрайнее море по дому тоски
Омывает волнами мне сердце.
Жизнь упрямо бросает перчатки в лицо
И потом как апостола распинает...
Но останусь здесь, как безадресное письмо
Для невидящих глаз бесконечно бегущего мира.
Я останусь здесь,
Как звенящая незнакомая песнь,
И русский поэт пропоёт её небу.

Переводы с армянского Татьяны Юргенсон

* * *

Как печально, как грустно мечтает тайга!
Гладь болота уходит в объятия сна,
И далёкая в небе повисла звезда,
Колет глаз мой до боли булавкой крыла.
О духовном пожаре костёр говорит.
Ты в безумие мыслей меня отпусти...
Привидения два в глухомани тайги
Стали странниками в бесконечном пути...
Отпечалится ночь, и наступит рассвет,
И останутся лишь на снегах два следа
Тех, что вышли к обрыву и, выпустив свет,
Воспарили в другие миры навсегда...

Перевод с армянского Павла Черкашина

Бецко Анжела Михайловна родилась 1 июня 1968 года в г. Барановичи Брестской области (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Более двадцати лет живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор трех поэтических сборников. Публиковалась в российской и зарубежной периодике. Победитель окружного литературного конкурса «Голос Югры» (2015) в номинации «Поэзия» регионального журнала «Югра».

Член Ханты-Мансийской окружной писательской организации (2016) и Союза писателей России (2017).

Живет в Нефтеюганске.

АНЖЕЛА
БЕЦКО

С юбилеем!

АНЖЕЛА БЕЦКО / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Чеховские мотивы**1****Фирс**

Постой,
хмельная моя эпоха...
Которым веком живу?
Назад!
Туда, где глухо,
туда, где плохо,
где рубят,
рубят вишнёвый сад!

От репетиций
до революций
один кровавый
и верный шаг...
Они не слышат,
они смеются –
а вишни рубят...
аж стон в ушах!

Лопухин
делает дело ловко:
сметлив, прожорлив...
Обречены
мы вместе с садом.
У них подковки
на сапожищах
ещё с войны!

Они –
не новые дровосеки.
Не новый
рубят вишнёвый сад.
Застряли где-то
в минувшем веке,

и щепки те же –
сюда летят...

...погодь, хромая...
свечу затеплю...
неможно к Богу так сразу
из
кровищи...

камень в ладони?
хлеб ли?

я раб Твой Божий
забытый Фирс...

2 дом на продажу

а дом никак не продаётся
в подагрово-вишнёвый сад
врос
в полушаге от колодца
в колодце
звёзды невпопад
и всё никак не продаётся

кто удосужится купить
одноэтажное сиротство?
приют старух
что просят пить?

воды пригоршня
капля солнца
и жизни там где жить –
не место
и бледным шлейфом
по весне
при розовеющей
луне

бредут горбатые невесты

но дело даже
не в пейзаже
с подагрой
дело не в тоске
и сырости и сквозняке
а в том
что не осмыслить даже

что дом
никак... всё всё что кроме
с трудом
трюмо
три венских стула
сидел
весь Ярославль и Тула
седел
почтенный книжный шкаф
старик
отдался за бесценок
без книг
и оголил простенок
ушёл
буфет с посудой домик
для пчёл
и только дом никак

пустые
чёрные поля
худые
палки-тополя
кому – родство
кому – уродство

а дом совсем не продаётся
как Родина
и как земля.

ничей

выше небушка не вырасти
ни на суше, ни в воде.
нет на свете большей сирости,
чем свивать гнездо нигде.
прописался глупый скворушка
в раззолоченном раю.
как живётся, серо пёрышко,
у могилы на краю?

горизонт забит скворечнями
в той заморской стороне,
двухэтажными, нездешними
да пустыми – в глубине...

а у нас снежинки мечутся
как рыбёшки...

но зато
минареты в полумесяцах
в том краю, где ты никто,
богородицы по улицам
да спасители...
не те?..

а у нас – Один...
сутулится,
воскресает на кресте...
а в окне – всполох рябиновый –
рай оседлых снегирей...

а в твоём – горчит чужбиною,
ночь – темнее, день – серей,
оттого и бродишь за морем...

а у нас – белым-бело,
на просвет – всё то же самое,

с небом дружится крыло,
только к прозе мы привычные:
горы – снега, вёдра – щей –
хорошо до неприличия!..

чей ты, скворушка ничей?

гагариным

мальчишкам нашего двора

вопят мальчишки
и под фонарём
пинают рьяно то луну то мячик
портфели –
на траве за пустырём
в портфелях –
незадачливый задачник
с неравенствами
с армией нолей
не совладать
как с окриком отцовским
какая школа
если Галилей
Эйнштейн
и Бруно
Ньютон
Циолковский
гоняли мяч с тобою по соседству
забыв про школу
и портфель и книжку
а ты Гагарин –
только в самом детстве
а ты Гагарин –
но ещё мальчишка
в твоей большой гагаринской судьбе
есть космос
и футбол

и можно роем
несть на мяч
а можно на трубе
играть без нот
и точно быть героем
двора
России
мира
нет не зря
фонарь горит звездой –
так значит нужно
вперёд –
от фонаря до фонаря –
гагарины
герои
грянем
дружно

Апельсины

Одинокий в целом свете
и бездушный на просвет,
ты сидел на табурете:
ты, тоска и табурет.

Ты сидел чернее тучи
в центре мирового зла,
в три узла громами скручен,
молниями – в три узла.

Обожжённый и красивый
и вдали от всяких дел,
безнадёжно в день плаксивый
через форточку глядел.

Быт – рутиной, жизнь – руиной,
утлой лодкой без весла...
Я купила апельсины
и тебе сквозь дождь несла.

Я бежала через лужи,
разливавшиеся сплошь,
точно знала: ты мне нужен,
и надеялась: ты ждёшь.

На асфальте небо – синим,
за моей спиной – крыло...
Апельсины, апельсины –
счастья целых пять кило!

Я спешила, я летела,
распустилась в два крыла,
будто выскользнув из тела,
я самой душой была

запаха аквамарина,
как заманчивый апрель...
Апельсины, апельсины –
кисло-сладкая капель.

И душа, кружась над домом,
сосчитала этажи
и нашла этаж знакомый:
на, мол, в дар тебе – держи! –

дивный садик соловьиный
без ступенек, без перил...
Апельсины, апельсины...

в рай ты форточку закрыл...

* * *

*Держи меня, соломинка, держи меня.
Из песни*

соломинка соломинка соло...
весло моё весёлое крыло
везучее везущее быльё
всё сущее во мне и всё моё

и стоит ли былинка горевать
судёнышко моё моя кровать
а если в море ветром унесло
то ветренное выдалось число

послушай небо ангелов приют
венки сонетов ангелы плетут
поэтово святое ремесло
поэтому соломинка светло

ящерка

лист последний облетает
значит осени конец
и во рту как будто тает
кисло-сладкий леденец
лишних слов не говорила
яблок – сад
и небо – звезда
и туманы всё варила
осень-ящерку за хвост
не тяни
погибнет ночью
у ближайшего куста
потому что больно очень
жить на свете без хвоста

ЛЮБОВЬ МИЛЯЕВА

Любовь Миляева (Лыткина Любовь Геннадьевна) родилась 7 марта 1971 года в посёлке Верхние Серги Свердловской области. Окончила факультет управления Тюменского государственного института искусств и культуры, спецкурсы в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Поэт, прозаик, драматург, публицист. Член Союза российских писателей. Автор 12 книг поэзии, прозы, публицистики. Является составителем ряда коллективных изданий, автором и редактором-составителем многоязычной антологии «Югра многолика» (2014). Произведения переведены на 35 языков народов мира.

Кавалер орденов В. В. Маяковского и М. А. Мамакаева, лауреат ряда премий: Всероссийской премии имени Н. А. Некрасова в области литературы и искусства; Национальной премии Армении в области культуры и премии Всемирного Союза армянских писателей «За укрепление армяно-русских литературных связей»; литературно-общественных премий «Золотой Орёл», «Светить всегда»; премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За вклад в развитие межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Награждена юбилейной медалью «150 лет окончания Крымской войны», многими дипломами, грамотами и благодарственными письмами.

Живёт в Ханты-Мансийске.

Сказ о Марьюшке-гамаюнице

Некоторые дни из своего детства человек запоминает на всю жизнь. Их не так много, но и не мало. Тот день мне запомнился. Спустя несколько недель после окончания третьего класса, я поехала в гости к родственникам в Полевской. Из Верхних Серёг папа посадил меня в автобус, под присмотр шофёра. Дальше – «из рук в руки»: в Свердловске дядя Валера с тётей Раей встретили, накормили-напоили, проводили до дверей автобуса, шедшего до Полевского. Не успел он к вокзалу подъехать – там уже родные встречают. Договорились, что гощу у всех: одну ночь ночую у тёти Тани, вторую у тёти Нади, а третью – у бабы Таси. И вот настал третий день. Ни свет ни заря – все уже на ногах. Сборы полным ходом – всю детвору везут на Азов-гору, искать потайные клады. В тех местах живут герои сказов Павла Бажова: и могучий Горный дух – Горный старец, и девка Азовка – Хозяйка медной горы или Малахитницы (там раньше шла добыча малахита). Азовку иногда ещё называют Золотой бабой, порой, Каменной девкой – хозяйкой волшебной «малахитовой шкатулки».

Приезжаем туда – счастье вольное. Баба Тася с сигнальным колокольчиком в руке на высоком видном месте расположилась, чтобы за нами присматривать, а мы – врассыпную по горе. Почти целый день, с небольшим перерывом на обед, который проходил здесь же, на горе, под шумное обсуждение находок и дальнейших планов поиска – мы ползали по скалистой поверхности, рыли подкопы под корнями деревьев, искали драгоценности и собирали красивые камешки. В каждом неожиданном звуке нам слышался голос Хозяйки Медной горы, а в дуновении ветра – дыхание Хозяина Гор. С Азов-горы я увозила несколько красивых камешков в крепко зажатой ладони. Один из них – найденный в углублении – малахит размером в

два ногтя. Эти камешки я потом хранила много лет, вплоть до переезда на Север.

Вечерний закат в тот день мы встречали уже на Думной горе. С неё хорошо просматривается и Полевской, и напротив видна Азов-гора. О Думной горе в народе сложено много легенд, согласно одной из них, стояли на ней пугачёвские атаманы и думали думы о том, как жить дальше... Вот гору и назвали Думной. Для меня она имеет особое значение – там, врезанный основанием в скалу, стоит дом моего прадеда. В Верхних Сергах прадед Иван имел крепкое подворье и мельницу, но в начале XX века попал под первую волну раскулачивания. Чудом удалось ему избежать репрессий, благодаря тому, что местный «голова» вовремя предупредил о надвигающейся беде. И, бросив хозяйство, спешно погрузив на телегу самые необходимые вещи и спящих детей-последышей, они с прабабушкой ночной дорогой ушли из посёлка. Перевалив через Шунутский хребет, дошли до Думной горы, где и решили остановиться. Сперва он смастерил избушку, чтоб ночи коротать. Позднее, выбрав подходящее место, поставил дом, основанием вравив его прямо в гору. Дом ставил крепкий, сруб без единого гвоздя возводил, до сих пор дом стоит в метрах двухстах от вершины и смотрит своими окнами на Полевской.

Отужинав у родственников в доме, возведённом руками прадеда, мы, переполненные эмоциями от событий уходящего дня, рассаживались кто в машину, кто в коляску мотоцикла. Солнышко, багровеющим шаром не спеша сползло по небосводу за вершину горы. Меня везли в небольшую однокомнатную уютную квартиру к бабе Тасе.

Наступало время сна. Но сна у меня не появлялось ни в одном глазу. Эмоции от прошедших событий бурно продолжали кипеть. Казалось бы, выбегался ребёнок, спать теперь должен, как убитый, но не тут-то было. Угломониться у меня не получалось. Язык не умолкал, а тело вертелось на диване. Баба Тася, не спеша поднявшись с кровати, стоявшей рядом, и приглушив свет настенного светильника – «ночника», осторожно присела на краешек дивана. Поправив одеяло, стала легонько поглаживать меня по волосам и полушёпотом говорить: «Вы сегодня в доме отеческом были, в доме твоего прадеда. Так я тебе сей-

час сказ расскажу, как Иван с Марьей поженились. Вот, слушай...» И начала рассказывать. Конечно, дословно я тот рассказ не помню. Кое-что привру сейчас. Но саму суть рассказа бабы Таси и манеру её речи точно передам.

– Жила-была Марьюшка-гамаюница красавица – кровь с молоком. Пришло ей время замуж выходить. Женихи сватов засылать стали, сами со сватами к воротам идут. И местные, и не местные. Да только Марьюшке никто не глянется. То с лица не мил, то с кости, то с роду не гош. Сама-то она была из рода великого. Про то до-о-лго рассказывать – то отдельный сказ. И была она из племени гамаюнов. Их сам священный Гамаюн – птица вещая хранит, под своим крылом от самых корней держит. И что такое? Год проходит, второй... А женихи всё ни к сердцу идут, всё ни ко двору. Соседи уж поговаривать стали, мол, пошто таких орлов не солоно хлебавши от ворот спрашиваете? Нечего согласия от дочери ожидать, пусть отец сам сговаривается и безо всякого девичьего согласия отдаёт. А отцу жаль силком дочь отдавать.

Тут матушка слово своё взяла. Многое она знала, не только травы. Травами у нас и сейчас мои ровесницы через одну знахают, а она-то поболее ведала. Велела она дочери к богине судьбы Макоши идти. Сходила Марьюшка, на означенном месте помолилась. Взяла свечку новую, парного молочка вечернего, яичко свежее ровное, да три клубочка небольших пряжи: белую как ясный день, красную как солнышко раскалённое, тёмную как чёрная ночка летняя. И блюдечко взяла серебряное, такое, как ты у меня вон в том, угловом, шкафчике ведела. Всё это в туесок оберёжный уложила, дождалась вечера и пошла по Серге вверх, нашла на берегу реки местечко укромное, лентой-оберегом волосы по вискам покрыла, разместила всё как матушка её научила и свечу зажгла. Луна в полную силу вошла. В воде отразилась. Марьюшка молитву свершила. Помнишь рассказывала, как в прошлом году тебя к святому источнику у Шунут-камня через Миляев-бугор водили, бабу Дусю Карпову с собой брали, она учила тебя шёпотом пропевать песнь-молитвенную – так вот ту самую молитву. Пропела она, значит, тихонечко молитву, положила яичко на блюдечко и, словно яблочко, его посолонь – по солнышку левой рукой, которой

ты кушать любишь, катать начала. Семь раз по кольцу повела. Сколько дней в неделе, сколько небес до счастья – столько и повела. Да тихо-тихо приговаривает: «Кручу-верчу, яйцо качу, да по блюдцу раскачу. Лихое да плохое всё со себя соберу в яйцо заключу, с себя сорву». Седьмой круг завершила, приподняла резко, да и прямо об центр блюдца яйцо хлопнула – разбила, приговорив: «Яйцо разбиваю, лихое да плохое всё разрушаю, Кощя побеждаю!» Выдохнула.

Луна как желток яичный загустела. Сочно на небе заговорила. Над водой камушком повисла – в реке отражение не дрогнет. Течение остановилась. Похолодел воздух.

Повернулась Марья к крынке с молоком. Той же рукою над ним посолонь повела, пропевая: «Бел-горюч Камень-Алатырь, силою твоей волей каленой бело молоко жизнь омолодит, жизнь заговорит, речкою зажурчит, радость принесёт, счастье полное, Долю с Удачею, да во Славу Божию пью бело молоко, жизнь первозданную, чистую, первородную!» И выпила всё до доньшка, до капельки.

Луна в небе побелела, почти добела раскалилась. Звёзды по небесному своду рассыпались. А звёзд – не счесть. Взглянешь в небо – утонуть можно. Красота! Таинственно светло в небе стало. Таинственно светло на земле.

Взяла Марьюшка в руки белый клубочек пряжи, светлый как ясный день. Завязала первый узелочек, трижды прошептав: «Макошь-Матушка великая! Макошь-Матушка рódная, меня не забывай, не оставляй, будь рядышком со мною». Второй вяжет, да опять трижды приговаривает: «Макошь-Матушка, обо мне не забывай, судьбу счастливую плети и на день, и на два, и на три вперёд; и на год, и на два, и на три вперёд». Третий вяжет: «Узел крепкий-кованый – узел изобилия и богатства; узел крепкий-могучий – узел верной удачи». Сделала и рядышком клубочек положила.

Красную пряжу в руки взяла. Стала красный узелок вязать, оберёжный, трижды заговорённый: «Судьба моя рódная – судьба моя счастливая. Судьба моя светлая – судьба моя удачная». Второй вяжет, приговаривает: «Судьба моя рódная – судьба моя богатая. Судьба моя добрая – судьба моя красивая». Третий вяжет: «Пребывают любовь и удача во всём, мне в делах

повезёт, и в любви повезёт, день за днём и всегда-всегда-всегда». Вдохнула сладко.

Покойно кругом. Речка журчит потихоньку, тоже, видать, земле что-то своё прищёптывает, рассказывает. Земля всё слышит.

Взяла Марьюшка чёрную пряжу, как ночь, не нынешняя, а безлунная, беззвёздная. И опять вяжет тёмный узелок, прищёптывает: «Вороги не рядом не близко, а далеко от меня». Один завязала, второй ловко делает. «Всё лихое да неладное мне не по пути, всё плохое стороной меня обойдет» – говорит. Второй сделала, третий заговаривает: «Все беды стороной меня обошли, обо мне забыли».

Все три ниточки от клубков оторвала. Выдохнула.

А свеча горит. Воск тает. Пламя как живое – пляшет. Огонь – он всё понимает. Каждую душу чувствует. Живёт она – горит или тлеет, али совсем выгорела.

Взяла Марья все три нити в руки, да и связала их меж собой. Связывает, а сама, как ей было велено, прищёптывает: «Судьба Макошь-Матушка, три нити, ведущие меня, крепко сцеплены, крепко держаться друг с другом, неразрывно сплелись, ткнут-плетут судьбу мою, ткнут-вяжут судьбу мою, жизнь в узлах».

Выхватила нож острый кованый из-за пояса, со словами твёрдыми: «Пробил сей час. Отсекай, избави мя, Макошь, от тёмной нити судьбы» – с маху нить чёрную отсекала лезвием ножа острого. И трижды приговорив: «Всё недоброе, плохое с нитью чёрною уходит, меня оставляет, и навеки забывает» – отдала нить ту пламени свечи. Нить вспыхнула. Сгорает. А Марьюшка добавляет: «И встречает меня Судьба – Макошь-Матушка!»

Остаток-хвостик чёрной ниточки изловчилась, выдернула и на блюде бросила. Подняла блюдо с земли, к воде близко подошла да через ямку-подкоп выплеснула, блюде водою проточной омыла. Ямку землёй свежей закидала, сровняла, схоронила – и концы в воду. А сама к горячей свече вернулась. Заново ту, первую молитву свершила. И только последние слова сказала – напал на неё сон. Раскинулась она прямо среди трав ночных и уснула.

Сон на неё сама Макошь напустила. Думу она свою думала. Смотрела. Взвешивала. С такими делами, с какими прабабушка твоя к Макошь пришла шутить нельзя. Можно и не вернуться. Только по очень большой надобности обращаются. Да и то Макошь думать будет. От сердца ли? Для добра ли? Не во вред ли кому?

Долго ли коротко спала Марьюшка, открывает глаза, а солнышко уже над лесом взошло. Птицы поют. Вода не журчит в реке, а звенит-заливается. Поднялась она, в речной утренней воде выкупалась и домой поспешила.

Месяц проходит, другой пошёл. Иванов день настал. Кто в этот день в Сергах сухим останется? Никто. Всех с головы до ног водой окатят. Встала Марьюшка, вышла за ограду. Сколь она от ворот отошла? Далёко ли? А там уже веселье от восхода солнца. Вода – рекой льётся. Визг девичий такой стоит, что во всех дворах окраинных слышать. Вот её, девоньку, кто-то сзади колодезной водой и окатил от души. – Та ахнула. Голову-то повернула, а там парень уж за вторым ведром полнёхоньким потянулся. Взгляд Марьюшкин поймал, да так и застыл – ни ведра приподнять, ни с места сдвинуться. Она ведро у него враз выхватила, и в отместку на его отчаянную голову опрокинула. Развернулась да пошла. А парень-то – сокол! Так в душу запал, что хоть калёным железом выжигай – не вытравить. У того тоже положение не лучше. Не ест, не пьёт, на стройку свою забился и колотит там, как чумной, с утра до ночи. Дом свой достраивает. Неделя-другая идёт. Матушки почуяли неладное. Давай потихоньку к детям подбираться, расспрашивать: что да как? Но там бесполезно – хлеще белорусских партизан – не добьёшься. Только от наших матушек далёко-то не скроешься – выведут на чистую воду. Прознали. Кто? Ах, вот кто – Ванюша Карпов! Добрый молодец! Но не из гамаюнов он – из кержаков. Что делать? Да и Ванюшины батюшка с матушкой призадумались: хороша Марьюшка, да сколько уж сватов к воротам тропы торили, а без толку. Но сокол – он и есть сокол. Не выдержал в один из дней – на коня и к Марьиным воротам. В дом вошёл и вопрос ребром: либо со мной сейчас едет и свадьбу справляем, либо с этого места не сойду, пока не согласится. Ну, тут уж всё – свадьбу сыграли. Всю жизнь душа в душу про-

жили. Люди в округе цветком их называли. Их ли, детей ли, внуков завидят: вот, говорят, расцвёл цвет огненный – цветёт Иван да Марья. Вместе и ушли. На полдня прадед твой жену пережил. Ни дня на этом свете без неё не выдержал. Вот уж Макошь как свяжет, так свяжет – никакой силе не развязать.

Свобода Бакса (рассказ)

– Батя, глянь-ка, вон язык на бок, шерсть дыбом, полетел так, аж хвост по ветру – неторопливо снимая запылённые калоши, пробасил Митяй.

Деревенские парни ещё в восьмом классе прозвали его бугаём – прозвище прицепилось намертво. Теперь даже сельский голова, завидев Дмитрия Степановича, спешит ударить слегка ему в живот кулаком и, прищурив щучьи глаза, восклицает: «Здорово, Бугай! Ну, что-о-о? – с ехидцей потягивая каждое слово, интересуется. – Как там жизнь городская? В гости, подикась опять прибыл? К нам-то вертаться не надумал?»

Отец Митяя, не обделённый от природы здоровьем, но заметно осунувшийся в последние три года, и тот давно обращается к сыну, не иначе как – Детина. Только для матери, Софьи Николаевны имя сына всегда остаётся неизменно – Митюша, да Митенька.

«Какой он уж теперь Митю-ю-ю-ша! – подтрунивал Степан Никифорович, ласково глядя на плачущую от радости жену, кинувшуюся прямо с пожелтевшим подойником в руке обнимать сына, вогнавшего белое морозное облако январского воздуха в открытую деревянную дверь, обитую с внешней, как говорил

отец, «сеношной» стороны избы плотным слоем темно-серого войлока. – Это, мать, – продолжал он, приосанившись, – теперь не Митю-ю-юша. Во-о-он уж под пуп твоя слезливая голова ему упёрлась. Он у нас теперь герой. – И, широко раскрыв руки, словно показывая, что всем сердцем отцовским готов заключить сына в объятия, обратился к Митяю: – Заходи в дом, Детинушка! Смотри только потолок своими кучерями не ошкрябай». Кучерями потом ещё месяца два называл он Митькины коротко остриженные тёмного цвета волосы, с проседью от афганских армейских будней.

– Смотри-ка, – восторгался Митяй, прижав рукой край ситцевой, снизу отороченной шитьём, занавески, и уткнувшись носом в стекло, так что на нём в июньский день образовалось матовое влажное озерцо от густого дыхания. – Дорвался до свободы! Лапы кверху. На спине, на спине шпарит по двору!

Дмитрий, приезжая к родителям, часами мог возиться с этим длинношёрстым псом неизвестной породы. Митька проникся к нему какой-то удивительной нежностью с того момента, как умещающимся на ладони щенком отец принёс его в дом, так толком и не объяснив где взял. «Вот, мать, подарила нам с тобой дорога на старости лет Цуцика!» – проговорил он, мягким голосом, улыбаясь глазами и осторожно открывая верхний уголок какого-то выцветшего махрового полотенца, обёрнутого вокруг щенка в подобие одеяльца на грудном ребёнке.

Но Цуциком щенок был не долго. В процессе возрастания он стал – Бакс.

Существовал, правда ещё промежуточный вариант – через полтора месяца Софья Николаевна окрестила его «пятакком», за привычку морщить нос, облизываясь после почмокивающего и пофыркивающего поглощения очередного собачьего обеда из алюминиевой, слегка помятой с боков миски. Но уже на четвёртом месяце жизни Бакс обрёл своё законно-оправданное голосом и поведением имя.

– Ух, шельмец! – не унимался Дмитрий. – Всю пылицу сейчас на свою шкуру сгребёт. А морда-то довольнёхонькая!

Отец, не отрываясь от своего занятия, исподлобья глянул в окно, и принялся дальше скручивать потемневшими и неровными от мозолей пальцами, свою самокрутку. Страсть к са-

мокрутке осталась у Степана Никифоровича с фронтовых лет. Никаких папирос и тем более сигарет он не признавал. И самокрутку крутил, что называется с чувством, с толком... Оторвёт сначала аккуратно небольшой кусочек газетки, причмокивая согнёт пальцами, так, чтобы получилась канавка. Держа одной рукой газетный обрывок – другой из брезентового мешочка возьмёт щёпоть табака, и старательно распределив по всей газетной ложбинке, осторожно начинает скручивать. Осмотрит внимательно, на минутку задумается, будто вспоминает чего и, вздохнув, проведя свободным краем газетки по нижней губе, начинает какими-то загадочными движениями пальцев проходить по всей этой конструкции от одного конца к другому. Потом вдруг резкими движениями сломав сантиметра три с одного конца гармошкой, оторвёт самый краешек и, оглядев ещё раз, словно любуясь на своё создание, прикусывает губами свёрнутый гармошкой край самокрутки, непременно в правом углу рта. Приосанится и подкуривает. Обязательно от спички. Современных зажигалок отец тоже не признавал. «Эти шмыгалки – говорил он о зажигалке, – не огонь для души, а изжога для пальцев».

– Сорвался, мордovorот! – охнула Софья Николаевна, глядя в окно и торопливо вытирая руки о тёмно-синий с мелкими белыми цветами фартук. Ловко подоткнув один угол фартука за пояс, строго обратилась к сыну: «Это ты что ли, Митенька, отпустил его? Чего удумал? Я ведь утром ещё предупредила – проволоку натяни меж столбиками, где бельё сушим и на длинный поводок его, пусть пообвыкнет недельку. А ты вон чего выдумал – спустил! Его же теперь сутки домой не изловишь».

Она быстрым, полным обиды взглядом окинула Степана Никифоровича, корпящим над самокруткой, и бросив: «Ты, поди, отец, позволил!» – ворча что-то ещё себе под нос, но при этом, приподняв сверху подбородок, словно демонстрируя, что обиделась теперь не на шутку, спешно вышла в сени. Забрэнчав там ведрами, банками...

– Обиделась мать, – словно извиняясь, пробурчал Степан Никифорович, на секунду оторвавшись от своего занятия.

– Ба-а-тя! Да чего уж она? – не переставая восхищённо наблюдать в окно за Баксом, успокоил отца Митяй. – Ну, побе-

гает, порезвится. Тоже не сладко же псу – всю весну почти на короткой привязи просидел.

Тут заёрзав на табуретке, приготовился вступить в разговор Валентиныч, внимательно наблюдавший за Баксом, сидя на табурете за столом и пивший свежесваренный смородиновый чай. Громко отхлебнув, он поставил фарфоровую кружку на стол, сделанный Степаном Никифоровичем собственноручно. Столешница, вытесанная в круг из двух широких сосновых досок, располагалась на трёх резных ножках.

Продолжая смотреть в окно на пса, уже оголтело помчавшегося по дороге в сторону окраины деревни, Валентиныч со вздохом произнёс:

– Вон, мы тоже дорвались до свободы не хуже Бакса. Досиделись на цепи, а тут – нате! – Валентиныч, забыв о чае, придавив ладонью край стола, продолжил. – Привалила горбатая перестройка, как счастье, будь она неладна. Дорвались!

Валентиныч за два года работы Митяя машинистом тепловоза, стал в этой семье своим. «Напарник, как брат родной, – обнимая за плечо низкорослого, но коренастого сорокадвухлетнего Игоря Валентиновича, как сапогами по плацу чеканя каждое слово, говорил Дмитрий, представляя гостя отцу с матерью. – Я без его плеча рядом и на километр не приближусь к этой длиннохвостой агрегатине на рельсах». Рано потерявший родных, вскормленный в одесских детдомах, Валентиныч, казалось, каждым уголочком своей души привязался к Миткиным родителям как к родным, называя Софью Николаевну не иначе как мамушка Софа.

– Для русского мужика свобода – одно что пьянка, – продолжил Валентиныч свою мысль, понижая голос. – А мы ведь в полмеры-то не умеем. В пол-хлёста что за гульба? Нам же на выхлест чёшется. Обязательно надо чтоб продрало до самых поджилок печёночных. Аж в дугу чтоб скрутило – тогда хорошо-о-о!

– А чем, тебе, брат, свобода-то не угодила? – облокотившись на подоконник, выкрашенный месяц назад молочного цвета краской, удивился Митяй. – По-моему, намного лучше, чем при пустых совдеповских витринах да идейной диктатуре эсеса в кепи – кэпээсеса.

– Много вы понимаете, головы зелепушные, – авторитетно заговорил Степан Никифорович, затягиваясь. – Свобода – она ж как баба. В неё войдёшь – и всё. Имей тепереча хош не хош. Живи теперь с ею. И сноровись только против шёрстки вздыбить, попробуй чего поперёк вякнуть – что есть под рукой, тем и по лбу. Так по плечи хрястнет – не дай боже. Со свободой с вашей аккуратно надо, как с бабой. Тут особый подход нужен. Ты думаешь, под себя её, а не тут-то было. Взбалмошная она больно. Что на ум ейный взбредёт – всё. Упрётся как рогом в землю. Ты ей и так, мол, и сяк. А всё без толку. Жить не даст. Изведёт. А своего всё одно – выканючит. Пораскинешь потом извилиной – чего упирался? Одни убытки: сервизу тёткой ещё дарёного нету – вдребезги ухнула; брюк моих нету – случайно прожгла, невинная отрыжка, всю штанину; у меня вон – думаешь, плешь эта откуда взялась? – он, наклонил голову, постукивая указательным пальцем по неровной округлости лысины, размером с маленькое кофейное блюдце. – От годов, думаешь, или от ума? – Нет, дорогой – от дури! Пытался с ейным характером, как со свободой твоей, справится. Думал, что вы... – хотел что-то продолжить Степан Никифорович, но оборвав свои рассуждения на полуслове, забыв про самокрутку, вмиг ссутулившись, устоялся на шумно открывшуюся дверь.

На пороге стояла его жена. Платок сбит набок. Волосы всегда гладко уложенные, странно топорщились.

– Курей у соседей подавил. Вот! – громко выдохнула она и подняла на вытянутой руке курицу, негодную уже ни для жизни, ни для супа. Я же сказала, нельзя его сразу-то выпускать! – губы Софьи Николаевны задрожали. – Пусть недельку на длинном поводке побегает, попривыкнет. Теперь что соседям объяснять?! Нечо сказать – наро-о-били! – она опустилась на порог, плечики её и без того худенькие сжались, став как-то ещё меньше, задрожали, и, не сдерживая слёз, обречённо и с горьким укором выдавила. – А расхлёбывать кому?

Бросив своё занятие, Степан Никифорович, почти бегом бросился в запечную комнату, из которой стремительно появился уже с ружьём.

– Бать, не надо! – поднялся Митяй. Бакса прибьёшь, как по душе моей выстрелишь. Я его с собой увезу.

После этих слов Степан Никифорович осел на порог рядом с всхлипывающей женой, обессилено опустив ружьё.

– С собой он его увезёт! Ты его излови сперва.

Митяй распахнул окно и выпрыгнул на улицу. Валентиныч, пометавшись по комнате, попытался было пробраться через порог, но там, обняв мать, молча застыл Степан Никифорович, сиганул вслед за Митяем. А тот уже сидел у калитки перед лежащим пыльным Баксом, которой прижав морду к земле, виновато смотрел на защитника. Валентиныч сел рядом.

– На цепь садить? – поинтересовался он у друга.

Но вместо ответа Валентинычу, Митяй обратился к Баксу:

– Иди, садись на цепь, раз свободу не ценишь.

Бакс то ли пошёл, то ли пополз к своей будке. Лёг возле неё пластом, взяв в зубы цепь, продолжая виновато поглядывать на Митяя.

– Ты, смотри, всё понимает, стервец! – восхищённо пробурчал Валентиныч.

– Ну всё, друг, – строго сказал Митяй, пристёгивая цепь к ошейнику пса. – Теперь затаись мышью до завтра. Утром поедешь в наморднике в город, где ни кур, ни просторов деревенских – одни машины, да поезда.

Едва он успел пристегнуть и договорить, как, не выпуская курицы из рук, к ним коршуном подлетела мамушка Софа. Через руку сына, она ударила курицей Бакса по морде с одной стороны, другой. При каждом ударе Бакс молча закрывал заслезившиеся глаза, но как лежал, так и продолжал лежать, ещё плотнее прижимаясь к земле. Наконец, Софья Николаевна рухнула около пса, выбросила в сторону курицу, и, обняв Бакса, зарыдала.

Мужики, поняв, что успокаивать Софью Николаевну пока бесполезно, тихонько вернулись в хату, оставив открытой дверь, через которую долго ещё доносились рыдания и всхлипы матушки, вперемешку с обвинениями, объяснениями Баксу:

– Вот, уедешь теперь от нас с отцом. И что мы, думаешь, железные? Думаешь, скучать не будем? Вот, что натворил?! Ты хоть маленько подумал кому расхлёбывать? Мне? Все вы, мужики, одинаковые – наробят, а бабе потом расхлёбывай...

1997 г.

Александр Борисович Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии.

Автор 62 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала.

Живет в Екатеринбурге.

АЛЕКСАНДР
КЕРДАН

АЛЕКСАНДР КЕРДАН / ГОСТИ ПОЮЩЕГО ОЗЕРА

ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Всех курсантов Донецкого высшего военно-политического училища инженерных войск и войск связи учили, что вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин, при всей своей гениальности, был прост как правда. И курсанты, как один, старались на Ленина в этом вопросе равняться.

А курсанту Осе Жорикову и стараться, и равняться было не нужно.

По своей душевной простоте и принципиальности он был недалёк от идеала.

Спросил как-то преподаватель по марксистко-ленинской философии подполковник Сыч:

– Почему вы, товарищ курсант Жориков не знаете, что писал Фридрих Энгельс ренегату Каутскому в сентябре тысяча восемьсот восемьдесят второго года?

Жориков вытянулся и отчеканил:

– Так ведь и вы, товарищ подполковник, не всё знаете!

– Как это не всё? – сурово воззрился на него подполковник Сыч.

– А так. Всё знать просто невозможно! Вы же сами говорили, что нельзя объять необъятное.

Подполковник Сыч Жорикову пальцем погрозил, но с расспросами про Каутского и Энгельса отстал. Правда, и на экзамене ему только троечку поставил. Но оценка Жорикова не волновала: он всегда был занят поиском истины.

Сухопарый и жилистый, с открытым, незамысловатым выражением скуластого лица, Жориков только казался простаком. Этому немало способствовало его неуёмное желание благодетельствовать всех окружающих, даже тех, кто вовсе не нуждался в его помощи.

Подойдёт, бывало, к Жорикову однокурсник, попросит конспект списать – Жориков никогда не откажет. Если надо, он

и в наряде по кухне и за себя, и «за того парня» будет работать. Но только, когда зайдёт речь на комсомольском собрании о тех, кто списывать любит или в наряде от работы отлынивает, тут уж Жориков без обиняков, начистоту все фамилии выложит.

После собрания подойдут к нему обиженные однокурсники:

– Зачем ты так, Ося? Мы же – друзья...

– Друзья, – соглашается Жориков. – Только вот и Ленин с Плехановым дружбу водил, но по принципиальным вопросам критиковать его не стеснялся! А Троцкого, тоже ведь своего товарища, так вообще иудушкой величал... Вы же сами мой конспект переписывали, посмотрите: иудушка и никак не иначе!

Но больше всего нравилось Жорикову чужие судьбы устраивать. Сам он, как только поступил на первый курс, сразу женился на Ольге – буфетчице из курсантского «чипка». И с той поры считал своим долгом всех сокурсников переженить.

Вот и знакомил Жориков товарищей с многочисленными Ольгиными подругами, и с подругами подруг – с кем только не знакомил. И внимательно следил за тем, как у них отношения развиваются, и примирял поссорившихся, и предлагал быть свидетелем на свадьбе.

А иногда и совсем наоборот получалось.

Приходит как-то одна новая знакомая на свидание к курсанту по имени Вася – соседу Жорикова по казарме. А Жориков тогда на КПП в наряде стоял. Расспросил он к кому она и за какой надобностью, позвонил в роту, вызвал товарища, а сам внимательно разглядывая востроносенькую, с тонкими губками девицу, в некой раздумчивости, словно бы самому себе, но вполне разборчиво говорит:

– И что это Васька врал, что девушка у него на крысу похожа! Совсе не похожа! Очень даже миленькая и глазки умные...

Девица, услышав такое, вспыхнула ярче училищного знамени на строевом плацу, умными глазками на Жорикова сверкнула и опрометью из КПП.

Тут прибежал запыхавшийся Вася, головой по сторонам крутит:

– Где моя?.. – вопрошает.

– Убежала! – Жориков подробно изложил, как это случилось.

– Ты зачем ей сказал, что она на крысу похожа? – обиделся Вася.

– Так это ж не я придумал! – парировал Жориков и строго добавил. – Ну вот что, товарищ курсант, видите: никто вас не ждёт. Ступайте в казарму, и не мешайте мне службу нести!

Вася после этого случая несколько дней с Жориковым не разговаривал, а потом – благодарил:

– Спасибо, что отшил эту... Она от сержанта с четвёртого курса беременная... Тот-то её бросил, она хотела меня подцепить!

Но училищные годы промелькнули как пуля, выпущенная в мишень на войсковом стрельбище, и стал Жориков лейтенантом. Назначили его замполитом роты связи в Чебаркульский гарнизон. Через пару лет, когда он получил старшего лейтенанта, начальники смекнули, что с таким неумным задором и принципиальностью Жорикову один путь – в комсомольские работники, и его избрали секретарём комсомольской организации артиллерийского полка.

А тут как раз в полк приехала комиссия во главе с первым заместителем начальника политуправления округа генерал-майором Плаксиным. Генерал был росточком невелик, сбит, как Колобок, но норов имел крутой, глаза страшно тарачил и рычал, как медведь. Плаксина все боялись: кроме политической должности у него имелась ещё и общественная – председатель группы народного контроля.

Проверять полк взялись с пристрастием. Зуб у Плаксина имелся на командира полка, который не гнушался солдатиков на строительстве собственной дачи использовать, и с ГСМ машины проворачивал.

Но как в армии водится, зуб-то был на командира, а загревок потрепали всем сверху донизу: дескать, как вы, товарищи офицеры, до такого состояния полк довели? Вы же – коммунисты! Или веяний времени не понимаете?

А время было критичное – перестройка и ускорение, словом: бей своих, чтобы чужие боялись.

Собрал Плаксин всех замполитов дивизионов, секретарей парткома и комитета комсомола полка в просторном кабинете комполка (такое уж правило: проверяющему – лучший кабинет

из всех имеющихся подавай!) и устроил выволочку, только что матом не крыл. Все слушали, повесив головы на грудь. Один Жориков глядел на генерала открыто и даже с сочувствием, и время от времени что-то в свой блокнотик записывал.

Спустя час, когда пыл генерала выдохся, он разрешил всем удалиться. Уговаривать никого не пришлось – офицеры старались поскорее покинуть место экзекуции. Жориков выходил из кабинета одним из последних. В дверях он на миг задержался и неожиданно громко воскликнул:

– Вот оказывается, что такое перестройка! Мы-то думали нам разнос устроят, а с нами вот как по-человечески поговорили... – и, не глядя на восторженного Плаксина, вышел из кабинета.

На следующее утро всех офицеров, кто был не в наряде, собрали в клубе полка для общего подведения итогов работы комиссии.

Слово взял Плаксин. Он начал издали – заговорил про международное положение и происки мирового империализма во главе с США и их прихлебаями.

Вещал генерал долго и как будто бессвязно, но всё горячее и горячее, с каждым новым пассажем в адрес заморских врагов накручивал себя всё больше. А когда дошёл до точки кипения, начал оглашать результаты проверки. Тут уж все получили по полной: и взводные, и батарейные, и дивизионные. Кому – неполное служебное соответствие, кому – строга, а кого-то на дивизионную парткомиссию отправили, что тоже ничего хорошего не сулило...

Только Жориков в докладе Плаксина выглядел этаким молодцом: в текущей политической ситуации разбирается, обязанности исполняет на отлично, активен, инициативен и так далее... В конце данной Жорикову характеристики уже совсем неожиданно Плаксин предложил командованию представить старшего лейтенанта к присвоению очередного воинского звания «капитан» досрочно.

После подведения итогов все сослуживцы, как один, – от комполка до последнего взводного, конечно, зло косились на Жорикова, и завидовали, и возмущались: без году неделю в полку, а ему и звание досрочно и похвала от генерала. И за что?

Но продолжалась эта обструкция недолго. Вскоре пришёл приказ командующего округом о присвоении старшему лейтенанту Жорикову звания капитана, и вслед за ним последовал вызов в отдел кадров политуправления округа на собеседование.

В кабинете начальника отдела кадров Жорикова поджидал Плаксин.

– Высокое доверие оказываем тебе, капитан. Берём инструктором в отдел комсомольской работы, – важно сказал он. – Смотри, не подведи меня, я за тобой буду внимательно наблюдать!

– Не подведу! – браво козырнул Жориков.

На следующее утро в новом, специально хранимом для такого случая, мундире с необмятыми капитанскими погонами, он приступил к исполнению своих обязанностей, и сам стал наблюдать за генералом Плаксиным.

Однажды, недели через две после назначения, Жориков сидел в кабинете с тремя такими же как он сам капитанами – инструкторами отдела комсомольской работы, и вдруг услышал знакомый генеральский голос. Плаксин, остановившись в коридоре, как раз напротив их двери, за что-то распекал машинистку Клару, женщину вальяжную и медлительную, которую держали в машбюро только за умение хорошо исправлять грамматические ошибки в докладах.

Слов было не разобрать – сплошной рык.

Жориков вскочил со своего стула и метнулся к двери.

– Ося, не высовывайся! – громким шёпотом предупредил его более опытный сослуживец. – Если Колобок так рычит, может запросто и съест!

Но Жориков уже распахнул дверь, сделал два строевых шага и очутился прямо перед разъярённым Плаксиным.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор? – отважно прокричал он.

– Ты, что это? Ты куда лезешь, капитан? – круглое и красное лицо Плаксина от напряжения приобрело синюшный оттенок.

Рыхлая Клара, воспользовавшись моментом, проявила неожиданную прыть и юркнула в дверь машбюро, находившуюся по соседству. Щёлкнул замок – это она закрылась изнутри. Следом хлопнула дверь в отдел комсомольской работы – со-

служивцы Жорикова подсустились, чтобы под горячую руку генерала не попасть.

Жориков остался с Плаксиным наедине.

– Ты как посмел, капитан?! – снова взревел генерал.

Но Жориков не испугался:

– Вы почему так орёте, товарищ генерал? – вопросом на вопрос ответил он и, глядя на Плаксина преданно, но не подбостранно, продолжил: – Это же не полковой плац и даже не дивизионный. Это – политуправление! Здесь так не принято. Здесь люди интеллигентные служат. И вы – не какой-нибудь комбат или начальник штаба, а первый заместитель начальника политического управления – члена военного совета округа... На вас же все равняться должны, а вы орёте...

От неожиданности Плаксин даже рот открыл. Некоторое время он делал им движения, какие делает пойманный на крючок лещ, а потом растерянно спросил:

– Жориков, тебя звать-то как?

– Ося, – в тон ему ответил Жориков.

– Ты откуда родом? Из деревни?

– Так точно. Из деревни.

– Ага, я так и думал, – Плаксин вдруг прихватил Жорикова за локоть и повлёк его за собой по коридору в сторону своего кабинета, на ходу доверительно нашёптывая: – Ты вот что, Ося, и впредь мне всю правду в лицо режь, если я что-то не так сделаю! Мне, знаешь ли, подхалимы до чёртиков надоели... А раз сейчас перестройка, то каждый должен начинать с себя. Верно я говорю?

– Верно, товарищ генерал-майор, – просиял Жориков.

Плаксин открыл дверь своего кабинета и уже начальственным тоном распорядился:

– И вот ещё, Жориков, с завтрашнего дня будешь у меня нештатным порученцем! А то неудобно как-то получается: у члена военного совета порученец имеется, а у меня – его первого заместителя – нет.

Так Жориков стал офицером для особых поручений Плаксина. На деле это значило, что теперь он, помимо исполнения своих основных обязанностей в отделе, провожал генерала в командировки и встречал его на военном аэродроме на чёр-

ной генеральской «Волге», срывался по первому звонку и летел исполнять какую-то личную просьбу, будь то сопровождение генеральской супруги Марии Петровны в госпиталь, или доставка спецпайка к генералу на квартиру...

Все эти задания безотказного Жорикова не тяготили, они вполне вписывались в его неиссякаемое желание облагодетельствовать окружающих. Не мудрено, что и генеральша Мария Петровна, и дочь генерала Виктория, живущая после развода с мужем-офицером у своих родителей, и даже трехлетний генеральский внучок Ваня к Жорикову привязались, и можно сказать даже его полюбили. Зачастую генеральша оставляла его у себя пообедать, а уж без чая с пирогами просто не отпускала.

И с генералом у Жорикова установились самые доверительные отношения, такие, что однажды он напрямую поинтересовался:

– Вы меня, конечно, простите, товарищ генерал, но вы ведь – дурак. Как же вы генералом-то стали?

Плаксин покатился со смеху. Он смеялся так долго, пока слёзы из глаз не брызнули. А когда успокоился, спросил:

– Ты, Ося, говоришь, я – дурак, а сам-то ты на ком женился?

– На Ольге...

– Да, понятно, что на Ольге. А кто она эта твоя Ольга была?

– Буфетчицей у нас в клубе работала.

Плаксин потёр ладошки одна о другую:

– А моя Мария Петровна – дочь первого секретаря Хабаровского крайкома партии... Уяснил? Так, кто из нас двоих – дурак? Думать надо, когда и на ком жениться!

Но идиллии в отношениях Жорикова с генералом чуть было не пришёл конец.

Как-то раз, когда Плаксин был в командировке, Жорикову срочно понадобилась машина. Надо было привезти в штаб отпечатанные мандаты для комсомольской конференции.

До окружной типографии всего-то два квартала. Можно и на трамвае доехать, а то и на своих двоих добраться, особенно таких спортивных, как у Жорикова – КЭМээСа по лыжам и марафону. Но захотелось Осе подкатить к типографии с шиком, на генеральском автомобиле, чтобы у тамошнего начальника-отставника поджилки дрогнули: неужели сам пожаловал?

Позвонил Жориков в гараж, вызвал машину к подъезду штаба, вскочил на привычное место порученца – рядом с водителем и рванул к пункту назначения.

Но далеко уехать у него не получилось.

Не успела «Волга» вырुлить на транспортное кольцо у гостиницы Исеть, как влетел ей в заднюю полусферу какой-то выдавший виды «москвичок».

Жориков выскочил из машины, кинулся к водителю – пенсионеру в очках с толстенькими стёклами:

– Куда ты глядел, папаша?

А тот только руками развёл:

– Прости, сынок, педаль газа с тормозом перепутал... – и спросил испуганно. – Как расходиться будем? Денег у меня таких, чтобы твою важную машину чинить всё равно нет...

Жориков оглядел «Волгу», к которой Плаксин относился не иначе, как к члену семьи: вроде повреждения-то – не значительные, но парадный вид машины испорчен. Жориков смекнул: если вызвать автоинспекцию, тут же вскрыется, что машину генеральскую он без разрешения взял и тогда уже точно Плаксин его из политуправления выгонит.

Он успокоил пенсионера:

– ГАИ вызывать не будем! – сунул старику трёшку за молчание, а сам приказал водителю:

– Поехали на танкоремонтный завод!

К начальнику танкоремонтного завода Плаксин уже как-то посылал Жорикова с поручением, связанным с ремонтом этой самой «Волги». Начальник оказался земляком Жорикова, уроженцем из соседнего села. На его добрую помощь и надеялся теперь Ося.

– Когда надо машину отрихтовать? – понял всё с полуслова начальник завода.

– К семи утра должна быть, как новенькая, Иван Иванович... Мне генерала в восемь встречать на аэродроме...

– Ладно, не горюй, капитан, выручим! Только с работягами моими по оплате сам договаривайся. Им работать внеурочно, в приказном порядке заставить не могу...

Жориков договорился за четыре бутылки водки. В самый

разгар антиалкогольной компании – лучшего расчётного средства и не сыщешь.

У Жорикова, как у спортсмена, интереса к спиртному никогда не было, поэтому дома у него хранилось несколько бутылок «Столичной», приобретённых ещё по ельцинским талонам. Он тут же вызвал такси и отправился за водкой, а умельцы взялись за ремонт машины.

Ночь у Жорикова выдалась бессонная. Надо было как-то объяснить командиру автороты отсутствие генеральской машины в гараже, да и солдата-водителя проинструктировать, чтобы не болтал лишнего. Да и волнение давало о себе знать: как тут уснёшь, когда считанные часы до встречи с Плаксиным остались.

Жориков лично проследил, как жестянщики выправили заднее крыло, как отполировали его, покрыли «родной» краской (хорошо, что такая осталась с прошлого ремонта), как высушили покрашенную поверхность и водрузили крыло на место...

Прилетевший генерал Плаксин ничего не заметил. Жориков отвёз его домой и вздохнул с облегчением – пронесло!

Однако через несколько дней история, случившаяся с его машиной, всё же дошла до ушей Плаксина: то ли солдат-водитель проболтался, то ли командир автороты доложил, что машина всю ночь отсутствовала, то ли кто-то из танкоремонтного завода стукнул...

Плаксин вызвал Жорикова к себе в кабинет и, выпрыгнув из-за своего массивного стола, подкатился к нему.

– Ты почему мне правду не сказал, капитан? – этот «капитан» свидетельствовал о высшей степени генеральского недовольства, ибо последнее время Плаксин Жорикова звал только по имени.

– Не хотел вас волновать по пустякам, товарищ генерал. У вас ведь и так столько забот! А нервы беречь надо... Я же – ваш порученец. Если я не побеспокоюсь о вас, кто ещё?

Плаксин даже прихлопнул себя толстыми пальцами по ляжкам – как ловко выкрутился:

– Ладно, проехали... – смилостивился он, да и, что было гневаться: крыло-то, как новое...

Уже в следующее мгновение генерал заговорил совсем о другом.

– Ты ведь мне, Ося, как сын. Потому и говорю с тобой открыто. Знаю, что с женой у тебя не лады... А давай-ка ты разведись со своей благоверной... – вдруг предложил он.

Вспомнилось тут Жорикову, как Мария Петровна недавно расспрашивала его про семью, про жену и двух дочек. А семейная жизнь у Жорикова к этому времени вовсе расклеилась. И не то, чтобы, как писал пролетарский поэт «семейная лодка разбилась о быт», с бытом-то как раз всё было устроено: двухкомнатная квартира имелась и зарплаты капитанской вполне на содержание семьи хватало. Только вот Ольга в какой-то момент, словно с катушек слетела, пустилась во все тяжкие: рестораны, кавалеры, несколько раз и вовсе дома не ночевала... Словом, стала вести себя так, как не только жене офицера политуправления, но и любой порядочной семейной женщине не положено... Жориков всё это генеральше в доверительной беседе выложил, а она, значит, их разговор мужу передала.

Плаксин тем временем продолжал:

– Последствий от развода не бойся! Тут я похлопочу, чтобы всё прошло тихо, без парткома и парткомиссии... А после, какое-то время спустя, мы тебя на нашей Вике женим. Ты ей нравишься. Ваня к тебе привык. Со временем усыновишь его. И будем мы жить одной дружной семьёй, тебя дальше по службе продвигать.

Жориков внимательно выслушал Плаксина, окинул его ясным взором и сказал, как отрезал:

– У меня ведь, товарищ генерал, свои дети есть. Я их не брошу.

– Да-а-а, Ося... – протянул Плаксин. – Значит, не хочешь ты генералом быть...

– Хочу, – отозвался Жориков, – но детей не брошу!

– Ну и чудак ты, сам знаешь на какую букву...

– Знаю... – подтвердил Жориков с таким простодушием, что Плаксин только в сердцах рукой махнул:

– Иди, уже, служи!

– Есть! – прищёлкнул каблуками Жориков, браво развернулся кругом и, по-уставному печатая шаг, отправился служить дальше.

2018

ВИКТОР КИРЮШИН

С 65-летним юбилеем!

Кирюшин Виктор Фёдорович родился в 1953 году в Брянске. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Публиковался в журналах и альманахах Москвы, России. Автор многих книг стихов.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Секретарь Союза писателей России. Лауреат Всероссийских премий им. Тютчева «Русский путь», им. Николая Гумилёва, Международной премии им. Андрея Платонова, Независимой премии им. Бориса Корнилова.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Живет в Москве.

Судимир

Ночной перрон как будто вымер,
Безлюден крохотный вокзал:
– Какая станция?
– Судимир!
Случайный голос мне сказал.

Живя обыденным и сущим,
Кто не загадывал из нас
О предстоящем,
О грядущем,
Что ожидает в некий час?

Бесстрастно время, словно молох, –
Нам не дано его продлить...
Но заглянуть за тёмный полог?
Предвидеть?
Предопределить?

За что же будем мы судимы?
Когда и кем?
Предвосхити,
Поскольку неисповедимы
Земные краткие пути.

Но больше не было ответа,
Лишь волновало душу мне
Чередованье тьмы и света
В незанавешенном окне.

Роща

Вот и птицы певчие отнекали,
Стало подмораживать к утру.
Невообразимыми оттенками
Польхает роща на ветру.

С тихим звоном ветви долу клонятся
Вдоль стволов,
Отмытых добела.
Храм пресветлый,
Золотая звонница,
В поднебесье кроны – купола.

Ослепит высокое сияние
Подождённых холодом деревьев –
И душа запросит покаяния,
Запоздалой мудростью прозрев.

То стыдом,
То горечью охвачена,
Заболит, замечется она...
Видно, рано думать, что оплачено
За ошибки прошлые сполна.

* * *

День точит берег невысокий
Густая тёмная вода,
На струнах высохшей осоки
Скрипач играет иногда.

Смычок невидимый взлетает
В озябшей маленькой руке,
И, невесомая,
Не тает
Снежинка на его щеке.

Но услышать мотив нездешний
Не всем дано, и потому
Лишь опустелая скворешня
Внимает с берега ему.

Наивно требовать оваций,
Но даже зная, что почём,
Невыносимо оставаться
Неоценённым скрипачом.

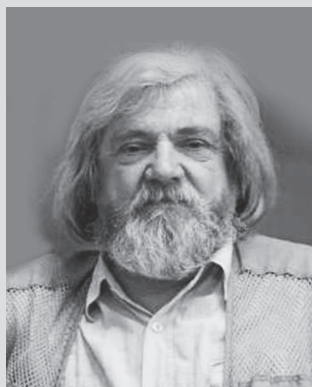
И он задумается грустно,
Иронизируя не зло,
Что лишь сочувствие – искусство,
Всё остальное – ремесло.

* * *

Пишите от руки
Раскованно и вольно.
Пишите от реки,
От рощи белоствольной.

От первого лица
Пишите ночью мгlistой,
От первого скворца
На веточке безлистой.

В предутренней тиши,
Где свет мерцает влажно,
Пишите от души...
А прочее – неважно.

ОЛЕГ НИК ПАВЛОВ

С 65-летним юбилеем!

Олег Николаевич Павлов (Олег Ник Павлов) родился 3 декабря 1953 года в с. Кыйлуд Нылгинского района Удмурдской АССР.

Поэт, прозаик, драматург. Автор многих сборников прозы и стихов.

Лауреат Государственной премии Челябинской области, литературной премии имени Константина Нефедьева, Первой Южноуральской литературной премии, премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Председатель Челябинского регионального отделения Союза писателей России.

Руководит областным литературным клубом «Светунец».

Член Союза писателей России с 2003 года. Живет в Челябинске.

* * *

Уже на юг,
 любимый север бросив,
Ложатся нити птичьих поездов...
Вчера в лесу опять вздохнула осень –
Я подсмотрел, подслушал этот вздох.

Пахнуло снегом, задрожали листья...
Еще не все, еще придет тепло!
И солнце в небесах еще не низко,
И небу от него еще тепло.

Но подан знак!
Не обжигая веток,
Горят деревья
 ярче с каждым днем,
Пытаясь растопить холодный ветер
Своим напрасным золотым огнем.

Но ветер оборвет живое пламя,
Тяжелый дождь ударит по костру,
И первый снег тяжелыми крылами
Накроет облетевшую листву.

Уже на юг,
 любимый север бросив,
Ложатся тени птичьих поездов.
Вчера в лесу
 опять вздохнула осень –
Я подсмотрел,
подслушал этот вздох...

1982

Родники

За деревней Родники
Разгуделись осы,
Травы росны, да дики –
Позабыли косы.

Во деревне Родники –
Брошенные избы...
Кабы жили мужики –
Детки повелись бы.

Во деревне Родники
Ни креста, ни храма,
Берега ее реки
Жрет оврагов яма.

Говорили старики:
Чёрный день настанет –
Пересохнут родники,
И реки не станет.

Позабудем Родники,
Как забыли детство,
Только родинке с руки
Никуда не деться.

Ой, ты Русь-река, теки
Через ос и грозы!
В твоё русло Родники
Льют и кровь, и слезы...

2012

Туман

Над рекою туман такой,
Что не видно самой реки.
Руку вытяни над рекой –
Не увидишь своей руки.

Нет ни берега, ни моста,
Нет ни дерева, ни куста.

Вброд – на ощупь,
 вплавь – наугад,
В никуда ниоткуда, вслепь...
В том тумане ничья нога
Никакой не оставит след.

Мир опутала пелена
Туго-туго, как береста.
То ли рыба, то ли луна
Бьётся в поисках нереста.

Нет ни берега, ни моста,
Нет ни дерева, ни куста.
Ни Руси, ни над ней креста –
Сплошь неведомые места...

Но растаивает туман –
Вот и берег, а вот – мостки...
Так истаивает обман –
Всё на месте, и все – близки.

Вот и путь,
 вот и Русь окрест,
И орлится над нею крест.

2007

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

Нина Александровна Ягодинцева родилась 29 января 1962 года. Кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов, цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями и более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат Всероссийских и Международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики.

* * *

Последней каплей воздуха клянусь –
Не оглянусь! И тут же оглянусь.

Но улочка осенняя пустая,
В задымленное небо прорастая,
Дрожит и расплывается:
Над ней
Уже плывёт гроза грядущих дней.

Здесь жизнь была!
С дерев на перекрёстки
Потоком льются крохотные блёстки –
Пустые облетают зеркала...
Но жизнь – была!

И, жадный взгляд безжалостно стирая,
Взвивается из крон воронья стая,
Летит, как будто счастье унося.
Оглядываться, стало быть, нельзя.

А пуще – клясться выдохом и вдохом
Прошедшим ли, грядущим ли эпохам:
– Не оглянусь. Моё всегда со мной.
– Оглянешься. Но пусто за спиной.

2015

* * *

Повсюду только свет, но каждому по вере,
Не этой, где война, а неизбывной – той...
Никто не умирал – но заблудился в ветре,
Растаял по весне, в поля ушёл водой.

Повсюду лица их, внимательные взоры,
Безвестные слова на смутном языке
Давно забытых снов... О, из какого сора
Мгновенный вихрь судьбы
встаёт на сквозняке!

И, опадая в прах, души не отпускает
От розовых долин, белоколонных рощ...
Таинственная речь под сердце подступает –
И умолкает ложь,

И проступает свет. И в лоне этой речи
Прекрасны лица рощ, и взоры дальних гроз,
И лёгок смех воды, и оправдаться нечем,
И радостно до слёз.

2010

* * *

Ты ли, огонь, тая,
Ищешь душе соседства?
Тихая речь твоя
Да не коснётся сердца!

Замкнутое замком –
Сводом высокой сини,
Слово моё закон
Неумолимой силы,

Ибо стоит за ним
Медленный ход созвездий.
Именем ли твоим
Молча клянутся вести –

Место им у ворот
Перед щитами стражи.
Только одна войдёт –
Которая правду скажет.

2012

Маме

Спит в кувшине молоко,
Дочь уснула в колыбели.
Половицы заскрипели...
Оглянулась – никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна, как невеста,
Тоненькая занавеска –
И за нею никого.

За окном сплетает сад
Полудённую прохладу,
А по самой кромке сада
Колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
Просит птиц угомониться,
На узорчатые листья
Осыпая лёгкий зной.

Пригляделась – никого,
А прислушалась – молитва...
Тихо скрипнула калитка
Где-то очень высоко.

2013

АРСЕН ТИТОВ

С 70-летним юбилеем!

Титов Арсен Борисович родился в 1948 году в селе Старо-Базаново Бирского района Башкирской АССР, окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Член Союза российских писателей с 1994 года, председатель правления Екатеринбургского отделения Союза российских писателей и сопредседатель Союза российских писателей, автор 22 книг прозы, лауреат Международной премии «Ясная Поляна» и других литературных премий. Живет в Екатеринбурге.

ПЛОХАЯ ЖЕНЩИНА

(новелла)

Кувакин встретил плохую женщину. Он стоял по одну сторону улочки перед светофором и ждал зеленый свет. Она стояла по другую сторону, тоже ждала зеленый свет и почему-то Кувакину улыбалась. Возможно, она улыбалась совсем не ему. Может быть, она вспоминала какого-то хорошего человека или читала наизусть хорошие стихи, или хорошо думала про день, зимний и яркий. Но Кувакин подумал, не знакомая ли, и тоже стал улыбаться. Он стал улыбаться, стал вспоминать, если знакомая, то кто и как знакомая. Украдкой он стал ее рассматривать.

Была она толстая и страшная (ударение на предпоследний слог), с толстым круглым и белым, без румянца, лицом. Глаза были узкие и будто нарисованные углем. Нос был то ли пупырькой, то ли картошкой, а зубы – такие зубы, конечно, принято называть лошадиными. Губы под стать глазам были тоже узкими и густо, в перехлест форме, покрашенными.

Одета она была нескладно, хотя было видно, что хорошо одеться старалась. На ней красовалась некая синяя епанча с меховой оторочкой и венгерскими шнуровками на бюсте и животе, а поверх шнуровок лежал длинный зеленый шарф. Голову украшала шляпка, схожая с птичьим гнездом или растрепавшейся чалмой, если бы их поместили на трубу.

– Ну, небось так и колготки вперекрутку и колени оттопырены. Чучело на масленицу! – сказал бы Кувакин, кабы это впечатление не ломала улыбка.

Губы были вперехлест форме покрашенными, зубы торчали, помада кусочками прилипла к ним – даже через улочку это было видно. Но эти губы неожиданно оживляли и красили (в смысле украшали) ее лицо и давали странный отблеск на епанчу с венгерскими шнуровками и зеленым шарфом поверх. И этим своим перехлестом губы лепили улыбку так, что всем говорили за женщину: «Я старалась!»

Надо же! – вместо своего сравнения с чучелом сказал Кувакин.

Улицу он переходить не стал, подождал женщину на своей стороне. Она подошла к нему. Улыбаясь, они перебросились несколькими словами и разошлись. Конечно, Кувакин не вспомнил, где и как она могла быть его знакомой.

Потом они встретились ближе к весне и тоже на улице, тоже навстречу друг другу. Она была в той же синей епанче с зеленым шарфом, той же полурастрепанной чалме и той же улыбке: «Я старалась!» Но Кувакин нашел в ней большее, хотя, конечно, чисто по-мужски пожалел, что у нее все так нескладно и некрасиво.

– Небось, так и в жизни все наперекосяк! – пожалел он, будто у самого было не наперекосяк.

Но на свой перекосяк он не обращал внимания, а на ее перекосяк обратил, то есть, вернее, об ее перекосяке предположил и сразу же пожалел. При следующей встрече – в мае и вечеряющей порой, – когда всюду сверкочет сам черт и подтыкает на всякие азази (это мы сказали, чтобы не впасть в лирику по поводу майской вечеряющей поры) Кувакин и страшная (ударение на предпоследний слог) женщина разговорились несколько более, и он узнал, что она руководит небольшой, но процветающей фирмой, и ничего у нее не наперекосяк, ну, разве что с мужем развелась, так с таким подлым существом следовало развестись гораздо раньше.

Черт им подоткнул, и они медленно, с самым незначимым разговором пошли в одну сторону. Одетая на этот раз она была в голубой джинсовый костюм. Колени из-под юбки гляделись помятыми дынями. Толстые икры вформовывались в шнурованные полусапоги. Из тесной куртки выдавливался, будто паста из тюбика, и натекал на грудь вспененный, но сероватый от времени кружевной бант. И опять в улыбке была сквозящая, едва не детская просьба: «Я старалась!»

Сообщение о разводе с мужем, то есть само существование мужчины, способного стать ей мужем, Кувакина удивило.

– Надо же! – сказал он в мыслях, а потом прибавил: – А что надо же! Небось, так не один был муж!

О не одном муже открылось чуть позже, в следующий раз, в августе. Он, август, оказался чертячее мая. Народ, видно, все

лето надеялся на погоду, все лето ждал – вот-вот будет. И кинулся в августе догонять упущенное. Август откликнулся парным теплом, трепетными и лиловыми, как глаза молодой лошади, ночами. Народ вывалился гулять. В толчее гулянья их опять столкнуло нос к носу. И, как клеймо иконы Николы Зарайского незатейливо повествует об одном из его страстотерпий, говоря: «Рыба Николу исплуну», так и у них вышло все незатейливо. Он предложил присесть за столик летней кафушки. Они присели зело, и от всякие их разговоры и от достаточные возлияния случилась у них в душе сумячь, и вста, и поидоша, и искрение в телесех их взгори. То есть, было все так, как обычно бывает между мужчиной и женщиной. Сначала он если не пошло, то довольно плоско острил, а она на эти плоскости всхихикивала. Потом они коротко поговорили о работе. Потом он все более стал помалкивать, а она все более стала изливаться, и от этого изливания он узнал о неоднократном ее замужестве и неблагодарности подруг, о прочих сложностях жизни. И излилась она тоже незатейливо, без надрыва, без ожидания жалости, а как-то просто и искренне, на том же уровне: «Я старалась!»

Она говорила, отпивала из пластикового стакана вино, улыбалась. Помада, накрашенная вперехлест, прилипла к зубам и Кувакину казалось, она ее пьет вместе с вином. Лицо ее от вина не размякло, так и белело большой сковородой, а маленькие узенькие глазки из-за густой туши казались крепко пришитыми пуговичками. Что и говорить, была она толстой и страшной (ударение на последний слог) женщиной. Однако, уже приглашая ее за столик, Кувакин чувствовал к ней жалость и симпатию и то самое в теле искрение, которое чуть ранее определено было незатейливыми словами страстей Николы. И искрение он в себе почувствовал не тогда, когда вста и поидоша, а раньше, когда приглашал за столик, собственно, приглашал уже потому, что испытал жалость и симпатию и это искрение. Конечно, август дышал парным теплом, встрепывал лиловым глазом молодой лошади, и, – по сути, много ли мужчине надо. Это они только между собой хорохорятся и якобы с сознанием дела рассуждают о красивых женщинах. А в жизни они искрят перед любой, самой обыкновенной или даже самой невзрачной, и тянутся потом за ней, и мычат, как

телята, ммму! – лишь бы не была женщина дурой и не отключала бы своей дуростью это искрение. Кстати, этой способностью – заискрить перед любой женщиной, а не только перед красоткой, определяется настоящий мужчина, и совсем ни при чем здесь присказка о малом количестве водки.

– Поедемте ко мне! – предложил Кувакин.

– То есть на ночь? – спросила она.

– До самого позднего утра, если вам не надо рано в свою фирму! – сказал он.

– А почему бы и нет! – сказала она, помолчав. – Могу я, женщина, принять знаки внимания такого мужчины? – слово «такого» она, конечно, выделила голосом, а он поморщился.

Они пошли рядышком, потом она взяла его под руку, а потом он взял ее за талию, отметив, что телом она упруга.

– Вот как славно! – примерно так отметил он.

Они пошли молча, и им стало слышно, как тела их отзываются друг другу. Идти было не очень удобно. Толстое ее бедро непроизвольно Кувакина отталкивало, при этом рука его с толстой талии срывалась. (Не такой уж крупный мужчина был Кувакин.) Бедро отталкивало, рука срывалась, но Кувакин плотнее прижимался, ставя свободную, не прижатую, ногу в подпор, то есть чуть в сторону. Она этого не замечала. Тела их слушали друг друга.

Перед троллейбусной остановкой на углу улиц, уже в полной темноте встретила им одинокая цветочница с розами. Кувакин сунулся за деньгами, а после кафушки карман оказался пуст.

– Только пять рублей! – сказал он в разочаровании.

– Отдам за пять! – сказала цветочница.

Кувакин выбрал розу, церемонно подал своей женщине, а цветочнице посочувствовал.

– Если вы завтра будете здесь, я доплачу до полной стоимости. Сейчас у меня, правда, только пять рублей! – сказал он цветочнице.

– Да идите, идите. Доплатили уже тем, что готовы заплатить! – засмеялась цветочница.

– Господи! Какая красивая роза! И на последние деньги! Во-

обще, какая красивая история! Какой вы мужчина! – в восторге сказала Кувакину его женщина.

Они прошли еще немного. Она вдруг спохватилась.

– Как же мы поедем к вам, если у вас нет денег? – спросила она.

– Дома есть. Приедем, и я заплачу водителю. Он подождет! – сказал Кувакин.

– Нет! – решительно и в каком-то удовольствии возразила она. – Вот возьмите деньги на машину. А дома мне отдадите. Женщине ведь не прилично платить! – она вынула из сумочки сотню.

– Конечно! – сказал он, и было кинулся поймать машину.

Она остановила.

– Пройдемте еще немного! – попросила она.

Прошли еще немного. Он снова, как мог, держал ее за талию, она прижималась к нему и большим толстым бедром при каждом шаге отталкивала его. Чтобы удержаться, он ставил свободную ногу немного в подпор, то есть чуть в сторону. Она этого не замечала. Она не отрывала розы от лица и дышала ее ароматом, дышала. Он же шел с несколько отставленной ногой и думал, что тот, кто сейчас их видит, явно над ним насмехается.

Вдруг она остановилась.

– Ах! Неужели это кончится! – сказала она с каким-то явно ощутимым нарастающим внутренним вихрем.

Он хотел ответить ей что-то ласковое, взглянул на нее. Она смотрела вверх и мимо, куда-то на фонарь или даже мимо фонаря, в серое от его света небо. Зрачки ее то исчезали, то выхлестывались во весь глаз. Она была глубоко в себе. Она ничего не видела. Она застыла. Но вихрь ощущался. И этот вихрь передавали ее зрачки. Они попеременно исчезали и выхлестывались – выходило нечто похожее на азбуку Морзе, когда ее передают в ночи прожектором, только в данном случае как бы темным прожектором в светлой ночи.

– Как я вам благодарна! – в глубоком волнении сказала она.

– Только бы не стала читать стихи! – почему-то испугался он.

– Я, правда, вам благодарна! – не отрывая розы от губ, более успокоенно сказала она.

Он лишь улыбнулся. Они прошли еще немного, и она вновь остановилась.

– Знаете, – сказала она. – Мне так хорошо, что лучше уже не будет. Давайте на сегодня расстанемся!

– Как? Почему? – запротестовал он.

– Сегодня расстанемся, а встретимся завтра! В семь вечера! На том же месте! Завтра я буду ваша! Правда, правда! – зашептала она. – А сегодня нет. Сегодня нет. Сегодня оставьте остаток вечера мне!

– Да что же вы! – продолжал протестовать он, хотя понял, что протестовать бесполезно – она не лгала, ей действительно было хорошо.

– Поверьте, я и сегодня ваша, только по-другому! Поверьте! А завтра встретимся в семь часов, и я буду принадлежать вам всю ночь, поверьте! – прошептала она, махнула рукой и втиснулась в остановившегося частника. – Завтра! – крикнула она.

Но завтра у них не вышло. Завтра Кувакину навалили друзья – один по случаю отъезда жены на богомолье, другой по случаю размолвки с любовницей, третьего позвали сами, мимоходом заглянул и остался четвертый, отыскался пропавший с самой зимы пятый – взгрянули хорошо, а после завтра добавили. Кувакин оба дня убеждал всех, что ему надо встретиться с женщиной, но присесть за столик той летней кафешки ему довелось только на третий день – и, разумеется, впустую.

А встретил ее Кувакин через два года. Оба сделали вид, что удивились и в первую секунду даже попытались изобразить удивление неподдельным. У обоих это не получилось. У Кувакина не получилось из-за чувства вины. Ее же неудачу он объяснил оскорбленностью.

– Ну что, как поживаете? – с вызовом спросила она.

– Да вы уж извините! – сказал Кувакин.

– Ха-ха! Очень-то мне нужно! – фыркнула она.

Лицо ее, круглое, толстое и белое, стало злым. Таких злых лиц Кувакин, пожалуй, никогда не видел, ну, разве только в кино – артисты умеют и часто изображают злость. Кувакин не совсем понял, отчего можно быть таким злым, но все-таки нашел, что надо объяснить.

– Мы как-то глупо... – стал говорить он.

– Не мы, а вы! И не глупо, а подло! – закричала она.

Несколько ярко-пунцовых пятен различной величины вспыхнули на ее злом и белом лице. Оно стало походить на схему местности с отметкой очагов радиационного поражения.

– Да вы, пожалуйста... – хотел сказать Кувакин.

– Я не привыкла содержать мужчин! Вы когда вернете мне сто рублей? Это подло! – снова закричала она.

– Сто рублей? – спросил он, а сам подумал, что она его с кем-то путает.

Он еще думал, что она его с кем-то путает, что не брал он у нее сто рублей, а сто рублей уже всплыли, он про них вспомнил – и следовало бы сейчас посмотреть на Кувакина кому-нибудь из его знакомых! Он спешно полез в карман и спешно отдал ей сто рублей. И люди видели, что отдал, и видели, какой он был при этом.

На службе спросили, что с ним, и он рассказал.

– Вы бы знали, какую плохую женщину я встретил! – сказал он и не удержался во всем признаться.

Единственная на службе женщина, выслушав, сказала:

– Она не плохая. Она дура. Я бы на ее месте закричала: ну когда вы, наконец, переспите со мной, я ведь вам заплатила два года назад!

Сослуживцы-мужчины на нее посмотрели сначала с недоумением, а потом кинулись ей возражать.

– Нет, нет! Она не дура! – кинулись они возражать сослуживице и защищать плохую женщину. – Она не дура! Она на самом деле плохая женщина!

Якобы они знали нечто большее.

ГРИГОРИЙ КАЙГОРОДОВ

С 70-летним юбилеем!

Кайгородов Григорий Константинович родился 28 мая 1948 года в селе Колёг-Еган Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области.

В 1974 году окончил Свердловский государственный медицинский институт.

Ветеран Тюменской области.

Член Союза писателей России (2015). Детский поэт. Автор нескольких книг для детей.

Лауреат конкурса «Золотое шахматное перо России», серебряный лауреат конкурса «Золотое перо – 2014», дипломант регионального конкурса в номинации «Самая популярная книга – 2013».

Награжден Почетной грамотой окружной Думы ХМАО – Югры.

В настоящее время проживает в Тюмени. Пенсионер.

НОВОГОДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИ И СЕРЁЖИ В ШАХМАТНОМ КОРОЛЕВСТВЕ. (пьеса)

Первоклассница Оля и её брат дошкольник Сережа перед Новым годом неожиданно для них, попадают в шахматное королевство. Чтобы доказать шахматному Белому Королю, что они не вражеские шпионы, а дети, они должны сдать экзамены по знанию шахматных правил. Беда в том, что Оля и Серёжа не умеют играть в шахматы. Как Оля и Сережа сдавали экзамен по правилам игры в шахматы и как они вернулись домой, можно узнать, прочитав эту сказку. В сказке много новых шахматных песен.

Действие – 1

Конец года, 31 декабря. Большая комната. Новогодняя наряженная елка. У елки дети. Дети недавно пришли домой. Девочка Оля из гимназии, где учится в первом классе, и её брат Сережа из старшей группы детского сада. Под ёлкой лежит много подарков. Дети у ёлки, и с интересом рассматривают на ней игрушки. Ёлку украшают шарики, домики, лошадки, орешки, куколки, фонарики, зверюшки и ещё много других игрушек. Среди игрушек на ветке ёлки сидит большой филин.

С е р ё ж а: Смотри, Оля, какой большой филин сидит на ёлке! Какие у него круглые зелёные глаза. Он всё время смотрит на нас.

О л я: Да, я тоже обратила на это внимание. Но я рассматриваю куколку и мне сейчас не до филина; смотри, какое красивое платьице у этой куколки!.

Подошли папа и мама.

М а м а: Мы с папой пойдём, погуляем и купим ещё что-нибудь вкусенькое к праздничному столу. Через час мы вернёмся, а вы пока побудьте дома. К вечеру придут гости – все будем

встречать Новый год. Прошу не трогать подарки под ёлкой. Мы их подарим тогда, когда все сядут за стол. А филин на ёлке будет охранять подарки и следить за порядком. Да, филин? Мы тебе доверяем наших детей.

Детям показалось, что филин чуть кивнул головой и моргнул зелеными глазами. Когда родители ушли, дети продолжали рассматривать ёлочные игрушки. Но больше всего им очень хотелось посмотреть подарки. Подарки лежали под ёлкой в больших ярких пакетах, и каждый пакет был подписан.

О л я (читает вслух надпись на одном из пакетов):
Для Оли и Серёжи.

С е р ё ж а: Оля, давай подсмотрим, что за подарки в пакете?.

О л я: Нет, Серёжа, мама сказала, чтобы мы подарки не смотрели раньше времени.

С е р ё ж а (хныча): Оля, мы ж только совсем не много....

Сестре самой очень хотелось посмотреть, что лежало для них в новогоднем пакете и она, глубоко вздохнув, кивнула головой.

О л я: Серёжа, смотри, глаза у филина стали красными: он сердится.

С е р ё ж а: Ерунда, он не живой, а всего лишь ёлочная игрушка и сердиться не может.

Берёт в руки пакет. «Смотри Оля, шахматная доска с шахматными фигурками». И подаёт шахматную доску Оле. Затем достаёт из пакета книгу.

О л я (читает): «Азбука шахмат в стихах».

На ёлке филин встряхнулся так, что даже закачалась ветка.

Ф и л и н (ухнул): «Ух!!!»

Взмахнул крыльями. Налетел вихрь. Он закружил Олю и Серёжу.

Действие – 2

Большой зал с огромной шахматной доской на полу. В зале стоит высокая Новогодняя ёлка с ёлочными игрушками, под ёлкой расположен шатёр, на котором написано. «Его Величество шахматный Белый Король». Оля и Сережа открыли глаза и увидели, что они находятся на шахматной доске. К ним идет воин с мечом в шлеме, в светлых доспехах.

В о и н: Вы кто такие и как сюда попали? Вы не походите ни на одну шахматную фигуру. Отвечайте, кто вы?.

О л я: Мы дети – Оля и Серёжа. А Вы кто? Где мы находимся?

В о и н: Я шахматная пешка. Вы находитесь в шахматном королевстве, Его Величества Белого Короля.

О л я: Мы и сами не знаем, как мы попали в Ваше шахматное королевство. Стали без разрешения родителей рассматривать подарки, которые лежали под новогодней ёлкой, но налетел вихрь, и вот мы оказались здесь.

П е ш к а: Значит вы не шахматные фигуры? Вы непослушные и любопытные дети?

С е р ё ж а: Нет, мы послушные дети, но нам очень захотелось чуть-чуть посмотреть подарки, которые нам подарят на Новый год родители.

Из королевского шатра вышел высокий, одетый в доспехи воин. На груди и на шлеме у него был знак «Ф».

В о и н (строго): Что за шум? Вы мешаете Его Величеству Белому Королю думать, подойдите ко мне!

П е ш к а (кланяется и шепчет детям): Кланяйтесь, это Ферзь, главный военный министр Его Величества Белого Короля». Дети делают поклон Ферзю и подходят к шатру.

С е р ё ж а (шепчет Оле): Смотри, на ветке сидит наш филин, а глаза его попеременно становятся то зелёными, то красными. Он, видимо, нас о чём-то предупреждает.

Ф е р з ь: Пешка, что это за фигуры? Что-то я таких шахматных фигур ещё не видел? Как они попали сюда? И кто их пропустил к шатру Его Величества Белого Короля?

П е ш к а: Они говорят, что дети, а не шахматные фигуры. Они не послушались своих родителей, и сами не знают, как попали в наше шахматное королевство.

Ф е р з ь (сурово): А что это у них в руках? *Берёт в руки шахматную доску с фигурами и книгу. (И уже более мягко детям):* Шахматная доска с фигурами и книга «Азбука шахмат в стихах» для детей. О!.. Я слышал, что «Азбука шахмат в стихах» – хороший шахматный учебник. По ней легко можно научиться играть в шахматы любому начинающему и даже ребёнку. Я знаю, что все дети любят шахматы. Если вы дети, а не шахматные фигуры, то должны знать все правила игры в шахматы в отличие от шахматных фигур, которые знают только свои ходы и ходят туда, куда им прикажут. Утром представляю вас Его Величеству Белому Королю. Он всем попавшим в наше шахматное королевство проводит экзамен по правилам игры в шахматы. Вы должны ответить на все его вопросы. Если вы не шахматные фигуры – шпионы, проникшие к нам, чтобы разведать наши планы, а дети, то должны знать все шахматные правила. Его Величество Белый Король, убедившись, что вы знаете все правила, вас отпустит домой. Завтра у нас большой шахматный праздник, а сейчас все очень заняты. Пешка, уже поздно, отведи их в башню до утра и закрой на замок.

Он возвращает детям шахматы с книгой и уходит в королевский шатёр.

П е ш к а (детям): Пойдёмте со мной!

Она ведёт их в большую высокую башню.

О л я (Серёже): Как мы завтра будем сдавать экзамен по правилам игры в шахматы? Мы же не умеем играть. У меня школа, уроки, музыка, телевизор. У тебя детский сад, компьютер, футбол, телевизор. На шахматы у нас не было времени. И только сегодня родители нам должны подарить шахматы и этот шахматный учебник.

С е р ё ж а: Ферзь сказал, что «Азбука шахмат в стихах» – хороший шахматный учебник для всех начинающих и даже для детей. Мы любим читать стихи и легко запомним правила игры. До утра ещё далеко.

Все подходят к высокой башне. Пешка заводит их в башню и закрывает за ними дверь.

Действие – 3

В башне темно и страшно.

О л я (*сквозь слёзы*): Как же я буду читать «Азбуку шахмат», если здесь так темно?

Вдруг они слышат хлопанье крыльев. На решетку окна села какая-то птица. Это был их знакомый филин. Глаза его загорелись ярким светом, и в башне стало светло.

Ф и л и н: Вы не послушались родителей – и вот попали в эту башню. Но завтра вы сдадите экзамен по правилам игры в шахматы и Король вас отпустит домой. Завтра здесь большой праздник – новогодний шахматный бой. Король в это день всегда милостив.

О л я: Но мы с Серёжей не умеем играть в шахматы и не знаем правил игры. Разве мы сумеем сами за ночь выучить все правила? Я слышала, что научиться играть в шахматы не так уж просто.

Ф и л и н: Оля, ты учишься в школе и умеешь хорошо читать. У тебя в руках «Азбука шахмат в стихах», по которой ты легко выучишь все правила игры в шахматы и научишь брата. Я ещё не встречал шахматного учебника, где все правила игры в шахматы были написаны стихами. Я уверен, что к утру, вы будете уметь играть в шахматы, если серьёзно ими займётесь.

С е р ё ж а: Нас дома потеряли мама и папа, они ведь сказали, что придут через час.

Ф и л и н: Нет, они ещё не пришли и вас не потеряли. В этом шахматном королевстве сутки длятся в течение часа нашего времени. Здесь наступит утро, а дома у вас ещё не пройдёт и час.

О л я (*открывает «Азбуку шахмат в стихах» и читает*):

Учитесь в шахматы играть –
 Древнейшую игру.
 Она научит побеждать
 В учёбе и бою.

Научит думать и решать,
 Как верный делать ход.
 С ней легче будет мир познать
 И совершить поход.

Учитесь в шахматы играть –
 Мудрее нет игры.
 Её секреты разгадать
 Тогда сумеешь ты.

С е р ё ж а: Очень интересное начало. Читай дальше.
 О л я: Смотри, какие интересные красочные картинки.
 (*Читает*):

Вот игровое поле боя:
 Пестрит квадратами доска.
 Приказ и войско удалое
 Бежит вперёд, кричит: «Ура!»

Ты, полководец, должен знать,
 Что даже в шахматах фигуры
 Нельзя бездумно в бой бросать:
 Бой – не уроки физкультуры!

О л я: Игра в шахматы требует серьёзного внимания и каждый ход надо делать, продумав его хорошо.

(*Продолжает читать книгу*)

Каждая шахматная фигура имеет силу.

С е р ё ж а: Вот здорово! Конь по силе равен слону или трём пешкам, а ферзь равен по силе десяти пешкам. Какой он сильный!

О л я (*читает*):

На шахматной доске король
Играет ключевую роль.
И цель игры – его пленить,
Заставить сдаться – победить.

С е р ё ж а: Я понял, надо заставить сдаться короля противника.

Читай дальше.

О л я (*продолжает читать*):

На короля напали – шах!
Умей держать себя в руках,
Спасти и продолжать игру,
Разбить противника в бою!
Но если шах!.. Спасти нельзя,
То это мат уже, друзья!

С е р ё ж а: Я всё понял. Надо напасть на короля противника и поставить ему мат.

О л я: Серёжа, давай на шахматной доске ставить шахматные фигуры так, как здесь написано.
(*Серёжа расставляет шахматы*).

О л я (*читает книгу*):

Восемь пешек в один ряд
Дружно первыми стоят.
Не пропустят свой черёд:
Смело в бой пойдут вперёд.
Первый раз на шаг, на два,
А затем на шаг всегда.
Чин высокий пешку ждёт,
Если все поля пройдёт...

О л я: Смотри Серёжа, вот маленькая пешка. Если она дойдёт до конца доски – до поля превращения, то может превратиться в ферзя или в любую другую шахматную фигуру, кроме короля. (*Листает книгу*). В книге нарисованы все шахматные

фигуры и стихи к ним. Если мы прочитаем стихи несколько раз, то все правила будем знать. Смотри, шахматные кони... Они похожи на настоящих коней (*Читает дальше*):

Две фигуры – два коня –
Не пугает их броня.
Буквой «Г» они пойдут,
Перепрыгнув весь редут...

С е р ё ж а: Это всё понятно... Читай дальше, Оля.

О л я: Подожди, Серёжа, надо каждое правило проиграть на шахматной доске – так лучше запомнится. Если мы всё перепутаем, то не ответим правильно на вопросы. А нам ошибаться нельзя.

Серёжа и Оля внимательно изучают картинки и ходят шахматными фигурами, как показано в книге. Книга увлекла их настолько, что они прочитали её до конца, а некоторые стихи даже выучили наизусть. Они решили все шахматные задачи! Филин сидел и ободряюще кивал головой. Ему было уже больше ста лет, и он много раз, сидя на ёлке, видел шахматные бои и поэтому знал все правила игры.

С е р ё ж а: Оля, шахматы, оказывается, такая интересная игра, что мне хочется играть и играть, и ставить мат.

О л я: Мне тоже понравилось играть в шахматы. Даю слово, что я с тобой буду играть в шахматы, когда вернёмся домой.

Стало светать. Филин зашевелился.

Ф и л и н: Ночь закончилась, я полечу на ёлку. Следите за моими глазами. Красный цвет – знак внимания и опасности.

Прозвучала труба. Послышались шаги.

Загремел замок, и открылась дверь. Вошли две пешки. Одна пешка была им знакома; она им улыбнулась и чуть кивнула головой.

П е ш к и: Выходите!

Дети вышли. Пешки повели их к ёлке. У шатра пешки остановились перед охраной, стоящей у входа в шатёр.

П е ш к и: Доложите Его Величеству Белому Королю, что мы привели пленников.

Вскоре из шатра вышли две фигуры. Одну фигуру они уже знали – это был Ферзь. Другая была с короной.

«Король!» – догадались дети. Пешки и дети поклонились Королю.

К о р о л ь (Ферзь): Так, они говорят, что не шахматные фигуры, а дети?

Ф е р з ь. Так Ваше Величество Белый Король.

У Короля было сосредоточенное, но доброе лицо. Он внимательно оглядел детей.

К о р о л ь: Вы не похожи на шахматные фигуры. Но я вам поверю, что вы дети только тогда, когда вы докажете, что вы знаете все шахматные правила. Я знаю, что дети любят играть в шахматы, а значит, знают, как ходит каждая фигура. Сейчас мне некогда: скоро начнётся главный праздник в нашем королевстве: Новогодний шахматный бой. После боя вы нам ответите на все наши вопросы. И если вы ответите правильно, то я отпущу вас домой. Если вы не ответите, хоть на один вопрос, вы проиграли и получаете мат – я вас посажу в башню.

Король приказал пешкам отвести детей под ёлку и не спускать с них глаз. Сам ушёл в королевский шатёр. Детей отвели под ёлку. На нижней ветке сидел филин. Его глаза светились зелёным светом. На елке было много новогодних игрушек, особенно много дам, одетых в красивые платья.

Недалеко от себя дети увидели две фигуры, которые стояли рядом друг с другом. Каждая из них имела впереди циферблат с часовыми стрелками.

Д е т и: Шахматные часы!

Вдруг зазвучали трубы. Из шатра вышли Белый Король, Ферзь и свита. На ёлке ожили все ёлочные игрушки, они зашевелились и поклонами стали приветствовать Белого Короля.

Открылась большая дверь. В зал вышла шахматная фигура чёрного цвета, в руках держала чёрный щит с изображением слона, на шлеме и груди были крупные буквы «С».

С е р е ж а (шепнул Оле): Слон.

О л я: Да! (Эту фигуру они видели в книжке).

Слон (громко объявил): Его Величество Чёрный Король со своим шахматным войском прибыл на Новогодний шахматный бой!

Позвучали трубы, и шахматные фигуры чёрного цвета под звуки марша зашли на шахматную доску и построились в боевом порядке. Первый ряд заняли 8 пешек. Второй ряд – Король, Ферзь, два слона, два коня, две ладьи.

Прозвучали вторично трубы. Открылась другая большая дверь, и под звуки марша в зал вышли белые шахматные фигуры и построились напротив чёрных фигур. Белый Король и Ферзь заняли место в строю белого шахматного войска.

Вновь прозвучали трубы, и Короли вышли на середину шахматной доски. Они поприветствовали друг друга.

Б е л ы й К о р о л ь (запел «Песню короля»):

Я шахматный король,
Я пуп земли и соль.
Об этом знают все
На шахматной доске.
Вы, свита вся моя,
Вы все мои друзья.
Готов вести вас в бой
И летом и зимой.

Припев подхватили все находящиеся в зале шахматные фигуры и зрители – ёлочные игрушки. Оля и Серёжа даже не заметили, что они поют со всеми вместе «Песню короля».

Припев: Да здравствует король!
Он пуп земли и соль.
Об этом знают все
На шахматной доске...

*После песни под дружные овации короли ушли в строй своих шахматных фигур и заняли там свои места.
Затем вышли белые и чёрные слоны.*

С л о н ы (запели «Песню шахматных слонов»:

У короля и у ферзя
Нам честь дана стоять.
Играя в шахматы, нельзя
Нам честь свою терять.
Большую мы играем роль,
Когда идёт борьба.
Вперёд нас в бой ведёт король,
Служить ему – судьба.
Мы, разнопольные слоны,
Идти готовы в бой.
Присяге мы всегда верны,
Король наш дорогой!
Присяге мы всегда верны,
Король наш дорогой!

За слонами вышли шахматные кони.

К о н и (исполнили «Песню шахматных коней»):

Мы шахматные кони,
Лошадки, но не пони.
Мы кони строевые,
Лихие, боевые.
Прыжки мы совершаем,

Противника срубаем
И любим ставить вилки
На поле у развилки.

*Затем вышла белая ладья
Ладья (спела «Песню шахматной ладьи»):*

Я тяжёлая фигура –
Очень сильная натура.
Все зовут меня Ладья
И противник, и друзья.
Только ферзь меня сильнее,
Конь и слон всегда слабей.
Очень я в бою люблю
Строить крепость королю.

За ладьёй вышли шахматные часы.

Ч а с ы (дуэтом исполнили «Песню шахматных часов»):

У шахматной доски часы
Стоят, как братья – близнецы,
И часовыми у ворот,
Сигнала ждут, чтоб сделать ход...

Все зрители долго хлопали слонам, коням, ладье и шахматным часам, когда те исполнили свои песни.

Торжественная часть закончилась: все шахматные фигуры заняли место в строю. Наступила тишина.

Б е л ы й К о р о л ь (громко объявил): «Наступил самый ответственный момент – Новогодний шахматный бой! Мы ждали этого праздника весь год. Я приветствую всех, кто собрался в этом зале на нашем ежегодном празднике!

Дамы на ёлке громко захлопали в ладошки. Король поднял руку, вновь наступила тишина.

Б е л ы й К о р о л ь (*обратился к Чёрному Королю*): Белые всегда начинают игру первыми. Но сегодня я предлагаю тебе выбрать дебют для розыгрыша шахматной партии.

Ч ё р н ы й К о р о л ь (*подумал и сказал*): Любой из шести дебютов: Русская партия, Шотландская, Итальянская, Испанская, Защита Каро-Канн, Королевский гамбит.

Белый Король махнул рукой шахматным часам, и на одном циферблате по кругу побежала стрелка.

Б е л ы й К о р о л ь (*громко*): e2 – e4!

Пешка, стоящая перед ним, сделала два шага вперёд. Стрелка на часах, бегущая по кругу остановилась, и сразу побежала стрелка другого циферблата.

Ч ё р н ы й К о р о л ь (*громко ответил*): e7 – e5!

Пешка, стоящая перед Чёрным Королём, сделала два шага и стала напротив белой пешки. А часы продолжали фиксировать время каждого короля, обдумывающего свой ход. Зазвучала музыка. Короли жестами и словами отдавали свои команды. Все шахматные фигуры сразу выполняли приказы королей. Шахматные войска передвигались в каком-то загадочном танце: кто пританцовывал на месте, кто совершал движение-маневр. В бой шли пешки и лёгкие фигуры. Обе армии стали бороться за контроль центра доски и развивать свои фигуры. Короли с ладьями сделали рокировки, спрятались в крепости за своими пешками и ладьёй и оттуда руководили боем. Кони смело шли в бой, скакали по полям, перепрыгивали через фигуры. Слонам в начале игры на шахматной доске было тесно: они мало передвигались и были не активны. Но когда фигур на доске стало меньше, у слонов появился простор для маневров: они стали активно вести бой, контролировали диагонали по всей длине доски, оттесняя коней. Срубленные фигуры, которых касались плеча мечом, покидали шахматную доску и садились рядом с ней. Ладьи старались захватить открытые вертикали и выйти на го-

ризонтали, на которых располагались пешки, защищающие короля после рокировки, чтобы затем разрушить крепость, возведённую королём. Ёлочные игрушки приветствовали каждый ход фигур громкими аплодисментами. Шахматным фигурам было приятно слышать их приветствия, и они ещё активней вели бой. Разыгрывалась «быстрая партия» – часы только успевали переключаться, отсчитывая то белым, то чёрным фигурам время. Но вот на поле боя осталось мало шахматных фигур. Белая проходная пешка спешит пройти на поле превращения, чтобы стать ферзём.

П е ш к а (идёт и поёт) «Песню проходной пешки»:

Я пешка не простая:
Я пешка проходная;
Дорога мне открыта –
Мне помогает свита
До поля превращения
Дойти без приключения.
На нём ферзём я стану,
Из ножен меч достану,
Противника в бою
Я быстро разобью.

Белый Король помогает ей пройти до поля превращения. Белая ладья поддерживает пешку по вертикали сзади, Чёрный Король, чёрная ладья и чёрный слон стараются не пропустить пешку в ферзи, мешают ей продвигаться. Разменялись ладьи. Чёрный слон, чтобы не пропустить белую пешку на поле превращения, идёт на обмен с ней. На шахматной доске остаётся два короля – боевая ничья! Ёлочные игрушки ликуют, дамы бросают королям букеты цветов и спускаются с ёлки. Короли вместе поют песню «Гимн шахматных королей».

Короли:

Бой кончился – мы вновь друзья.
И дружба наша вековая.
Мы шахматы – одна семья,
Могучая и боевая.

Припев:

Шахматы – тайна и сказочный мир.
Шахматы – битва и важный турнир.
Шахматы – воля и точный расчет.
Шахматы – мысли свободной полёт.

В поход нас позовёт труба,
Идём, противника сметая.
Вся жизнь у нас – игра-борьба,
Нам не нужна судьба иная.

Припев:

Мы честную борьбу ведём
И, если даже проиграем,
Партнёра руку крепко жмём,
Его с победой поздравляем!

Припев:

Действие 4

Тот же большой зал. Новогодняя елка. Под ней Королевский шатер.

После шахматного боя, на шахматной доске, проходит конкурс на Королеву шахматного бала. Все дамы друг за другом проходят по залу, показывая свою красивую походку, низко кланяются и приветливо улыбаются. Шахматные фигуры приветствуют громкими аплодисментами каждую даму. Дама, получившая больше всех аплодисментов, выбирается Королевой шахматного бала. Звучит музыка. Вновь выбранная Королева поёт песню «Королевы шахматного бала»:

В волшебстве новогодней ночи
Королевою бала я стала.
С вами в танце готова пройти
Вдоль прекрасного светлого зала.

Кавалеры мои, короли!
Мы болели за вас, волновались.
Чёрно-белые ваши полки
За победу бесстрашно сражались.

Лихо кони неслись по полям,
Со слонами в сраженьё вступали
И могучим ферзям и ладьям
Для атаки простор создавали.

Кавалеры мои, короли!
Вы готовы играть бесконечно.
Низко кланяюсь вам до земли.
И желаю быть шахматам вечно!

Начинается новогодний бал-маскарад. Короли по очереди танцуют с Королевой бала. Все надевают карнавальные маски и танцуют. Дед Мороз и Снегурочка водят хороводы, раздают новогодние подарки. Дети совсем забыли, что они находятся в шахматном королевстве, а не дома. Они с большим интересом смотрят шахматный бой и болеют за Белого Короля.

Королева шахматного бала подходит к Белому Королю, отвешивает поклон.

К о р о л е в а: Ваше Величество Белый Король, у Вас под ёлкой два пленника. Это дети. Отпустите их домой.

Король делает взмах рукой, и музыка прекращает звучать.

К о р о л ь: Да, я совсем забыл про неизвестные фигуры. Они должны мне сдать экзамен по правилам игры в шахматы. Если они его сдадут, значит, они настоящие дети, а не фигуры-шпионы, и я их отпущу домой. Если они не ответят пра-

вильно хоть на один вопрос, то получат мат и останутся пленниками (*обращаясь к шахматным фигурам*).

Дорогие мои друзья! Прошу освободить шахматную доску! В наше шахматное королевство проникли две незнакомые нам фигуры. Они говорят, что они дети и просят отпустить их домой. Я отпущу их домой, как и обещал. Но они должны нам доказать, что они не фигуры-шпионы, а дети, случайно попавшие в наше королевство.

А Королева шахматного бала уже спешит к Оле и Серёже.

К о р о л е в а (детям): Всё будет хорошо, я помогу вам, я много раз видела шахматные бои и даже знаю некоторые шахматные правила.

Она подвела их к Белому Королю.

К о р о л ь (детям): Вы должны ответить по очереди на десять вопросов. Десятый вопрос я задам лично сам. В шахматах все ходы надо хорошо обдумывать. Поэтому я вам даю возможность обдумать каждый ход одну минуту. Вам могут все подсказывать ответы. Но подсказки могут быть неправильные. Ферзь, задавай вопросы! Часы, считайте время.

Ф е р з ь: Сколько шахматных фигур стоит в ряду на шахматной доске?

Со стороны зрителей шум, все болеют за детей и дружно подсказывают им.

О л я: В шахматном ряду стоит восемь шахматных фигур.

К о р о л ь: Правильно!

Ф е р з ь: Перечислите все шахматные фигуры, стоящие в одном ряду с Королём.

С е р ё ж а: Король, ферзь, два слона, два коня, две ладьи.

Король: Правильно.

Ферзь: Куда, обычно, стремится идти пешка?

Оля: До поля превращения на последнюю горизонталь, чтобы превратиться в самую сильную фигуру в ферзя.

К о р о л ь: Правильно!

Ф е р з ь: Может ли пешка превратиться в Короля?.

С е р ё ж а (*подумав*): Пешка может превратиться в любую фигуру, кроме Короля.

К о р о л ь: Правильно! Bravo! Ты ответил на сложный вопрос.

Все аплодируют и кричат: «Bravo! Bravo!»

Ф е р з ь: Как ходят слоны?

В зале шум, все подсказывают детям.

О л я: По диагоналим.

К о р о л ь: Правильно!

Ф е р з ь: А, скажи, как ходит конь?

С е р ё ж а: Конь ходит буквой «Г» и может перепрыгивать фигуры.

К о р о л ь: Правильно! Правильно!

Ф е р з ь: Какая же цель игры в шахматах? Кто мне ответит?

О л я: Поставить Королю неприятеля мат.

К о р о л ь: Совершенно верно!

Ф е р з ь: Что же представляет собой шах?

С е р ё ж а: А вот шах, объявляют и тогда, когда на Короля напали, но Король может уйти от шаха.

К о р о л ь: Правильно! Правильно! Давайте поаплодируем.

Все аплодируют, кричат «Bravo!»

Ф е р з ь: Ну, а что же такое мат Королю? Кто ответит?

О л я: Когда Королю ставится шах, и король не может избавиться от шаха, когда у него нет спасительных ходов, когда некому защитить Короля. Это мат и конец игры.

К о р о л ь: Правильно. Твой ответ был полным. А теперь мой последний десятый вопрос. Это очень трудный вопрос. На обдумывание даю три минуты: «Ставится ли при правильной игре мат двумя конями и Королём одинокому Королю противника в конце игры? Подсказывать могут все в зале.

Вопрос оказался таким трудным, что в зале наступила тишина. Глаза у филина стали красными. Дети задумались.

Из зала подсказки: «Ставится! Нет, не ставится!».

Королева шахматного бала смутилась, она не знала правильный ответ, чтобы подсказать детям.

К о р о л е в а: Даже я в затруднении.

Олю и Серёжу этот вопрос очень озадачил. Они посмотрели друга на друга, пожимая плечами, разводя руками.

О л я (шепчет): Серёжа, вспомни, что написано в «Азбуке шахмат в стихах» про коней в окончании шахматной партии? Ставят ли они мат одинокому Королю?

С е р ё ж а: Я не помню.

О л я: Я тоже. Там написано ещё про мат слонами, но кто из них ставит, я забыла. Шум и противоречивые подсказки окружающих зрителей мешали думать.

О л я (обращаясь к Королю): Ваше Величество Король, Вы разрешили всем подсказывать нам?

К о р о л ь: Да! Вы можете воспользоваться любой подсказкой.

О л я: Тогда мы можем воспользоваться подсказкой нашего друга?

К о р о л ь: Конечно, я не беру назад своих слов.

О л я: Наш друг эта книга «Азбука шахмат в стихах».

К о р о л ь: Вы можете воспользоваться подсказкой такого замечательного друга.

Глаза у филина стали зелёными. Оля открывает «Азбуку шахмат».

О л я (тихо читает Серёже): Мат двумя конями при правильной игре одинокому Королю не ставится.

К о р о л ь (детям): Ваше время заканчивается. Итак...

Наступила тишина в зале.

О л я (громко): «Мат двумя конями при правильной игре одинокому королю противника не ставится!»

К о р о л ь: На все вопросы вы, ребята, ответили правильно. Я вас отпускаю домой.

Что тут началось! Шум, крики из зала: «Да здравствует Его Величество Белый Король! Да здравствуют дети!»

С ёлки с шумом слетел филин. Он пролетел над детьми и громко ухнул. «Ух!!!»

От его крыльев поднялся вихрь и закружил детей.

Действие – 5

Когда они открыли глаза, то увидели, что они находятся у себя дома, в комнате под Новогодней ёлкой. Перед ними расставленные фигуры на шахматной доске. Рядом книга «Азбука шахмат в стихах». На ветке сидит филин. Глаза у филина зелёные. Послышался звонок. Это пришли родители домой. Дети с удивлением посмотрели друг на друга, на ёлку, на шахматную доску и на филина.

С е р е ж а: Это был сон?

О л я: Не знаю, но, кажется, я умею играть в шахматы – е2 – е4.

С е р ё ж а: е7 – е5

Ф и л и н: «Ух!»

В комнату вошли родители с подарками в руках. Их дети, Оля и Серёжа играют в шахматы, не обращая на них внимания.

М а м а: Дети!!!

Дети не отвечают. Они увлечены игрой. Родители тихонько на цыпочках проходят мимо них.

П а п а: Так увлеклись игрой. Что ничего не замечают.

М а м а: А я не думала, что им так понравится игра в шахматы.

П а п а: Понравится. Уже понравилась, *(поворачивается к зрителям)* потому что шахматы самая увлекательная игра на свете.

Юргенсон Татьяна Владимировна родилась 9 января 1966 года в селе Степной Баджей Манского района Красноярского края. Закончила заочное отделение факультета журналистики Томского государственного университета.

В 1999 году возглавила городское литературное объединение «Логос».

Вышло более 20 поэтических книг. Член Союза писателей России с 2005 года.

В настоящее время работает редактором Мегионской ЦБС.

ТАТЬЯНА
ЮРГЕНСОН

ТАТЬЯНА ЮРГЕНСОН / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

СМОРОДИНА, ОНА КАКАЯ?

Надюшка не может молчать ни одной минутки. Слова сыплются из нее так же шумно и весело, как дождевики из шкодливой тучки, неожиданно набегающей в яркий летний день на солнышко.

– Тук-тук-тук; кап-кап- кап – шумят дождевики.

– Ма-ма, па-па, ба-буш-ка... – без умолку щебечет Надюшка, задавая свои бесконечные вопросы всем подряд.

– А почему идет дождь? А на кошке можно покататься? Почему жужжат комарики? А Смородина, она какая?

– Как какая? – Мама даже удивилась, – Надюша, ты вспомни, как прошлым летом мы с папой привозили домой ягоду смородину, а потом вместе варили из нее варенье.

– Да, мама, я конечно помню. Ягода смородина такая кругленькая, черная, сладкая.

– Вот-вот, – подтвердила мама. – А зачем ты тогда спрашиваешь? – снова удивилась мама.

– Но сама Смородина, какая? – не унималась Надюшка.

– Ну, знаешь, – мама готова была уже рассердиться, но в этот момент с работы вернулся папа. Он не слышал, о чем спрашивала его неугомонная дочурка. Весело подмигнул Надюшке и открыл свой портфель.

– Смотри, что я тебе принес! – торжественно сказал папа, доставая большой газетный кулек, из которого на стол сразу покатались черные блестящие ягоды.

– Смородина! – восхищенно вскрикнула Надюшка.

– Конечно смородина. Ну что, вспомнила?! – мама облегченно вздохнула.

– Я помнила, – слегка обидевшись, ответила девочка. – Ну, как ты не поймешь, я совсем о другом спрашиваю.

– О чем? – переспросил папа, переодеваясь в свои старые брюки, в которых он обычно возится с железками.

– Смородина, она какая? – тут же выпалила Надюшка, с набитым спелой ягодой ртом.

– Как какая? – папа тоже удивился. – Ты же ее сейчас кушаешь.

– Вот-вот, – снова сказала мама, тоже пробуя спелые ягоды. – Она сегодня об этом целый день спрашивает.

Папа задумался на минутку, а потом вдруг сказал:

– Ну что ж, раз Надюшка хочет знать, какая она – Смородина, пора их познакомить.

И мама, и девочка разом повернулись к папе: мама – с удивлением, а Надюшка – с затаенным дыханием, уж не шутит ли папа? А папа продолжил:

– Завтра – выходной. Я сейчас посмотрю мотор для лодки, и можно будет съездить на наш остров. Видишь, ягода поспела, – обратился он к маме, тоже пробуя ягоду на вкус, – пора собирать. И эту «почемучку» возьмем с собой, – кивнул он, улыбаясь, на притихшую дочь.

Мама сначала хотела возразить, мол, мала еще дочь, еще и шести лет нет, но потом махнула рукой. Согласилась...

– Учти, – предупредил папа перед сном Надюшку, – вставать будем очень рано, так что спать ложись без всяких капризов. И чтобы завтра я тоже не слышал никаких жалоб, – с напускной строгостью проговорил он.

Надюшка тут же нырнула под одеяло и стала ждать, когда они придут: сначала ее сон, а потом – новый день.

И снился ей удивительный сказочный лес, в котором все деревья, звери и даже цветы разговаривали с ней, а еще ей приснилась большая-пребольшая корзина с разной ягодой.

Не успел забрезжить рассвет, как Надюшка побежала в зал, где на стене висели большие часы. Бом-бом-бом-бом-бом, – сообщили часы Надюшке о том, что уже пять часов утра. А когда через пять минут мама заглянула в Надюшкину спальню, она с удивлением увидела уже одевшуюся дочь, которая старательно заправляла свою кровать, чего раньше за ней никогда не замечалось, и что-то шепотом говорила сама себе.

– Доброе утро, – сказала мама. – Ты уже оделась? Молодец. А о чем ты там сама с собой разговариваешь?

– Я не с собой разговариваю, а с Филей, – поправила девочка маму, устраивая рядом с подушкой плюшевого слона. – Я его прошу не скучать, пока я буду в гостях у Смородины.

– Ну-ну, – только и сказала мама, еще раз засомневавшись, стоит ли брать такую маленькую с собой.

Августовское утро на Оби всегда таинственно и загадочно из-за молочных туманов, первых предвестников скорого наступления осени.

«Здорово!» – Надюшка с восхищением озиралась по сторонам, торопливо шагая с родителями к речке. Она еще никогда не вставала так рано, и еще ни разу не ездила за ягодой. «Вчера я еще была маленькая, – рассуждала про себя девочка, – и поэтому меня никуда не брали. – А сегодня взяли....»

– Мама, я уже стала взрослой? – Надюшкино восхищенное молчание длилось не более пяти минут.

– Да нет. Ты у нас еще совсем маленький ребенок, – поспешила ответить мама.

– А почему тогда... – не успела задать свой вопрос девочка.

– Ну, уж, не такой маленький, – заметил папа, – вон и ведро свое несет сама, не хнычет и знать все хочет. Так что, мама, ты не права, – и обернувшись к Надюшке, поторопил, – не отставай, ягодник, скоро уже дойдем до реки.

Река была далековато от дома, и за то время, что они собирались и шли до берега, солнце успело подняться над горизонтом и разогнать туман.

Надюшка увидела, как последние клочки водяной ваты, постепенно оседали и таяли в речной воде, и вот уже вся река превратилась в серебристый поток.

– Мама! Папа! Правда, красиво?! – Надюшка никак не могла умолкнуть, восторженно теребя родителей. И лишь когда папа, оттолкнулся от берега веслом и завел мотор, она вдруг как-то враз замолчала и присмирела.

«Уж не боится ли?» – подумал папа. Но когда он увидел сияющие глаза дочки, понял, что у той впервые просто не хватает слов.

– Оказывается, ты все-таки умеешь молчать, – улыбнулась мама Надюшке, через некоторое время. Но та лишь отрицательно помотала головой, но вслух не сказала ни слова.

Надюшка, затаив дыхание, смотрела то на противоположный берег реки, вдоль которого тянулись густые заросли деревьев и кустарников, то на беспокойное отражение неба в речной воде, то на само небо. Она смотрела и никак не могла решить для себя, что же красивее и куда интереснее смотреть.

Ее веселили и облака, и ветер, растрепавший выбившиеся из-под косынки волосы, и водяные брызги, которые нет-нет, да попадали в лодку. Наконец она не выдержала и рассмеялась звонко и счастливо.

– Что, нравится?! – прокричал папа, пересиливая гул мотора. – Сейчас, вот за тем поворотом и будет наш остров...

И девочка стала смотреть во все глаза туда, куда показал папа. Но остров оказался проворнее и хитрее острых глазок Надюшки. Он появился неожиданно, сразу заслонив не только просторы реки, но и потеснив небо. Достаточно высокий и крутой берег оказался совсем неудобным для высадки на остров

– Мама, как же мы туда заберемся? – Надюшка заволновалась.

– Сейчас увидишь, – успокоила мама.

И правда, они медленно стали огибать остров, и через несколько минут девочка увидела большую красновато-желтую полосу песчаной отмели.

– Все. Приехали, – сказал папа и заглушил мотор. Он вылез прямо в воду и, ухватив лодку за крюк на носу, стал подтягивать ее подальше на отмель. Мама тоже вылезла из лодки и поспешила на помощь папе.

«Вот он – дом, где живет Смородина!» – с радостью и затаенным ожиданием чуда, подумала девочка, разглядывая и высокий берег, который вблизи уже не казался таким неприступным, и большие деревья, и незнакомые цветы, которые пестрели на берегу. Она так увлеклась, что даже не слышала, о чем переговаривались родители...

– Попьем чай и пойдем... Ты смотри-ка, – улыбнулась мама, – наша дочь о чем-то задумалась. – И позвала: – Эй, ягодник, вылазь, а то мы всю смородину без тебя соберем.

Надюшка вострепнулась и снова засмеявшись, протянула руки навстречу папиным сильным рукам.

Папа накрепко привязал лодку к большой коряге, которая торчала из песчаной отмели, взял на плечи рюкзак, оглядел с ног до головы маму и Надюшку и со словами: «Ну что, пошли!» – направился к самому острову. Он легко взобрался на высокий берег, потом поднял наверх за руки Надюшку и помог подняться маме. И, не успели они сделать за папой и десяти шагов, как папа вдруг остановился и сказал:

– Ну что, Надя, смотри, какая она – Смородина! – и подвел дочку к большому кусту, который был даже выше Надюшкиного роста.

В первый момент девочка не поняла ничего, потом она увидела большие зеленые листья, а под ними!.. А под ними пряталась большая спелая ягода.

– Вот, собирай, – сказал папа. – Сможешь собрать все?

– Смогу, – закивала головой Надюшка.

– Хорошо. А потом иди к лодке. С тебя и этого куста хватит. А мы пойдем немного дальше, еще поищем кусты. Не испугаешься одна?

– Нет! – гордо ответила девочка.

– Молодец. Если что, позовешь нас. Ну, собирай, а мы пошли, – сказал папа и пошел дальше. Мама хотела что-то возразить, но не стала, только сказала еще Надюшке:

– Ты не бойся. Я буду совсем рядом. Вон там, видишь? Там тоже смородина...

Но Надюшка уже почти ничего не слышала. Она сорвала первые ягодки и задумалась, а что же с ними делать – скушать или положить в ведерко?

– Да ты кушай, а собирать мы с папой будем, – засмеявшись, сказала мама.

– Нет. Я тоже буду собирать, – упрямо сказала девочка и решительно разжала ладошку над своим ведерком. Тук-тук-тук-тук, застучали о дно ведерка ягоды. И мама тоже пошла дальше. А Надюшка стала рвать ягодку за ягодкой и кидать их в ведерко.

Ей понравилось пригибать высокие ветки к себе. Они были упругими и не ломались. Потом она заметила, что не все ветки растут вверх, есть, оказывается, и такие, что пригнуты к самой земле, но на них тоже есть ягода. Она собирала долго, старательно, каждую ягодку, боясь пропустить хоть одну, пока не решила все-таки попробовать смородинку на вкус. Здесь, в лесу ягода ей показалась еще вкуснее, чем та, которую принес домой папа, и она с удовольствием стала собирать ягоду прямо в рот.

Наевшись смородины, Надюшка захотела узнать, сколько же у смородинового куста веток. Сначала она насчитала их

двадцать три, потом почему-то получилось только восемнадцать. В конце – концов, она пересчитала ветки куста в третий раз и насчитала их девятнадцать. Решила, что больше пересчитывать не будет, и снова стала собирать ягоду в ведро.

Но через пять минут прямо на ветку возле нее села большая красивая бабочка. Она медленно складывала свои крылышки вместе и тогда становилась похожа на необычный желтый листок и раскрывала их, превращаясь в пестрый желто-оранжевый цветок. Девочке захотелось подержать бабочку в руках, но красавица тут же улетела, не позволив даже притронуться к себе. Не успела Надюшка расстроиться, как на ветку смородины села птичка. Но девочка уже не спешила поймать лесную певунью. Она поняла, что жители леса не очень-то любят, чтобы их трогали руками. Поэтому Надюшка стояла и, зажав дыхание, смотрела на шуструю незнакомку во все глаза. Но птичка тоже не задержалась на смородине. Она посмотрела из стороны в сторону, несколько раз чирикнула и упорхнула по своим неотложным делам.

Потом Надюшка разглядела большую невесомую паутину, в центре которой затаился огромный серый паук с большим черным крестом на спине. В первое мгновение девочка немного испугалась и даже отпрянула в сторону, но любопытство оказалось сильнее страха. Она даже почти решилась потрогать паука и уже протянула руку, но в последний момент все-таки передумала. Минут десять Надюшка смотрела на лесное чудище, ожидая, когда же оно пошевелится. Но паук так и остался в центре своей паутины совершенно неподвижным.

Девочка напрочь забыла о том, что хотела собирать ягоду. Она прыгала вместе с кузнечиками, попробовала пострекотать как стрекоза, представляя себя такой же невесомой и крылатой. Она и не заметила, как устала. Просто решила отдохнуть, и уютно устроившись под ветвями смородинового куста, уснула...

Проснулась Надюшка оттого, что кто-то ее взял осторожно поднял на руки. Открыв глаза, она в первое мгновение даже не поняла, что же с ней случилось. Ей успел присниться сон, в котором лесной добрый великан пообещал ей показать что-то интересное. Потом она поняла, что этим великаном оказался

папа. И счастливо заулыбалась, почти не слыша того, что говорила мама:

– Ну, ты нас и испугала. Мы тебя звали, звали, а ты не отзывалась...

Когда они вернулись к лодке, Надюшка увидела, что там уже стояли два больших ведра, полных ягоды. Мама аккуратно поставила рядом Надюшкино ведерко поменьше. В нем ягоды было чуть меньше половины, девочка даже засмушалась, что у нее оказалось так мало. Но папа ее успокоил:

– Ничего, зато варенье из твоей ягоды будет самое вкусное. – И прежде чем оттолкнуться веслом от берега он вдруг спросил, – Ну что, узнала какая она – Смородина?

– Да! – Радостно воскликнула девочка. – Она большая, добрая и... и... и самая-самая! – И Надюшка рассмеялась звонко и счастливо.

Майорова Светлана Ивановна родилась 27 мая 1973 в с. Маслянское Шадринского р-на Курганской области. В Нижневартовске живёт с декабря 1979 года.

Член литературного объединения «Замысел» с 2008 года. Автор сборника стихов «Без вуали», 2010 год, сборника рассказов для детей «Сашкин автомат», 2012 год, сборника стихов для детей, 2016 год. Пишет музыку на свои стихи и стихи других авторов. Исполняет песни под гитару. Работает заведующей библиотекой и педагогом дополнительного образования в школе № 23.

Живет в Нижневартовске.

СВЕТЛАНА МАЙОРОВА

Дебют в «Эринтуре»

С юбилеем!

СВЕТЛАНА МАЙОРОВА / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

САШКИН АВТОМАТ

День выдался пасмурный, хмурый, хотя уже май. Я вышла во двор, так как дома не было сил находиться. Без конца хотелось плакать.

Во дворе никого не было. Я уселась под берёзу. В голове проносились воспоминания из моего беззаботного дошкольного детства. Слезы без конца появлялись на глазах.

Не заметила, как ко мне подсел Серёжка. Уже пятый год мы учимся в одном классе. Наши мамы давно дружат. Мы много времени проводим вместе: вместе ходим в школу, вместе играем в разные игры. Он меня всегда защищает, и ведет себя, как брат.

– Ты что плачешь? Обидел кто? – спрашивает он.

– Нет. Нам сегодня от бабушки письмо пришло. В нём очень плохая новость.

– Что случилось? – встревожился Серёжка.

– Погиб мой друг. Мы с ним росли вместе. Дружили. Играли. Почти никогда не ссорились. Он был очень хорошим мальчишкой. Добрый, отзывчивый, честный...

– Ну, не плачь, пожалуйста! Успокойся, – говорит Серёжка.

– А как он погиб?

«Несчастный случай» – так мама сказала. Его, говорят, лосаадь убила.

– Какой ужас! А сколько ему было лет?

– Десять. У него ни братьев, ни сестёр нет. Бедная тётя Таня. Она, наверно, с ума сойдёт от горя.

Тут мы оба замолчали и какое-то время молча сидели.

– А знаешь, Серёжка, я никогда себя не прошу за один поступок...

Серёжка посмотрел на меня удивлённо и спросил:

– Какой поступок?

– Это было давно. Мне было лет пять. Мы с родителями тогда в деревне жили. Сашкин дом был напротив нашего. Саш-

ка был моим самым большим другом, да ещё сестра двоюродная – Соня. Она тогда уже первый класс закончила.

Вот как-то под вечер Саша со своей мамой к нам в гости пришли. Он не остался играть с нами во дворе, зашёл в дом, а автомат свой за оградой оставил. Прислонил его аккуратненько к воротам.

Автомат новенький. Сашкин папа его только вчера из дерева выстрогал и покрасил черной краской. Хороший автомат получился! Как настоящий! Сашка с таким автоматом как настоящий солдат. Ещё папину фуражку надел и ремень солдатский.

А автомат, наверно, потому и оставил, чтобы мы с Сонькой увидели и позавидовали. Маленький был ещё, глупый; не понимал, что девчонки оружие не любят.

Серёжка внимательно слушал мой рассказ.

– Так вот. Заметила Сонька, что автомат Сашка оставил и говорит:

– Давай автомат спрячем!

– Давай! – не задумываясь, отвечаю ей. А потом подумала.

– А если он догадается, что это мы?

– Не догадается! – говорит сестра.

– А если тётя Таня у нас спросит?

– Не спросит.

– А если, всё-таки, спросит?

– А если, а если! Что ты заладила? – раздражённо говорит

Сонька. – Если спросит, то мы отопрёмся. Скажем, что никакого автомата мы не видели. Поняла?

– Поняла. А кто же тогда, если не мы, мог взять автомат? Всё равно подумают, что мы.

Соня и здесь придумала:

– А мы скажем, что здесь пробежали мальчишки – Вовка Агапкин, Стёпка Дроздов, и ещё с ними кто-то. Может, они взяли. Тем более, Володька.

Он был самый хулиганистый на нашей улице. Он хоть что сделать может.

– А если тётя Таня пойдёт и спросит у Вовки?

– Что ты заладила? Надо ей больно! Из-за какой-то дуряшки.

Тогда у меня появилось предчувствие чего-то очень нехорошего, но я уже не могла ничего изменить. Если сначала я это восприняла как шутку, то теперь уже понимала, что всё очень серьёзно. В этот момент, озираясь по сторонам, Сонька схватила автомат и побежала. Я – за ней.

За огородом была вырыта сливная яма, закрытая железной сеткой, чтобы в неё не смог упасть ребёнок или животное.

Соня подбежала к этой яме. И только я успела добежать, как она сунула автомат сквозь дырку в сетке, и он булькнул в грязную воду. И тут же всплыл на поверхность.

– Правильно. Ведь дерево, – вставил Серёжка.

– Знаешь, мне казалось, что не автомат, а я сама булькнулась в эту грязную воду.

– Что ты наделала? – спросила я сестру. – Ведь ты говорила, что мы его только спрячем?..

– Ничего. Пусть знает! – важно выкрикнула Сонька.

– Что теперь будет? Нас будут ругать.

– Это ещё почему?

– Потому что мама или папа пойдут выливать грязную воду и увидят автомат, и сразу поймут, что это мы сделали.

– А ты не вздумай сознаться! Поняла?! Если ты скажешь, что это мы сделали, то я никогда больше с тобой играть не буду! Слышишь?! – Никогда! – убедительно сказала мне сестра. – И никуда тебя с собой не возьму. И не дам тебе поиграть моими пупсиками. А, подумав, добавила: меня, всё равно, наказывать не будут, а тебе влетит. Так что попробуй только сознаться! А если расскажешь, то я возьму и скажу, что это сделала ты. Понятно?

Я чуть не расплакалась от обиды. И в это время выходят мама с тётей Таней, а за ними плетётся Сашка. У меня сердце забилось от страха.

– Даже сейчас, Серёжка, мне очень неприятно вспоминать. Это был мой самый гадкий поступок.

– Так что было дальше? – спрашивает Серёжа.

Сашка тут же разревелся. Стал просить:

– Отдайте мой автомат! Я его тут оставил.

Всё, что происходило дальше, было как во сне. Я слышала как-то всё урывками и не совсем понимала, что происходит.

От страха, наверно, лишь слышала обрывки Сонькиных фраз о том, что автомат унесли мальчишки. Она оправдывалась за нас двоих, а я каждый раз опускала глаза, встречаясь с маминым взглядом.

Мама взяла меня за руку и отвела в сторону:

– Скажи мне, дочка, ты правда не брала Сашин автомат?

Тут я вспомнила, что мне грозила устроить Соня, если со-знаюсь.

– Правда, – ответила я.

– Пошли домой! – строго сказала мама.

Вечер показался мне слишком долгим. Часы, словно оставались. Чтобы никому не попадаться на глаза, я забралась на печку и просидела там.

– И знаешь, Серёжа, если бы тогда к нам не пришли друзья родителей, я б, наверно, слезла с печки и во всём созналась. Но стыдно было сделать это при посторонних.

Сидела я на печке и думала, что Саша, наверно, плачет. Ведь он очень гордился своей новой игрушкой. Ещё мне вспомнились слова мамы, что человеку, который соврал хоть раз, потом никто никогда не поверит.

Уснуть я долго не могла. Решила, утром признаюсь во всём маме, а вместе мы придумаем, как достать автомат.

Утром, проснувшись, я услышала разговор на кухне. Мама говорила отцу:

– Представляешь, ведь Татьяна ходила к Агапкиным; разговаривала с Володей. Он, оказывается, вчера вообще не ходил на улицу, а ездил с ними в город.

Папа спросил:

– А, может, всё-таки наши девчонки подшутили?..

– Не знаю. У Сони я вчера минут пять выпытывала. – Она клялась, что ничего не видела.

– А Света?

– Мне показалось, что она что-то знает, но не сознаётся! Ничего, я знаю, как от неё добиться правды.

Тут у меня внутри снова всё сжалось. События опять опередили меня.

После завтрака родители сказали, что поедут в гости к ба-

бушке – это в другую деревню, а я останусь дома, потому что не научилась говорить правду.

Тут я расплакалась и во всём созналась.

Папа снял железную сетку с ямы и велел нам самим доставать автомат. Мы долго мучились, подтягивая его к краю палкой. Наконец, вытащили. Потом отмывали его щёткой с порошком в большом баке, стоящем у нас в огороде. Но все равно краска потускнела, дерево разбухло, и он выглядел не так, как новый. И тогда папа сделал новый, выкрасил его краской. Отличить его от настоящего было невозможно. К вечеру краска высохла.

Мама заставила нас отнести автомат Саше домой. Мы отнесли и извинились. Было очень стыдно. А Сашка так обрадовался, что сразу позабыл про все обиды. Позвал нас играть.

Постепенно всё забылось. Но неприятное чувство вины осталось.

– Да не переживай ты так! – попытался успокоить меня Сережка. – Ты ведь ещё маленькая была, глупая и не знала, что из этого всего может получиться. Пойдём, погуляем возле школы. Вон и солнышко показалось!

ЕЛИЗАВЕТА БЕЛОЗЁРОВА

Елизавета Юрьевна Белозёрова, родилась в Нижневартовске 19 июня 1996 г. Учится в Литературном институте им. Горького, на 3-ем курсе заочного отделения. Живет в Нижневартовске.

ЕЛИЗАВЕТА БЕЛОЗЁРОВА / НОВЫЕ ИМЕНА

* * *

У нее приданого – лишь слова,
Что ложатся кольцами, словно змеи,
Исчезая в долгой морозной ночи,
Оставляя едва ощутимый след.
У него богатства – упрямый дух,
Что звучит на струнах его гитары,
И взмывает к небу безмолвной песней,
И зовет, и ищет иных оков.
Она смотрит долго, словами тихо
Оплетает разум, проникая в душу,
Травит сердце ядом своих Историй;
И тревожится сердце, и трепещет плоть...
Он крадет минуты у ночей холодных,
У своей печали, у любви продрогшей,
И она их ловит, прижимая к сердцу,
И минуты тают на её груди.

И они смеялись, словно дети. Дети,
Что поют, играя, в двух шагах от бездны;
И, глотнув свободы, поднимались в небо,
Словно небо и есть их солнечный приют...
Но тают минуты, растворяя солнце;
Снова станет тесной голубая высь.

И её уносит вдаль волной жестокой,
И беззвучным криком разрывает грудь.
Он глядит ей вслед, не зовет, не плачет,
Опустевший город на его плечах...
И струна оборвется, поцелуи останутся...
...Так уходят души, так смолкают песни...
Так под вечным небом утихает боль.

* * *

А. К.

Пройдет снегами тополиными
Июнь в замызганном окне;
И мы с тобой пройдем павлинами
По этой северной стране.
Распустим веерами гордыми
Свои глазастые хвосты
И хищными приникнем мордами
К сосцам небесной Красоты.
И арлекиновскими шутками,
Пьеровской черною слезой,
Расписанными пестро дудками —
Пойдем заигрывать с толпой,
И петь протяжно, и дурачиться,
Теряя за пером перо,
И Арлекин еще наплачется,
И позлорадствует Пьеро.
Когда притихнет, устаканится
На время долгая игра,
Нам только это и достанется —
Казенной кухни вечера,
В минуту, бесконечно малую,
Когда словам истрачен счет,
Положишь голову усталую
Мне на озябшее плечо.

КАПИТАНОВА ЕЛЕНА

Капитанова Елена Сергеевна родилась 28 февраля 1987 года в с. Цингалы Ханты-Мансийского района. Окончила Воронежский государственный университет по специальности «журналист». Участник литературного объединения «Югорские ваганты». Победитель Окружного конкурса литературного творчества «В честь Великой Победы» (2015 г.), литературного конкурса самодеятельных авторов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Слово» в номинации «Художественная проза» (2016 г), литературного конкурса творческих работ «Мы этой памяти верны» (2017 г.). Стихи автора были опубликованы в литературных сборниках и альманахах ХМАО – Югры. Живет в Ханты-Мансийске.

КИТЕЛЬ

Выпростанные из-под байковой простынки пятки приласкали тёплые лучи солнышка, и последний сон вышел таким же тёплым. Нагретый жёлтый песочек узкой тропинки вдоль бескрайнего поля одуванчиков. Жёлто-зелёная рябь по самый горизонт. Сплести венки, да руки и платье измаруются в горьком коричневом соке. Не смыть – не отстирать потом. Мама заругает. А всё равно охота.

– Тише, дедко, Алёнушку разбудишь!

– Вот халера!

От кастрюльного звона и дедушкиного ворчания одуванчики слипаются в сплошное жёлто-золотое, и вот перед глазами уже никакое не поле, а любимые жёлтые шторы, которые сквозь выпукло-вогнутый рисунок сверлит весеннее солнце, протискивается вдоль стены, тянет ко мне прозрачные свои ладошки. И на душе как-то особенно тепло и радостно от этих лучей и оттого, что каникулы, и ещё от чего-то хорошего. А от чего, спросонья и не вспомнить. «Димка! – вдруг понимаю я. – Димка сегодня приезжает!»

Димка – двоюродный брат, и сегодня он, возвращаясь из армии, по пути заедет к нам погостить. И дедушка отправился

на станцию его встречать. Димкой я восхищаюсь до обожания. Во-первых, он взрослый. Он вдвое меня старше, ему целых двадцать лет. Во-вторых, он из Сибири, далёкой и манящей, где я родилась, и куда мы с мамой никак не поедём. А в-третьих, он моряк-подводник, как дядя Валера, который лучше всех, и к которому я в два года сразу пошла на руки – так сказала мама, хотя вообще-то я боялась незнакомых. И у Димки тоже есть тельняшка и бескозырка, и ремень с якорем. Вообще-то Димку все любят, потому что он добрый и простой, не придирается к словам, и не ищет подвоха. И даже в армии, которой все боятся, потому что там бьют и отбирают посылки, он со всеми подружился.

Иринка, старшая сестра, ещё во всю дрыхнет на второй половинке раскладного дивана, завернувшись, как в кокон, в стеганое ватное одеяло. Это в такую-то теплынь! Скорее-скорее вставать, чтоб уже начался этот чудесный день!

– Уже соскочила? – ловит меня в коридоре бабушка, и я замечаю, что на ней парадный фартук с узором под хохлому, – иди ещё понежись.

Но нежиться в постели мне совсем не хочется. Наскоро натянув списанный в домашнее «барахло» голубой костюм – шорты с футболкой, усаживаюсь к письменному столу, нашему детскому, но общему с сестрой. Но как бывает всегда в минуты ожидания, найти себе занятие не могу. Грызу карандаш, качаюсь на стуле, забравшись на него, как на насест, с ногами, а локтями упираясь в стекло. Я воображаю себя акробатом. По обыкновению тех скромных лет, стекло уложено на стол для защиты лаковой поверхности. Под ним для красоты лежат открытки, а для удобства – расписание уроков и таблица умножения. И тут я замечаю на стекле необычный предмет – маленькое, выпуклое прозрачно-белое солнышко, или цветочек. Это капелька канцелярского клея. Она, наверное, ещё вчера упала на стол, причудливо расплылась и застыла за ночь. И столько во мне радости, что это хрупкое творение случайности я воспринимаю как знак, как символ этого удивительного солнечного дня. Аккуратно отделив от глянцевой поверхности, прячу в мой, верхний ящик стола и прикрываю тетрадами. Взрослые не поймут, скажут «хлам всякий собираешь».

Это для них смех, как мои не такие уж давние предположения, что кукла, может быть, живая, ведь она ночью чудесным образом повернулась на бок.

Когда Димка приезжал в прошлый раз, в увольнительную – это так у них в армии называются каникулы – я ещё играла в куклы вслух, рассадив их в кресле. Димка смеялся, вставлял в игрушечный разговор шутливые фразы, подражая моему голосу, и особенно хорошо озвучивал резиновую Бабу Ягу, всегдашнюю нарушительницу кукольного спокойствия. Но это было не обидно, а наоборот, весело. Теперь я играю в куклы «про себя» и не на виду, в нише, где спит мама, а с тех пор, как потеплело, ещё и на балконе. Я теперь взрослая.

Резкий звонок разбудил Иринку. Она села на кровати, помизюкала сонными глазами и улыбнулась. А я уже висела на дверном косяке прихожей, ковыряя отколовшуюся в одном месте прошлогоднюю белую краску, из-под которой виднелась зелёная – государственная. Вот странно, я так ждала Димкиного приезда, а когда увидела его на пороге, растерялась и не нашлась, что сказать. И мне на секунду показалось, что на этот раз передо мной совсем не тот наш добрый и домашний Димка, а какой-то новый и чужой человек. Я представляла себе, что он войдёт гордый и довольный, в нарядном мундире, улыбаясь во всю ширь, как на фотографии, которая с прошлой весны стоит у нас в серванте. Но Димка был в обычной коричневой куртке и выглядел растерянным.

Бабушка тут же заключила Димку в объятия, стремительно увлекая его в домашнее тепло из серо-зелёного сумрака подъезда, будто забирая навек из другой, армейской, жизни. Тщетно пытаюсь дотянуться поцелуем до его щеки, она, в конце концов, чмокнула его в колючий, с поезда, подбородок.

– Ципушечка моя, похудел-то как!

Но поток бабушкиной нежности прервал раздосадованный голос дедушки:

– Это ж надо, сумку украли! – проворчал он с порога. – Чужим людям оставить. На вокзале-то всё тащат. Не знает ли, чё ли?

Димка стоял понурый и не оправдывался. Но и дедушка напирал не особенно, больше по инерции. Видно, он уже растра-

тил пыл при встрече, услышал ответы и оправдания, а сейчас повторял для бабушки. Когда последняя, уже слабая, волна дедушкиной досады отхлынула, и все уже теснились за кухонным столом, Димка рассказал всё по порядку:

– У меня три сумки было. Большая и две поменьше. Я в Москву как приехал, думаю, гулять не пойду, буду сидеть на вокзале. Таскаться с ними тяжело, а в камеру – дорого. А в зале ожидания с ребятами разговорились. Они в Москве были на заработках, как раз домой возвращались. Да говорят, толком ничего не заработали, обманули их там. Хорошие, вроде, ребята были, разговорчивые.

– Да уж, хорошие, – не выдержал дедушка. – Уголовники поди. Урки!

– Тихо дедко, не шуми, дай дорассказать, – вступилась бабушка.

– Дак вот, до поезда час, а в туалет с тремя сумками не пойдёшь. Я и попросил ребят покараулить. Ну вот. Вышел, ни парней, ни сумок. Я туда-сюда – никто ничё не знает. Старушонка одна видела, говорит: как поезд объявили, они и пошли со всей толпой. И мои вещи прихватили. Хорошо ещё деньги и документы в маленькую сумку положил. Она при мне и осталась.

– Слабох, – выдохнула бабушка.

– И бескозырку туда же сверху пристроил. А китель и брюки-то я в большую сложил, поверх всего, чтоб не измять. Думал, поеду в штатском, а, как буду к вашей станции подъезжать, переоденусь. У нас так все ребята делают. Жалко, – вспомнил вдруг Димка. – Альбом туда же ушёл... Ничего почти на память не осталось. И домой охота было в форме приехать.

Приезд к нам для Димки был как бы репетицией. Настоящая встреча из армии его ждала дома, где вся деревня будет обсуждать его возвращение. Как вошёл, да что сказал, да как мать обнял, да как был одет. Возвращение без парадного мундира, наверняка, вызвало бы долгие пересуды, а причина его пропажи и вовсе могла навсегда сделать парня простофилей в глазах сельчан. Больше всего не хотелось позориться перед соседями. Репетиция провалилась.

– И работы жалко – сколько сил вложено. У меня ведь китель самый нарядный был, я его знаете, как украсил. Дембель-

ская форма – она ведь не то, что обычная, у каждого своя. Тут выдумка нужна, умение.

По дороге из Москвы Димка уже успел рукой махнуть на свою пропажу, а здесь, под сочувствующими взглядами родни, совсем расстроился:

– А может так, как-нибудь... Фуражку свою наденешь, тельняшку тебе на базаре купим, – робко вмешалась бабушка, не упуская случая подложить зазевавшемуся внуку оладушку.

– Дак у меня же ещё один китель остался, – вдруг просил Димка. – Только без ничего, не украшенный. И брюки такие же. Я их позавчера на складе выменял. Ребята подсказали. А в те две сумки они не влезли уже, я в третью запихал. Помял, правда. Да уж ладно. Китель-то добрый. Думал, носить буду, не в люди, так хоть так, в стайку. А штаны Максимке можно перешить, в школу истаскает. Так я теперь себе такую форму сделаю, ещё лучше. У вас шнурок белый есть?..

В следующие три дня все дела и заботы были заброшены. Все шкафы в доме выпростили подчистую, а их содержимое подвергли тщательному досмотру. Искали ленты, шнурки, пуговицы, белую и золотую краску, фольгу, картон и ещё не весть что. Главарём в этом домашнем перевороте был Димка. Только он точно знал, как должна выглядеть настоящая флотская форма. Правда, мама умудрилась в глубине книжного шкафа, где книги стояли в два ряда, отчего часто терялись, отыскать брошюрку с фотографией моряков в парадной форме. Но Димка их раскритиковал. Выглядели они уж больно скромно, аксельбанты совсем тоненькие, без кистей, зато с какими-то заострёнными палочками, которые уж точно негде было достать.

Самым ценным участником нашей команды оказалась Иринка. Она умела шить, рисовать, аккуратно вырезать из картона, плести макраме, что очень пригодилось, когда делали те самые аксельбанты. А ещё у неё обнаружился красный гляцевый лак для ногтей, оказавшийся незаменимым для нашивок на рукава. Правда после высыхания он выглядел скорее малиновым, но решили, что и так сойдёт, другого не было. Мама приходила с работы только вечером, бабушка пропадала на кухне в бесконечном стремлении откормить внука, чтоб не стыдно было отправить к родителям. А от меня пользы было,

как от кармана на спине. Я всё время вертелась под ногами, во всём участвовала, но толком делать ничего не умела. В итоге меня назначили посыльным к бабушке:

– Баба, а эти нитки можно взять? – кричала я ещё с полдороги на кухню. – А эту железяку? А где маленькие ножницы? А иголки с петелькой?

Бушлат и брюки в неестественной позе лежали на диване. Всё найденное, склеенное, покрашенное поочерёдно к ним прикладывалось для оценки общей картины. Выглядело нарядно.

– Мы из брюк делали клёш, брали лишнюю пару и вырезали из неё клинья, – инструктировал нас Димка.

Лишней пары у нас не нашлось, похожей ткани тоже. Старые дедушкины брюки были чуть-чуть светлее, бабушкин костюм отливал коричневым, а мамино пальто было жалко. В итоге решили обойтись без клёша. Дедушка, оторвавшись от «Парламентского часа», который никогда не пропускал, предложил пришить генеральские лампасы – как раз нашлось три метра красной атласной ленты. Но Димка от таких экспериментов отказался наотрез. С пуговицами тоже вышла заминка. С якорями не было ни дома, ни в магазине. Из металлических нашлись только две с полосками и шесть объёмных, блестящих, с львиными мордами. Пуговицы были красивые, решили пришить – будто так и задумано.

К вечеру третьего дня на «плечиках» в большой комнате висел дивной красоты китель. И шнурки, и нашивки, и погоны с буквой «ф», белое, красное, золотое – всего на нём было в избытке.

– Мама, мама, мы Димкину форму доделали.

Мама сняла в прихожей туфли и в плаще прошла в комнату, улыбулась одними глазами.

– Умнички!

– Да ты надень, посмотрим, – догадался дедушка.

В кителе Димка был нарядный, как ёлка, так что хотелось водить вокруг него хоровод. Наверное, какой-нибудь пожилой капитан, увидев его в таком красочном наряде, нахмурился бы и проворчал «раз-звели бар-рдак». А может быть, наоборот, улыбнулся и понял, что эта дембельская форма, совсем не похожая на будничный камуфляж, на самом деле – ниточка,

связывающая ребят с домом. Она кажется нелепой в унылой казарменной реальности, лишь потому что она предназначена для другого – для того дня, когда вчерашнего солдата окружат друзья и родные, когда накроют стол и будут танцевать, когда знакомая девушка заглядится на него, нарядного, и залъётся румянцем, поймав его взгляд. Понял бы и вспомнил себя молодого, и улыбнулся.

– Фотографироваться будем? – спросила мама, и мы с Иринкой побежали доставать нарядные платья и переодеваться. В плёночном «Кодаке» оставалось целых четырнадцать кадров, и мы фотографировались с Димкой все вместе, а потом все по очереди. Я хотела выглядеть на фото серьёзной, но Димка меня смешил, и я, не в силах удержать улыбку, кусала щёки. Так и вышла на снимке с прикушенными щеками. В груди щекотало от радости, и уже понемногу, исподволь подступала грустинка, оттого что послезавтра Димка уедет.

– Сумки-то больше не теряй, – сказал дедушка на станции, а хотел сказать, что очень жаль расставаться.

* * *

С того смешного времени прошло много лет, солнышко, спрятанное в ящике стола, рассыпалось в пыль, ведь оно было всего лишь каплей клея. Димка пережил тяжёлую болезнь, стал молчалив и задумчив. Когда мне было семнадцать, он подарил мне Библию, и сказал, что это хорошая книга, но я думала о другом, и не умела говорить по душам. Потом у него появились жена и дети, и видеться мы стали редко, а при встречах не вспоминали прошлого. Только почему-то я думаю, что для него, как и для меня, то время последних дней ускользающего от него детства было самым счастливым в жизни.

Саша Кузнецова

Кузнецова Александра Сергеевна (Саша Кузнецова), родилась 17 сентября 2002 года. Увлекается изготовлением мягких игрушек. Занимается музыкой (окончила музыкальную школу – фортепиано).

Родители – Кузнецов Сергей Викторович, заместитель директора и Кузнецова Наталья Анатольевна, учитель английского языка.

Учится в 10-б классе СОШ № 4 г. Радужного.

Инструкция к счастливой жизни

Смеяться

Прикрывая губы руками, прищуривая глаза, падая на пол, запрокидывая голову к солнцу, заражая своим диковатым беспричинным весельем других. Может, даже похрюкивая или издавая нечленораздельные звуки, подражая другим, громко и задыхаясь, тихо и беззвучно, от щекотки или от глупой шутки, из-за слишком смешного смеха прохожего или просто от того, что небо лазурное, а одуванчики называются одуванчиками, и они так похожи на пушистых жёлтых солнечных цыплят.

Путешествовать

Через глухие изумрудные лесные дебри; по бежевато-белому песку и кристально-чистой воде побережий; в серо-неоновых и никогда не спящих мегаполисах, туманных деревеньках с приветливыми дедушками и бабушками, раздающими пирожки с обязательно малиновым вареньем; по закоулкам любимого неевского города; по пёстрым и необъятным восточным базарам, где пахнет специями, и воздух напитан атмосферой невероятных разных культур и людей; в чистых пустынных горах, где эхом отдаётся твой крик и от пейзажа захватывает дух; среди белоснежных снегов и темно-зеленых пятен елей, робко выглядывающих из-под своих богатых снежных шапок; по своему собственному городку, где каждое место – улица памяти; по книжным историям; по чужим венам в крови в качестве серотонина и эндорфина. Самолетом, в наушниках, не спеша выпивая свой кофе перед долгим перелетом, сидя на полу аэропорта около розетки, надеясь зарядить мобильный, чтобы при посадке суметь отправить родным простое смс: «долетела». Поездом, с упоением слушая грохот набирающего скорость вагона и ненадолго засыпая на верхней полке в обнимку с книгой, играя в карты за чаем с соседкой. Машиной, останавливаясь на пикник в бескрайних цветочных полях, собирая полевые и пахучие

растения и пряча их букеты в кармане чехла переднего кресла, укрываясь пледом и слушая шипящее от помех радио. Велосипедом, вместе с подругами в лёгких сарафанчиках, направляясь за город на озеро. На метро, кашляя от постоянных сквозняков, рассматривая исположенных туристов и баннеры на эскалаторах, прислушиваясь к голосу, объявляющему остановки. Одной, с любимым человеком, с друзьями, с родителями.

Творить

И вытворять. Писать по ночам прозу или стихи, пропитанные лирикой, приглушая свет, чтобы не разбудить домочадцев и крепко спящую на незаправленной кровати кошку, выпивая по пять кружек кофе в день и не высыпаясь; рисовать соседскую собаку или цветы из чужого огороженного сада, находя в заборе перед ним сакральный смысл, марая руки в акварели или гуаши, акриле, пастели и невесомой пыли от карандашей, везде: начиная от домашнего стола для черчения и заканчивая горным обрывом над туманящейся пропастью; шить, напевая битловские мотивы, и с интересом и осторожностью прикладывая руки к только что завезенной в швейный магазинчик за углом новой ткани, подбирая нужный оттенок и фактуру, с болью в спине обшивая свое творение разноцветными кружевами и бусинами, относясь к своим работам, как к собственным детям; играть на музыкальных инструментах и петь так, что мурашки по коже от двух вещей – либо от волшебства издаваемых мелодий, либо от фальшивых ноток, которые не имеют ровно никакого значения, если это занятие тебе действительно нравится.

Любить

Без доказательств, крепко и навсегда, так, чтобы утром без причины печь лимонный штрудель, собственноручно кутать в колючий шерстяной шарф и нахлобучивать шапку, когда на улице чересчур холодно; пить чай из одной кружки и заправлять выбившиеся прядки друг другу так, что коленки и через пятьдесят лет дрожат, и не от старости; мимолетно, увлекаясь лишь внешностью и кокетливой улыбкой на одну притор-

но-сладкую ночь; больно и мучительно, разбивая за год сотню наборов посуды, тысячи чайных сервизов и разрывая стопки важнейших бумаг, чтобы в легких цветы росли, но утирая слезы друг другу так, что в этих прикосновениях запрятана целая вселенная ломающей напропалую нежности; через экран компьютера, напевая друг другу колыбельные и засыпая вместе перед мониторами, взяв, наконец, билеты и при встрече плача от невероятного счастья – видеть вживую и держать не пиксельные руки друг друга; в первый раз, чтобы с головой и головной болью, с опухшими губами под одеялом на крыше встречать малиновый рассвет после выпускного, чтобы за руки друг друга держать на переменах и бросать многозначительные взгляды на контрольных. Самого близкого на всем свете друга, свою собаку, кошку, кролика или хомячка, растение, бариста в городской кофейне, свитер, пахнущий любимым человеком, предмет в школе, хобби, маму, папу или троюродную, а может, и родную сестру или брата; луну, звезды, солнце, зелёный чай с запахом лайма, кофе американо, тыквенный латте или карамельное капучино; далекий город, в котором однажды пришлось побывать, человека, который пропишется в твоём сердце на всю жизнь.

Мечтать

О несбыточном, о счастье, не замечая его в мелочах, о любви, которая всегда в тебе; об удаче, всегда шагающей рядом, о признании, которого всегда можно добиться, хоть и с большим трудом. О тортике с клубничным кремом из ближайшей пекарни, сидя на диете; о выходе нового эпизода любимого сериала, чтобы обсуждать актёра, о котором, кстати, тоже мечтаешь, вместе с подружками; о теплых летних деньках, сидя перед камином с какао холодным промозглым февралем; о встрече с дорогим человеком, находящемся за сотни-тысячи километров несказанных слов и несвершившихся объятий.

Смеяться, путешествовать, творить, любить и мечтать можно совершенно по-разному.

А вот жить нужно всегда одинаково – счастливо.

ДАРЬЯ ЯРУШИНА

Лисья Песнь

Путник, Чужое Пламя,
торной ступай дорогой.
В лес не ходи ночами,
лисьих следов не трогай.
Рыжий фантом исчез ли,
нет ли –
пульсируй тише,
в травах теряйся, если
шорох хвостов услышишь.

Месяц зальёт латунью,
Тьма поглотит останки –
Знает Лиса-ведунья,
знает Лиса-шаманка:
В ночь уведёт, не тронет,
в логове спрячет старом,
будет поить с ладоней
крепким хмельным отваром,
будет гореть и таять
эхом ночного крика,
в косы тебе вплетая
запах полыни дикой.

Гласом протяжным трубным
Лес возвестит о главном:
Будут костры и бубны,
пляски дриад и фавнов,
будут варганы, лютни,
будут огня каскады...

...так не ходи же, Путник,
лисьего бойся взгляда.

Бойся, что лисьи травы
станешь искать, зависим...

Бойся владеть по праву
Сердцем.
Горячим.
Лисьим.

* * *

Добрый друг! Миром мир неволя –
Мой исполнится дух покоя!
Я хочу уточнить – доколе
Буду мучима я тобою?

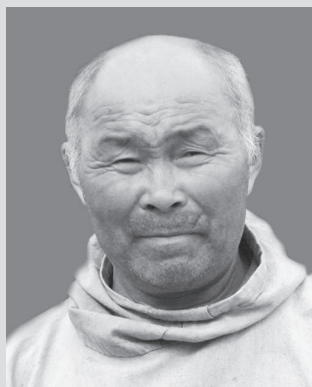
Мой бессмертный огонь поруган,
Войны праздные слепят очи.
Если мы не милы друг другу –
Разойдёмся без боя, хочешь?

Хватит гибнуть безумной рати
На полях бесконечной брани...

Я – Вселенная, я – Создатель,
Я – соцветие звёздных граней.

Мой затейливый танец вечен,
Ты же – тень на церковных стенах.

Не прощаюсь.
До скорой встречи.
Обнимаю.
Твоя Система.

Юрий
Вэлла

Вэлла (Айваседа) Юрий Кылевич (1948-2013) родился 12 марта 1948 года в семье ненца-оленевода в с. Варьёган Сургутского (ныне Нижневартовского района).

Окончил Литературный институт им. Горького.

Печатался во многих журналах и альманахах. Автор многих книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России (2000).

Почётный гражданин Нижневартовского района. Ветеран труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Лауреат премии «За подвижность» института «Открытое общество» (Фонд Сороса) (1998 год).

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Литературной премии Губернатора, Международной литературной премии «Югра».

Награждён нагрудным знаком Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За содействие в развитии законодательства».

РАЗМЫШЛЕНИЯ

после Медвежьего Игрища
(диалоги)

ПЕРВЫЙ – (Н. Скотт Момадэй – из американских кайова)
ВТОРОЙ – (Юрий Вэлла – сибирский лесной ненец)

1. «Возле тропы» (первый диалог)

ПЕРВЫЙ:

«Где же ты!»

Слова мои для Вэллы

Душу мою оживляющий, где ты?
Со стороны солнца я пришёл – изжаждался.
Со стороны холода я пришёл – проголодался.
В стороне заката я – почти издох.
А там, где рассвет – как будто проснулся.
Душу мою оживляющий, где же ты?
Доставай свои орудия!
В течение жизни скверных слов я насышался.
В течение жизни добрые слова я тоже отыскал.
Если утром являюсь – я бы пел.
А к вечеру – сплясал бы.
Со стороны Спины-Земли (Водораздела) –
Я умереть пришёл.
А из берлоги вышел –
Для воскрешения.
Страдающую душу, кто освободит?
Тот, кто должен меня оживить, где ты?
Укажи дорогу!

США, 1997 г.

**ВТОРОЙ:
«И вот я здесь!»**

Н. Скотту Момадэю слова мои

Вот он я, здесь!
Возле тропы твоей тебя ожидаю!
Всю мою жизнь – брата равного не имел.
Всю мою жизнь – попутчика равного не имел.
Мы б с тобой шагами померялись.
Мы б с тобой рыком поменялись.
Мы б с тобой взгляды скрестили.
Только наша общая тропа пусть тесной не станет!
Вот он я, здесь!..
В круг твоих родственников войдём.
Меж моих родственников прошагаем.
На чьей стороне скверные слова отыщем?
На чьей стороне добрые слова услышим?
Детей своих величиной с шишку сосновую – созови.
Детей своих величиной с листочек берёзовый – созову.
У играющих детей пусть шаги лёгкими будут.
У танцующих детей пусть душа свободной станет.
Как и я, от слов страдающего – не встречал.
Как и я, от песен плачущего – не видывал.
В жизнь свою, если ругань слышал – растеряй!
В жизнь свою душой изведанные боли – растеряй!
Это было, чтоб точность слов чувствовал – испытание.
И вот я здесь!
Возле тропы твоей тебя поджидаю!
Ты думаешь – это я тот, кто должен тебя оживить?
На самом деле – это ты меня оживляешь!

СИБИРЬ, 2010 г.

2. «Пляски и песни леса» (второй диалог)**ПЕРВЫЙ:****В лесу***Брату моему Юрию Вэлле*

О, брат мой,
 Слышу поступь твою в лесу.
 Шаг твой твёрд и размерен.
 В нём – эхо твоего сердца.
 Ступаешь ли ты средь следов медвежьих –
 Пусть Медведь тебе будет вожатым.
 Придёшь ли на поляну среди деревьев –
 И там начнёшь свою пляску.
 Затянешь ли песни Старейшин –
 Те, которыми они освящали землю.
 О, брат мой,
 Я слышу шаги твои и твои песни.
 Сегодня я выйду плясать с тобою.
 Возликуем же вместе
 Нашей сутью медвежьей!
 Поддержим огонь очагов священных!
 Айии!

*США, 2012 г.***ВТОРОЙ:****Пусть так оно и будет***Для моего Ня* – Н. Скотта Момадэя слова мои*

Айии! – Точно так!
 Так оно, оказывается, и было!
 Я думал, лес приглушает звуки,
 Но ты расслышал мои шаги.
 Я старался беззвучно ступить
 Средь следов звериных,
 Но ты, мой Ня!
 Ты почуял колебания моего сердца.

Ты распознал и шаги мои,
 Что были вплетены
 В звуки древних песен Старцев.
 Ты нащупал эхо моего сердца,
 Хоть я успешно приглушал его удары
 В лабиринтах Медвежьих Плясок.

Пусть в веках поют наши дети –
 Что подобны шишкам сосновым!
 Пусть в веках танцуют наши внуки –
 Что похожи на листья берёз!
 Соберутся вокруг очагов священных,
 Чтоб возрадовать себя песнями,
 Сказками и легендами,
 Что мы успеем им передать.

А то, что не сумеют от нас перенять,
 Пусть сочиняют сами...

Тот, кто должен петь,
 Чтоб ему свободно пелось!
 Тот, кто способен танцевать,
 Чтоб ему легко плясалось!
 Тот, кому суждено лицедействовать,
 Чтоб талантливо играл и в фельетонах,
 И в божественных сценах!
 Так было всегда
 И должно быть и в будущие времена!
 Пусть возликуют пляской
 Нашей общей Медвежьей сути!
 Пусть в Священный Бор
 Свезут дары жертвенные,
 Дары щедрые,
 Чтоб равнозначны мольбам-пожеланиям!
 Пусть наденут на лица маски
 И дружно ударят в бубны!..

А зверь звериной тропею
 Пусть вечно спускается с Водораздела.
 А потомки мои и твои с заточенными стрелами
 У тропы той пусть всегда настороже.
 Айии! Мой Ня!
 Пусть так оно и будет!

СИБИРЬ, 2012 г.

* Для кровного старшего брата есть слово Ытя. Но есть более тёплое, широкое и часто используемое слово Ня (Нямэ-э) – это и старший и младший кровный брат, это и двоюродный и названный брат, это и попутчик в дороге и соратник-напарник в делах, это и собеседник, и единомышленник, это просто близкий человек, с которым хочется общаться и быть вместе. Поэтому Ня, по сравнению с Ытя, более ёмкое, более точное, мне кажется, слово, именно в том значении, в котором употребил слово Брат Н. Скотт Момадэй.

3. «Следы во сне и наяву» (третий диалог)

ПЕРВЫЙ:

Следы

Посвящается Юрию Вэлле

Брат мой родной,
 Слышал я странный рассказ:
 На обряд ночной пришёл человек.
 Был он наряжен в богатое платье,
 Добрым был мех
 И прекрасна душа его.
 Он встал у края общего круга
 И был безмолвен.
 Ни слова,
 Ни песни из уст его,
 И никому он не был ведом,
 Только чужали все,
 Как он могуч,

Как велика его тайная Сила!..
 А когда всё кончилось,
 Он исчез.
 Отправились люди за пределы круга,
 Чтоб отыскать его след,
 Но не было там
 Человечьего следа,
 Были только следы Медведя...

О, брат мой,
 Не твой ли след это был?
 И уж не ты ли принёс на обряд
 Всю мощь Хозяина Тайги?
 Не ты ли эту ночь освятил
 И звёзды приблизил с ночных небес?
 И люди запомнят ли тебя
 В добротном мехе шубы
 Или в могучей красе души?

Я жажду пройтись с тобой по тайге,
 Чтоб глубокий след оставить в снегу.
 Мы поведаем священные Сказы!
 Мы затынем священные Песни!

США. 2012 г.

**ВТОРОЙ:
 Мой сон**

Н. Скотту Момадэю сон мой для предсказания

Ты, Нямэ-э, спрашиваешь:
 Был ли я
 На святилище том?

Прошлой ночью
 Видел я сон:
 Как в облике Медведя
 Со Спины Земли я спускался,

Чтоб после берложного сна
Встрянуться,
Проснуться,
Взбодриться,
Оживиться!
Оказывается, я очень проголодался,
Оказывается, я очень обессилен,
Оказывается, в теле моём иссякла
Сама Жизнь...

В тайге не нашёл ничего съедобного.
Среди оленей
В собственном стаде
Не хватило мне сил
Зарезать самого немощного
Отставшего Оленёнка...
А когда меж людей проходил,
Слышал их голоса со всех сторон:
«На, вот это съешь!
На, вот это съешь!
На, вот это...»
Когда я взгляделся
В их протянутые ладони,
Там не было ничего съестного!
В ладонях у иных –
Для торговли золотые монетки.
В ладонях у иных –
Лоскуты тканей для шитья одежды.
В ладонях у иных –
Для женских голов нарядные шали.
Что же из этого,
Я оголодавший,
Могу съесть?
Для чего мне – Медведю
Такие богатства?
Неужели
Они приняли меня
За Божество?

Самый старший из них
Сказал мне:
«Когда-то ты был человеком,
Теперь ты принял облик Зверя.
Когда-то ты жил среди нас,
Теперь ты к нам вышел из тайги.
Неужели отдельно жить лучше?»
– Конечно,
Отдельно от вас жить не лучше мне.
Но с Царской казённой протянутой ладони
Вам питаться понравилось.
Собственными усилиями рыбачить,
Собственными усилиями охотиться,
Собственными усилиями пасти оленей
Вы, похоже, совсем перестаёте.
Царские чиновники
В ваши карманы
Дармовые золотые монетки
Обильно ссыпают
За вашу любовь.
Вероятно,
Чтоб вы стали подслеповатыми?
А я не люблю золото,
У меня от него
Изжога...

Самый старший опять сказал:
«Давай, через этот костёрчик прыгнем.
Если через огонь прыгнешь –
Опять человеком станешь».
Я посмотрел на костёр,
Разве это костёрчик? –
Это огромный кострище пылает!
А мы
Вокруг священного огня
Приготовились к жертвоприношению.
Нам бы выпросить у богов
Одного добротного дня,

Когда у добычливого юноши
Под лыжами будет бодрое скольжение!
Нам бы выпросить у богов
Второго добротного дня,
Когда у удачливого юноши
Под пятками будет весёлое поскрипывание!
Нам бы выпросить у богов
Третьего добротного дня,
Когда женщина сможет достичь
Возраста Белого Шва,
А дочь её сможет достичь
Возраста вскармливания Младенца!..

И я, разбежавшись,
Прыгнуть решился через огонь,
Потому что подумал:
«Может быть Я – жертва?»
Но кто-то повис на мне.
Помню, я рвался
Через костёр сигануть,
Но кто-то сильный
Плечи сдавил –
Не пускал,
Тормошил
И кричал мне на ухо:
«Что же ты делаешь!
Посуду больничную ломаешь!
Немедленно просыпайся!
Пока не поранился...»
Я оглянулся кругом
Глазами спросонок:
Оказывается,
Я в больничной палате,
Пытаюсь прыгнуть
Через столик больничный,
А на нём больничная посуда
И больничные инструменты.
А доктор ночной

С медсестрой больничной
Повисли на обоих моих плечах
И пытаются меня приручить,
Присмирить,
Сделать послушным –
Больничным.

А сегодня
Внимательно осмотрел я себя:
Ах, что же это –
Подол моей одежды поджаренный,
Подол моей одежды подпалённый.
Когда же это случилось?
Ведь в больничной палате
Не было открытого огня...
Ты, Нямэ-э, спрашивал,
Был ли я
Возле того священного костра,
Где наши с тобой родственники
Общались с божествами?
Знаю точно:
Во сне – был!
Но отчего
Огнём подпалён мой подол –
Наяву?

НИЖНЕВАРТОВСК, 09. 2012 г.

4
«Вечное там – вечное здесь» (четвёртый диалог)

ПЕРВЫЙ:

Ты сын мне, а я – тебе

Письмо Юрию Вэлле

В сумерках
Средь духов лесных
Тебя нахожу,
И узнаванье былое приходит к нам.

Нашу встречу
Любовь да почтение привечают.
Ты сын мне, а я – тебе.

Мы пируем в рассказах о жизнях наших
И пляшем на тропах медвежьих.
Мы поем о богах и героях,
Завещавших нам мужество и надежду.
Ты брат мне, а я – тебе.

Нам ведомы таежные чуда.
Болота и реки,
В которых звери – это посланцы
Что приносят нам сны о других мирах.
Ты отец мне, а я – тебе.

И той же мы древней крови,
И из тех же костей
Наших предков священных.
Ты дед мне, а я – тебе.

Мы славу пьем в словах изначальных.
В молитвах Творения и доброславия.
И живо в нас нечто столь же святое
Вечное там – вечное здесь.

США, 2013 г.

**ВТОРОЙ:
Бабушкины ценности**

Моему Ня – Н. Скотту Момадэю

Когда-то
Мне Бабушка говорила:
«Уходя в дальнюю дорогу,
Возьми с собой ценности вечные –
не обмани,

не укради,
 не навреди,
 не убей;
 не откажи
 в помощи слабому;
 не позволяй,
 чтоб обижали твоего ближнего;
 не нарушай
 своих родовых обычаев;
 не оскверняй
 и чужие святыни!
 А возвращаясь из странствий,
 окажи почтение
 Отцу и Матери!»

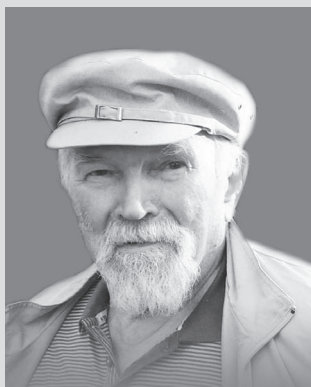
Твои строки, мой Ня,
 Мне напомнили бабушкины мудрости.
 Может и иным
 Напомнят что-то святое?
 Ведь сегодня
 В окружающем мире
 Так спутались ценности
 Ложные с истинными!..

Будь мне – мудрым дедушкой,
 Чтоб я стал – разумным внуком.
 Будь мне – сильным отцом,
 Чтоб я стал – твоим ведомым.
 Будь мне – общительным братом,
 Чтоб в делах – у меня был напарник.
 Будь мне – старшим сыном,
 Чтоб в душе я искал – что сказать тебе.
 Будь мне – младшим внуком,
 Чтоб я просто взял тебя за руку.
 Стань мне правнуком,
 Чтоб в тебе я искал продолженье себя...

А вокруг нас
Пусть будет благословенный мир –
Солнце, ветер, тундра, олени!
А песни наши,
Что одними концами от Медвежьих Игрищ идут,
Пусть будут легки для звучания!

Стойбище-на-Тюйтяхе, 02. 2013 г.

Слова Н.Скотта Момадэя на русском языке
в переводе А.В. Ващенко, Москва, МГУ.

ВИКТОР КОЗЛОВ

Козлов Виктор Николаевич (1937–2017) родился 15 июня 1937 года в с. Овчинниково Косихинского района Алтайского края. Окончил Уфимский нефтяной институт (1961).

Работал в Тюменской области, на Севере Западной Сибири. Прошел трудовой путь от помощника бурильщика до главного инженера нефтегазоразведочной экспедиции.

Автор семи поэтических книг и одиннадцати книг прозы.

Ветеран нефтегазразведки.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Лауреат Всероссийской премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы за 2005 год.

Я много работал, многое видел. Но одно хочу сказать: сколь долго человек ни прожил, жизнь его делится на две части: первая – детство, вторая – всё остальное!

Детство... по годам – оно короткое, но как оно медленно течёт! И его не надо торопить: пусть оно длится дольше.

Маленьким я желаю – долгого и счастливого детства, взрослым – живых воспоминаний о нём.

В.Н. Козлов.

Приезд отца на побывку

Радость в сердце пообвыкла,
я поверил, наконец:
на двухдневную побывку
приезжает к нам отец!
Едет полк его на запад
из Улан-Уде – Читы...

...У отца казённый запах,
но родимые черты.
Он меня совсем затискал.
Так груди своей прижал –
я от счастья только пискнул.
Он меня под мышки взял
и подкинул: «Ну-ка сынка!
Вот так сынка!» – говорит...

А на матери косынка
синим пламенем горит.
А в глазах то жар, то холод:
«Коля, Коль, не урони!..»
Был отец силен и молод.
Командирские ремни
хорошо на нём сидели.

«Не грустите, я – вернусь! –
 обещал он.
 Мы ревели:
 горе шло к нам, а не грусть.

После похоронки

Порой меня ругала мать,
 как будто зло сорвать,
 но я-то видел,

что горе маме душу жгло
 такое, что не надо слов, –
 был не в обиде.

Зато сдержаться я не мог,
 как скажет мать: «Терпи сынок,
 погиб наш папка...»

Я забирался на чердак,
 там горько всхлипывал в кулак
 и молча плакал.

В Казённом лесу

Дуплистые вязаы в Казенном лесу.
 Там вяхири стонут, почуяв грозу.
 Могучие вязаы хранят полумрак.
 Под каждым кустом мне
 мерещится враг.
 С ножом самодельным
 иду и свищу.
 Колоду грибную в лесу я ищу:
 грибы навязОвых колодах растут,
 «вешёнками»

Их в Малышовке зовут.
 ...Ох, сколько вешёнок!
 Не верится аж...
 Вот мать удивится:
 «добытчик ты наш!».
 Хорошие вязы в Казённом лесу!
 Я кузов с вешёнками
 еле несу...

Свой дом

Один – безрукий, тот – с кульяшкой,
 с чахоткою, а кто – кривой...
 Хоть в сторону вздыхали тяжко,
 но радовались: всё живой!
 ...И оживилась Малышовка:
 в ней застучали топоры.
 То мужики, сперва неловко,
 свои устроили дворы;
 потом дошло и до знакомых,
 кто сам был справиться невмочь.
 «Григорьевна! Ты – делай помочь:
 готовы мужики помóчь!»
 Мать с хмелем ставила кислушку,
 пекла, варила – с ветерком...
 ...и вскоре мы свою избушку
 Солидно называли – дом.

Зорька

Я пас в лесу корову.
 И вот на склоне дня
 Под илемовым кровом
 Сморило вдруг меня...

Но я очнулся вскоре:
 Шершавым языком
 Меня корова Зорька
 Лизнула над виском.

От этой ласки влажной
 Я чуть не заревел:
 Такой от мамки даже
 Я сроду не имел...

Но ласково и зорко
 На пастушка, как мать,
 Опять взглянула Зорька:
 Пора, мол, друг вставать.

Я выбрался на травы
 И пас уже с умом,
 А потрудился славно –
 И ужин с молоком.

И Зорькина осталась
 Примета у виска:
 Вихор, белёсый малость,
 Зализанный слегка...

По тонкому льду

Не удержать нас на запечке:
 коньки точили, как ножи;
 едва мороз – и мы на речке:
 по льду сновали, как стрижи!
 А лёд был тонок и прозрачен,
 хоть чёрн, как школьная доска.
 Нахальством нашим озадачен,
 в глубины прятался пескарь –
 когда обрывисто и звонко
 лёд под коньками проседал,

а через трещины вдогонку
стремилась тёмная вода...
С тех пор, отчаянный и резкий,
люблю под сердцем холодок...
...А жизнь – летит!.. и гнётся с треском
годов тонюсенький ледок...

* * *

***Господи!.. В Рождественскую ночь
хочу болезнь я превозмочь
и славить Рождество Христа.***

Молитва у меня проста:
О, Вифлеемская звезда!
Ты через тучи мне свети,
чтоб я не сбился никогда
с благочестивого пути.
О Боже праведный, прости
все прегрешения мои,
сквозь них дай зернам прорасти
и покаянья, и любви –
к тебе и к ближним, и к врагам...
Благослови, Господь, меня
на трудный путь – на путь к Вратам
Вечносверкающего Дня...

07.01.93 г., г. Мегион

*(Выделено редактором. Умер Виктор Николаевич Козлов
6 января в рождественский сочельник 2017 года)*

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

Родилась 20 апреля 1928 года в многодетной семье в городе Ивдель Свердловской области. В 1948 году окончила Свердловский педагогический институт. Работала директором Дома пионеров, заведующей отделом культуры г. Ивдель.

В 1963 году приехала жить и работать в Ханты-Мансийск, где заведовала отделом культуры Окрисполкома, была преподавателем педучилища, старшим редактором студии телевидения.

Автор большого количества литературных произведений, в том числе по мотивам мансийского фольклора. Изучение обычаев и традиций северного народа вылилось в серию мансийских сказов и повестей, среди которых «Ваули» и «ЯнгаалМаа». Успешно работала в жанре исторического романа («Плач ггары», «Порушенная невеста», «Наледь»). С 1974 года писательница жила и работала в Нижневартовске. Маргарита Анисимкова являлась членом Союза писателей СССР (1985), членом Союза журналистов СССР, Почетным гражданином города Нижневартовска (1997), а также Почетным гражданином города Ивдель (2007). Заслуженным работником культуры Российской Федерации (1998), Заслуженным деятелем культуры Ханты-Мансийского автономного округа (2000). Лауреат премии Мамина-Сибиряка, лауреат премии губернатора ХМАО в области литературы 2000 года за роман «Наледь».

Скончалась писательница 15 мая 2013 года в Нижневартовске.

СЕНЬКИН ПАЙ

Не на шутку расхворался старик Коконя: на глаза накати-лась темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся – словно в капкан пойманы.

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего – есть места, где земля теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только младшего, Сеньку, не знает Коконя с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман¹⁰ он пошел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопко борами ходил. Да увидел он вдруг под горой, в логу, непроглядный дым.

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дышит – то затухнет вдруг, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется, клубы черные гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала.

Испугался Сенька.

За кустом присел, спрятался, переждать хотел пожарище, а оно в осенней ночи разгоралось пуще прежнего. И казалось, что сама земля под ним движется, содрогается.

Непугливый Сенька был с малых лет. По лесам днем и ночью расхаживал, не однажды ель в медвежью берлогу с отдушиной вталкивал и будил в ней сердитого хозяина. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держали.

10 УРМАН, урмана, муж. (тюрк. игтан лес) (обл.). Хвойный лес.

А жара вокруг стояла нестерпимая. Спихватился тут Сенька, догадался, что тепло земное нашел. Вскочил и хотел бежать в отцовскую сторону, рассказать про чудо виденное, про тепло, про жар, которым дышит земля, за которым послал отец братьев в разные стороны.

Но одна беда: как к огню подойти? Как отцу унести, показать его, рассказать про то людям?

Не занимать Сеньке смекалки, сноровистости. Он сухару за комель схватил, подтащил поближе к пожарищу. Поначалу сам на цыпочках шел, до земли едва дотрагивался, да к огню сухару подталкивал.

А прожора огонь будто ждал того: облизал сухару языками своими могучими, а потом обвил ярким пламенем, засветил в темноте, обогрел округу теплом.

И понесся Сенька сколько духу есть к тем родным местам, на простор речной, – где отец жил. А в руках тащит сухару, земным огнем зажженную.

А в это время Коконя-старик еле вышел из чума с деревянной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзывать сыновей.

Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры.

Не один, раз луна ходила небом, не два – не пришли сыновья.

Видно, далеко ушли, думает он. Набрался силы старый охотник, вышел снова из чума и стал стучать по деревьям да глухими ударами землю бить.

Не слышали сыновья.

Не хотелось умирать старику, не повидав сыновей своих. Стал просить старик птиц и зверей.

Разлетелись с шумом по тайге птицы, разбежались по округе звери.

А Прокопка с Никифором в то время улеглись на боровинке, мхом выстланной, где речной прибрежный ветер гнус отгонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший шмель.

– Где найти-то земное тепло? – открывая лениво глаза, Прокопка спрашивал брата.

– Его нет совсем! Это отец выдумал! – промычал сквозь зевоту Никифор, на другой бок переворачиваясь.

В это время они слышали громкий птичий крик. Вскочили.

А птицы летят, курлычут, стрекочут, крыльями машут, каждая на своем языке просьбу охотника Кокони рассказывает. Догадались сыновья, что старик собрался навсегда оставить землю. Домой их зовет. Догадались, что отец надумал угодыя делить. У отца они немалые. По реке широкой Югану тянутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностоями да лисами и с другою всякою живностью. В тех урманых сам хозяин тайги живет.

В реках, в заливных местах у чистых песков да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыбких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень – сильный бывает, ветер и тот не догонит его, отстает.

Округлились у обоих глаза, потерялся голос в испуге, глядят друг на друга, боятся, как бы кого из них отец не обделил.

– Мой пай будет – все урманы с соболями, с кедрачами и грибами!– закричал во всю силу Прокопка.

– Нет, мой пай – все урманы с соболями, с кедрачами и грибами!– перекричал его Никифор.

– Нет, мой пай, – хрипел Прокопка, – на реке, где рыба стерлядь косяками ходит!

– Нет, мой пай! – орал Никифор.

И бежали они так, что травы гнулись, расступались деревья. А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом дорогу нелегкую, Дорогу неблизнюю, дорогу неторную.

Да не разглядел второпях он корягу смолистую, споткнулся, упал и уронил пламя на землю.

И пошел огонь по кустам, по деревьям шарить: зачернил кусты, поджег травы, охватил пламенем деревья вокруг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит: не сможет он один справиться. Испугался Сенька. Побежал к реке Югану и давай поклоны бить, и давай ее просить, пособить беде.

А река сложила волны, приумолкла, почернела, будто не слышит его. На колени пал Сенька, пригоршнями черпал воду и шептал сквозь слезы: не хотелось, чтобы ветер слышал мольбу его и разнес по тайге тайну, что не донес он земное тепло.

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с лица и толкнула его дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода за ним. Сенька смотрит – глазам не верит: вода течет. Он шаг шагнул, она за ним, второй шагнул – она волну подгоняет и сама торопит охотника.

Вокруг пожарище бушует, дурит, жжет и палит все вокруг. А протока Юганка торопит Сеньку, вся дрожит мелкой рябью.

Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы знали и те забыли.

А речка бежит, позади себя берега крутые оставляет, пламя дальше в тайгу не пускает.

Тут выскочил Сенька на крутой яр, а речушка обежала круг да с другой стороны к самому Югану навстречу, радуясь, выбежала. Обняла вода огонь, остров сделала. Черный остров, горелый остров. Огляделся Сенька кругом, видит: приумолкла река, присел огонь к земле, только черным дымом от него гарь стелется. Обтер изодранным рукавом малицы¹¹ Сенька пот с лица, затянул крошни¹² потуже, вздохнул глубоко и в отцовскую сторону быстрыми шагами отправился.

В это время били бубны. Под раскидистой сосной хоронили старого Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу: «Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове».

Только после этих слов сразу облака над лесом поплыли темные, налетел ураган, ветер с деревьев верхушки сломил, многие совсем с корнем вывернул, повалил Сеньку, прижал к земле:

Слышит Сенька тихий незнакомый голос: «Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести».

Оглянулся Сенька вокруг. Никого. Только братья стоят злые, брови нахмурили, смотрят так сердито, будто Сенька и не брат им. Но осмелился Прокопка, и проговорил нехотя:

– Не оставил отец пая тебе. Нам с Никифором поделил угодыя. Ты и так проживёшь.

– Шибко долго земное тепло старался найти, пусть оно и греет тебя. Ха-ха-ха! – засмеялся Никифор.

– Уходи скорее на остров к себе, а то еще принесешь свое пламя сюда, – сказали жадные братья.

11 М а л и ц а – одежда из оленьей шкуры мехом внутрь.

12 К р о ш н и – приспособление для переноски груза.

Повернулся Сенька. Видит, около ног собака вертится, в глаза ему смотрит, скулит жалобно. Ничего не взял с собой Сенька, так на остров горелый отправился, позвав с собой друга косматого. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

Много зим прошло по свету, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мохом, паутинка тонкая исчертила лицо.

Проезжали иногда веселые братья мимо горелого острова. Подворачивали упряжки оленей к жилью Сеньки да на бедность ему то связку белок, то боровую птицу оставляли.

А Сенька жил не печалился. Сыновой растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов из гнезда, да потягивалась на суку белка, хвост прихорашивая, выехал на своем обласке¹³ на рыбалку Сенькин младший сын. Едет, любитесь простором речным, островом родным, на который отец земное тепло приносил да много сказок про него рассказывал.

Видит: из-за мыса лодка выплыла да к острову направилась. Плынут шумно люди, разговор ведут, на берег сходят. Увидели Сеньку-младшего. Подъехали. Говорят что-то на незнакомом языке, понять Сенька-младший не может и позвал их к отцу. Захлопотал старый охотник, угощал гостей вкусной нельмой малосольной и варил уху налимью. Рад был старик, что люди его про тепло земное спросили. Стал рассказывать он, а сам все то на небо поглядит, то на Юган взгляд бросит, – не поднимется ли ураган, не рассердится ли Торум¹⁴ на болтливость охотника.

Только тишь стояла кругом. Солнце ярко светило, река се-ребрилась.

«Видно, время пришло! – радостно подумал охотник. – Видно, пора пришла людям про земное тепло рассказать да места показать».

Смотрит на гостей, радуется, а они по острову ходят, оглядываются. А потом Сеньку – старшего и спросили:

– Как зовут люди твой остров черный?

13 Обласок – долбленая лодка.

14 Торум – бог.

Посмотрел вокруг Сенька, прищурил глаза, почесал пятерней седую голову, пожал плечами да и говорит:

– Тут! Тут Сенькин пай! – И снова обвел рукой весь простор вокруг Югана.

– Сенгапай? – переспросили его люди.

– Ага-ага, Сенгапай! – добродушно согласился охотник. – Тут тепло земли живет много-много. Сенька-младший казатъ будет. Он знает, – улыбнулся охотник.

И молва про остров пошла неслыханная. Нефтяною кладовушкой это место люди стали звать. А когда пришла пора, то Сеньку-младшего, как хозяина острова, задвижку открыть просили. Та задвижка была от большой трубы, по которой люди собрались отправлять земное тепло. В тот день народу на горелом острове было видимо-невидимо.

Смотрят: Сенька-младший идет – и не узнать его. Разнаряжен по-праздничному: малица белая, как лебяжий пух, вся расшита по рукавам и подолу – рисунками замысловатыми, на ногах бродни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах висит нож охотничий с разукрашенной рукояткой да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и открыл ее. Заурчало что-то в трубе, зашумело.

Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:

– Идет! Идет! Земное тепло идет!

СОСНОВАЯ ВЕТОЧКА

Богатый был старшина Хозумко. Оленьим пастбищам счета не знал, сам в стада редко ездил – ленился да морозов боялся, хотя и в тундре вырос. Всю работу за него пастухи делали. А он любил больше под теплыми шкурами лежать да чтобы они поближе к теплу постланы были.

Разомлеет у тепла Хозумко, распарится, по щекам и шее капельки пота покатятся, упадет на него зевота. Вытянется он под шкурами, хлопнет несколько раз в ладоши. Вздрогнет у стенки чума куча оленьих шкур. Вначале одна скатится, потом другая, третья – и высунется из-под них седая косматая голова морщинистого старика с большими горбами на спине. Закашляет старик громко, вытрет нос подолом широкой красной рубахи и, переваливаясь на кривых коротких ногах, подойдет к огню, сядет перед Хозумкой на корточки, поговорят.

– Ну как, шаман Янко, выспался? – спрашивает Хозумко, все еще зевая.

– Спал, спал, да сон досмотреть не успел, – шамкает шаман беззубым ртом.

– Какой сон не досмотрел, Янко?

Поморщился шаман, посмотрел искоса на своего хозяина.

– Приснилось мне, будто в твоём дальнем стаде, что пасется у гор, волки всех белых оленей перерезали.

– Так там у меня самые красивые, самые сильные олени! – закричал Хозумко. – Зачем тебе такой дурной сон приснился?!

– Не знаю, – говорит шаман.

– Так чего сидишь! Гадай скорее: правду ли во сне видел? Гадай на топоре! Послушай, что там в стаде делается?

Пошел Янко к большому деревянному чурбану с вбитым в него топором, взял в руки колотушку и ударил по топору. Раздался звон. Бросил шаман колотушку на шкуры, припал ухом к топору, закрыл глаза.

– Ну, что там? – спрашивает его Хозумко шепотом.

Шаман помахал ему широкой ладонью.

– Говори скорее! – закричал Хозумко.

– Плач пастухов слышу. Завывание вьюги слышу. Пустой лай собак слышу. Бега оленей не слышу! – говорит шаман, не открывая глаз.

– Может, ты оглох, как старая охотничья собака? – сказал сердито Хозумко и позвонил в маленький серебряный колокольчик.

В чум ввалился запорошенный снегом пастух, в худой облезлой малице. Посмотрел со страхом на Хозумко.

– Поезжай, Санко, в дальнее стадо, в котором живут белые олени, скажи пастухам – пусть гонят стадо поближе к моему чуму.

Поклонился Санко, вышел из чума. Сел Хозумко снова к огню, греется.

– Что еще скажешь, шаман Янко? – спросил Хозумко.

– В чуме Паланы мясо молодого оленя сварено. Вкусный дух от него по всему чуму идет. У всех слюнки текут, а она никому не дает.

Опять зазвенел Хозумко серебряным колокольчиком.

Скоро, согнувшись в поклоне, вошла в чум черноглазая Палана с жареной олениной в берестяном корытце. Облизнул Хозумко толстые губы, потер ладони, взглянул ленивым взглядом на нарядный, расшитый нагрудник Паланы, на цветастый платок с шелковыми кистями, выдернул из ее рук корытце с мясом, поставил себе на колени и начал есть. Ел он долго, чмокал и сопел, слизывая сало с губ. Шаман украдкой смотрел на него, глотал слюнки.

Насытившись, Хозумко оттолкнул к нему берестяное корытце.

– По всей округе ни у кого нет таких белых оленей, как в моем стаде у гор, – сказал Хозумко, царапая толстым пальцем в ухе. – Если, Янко, сон твой станет правдой, то всех пастухов ротозеев собаками затравлю, в тундру пешком выгоню!

Может быть, он и еще придумывал бы всякие кары для бедных пастухов, только шаман Янко прервал его мысли.

– Мне еще снился сон, – сказал шаман, – будто ты, Хозумко, свою красавицу дочь Тученбалу долго замуж не отдаешь, а

вокруг твоего стойбища каждую ночь олени упряжки носятся с молодыми охотниками. Не увезли бы ее!

– И это худой сон тебе приснился! – сердито закричал Хозумко.

– Что делать? – ответил шаман. – Ночи зимой длинные, сны снятся всякие.

– За Тученбалу я большой выкуп возьму!

– Возьмешь, возьмешь! – согласился шаман. – Другой такой девушки нет в тундре. Брови у нее выгнуты, как крылья у обской чайки, губы красные, как брусничным соком вымазаны, глаза – как осенние ягоды, после дождика. Ходит Тученбала – как летает. Не видели мои глаза такой красоты!

– Может, и правильный сон приснился тебе, – сказал тихо Хозумко. – Только нет в тундре такого богатого жениха, чтобы мог заплатить мне за нее выкуп в тысячу оленей.

– А на: что тебе олени? – не поднимая глаз, спросил шаман.

– Ты что, сдурел? Без оленя в тундре человек – сирота!

– Может, лучше найти жениха-удальца, чтобы храбрым был, чтобы умным был, чтобы красивым был.

– Это какой такой удалец без оленей? Нет, Янко, ты худые слова стал мне говорить. Плохие сны стал видеть! – сердито сказал Хозумко, пододвинул шкуры поближе к огню и скоро захрапел.

Спал много дней, переворачиваясь с боку на бок, а когда проснулся, узнал, что первый сон шамана был вещим: всех белых оленей в стаде у гор перерезали волки. Призадумался Хозумко. Почернел лицом, потерял голос, перестал разговаривать даже с шаманом Янко.

Шли дни за днями, а он все молчал и в один из морозных дней велел прийти к нему в чум дочери Тученбале.

Вошла девушка в отцовский чум тихо, с поклоном. На ней – белая малица расшита хитрыми узорами по рукавам и подолу. На голове платок кашемировый с яркими цветами и кистями. На ногах кисы легкие, в косах украшения из колец, тонких цепочек, монет золотых и серебряных. От легкого поворота головы вздрагивают косы, звенят украшения, позвякивают.

Обошел Хозумко вокруг Тученбалы. Дотронулся рукой до плеча, заглянул в глаза.

– Пришло время, дочь моя, выдавать тебя замуж, – сказал Хозумко, усаживаясь на шкуры. – Но жениха тебе надо богатого!

– Спроси, вначале, отец, меня: какого я хочу себе жениха?

Засопел Хозумко. Опять стал толстым пальцем в ушах шевелить. Покраснела у него шея, затряслась нижняя губа, но сдержал свой гнев, пересилил себя.

– Ну, говори!

– Мне Янко сон свой говорил, хороший сон. Янко говорил, будто видел он парня на белых оленях и будто тот парень, проезжая мимо меня, сумел зажечь в моей руке сосновую веточку! Вот за такого удальца и пойду я!

– Да что такое мелет Янко тебе! Он, видно, ум терять стал! Кто и где найдет теперь в тундре белого оленя? Были они в нашем стаде, да не уберегли их.

– А может, этот смельчак и приедет на белых оленях! – не унималась Тученбала. Присела опять перед отцом на корточки, потупила глаза и совсем тихо сказала: – А за другого не пойду!

– А может, такого смельчака вовсе и нет в тундре! – сказал Хозумко.

– А ты узнай. Пошли людей по тундре, позови женихов на смотрины. Сам их всех увидишь. А людям, что поедут по тундре, наказ дай, чтобы везде говорили одно: пойдет Тученбала, дочь богатого старшины, за того замуж, кто сумеет в ее руке сосновую веточку зажечь.

Ничего не сказал ей отец, лег на шкуры, отвернулся. Долго думал Хозумко над словами дочери и надумал послать по тундре гонцов, а наказ такой дал: кто приедет посмотреть на дочь его Тученбалу, пусть к его ногам сосновую веточку бросит, а на ней зарубки сделает – сколько оленей в приданое дать сможет, Понеслись гонцы по тундре.

Долетела эта весть до всех дальних чумов, и до отважного охотника Лейко тоже. Давно он слышал про красу Тученбалы, видел ее один раз на ярмарке, когда она кашемировый платок у купца на песцовые шкурки меняла. С тех пор часто тосковало сердце Лейко, по ночам снились ее глаза. Но только умел Лейко отгонять от себя мысли о ней. Бедным, очень бедным был Лейко.

А когда узнал, что Хозумко по тундре послал гонцов, со всем заклучился. Из рук всякая работа стала валиться, даже натянуть тетиву лука у него не хватало сил. Заметили это сородичи, призадумались, собрались у большого огня думу думать: как снарядить Лейко да на смотрины невесты к богатому старшине послать?

– Я отдам Лейко свой нарядный савик¹⁵, – сказал старый Таск.

– А у меня на Молебном камне, в лабазе, хранится атласная рубаха. Я в ней на своей свадьбе гулял. Помните? – добавил седой, со спиной, согнутой, как нартовый полоз, охотник Потепка. – Подарю я ее Лейко.

– А я подарю ему пояс с амулетами, с семью медвежьими зубами на медных цепочках. Он как раз подойдет для такого удалого парня, как наш Лейко, – сказал Моттий. – Он достался мне от деда, давно хранится в моем чуме. Может и пригодится ему в дальней дороге.

– Это все хорошо, – сказал старый Таск. – Но разве сможет Лейко попасть на смотрины без доброй упряжки оленей? Не помогут ему ни савик, ни пояс с амулетами, ни атласная рубашка. Кто посмотрит в сторону юноши, если у него нет резвой, сытой упряжки, а наши олени все усталые и худые.

Призадумались мужики, замолчали. Понятное дело: собака оленя в таком деле не заменит.

Заворочался под шкурой старый Улякси, закашлялся, поднялся со своей лежанки, подошел к огню, подставил руки к тлеющим углям, долго вертел их, как играл, потом повернулся ко всем, поклонился низко и прошептал:

– У меня есть от всех вас тайна. Наверное, теперь пришло время сказать о ней. – Сел он рядом со старым Таском, снова закашлял и, вздохнув тяжело, сказал: – В снежных горах, где раньше наши отцы оленей пасли, между высоких хребтов есть глубокая лощина. Там с давних пор пасется пара белых оленей. Теперь их, наверное, много стало. Они там с тех пор, когда я молодым был. Не смогут те белые олени ни обойти горы, ни взобраться на них. Они смогут только перескочить их, когда на них

15 Савик – верхняя одежда мехом наружу.

храбрый наездник сядет да сумеет не упасть. А уж если сумеет усидеть, то быть ему счастливым, и земное тепло он найдет. Я не сумел усидеть на белой упряжке, не хватило у меня храбрости!

Иди, Лейко, к снежным горам! Иди, Лейко, к снежным горам! – закричали мужики. – У тебя хватит ловкости справиться с белыми оленями.

– Как подойдешь к горам, – сказал Улякси, – свистни три раза. От вершины горы камень отвалится – и выскочит к тебе навстречу белый олень. Ты сразу хватай его за правое ухо и не выпускай!

Поклонился Лейко сородичам и стал в дорогу собираться. А дорога дальняя. Долго шёл Лейко к горам, а как подошел, увидел, вершина горы наклонилась в солнечную сторону и на ней снежная буря пляшет, метет, сыплет снежинками во все стороны. Отошел Лейко подальше, приложил ко рту ладони трубочкой да просвистел три раза.

Улетело эхо в горы, и умолкла пурга, притихли метели, а с вершины вдруг камни посыпались. Испугался Лейко, зажмурил глаза и услышал, как горы заскрипели, поворачиваться стали. Смотрит, а на горе, опершись передними ногами о камень, олень стоит большерогий, головой из стороны в сторону качает, мычит жалобно. Лейко стоит, глаз отвести от него не может. Красоты небывалой олень. Шея гордая, ноги высокие, рога небо бодают, борода снег метет. Подбежал к Лейко олень, дыхнул теплым паром ему в лицо, и голосом человеческим сказал:

– Не бойся меня! Испытай себя, если пришел! Только крепко держись! А сейчас пойдем за гору каменную, там упряжка стоит. Может, от ветров и дождей сгнила – она, но это уж не моя вина, что долго не шел ко мне удалец.

Пошел Лейко за гору каменную, а там стадо белых оленей всю лощину заняло, ступить некуда. Растолкал Лейко оленей, нашел резную нарту, впряг еще двух оленей в упряжку, поднял над ними хорей. И взвились над горами олени, и понеслись над горами и лесами!

Сидит Лейко на нарте крепко, летит упряжка, обгоняя ветер, то по снегу бежит, то по воздуху летит, а Лейко нет-нет да хореем большого оленя по спине заденет.

Вот и день на исходе, и вдруг остановилась упряжка. Обернулся олень с большими рогами, подошел к Лейко, стоит, смотрит. Тяжело дышит – из ноздрей пар валит – и говорит:

– Ну, молодец, Лейко! Удалой ты парень! Говори, в какую сторону тебя нести?

К стойбищу старшины Хозумко! Он Тученбалу, дочь свою, замуж отдать хочет. Попытаю счастья и я.

Поднял вверх голову олень, замычал, забил снег копытами и говорит:

– К Тученбале надо ехать с земным теплом. Надо зажечь у нее в руке сосновую веточку. Только за того она замуж пойдет.

– Нет, – ответил Лейко. – Надо сосновую веточку самому Хозумко на шкуру бросить и зарубки сделать: сколько оленей в приданое жених дать сможет.

– Неправду говоришь, Лейко, – сказал олень. – Тученбала пойдет только за того, кто зажжет в ее руке сосновую веточку.

– Откуда ты знаешь? – сердито сказал Лейко оленю. – Всю жизнь простоял в лощине, никого не видел, никого не слышал!

Повернул олень голову к оленихе, пошептал ей что-то толстыми губами на ухо и снова забил снег копытами.

– Зажечь надо сосновую веточку!

– А где мне столько Тепла взять?– спросил Лейко.

– Знаем мы, где земное тепло живет! Только держись покрепче! – сказал олень. И помчались олени.

Сколько дней носилась упряжка по тайге и тундре, Лейко счет потерял, а привезли его олени к месту, где земное тепло живет. Но про это другой сказ будет.

Нарубил Лейко смолевых веток полную нарту, поджег одну, и помчали его олени к стойбищу старшины Хозумко. Горит в руках Лейко огонь, освещает дорогу. Как начнет догорать смолевая ветка, он скорее другую подставляет, вспыхивает она, горит огонь, несется Лейко на лихой упряжке.

Скоро стали попадаться следы от оленьих нарт, а там и стойбище показалось. Чумы на берегу реки стоят островерхие, снегами заметенные, а возле них олени упряжки носятся. Шум и гвалт стоит. Олени упряжки все разукрашены, у оленей разноцветные лоскутки не только в сбруе, но и на ногах привязаны. У женихов савики один краше другого, в косах украшения

разные, унты широкими плетеными полосками с пушистыми кистями перевязаны пониже колен.

На широком помосте из нарт, покрытых оленьими шкурами, сидит Тученбала. Лицо ее платком покрыто, а рука, унизанная кольцами, держит сосновую веточку. Рядом с ней сидит Хозумко, смотрит по сторонам, осматривает женихов.

Тут раздались удары бубна. Махнул Хозумко правой рукой, и помчались по снежной равнине на лихих упряжках женихи. Впереди всех оказался бородатый Алыч, родом из лесных урочищ. Выхватил он из-за пазухи сосновую ветку, всю изрезанную мелкими полосками, и бросил ее к ногам Хозумко.

Повернула Тученбала голову в сторону отца, а он сидит, корявыми пальцами зарубки считает, улыбается, рукой машет бородатому Алычу. Потом он снова взмахнул рукой, и опять полетела сосновая веточка с зарубками к ногам Хозумко.

Поняла Тученбала, что обманул ее отец, не хочет он иметь зятя удалого да храброго, а надо ему только богатство. Опечалилась Тученбала, положила свою сосновую веточку рядом с собой, натянула на лицо платок и не смотрит на женихов.

Вдруг шум и крик раздался. Побежали в стороны люди, понесли олени, не слушаются каюров. Все увидели, как из-за леса вылетела упряжка белых оленей.

Не бегут олени, а летят. Из-под копыт снег искрами, а на нарте стоит молодой охотник и держит в руках горящую палку. То погаснет, то вспыхнет с новой силой пламя, озарит округу. Вскочил с помоста Хозумко. Глаза руками закрывает, под шкуры голову прячет, а Тученбала сбросила с лица платок да подняла высоко над головой свою сосновую веточку.

Промчалась мимо нее упряжка в первый раз – успел Лейко только заглянуть в глаза Тученбалы, промчалась в другой раз – зажег Лейко в ее руках сосновую веточку, промчался в третий раз – подхватил он на руки Тученбалу, посадил на свою упряжку и умчался.

Закричал Хозумко не своим голосом, зазвенел бубен, залаляли собаки, опомнились женихи и бросились на своих упряжках догонять белых оленей. Да где там!

Много лет прошло. От горя состарился Хозумко, совсем ленивым стал, не спал по ночам, все звал к себе шамана Янко,

все спрашивал его, какие он сны видел, только про Тученбалу не спрашивал, боялся сердце тревожить, но не выдержал, простонал:

– Не снилась ли тебе Тученбала? Не знаешь, куда увез ее этот отчаянный парень на белых оленях?

Засопел шаман Янко, закричал.

– Чего молчишь? Или вместе с вкусным мясом моих оленей проглотил свой язык?

Не выдержал таких горьких слов шаман, присел к Хозумко поближе.

– Говори, не бойся. Все равно знаю – не вернется больше Тученбала в мой чум. Разве сможет она забыть такого храбреца!

– Увез ее Лейко к земному теплу. Видел я во сне: пламя огромное из земли вырывается, а над ним Тученбала хозяйкой ходит. Как взмахнет она рукой – пламя к земле прижимается, как поднимет руку – языками огненными пламя лижет.

– Может ли такое быть? – спросил Хозумко? – Что-то тебе последнее время все плохие сны видятся.

– Видел еще, что все наши люди к этому теплу потянулись! Может и нам с тобой запречь оленей да съездить, посмотреть на него?

– Ты, Янко, видно, двадцать, сушеных мухоморов съел! – сердито сказал Хозумко и отвернулся.

– Ты как хочешь, а я не хочу – умереть, не повидав земное тепло. Лучше в снегах усну, а на него взгляну! Не напрасно же его люди нашли!

СВЕТЛАНА
ЛИХАЯ

Лихая Светлана Анатольевна (1967–2012) родилась 22 ноября 1967 года в Узбекистане в г. Ургенче в семье военнослужащего.

В Нижневартовск приехала в 1982 году, где у нее родились двое детей.

Закончила Тобольский педагогический институт, филологический факультет.

Работала учителем, корреспондентом газет: «Газопереработчик», «Земские вести», «Вечерний Нижневартовск», «Дельфа-пресс».

Писать стихи начала с четвертого класса. Всегда активно участвовала в литературной жизни Нижневартовска. Печаталась в коллективных сборниках «Меня по свету молодость носила», «Иван-чай» и др., альманахах «Эринтур», «Зори Самотлора», в периодических изданиях. Автор двух сборников стихов «Осень растревожила» и «Предчувствие».

* * *

И не богат, и все-таки богат
Осенний двор в недолгой позолоте.
Не для сонетов и не для сонат –
Куст под окном и гаражи напротив.

И тишина, как будто мир оглох,
Как будто осень не туда попала.
Пришла, как ночь, застала нас врасплох:
И не уйти, и не начать сначала,

И оттого захватывает дух,
И все сильней осеннее блаженство,
Что в мире нет прекраснее разрух,
Что где-то рядом бродит совершенство.

Ты не поверишь, скажешь – это вздор,
Тебе иные надобны картины,
Но у меня – всего лишь этот двор
И легкий дым прозрачной паутины.

* * *

Середина сентября,
Бабье лето.
Заманихою зову
Чудо это,
Очарует, позовет
Взглядом синим,
Что от неба, от озер,
От России.
Середина сентября.
Грусть, прохлада,
Бабье лето для меня,
Как награда,
Машет желтым рукавом.

Словно птица,
Хочет тайною со мной
Поделиться,
Середина сентября,
Свадеб счастье,
Будто в мире нет ни бед,
Ни ненастья.
Клен, смущаясь, от березки
Ждет ответа,
Расплетает косу ей
Бабье лето.

В зимний вечер

За окном январский вечер,
фиолетовая синь.
Шаль пуховую на плечи –
и в полуночную стынь.
Там, на воле,
в чистом поле,
в царстве матушки-зимы
беспредельное раздолье
ночи,
холода и тьмы.
Нет уж, лучше
на крылечке
звезды в небе посчитать,
и в объятьях теплой печки
вечерок покоротать.
И не свечка восковая –
ярко лампочка горит.
И совсем не молодая
пряжа у окна сидит.
Льется нитка из кудели,
как ручей из-под руки.
Хорошо б к концу недели
выдать внукам на носки.

В зимний вечер явь и грезы,
как художника мазки...
И штрихи сей милой прозы
сердцу моему близки.

30.01.2004

Ночь

На цыпочках с постели –
К прохладному окну.
...Снежинки полетели
В ночную глубину.
Фонарь слегка колышет
Ограду за стеклом.
Дом за спиною дышит
Покоем и теплом.
Корявой ветки пальцы
Снежком обелены,
По крышам тихо катится
Воздушный шар луны.

* * *

Меня ты поишь кипяченой
Водой, остуженной слегка,
А я хочу глоток студеной,
Прозрачной влаги родника...
Меня ты слушаешь смиренно,
Глаза пусты, в них нет огня,
А я хочу обыкновенной
Любви, что мучает меня.
Пусть с нею станет все немило.
Пусть будет зла и нелегка.
Хочу, чтоб зубы заломило,
Хочу воды из родника!

* * *

И направо погляжу,
 И налево погляжу,
 Сколько лиц вокруг я вижу,
 А твое – не нахожу.
 У окошка постою.
 На крылечке посижу,
 За пустынную дорогой
 Безнадёжно послезу.
 Мне поспать бы – да не спяю,
 Мне упасть бы – да стою,
 Поминальными стихами
 Над тобою я пою.
 Поле горя я кошу,
 Слезы жгучие сушу,
 Что я жаду?
 Зачем ночами
 Свет в окошке не гашу?

* * *

Я венок плела,
 Молода была,
 От цветка к цветку –
 Свет да волюшку,
 От стебля к стеблю:
 – Что ж я не люблю?
 Торопя года:
 – Полюблю когда?
 В серединочке –
 Кровь с искриночкой.
 Я венок плела,
 Я любви ждала.
 Все опять в цвету,
 Я венок плету,
 От цветка к цветку –

Все печаль-тоску,
От стебля к стеблю:
– Ах, зачем люблю?
Торопя года:
– Разлюблю когда?
В серединочке –
Кровь со льдиночкой.
К цветку цвет кладу,
Ничего не жду...

* * *

Что наряды мне
Никчемные?
От рождения по гроб
Платья,
Красное и черное, –
Вот и весь мой гардероб.
Вся безоблачная,
Ясная,
На венчание с огнем
Надевала платье
Красное –
Ни пылиночки на нем.
Отцвелось,
Отцеловалось,
Поросло густым быльем,
отодевалось
Платье красное мое.
Было черное – с иголочки,
Лихо черному
Пришлось:
О репейники да елочки
Все оно
Изорвалось.

* * *

Судьба сегодня кинула туза,
с Олимпа
нежно улыбнулись Боги.
Тебе с надеждой я смотрю в глаза,
а ты мои
разглядываешь ноги.
Который раз беседу завожу,
тебя расшевелить
пытаюсь тщетно.
Я что-нибудь смешное расскажу,
смеешься невпопад,
и то заметно.
Ну, хоть словечко вымолви в ответ,
но, видно,
мысли до того убоги...
Я ухожу, ты смотришь мне вослед...
О, нет!
Опять разглядываешь ноги!..

* * *

Утро вечера
Мудреней.
Утром мудрость моя
Утроится,
Все уладится,
Все устроится,
И не хуже
Чем у людей.
Утро вечера
Мудреней.
Завтра утром
Утрат – как не было.
С неба бедному –
Калачи.

Волки – сытые.
Овцы – целые.
Сажа – белая
На печи.
Утро вечера
Мудреней.
...Ночи, что ли,
Стали длинней?

НИКОЛАЙ СМОРНОВ

Смирнов Николай Павлович (1937–2010) родился 17 мая 1937 года в д. Иска Тюменской области.

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1959).

Рассказы и очерки печатались в Российских еженедельниках, альманахах, в коллективных сборниках.

Автор многих книг документальной и художественной прозы.

Член Союза журналистов России.
Член Союза писателей России.

Лауреат Премии Губернатора ХМАО и Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Страсть

(рассказ)

В размежье заречный бор пустеет...

Пильщики и те покинули деляну. Одна лишь дворничиха-осень распоряжается здесь: клонит пожухлые травы, осыпает сухую дрсеву и хвою. С глухим стуком падают на землю отмершие сучья.

В знакомом распадке влюбчивый самчик дозывается подружки-рябчихи. Летом они хоронились где-то в сумраке и прохладе урмана и вот выявились у опушки на прореженной промкомбинатовцами борине. Стремительно, лирами распустив хвосты, пронеслись с хлебных жировок косачи. И снова покой, полусон.

Ритмику лесной жизни вдруг нарушает раскатистый млицейский свисток, и следом: «А-о-э... Флейта-ата-та!..» В ответ – плач, размывчатый, как сквозь вату. И опять: «А-о-э... Флейта-ата-та! Флейтушка-а-а!..»

Плач явственной, звонче. На вырубку из урмана вымахивает темно-коричневая, с желтым подпалом по животу гончая. Подлинная костромичка! Видел таких узкосбитых, сильных, гладкошерстных в охотничьих журналах. Вислые уши гончей мотаются, словно концы шарфа. В беге едва касаются земли. Взлаивает тонко, с придыханием, словно рыдает. Впереди собаки, круто забирая в спасительную густоту урмана, откуда только что выкурили, стремглав летит заяц. Лишь скрывается в хвойнике, там гукает выстрел.

Охваченный нетерпением, спешу в заросли и вижу среднего роста, пухлощекого с двустволкой, притороченным к поясу зайцем – тем самым бегуном – мужчину. Он в зеленой телогрейке, с рюкзаком за плечами. Сразу видно, добряк. Улыбается широко, радушно, каждой складочкой полного лица. Глаза – полны света и жизнелюбия. Сузившиеся они, как две солнечные, щелки. Для знакомства мужчина протягивает сразу обе руки: «Веселый Час». И поясняет: «Х-фа-

милия такая хохляцкая, а по батьке кличут Василием Михайловичем. Из деревни Фантазиевки, что в Малороссии... Сын Женя после института послан к вам главным районным лесничим, так за ним всем семейным куренем утянулись. Ты кто, хлопчик?»

С подобным хрипловатым «гаканьем» говорят местные старожилы-хуторяне, подолгу не покидающие своих починков. Но баритон Василия Михайловича мягче, певучей. Скрашивает его этот угловатый акцент.

– А я вон из Иски. Тутошний, – показываю в сторону пронизанной солнцем окраины бора вдоль речки. – Каждую ложбину по округе знаю.

– Х-хорошо... Очень х-хорошо, что знаешь, – радуясь, он становится еще добродушнее. Странно, как мог до сих пор обходиться без него. Веселого Часа-то мне, похоже, и не доставало в хозяйстве осени-дворничихи.

Тотчас договариваемся о совместной вылазке.

Веселый Час работает агентом по заготовке и закупке кожи и сырья. Ему надо ездить по району, агитировать население, он предпочитает ходить пешком с двустволкой, уж, конечно, не в пользу кожсырья. Что там кожсырье?! Мишура, в сравнении с охотой по чернотропу. Один благовест гончей чего стоит. Если костромичка утягивается далеко, Василий Михайлович зовет ее по имени или залившимся милицейским свистком. Его трели слышал перед этим.

В воскресенье вскакиваю спозаранку, сую в карман хлебную краюху, луковицу – и айда в райцентр. Единым махом в предутрии одолеваю расстояние. Разгоряченный быстрой ходьбой, легонечко стучу в окно по переплету рамы. За темными непроницаемыми стеклами раздается ответное покашливание, кряхтение, и скоро приземистая фигура Василия Михайловича показывается на крыльце в полном походном облачении, словно и не ложился спать с вечера. За спиной привычно выгорбливается рюкзак с провизией, в голосе бодрость, нетерпение, присущие каждому охотнику.

– Поехали, Микола, – и, выдерживая хохляцкую интонацию, добавляет шутливо: – Ты – Микола, я – Микола, оба мы Миколы. Меня били коло цирку, тебя били коло школы.

Смеется сам себе булькающим хохотком, будто селезень в полтона приглушенно крикает.

Флейта весело виляет хвостом. Ей предстоит работа, и она рада. Нами, должно быть, владеют одинаковые эмоции. На этот раз начинаем с ельника за кладбищем. Плотный до невероятности, ни черта не разберешь под низкими сводами. Костромичка нюхнула, метнулась туда-сюда, подняла беляка. От волнения задыхаясь, оповестила мелким прерывистым твяком: здесь он, здесь! Мы с Василием Михайловичем замираем, где нас застал ее сигнал; напрягаем зрение и слух.

Заяц обычно возвращается к месту лежки. С каждым разом круги будут размашистей, и если не взять на первых заходах, потеряется. Случается и так, не всегда выпадает фарт. Вот повернули они обратно. Вижу, заяц мельтешит белым колобком, присядает, покрутит ушами, будто соображая, как перехитрить назойливую преследовательницу. Скользнул под выворотень елины и затаился у комля на длину ружейного ствола от меня, потер мордочку задней лапой. Вполне успокоенный: отстала, сбилась со следа гончая. Жалко губить его. Я медлю, выжидаю. Лай громче, яростней. Косой настораживается, привстает на все четыре лапы и делает стремительный прыжок. Василий Михайлович, спасая положение, сполошно навскидку раз за разом – почти одновременно спускает курки. Конечно, мажет, сердится на меня:

– Чи моргаешь; чи зеваешь?

Стыдно признаться в слабости, я молчу. Виноват.

Дальше история повторяется: мне опять жалко беспутного самонадеянного бегуна, ковыляющего рядом. Совестно в упор садить по живой мишени, ума и сноровки на это не требуется. Подставили тебе готовенькое: на, возьми! Злодей я, что ли. Стреляю поверху, для видимости. Нельзя же совсем не стрелять, зачем тогда напрашивался, брал ружье? Заяц подхватывается во все лопатки, только его и видели.

Василий Михайлович окончательно выходит из себя, пухлое лицо выражает предел возмущения.

– Хлопчик, с тобой не охота, а неохота!

В этот момент до смешного похож на перекипающий чайник, на котором дребезжа и скворча, подпрыгивает крышка.

Перед обедом располагаемся перекусить с краю ельника, на берегу кустарникового болота, подковой охотившего ельник. Говорят, здесь умер браконьер. Сгубив беременную лосиху, он попытался выйти к селу, но глухомань возвращала до тех пор, пока не обессилел: мстила за несправедливость. Так гласит молва.

Бугорок в полузавалившейся жердяной ограде с накренившимся деревянным крестом служит нам столом.

Василий Михайлович вскрывает банку с фрикадельками в томатном соусе, полусует ломтиками колбасу. Я достаю краюху, луковицу. Все это раскладываем на газете. Пируем. Флейта нарочито безразлична, сторонится, чтоб чего доброго не подумали, будто ждет подачку. Она выше милостей. Одновременно в ней проскальзывает и кокетливое, чисто женское.

Василий Михайлович отделяет костромичке ее, равную нашей, долю. Она ложится на живот, вытягивает передние лапы – трапезует: по-прежнему, на особицу. В ее отстраненности есть что-то недоступное обычному пониманию. Флейта в мире запахов, осмысляющих ее в общем-то однообразное бытие. Мир она обоняет.

Без своей страсти заурядная дворняга, ни то ни се. Талант, как всякий талант, возвышает намного костромичку. Она может то, на что не способны другие собаки, и сдается мне, сознает превосходство над беспородными сородичами. Звери чем-то похожи на людей, есть у них общее. И страсть – одно из таких свойств.

При мысли об этом опускаются руки, не могу убить проносящегося над головой яркоперого селезня, самозабвенно токующего возле шалаша или доверчиво подсевшего к чучелам на дереве косача. Раньше мог, теперь отчего-то не могу. Не способен, и все тут. У них свои ликования, заботы, вдруг гром, смерть. Нет, увольте.

Когда-нибудь земля станет для всех прыгающих, порхающих, ползающих общим мирным домом. Сама идея истребления делается кошунственной, слово «охотник» канет в небытие, как мамонты. Самоуничтожится.

Об этом с жаром выкладываю Веселому Часу, счищающему шелуху с луковицы.

– Х-фантазер, – ласковенько-насмешливо сощуривает, сводит бровки. – Х-фантазер и х-философ. Понятно, бережливость, но нельзя же совсем с пустыми руками. Да, между прочим, в Сибирь ради охоты снимался.

Макает луковицу в соль, аппетитно, с хрустом разгрызает и запивает чаем из пузатой, как огнетушитель, бутылки. Сидя, сам он напоминает огнетушитель. Гасит мою непосредственность.

– Охота – всегда подножка, жестокость, – продолжаю, распахиваясь. – Куда деться бедной живности, бежать или лететь, если никаких заповедных зон? От первозданности остались одни воспоминания. Везде техника, люди, распашки. Что надо и не надо осушили, раскорчевали, вырубил. Негде пастись скоту, живности негде укрыться. Достает гул моторов.

Василий Михайлович глядит на меня с нескрываемым любопытством. Озадачивается. Молча собирает объедки, сосредоточенно старательно зарывает у могилы в ограде и разравнивает землю – ни соринки лишней после нас, никаких следов пребывания. Уже хорошо.

Тусклый денек конца сентября перекатился за половину. Жиденький, восковой, но еще уверенный. Пробился сквозь облачную наволочь бодрый солнечный лучик, скользнул над зубцами елей, озорновато пощекотал воду болота. Она зарябила мелко, чешуйчато, будто пупырышками подернулась. На глубине ее промелькивали студенистые моллюски, полусонные лягушки.

Все какое-то призрачное, ненастоящее, томительное – период замирания. Тихо истлевают сникшие травы. Собирается не то дождь, не то снег – пасмурно, волгло. Из-под сводов хвойника наступает так до конца и не рассеявшийся полусумрак, на общем сером фоне вполне уместный.

Флейта уже наготове, видно, что всякое занятие, кроме гона, нудно и претит ей, но терпеливо сносит наши, в сравнении с гоном ровным счетом ничего не значащие докучливости.

Чуткий до болезненности нос ловит живые переменчивые запахи, выделяя из всех главный и единственно важный: запах от заячьих лап, он горячит, электризует костромичку. Флейта поводит мордой туда-сюда, определяя направление, и уже

уверенно, не повернув головы, ныряет в дремучесть ельника. Слышен ее залиристо-прерывистый тьяк: ай-ай-яй... волнующе зазывный: здесь он, здесь! Не зевайте!.. Ай-ай-яй...

Интересно, как воспринимают зайца? Наверное, перво-родным инстинктом сильных: догнать, схватить комок живой трепетной плоти. Ее не упрекнешь в несправедливости, они с зайцем на равных: по четыре ноги, два уха и паре глаз – кто кого переиграет? Жестокая игра! У человека ружье и возможность взять добычу готовой подставной мишенью. Честное слово, нехорошо с этим у человека.

Снова ельник оглашается плачем. И уже нет для нас сумерек под сводами цепляющихся за что попало веток, блеклого отгорающего солнца, ряби болота, азарт костромички заслоняет атрибуты чащи.

К вечеру у каждого по беляку.

– Хватит, х-философ, – удовлетворенно произносит Веселый Час. – Сладкого не досыта, горького не до слез. Не то со своей х-философией зачислишь в разбойники. Да и Флейта притомилась. Собаченька, ата-та-та!.. Флейтушка!

Обратный путь нудно долог. Ноги словно зачугунели, стопудовые их впору переставлять руками. Намотались, набродились неумные души, старый да малый. Флейта понурая, скучная, на нас даже не взглядывает. О чем ей думается? Что переживает в своих собачьих чувствах?

Так добирались невольные данники собственной увлеченности, соединенные общим – страстью к охоте. Знали, что завтра, несмотря на усталость, снова поманит в поход, к очередным приключениям, будем «работать по зайцу» с прежним трепетом и вожделием.

До снега исколесили округу верст на тридцать в поперечнике. За это время я недурно натерел в ремесле перехватчика (иначе не скажешь), но тягостно было наводить ствол. Заяц казался существом диковинным, таинственным. Кроме стремления во что бы то ни стало уцелеть, спастись – этой извечной необходимости – есть в косом еще юмор, хитреца, достоинство!. На каждый отдельный случай свое выражение.

...Он оторвался от гончей, надежно запутал следы, сдвоил и строил их сметками и скидками. Вскочив на пенек, корчит

гримасы в сторону далекого сбивчивого лая: мол, нака выкуси. Положит ухо вдоль спины, взденет с полунаклоном, поставит торчмя, поворачивает им. Темный круглый зрачок полуприкрыт веком, другой лукав и торжествующ. Усы задорны, боевиты. Едва не хохочешь, наблюдая.

Вся поза заявляет о презрении к собаке, он заяц! Может и от волка умахнуть и от седой матушки совы, тем более от собаки. И что за страховидина такая, даже уши поднять неспособна. Мотаются, как пожухлая осока на ветру.

Словно и не он только что улепетывал от гончей.

Кажется, что еще чуток, и поведаст о незавидном бродяжьем житьишке. Увы, заяц безмолвен, только в минуту гибели исторгает ранящий душу надрывный вопль младенца.

...Заяц-хитрец. Он летит с быстротой пули, сигает на поваленную непогодой лесину, с нее еще дальше; в лужицу, не оставив помет гончей. Она безуспешно порскает по сторонам. Но чаще на мудреца зайца довольно нюха Флейты. Махнула влево-вправо в поисках исчезнувшей запашинки, вернулась назад, пометалась аллюром туда и сюда – есть, нашла, запела, в то время как косой после множества трюков мирно устраивается на дневку.

Если Флейта сбивается окончательно, я ухожу, не подняв ружья: косой перехитрил почти неперехитримую, а я, нате – лишу жизни! Гон – это всегда игра со смертью, и у людей, и у зверей. Однажды пришел к Веселому Часу без переломки. Василий Михайлович, все поняв без объяснений, вздохнул красноречиво.

– Нехай... х-философ.

А мне, сбросившему груз с души, стало легко и свободно. В лес влекла, быть может, высшая из всех страсть постижения мира, близкая вдохновению. В лес стремился как к другу на свидание. Зачем в таком случае нарушать хрупкий покой выстрелами. Буду наслаждаться поисками азартной умной собаки, мудрствованиями косых; общением с Веселым Часом и убывающей осенью.

Осень была превосходная, с ядреными дождиками, усиливающими листвою.

...Зима добавляла и добавляла снега, выпадающего тихо, бурно, крупинчато-секуче или невесомыми хлопьями. Снег

при солнце – ажурный, прозрачный, в полете взблескивающий – порошит; снег при ветре настырней, тяжелей, – шибает дробью, осколками стекол – валит, как из ладони; разный на опушке и в укроме бора или ельнике, в укроме он отвесный, ввинчивается в прогалы деревьев, как в ущелья. Мороз, зайцы, Флейта... Полоненный природой, всерьез мечтаю стать охотником, посвятить себя охране зверей и птиц – тому, что всего ближе душе. Каждый мой шаг от рождения сопровождали осень заречного бора и текучая вода под горой, сопутствовали понятия «дом», «деревня», «мать», – лучшее в моем детстве, отрочестве и юношестве. Никогда не наскучивали.

Природа же свела еще с одним чудом.

Кроме Жени у Василия Михайловича дочь Вэлла, десятиклассница. Прежде, в Фантазиевке, училась в национальной школе и по-русски почти не понимает. Чернявая, тонкая в талии и вся ломкая, с тонкими руками, гортанным произношением напоминает экзотическую клекочущую птицу-недоростка. Вначале пялил глаза на нее из любопытства, взялся обучать русскому языку и речи. В гуманитарных науках преуспевал, наш школьный историк Петр Васильевич прочил меня на исторический факультет, филолог, милейшая Тамара Борисовна, благословляла на филологический в пединститут. Уже сделавший выбор, я все-таки качался под их воздействием, слова казались загадкой и очаровывали не меньше, чем лес. И сами слова – это тоже лес производное от живой материи, ее оболочка. Лес мыслей, чувств, наименований.

Вслух читаю Вэлле из обязательной программы, прочитанное растолковываю, комментирую. В этом и заключается обучение.

«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни шелохнет; ни прогремит. Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширинами чудится, будто весь вылит он из стекла и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру...» – твоя прекрасная Малороссия; у Лермонтова Кавказ: «Выхожу один я на дорогу. Сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха. Долина внимлет Богу, и звезда с звездой говорит». Превосходней быть

не может, чем «пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит», верх лирического совершенства. Вообще-то, Лермонтов не весь такой, есть ученические школьные опыты. Но это «Выхожу один я на дорогу»... Абсолютней не передашь настроение отторженного одиночества в Пятигорске.

Она слушает внимательно, скосив в мою сторону глаза истинно хохлацкой черноты. В такие окунаешься, как в бездну, за которой иной, неизвестный мир. Вэлла слушает и согласно кивает, словно кляует что-то. Подхватывает мою мысль, развивает дальше:

«Гоголь – поэт в прозе, и Лермонтов сродни ему – молодец: «В небесах торжественно и чудно (в небесах у нее звучит как «нэбесах»), спит земля в сияньи голубом. Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего, жалею ли о чем?»

Счастливым миг: о русском она говорит по-русски! Пусть еще с акцентом, но уже сносно. Обрадованный, подхватываю:

– А вот пушкинское незабвенное: «Я вас любил. Любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем. Но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем...»

Впервые тайное между нами означает явным. Я шел домой из райцентра и орал на весь бор, не в силах сдержать переполнявший душу восторг:

Вечер близенько,
Споем дивненько...

Был способен согреть эти вековечные сосны с березнячком на речке, реку, весь наш кондовый, за полосой болот, меньше, тронутый цивилизацией угол. Мир прост, но в нем таятся великие неожиданности. Совершенно очевидно, что со мной приключилась одна из них. При встрече с Вэллой беспричинно волнуясь, глупею. Настолько, что придорожная грязь кажется золотом высшей пробы, люди милыми и смешными, хоть знаю: действительность грубей, безжалостней, ничего не могу поделать с собой. Да неужто втрескался в чернявую сухую былку? Без Вэллы все пресно и пусто, даже охотничьи вылазки с Веселым Часом потускнели.

Оглушительное, ошеломляющее ворвалось в мое грядущее восемнадцатилетие. Все больше привязываюсь к десятикласснице из Фантазиевки. Стоит ей появиться, стоит услышать ее гортанное произношение, и болтаю невпопад, острою не к месту. Стараюсь проводить из школы домой, хотя нам совсем не по пути. Готов без конца слушать ее игру на пианино, которой увлечена настолько же, насколько я природой. У нее своя страсть, по-особенному выделяет Вэллу среди девчонок. Я, превосходно чувствующий музыку леса, никак не могу соотнести ее со звуками инструмента, живая гармония доступней.

Но терпеливо учусь другой гармонии. Вэлла объясняет мне ноты, позволяет проиграть немудрящие пьески.

– Совсем потерял голову, – иронизирует Веселый Час.

А мне наплевать на это.

Василий Михайлович собирает на лице складки добродушия.

– Молодость – вот что. Х-философ.

И он прав. В юности, еще не очерстев, не устав, с жадным любопытством тянемся к необычному, возвышенному. Распахнуто, безоглядно справляем праздник жизни, какой позднее бывает невозможным.

Однажды Вэлла пригласила меня на день рождения, я страшно обрадовался, разволновался. Не знал, как быть с подарком, что вручить. Надо что-то особенное. А что? Выручила мать: она связала шапочку из козьего пуха. Понес ее с величайшей значительностью, шагал, как по углям. Тропинка через бор будто чужая, каждой рытвинкой предрекает: осрамишься! Не избалован торжествами.

Веселый Час квартировал рядом с лесничеством. Половины дома маловато на четверых – родителям со взрослыми детьми, но они ухитрились расположиться в тесноте комнаты. Супруга Василия Михайловича, симпатичная, дородная, по странному совпадению напоминала тоже птицу, только иной стати, чем Вэлла, – раздобревшую, важную. Птицу-мамашу. При ходьбе слегка раскачивалась в стороны и, словно боясь оступиться, щупала пол ногами.

В войну при эвакуации их эшелон разбомбили, она чудом уцелела, отлежалась, но дает знать контузия – нарушена согласованность движений.

Сын Женя весь будто из твердого трущегося вещества, способного накапливать электричество, ему полнота и медлительность противопоказаны самой натурой. Он все делает быстро: говорит торопясь, глотая окончания слов, ест спешно, одевается порывисто. Идет, как бежит наперегонки. Да вприскокочку. Недавно выступал у нас в школе на встрече с выпускниками, так даже на трибуну поднялся скоробежкой.

Первая его фраза была:

– Каждый кулик свое болото хвалит. Вы, возможно, спросите, зачем стремился в Сибирь? За лесом! Лес – моя профессия, я – лесничий и, следовательно, там, где зеленая отрада. У себя на родине и петухи звончее, но родина лесника шире, и все петухи, и кулики ему милые...

Жене поверили, а я так тем более не усомнился в искренности.

Сегодня по случаю именин семья в сборе. Смущаясь (при всех-то!), я неловко протянул Вэлле сверток, пробубнил что-то насчет Дня ангела. Она развернула целлофан, надела перед зеркалом материнское сотворение и от радости хлопнула в ладоши: в пору шапочка, как раз! Искусница мать без примерки угадала.

Я, кажется, впервые по-настоящему обнаружил, что Вэлла оформилась в стройненькую цыгановатую полонянку, с талией уже не ломкой – гибкой, в меру охватной. Жаркая, южная кровь проступила румянцем на смуглых щеках, в движениях сквозили легкость и грация. Подростковая угловатость, незавершенность удачно сочетались с начинающейся зрелостью.

И было в ней нечто от обрусевшей гречанки, какую встретил однажды в городе, иноземное, хрупко-отличное от наших ширококостных налитых сибирячек.

Большого труда стоило оторвать от нее взгляд. В конце концов, невежливо тарачить глаза даже на дорогого тебе человека. Вэлла заметила мое смущение, умно свела на шутку:

– А девушке в шестнадцать лет какая шапка не пристанет? – Сама себя спросила, сама себе ответила: – Хороша? Да, хороша, Вэля!

Играла, кокетничала с зеркалом, на манер гоголевской модницы в ожидании парубка. Все женщины одинаковы, ког-

да касается внешности. Непременно все хотят быть привлекательными, втайне считают себя такими – неповторимыми. Уже на что криворотая Клавдия Радоставина, дочь ныне покойного Андрона Радоставина – соседа, и та постоянно прихорашивается, на что-то надеется.

За столом у Веселого Часа не произносили поздравлений, не пили вина, зато много пели – ненатурально, когда это душе угодно, песни перемежали беседами.

Почему в песнях украинцев грусть? О чем она? К нам в Иску жизненным поветрием заброшенный с Западной Украины Макуха, средних лет человек, часто тянул заунывное: «Закукала зозулечка...»

Закуковала кукушечка, ну и чего бы с того, не разлучница ведь какая-нибудь, не беда неминуемая. Но в голосе и очах Макухи – безысходное. Даже веселясь, печалится. Он из ссыльных, не по своей воле оставил Карпаты. Не потому ли скорбит? Есть вещи для себя, молчаливые, но так уж устроен человек, вдруг да дрогнет нерв, заночует, запросится наружу откровением... О Родине больше всего томятся, покинувшие ее. Жаль, что не расспросил Макуху, как это у него было, что произошло. Возможно, ни за что сослали, как ни за что сослали к нам калмыков, немцев Поволжья.

Вэлла под собственный аккомпанемент (по-русски) исполнила романс на стихи Фета «На заре ты ее не буди». Следом вдохновившийся Василий Михайлович достал из расписанной цветами лакированной шкатулки деревянную дудочку, наподобие свирельки с двумя рядами чуть выступающих пуговиц-вдавышей. Легонечко утопив их, коснувшись дудочки губами, вынул нежное, ласковое. Не было в нем трагизма Макухи, скорее наоборот – радость и умиротворение. У нас под окнами дома каждую весну закипает ручей. Его воркоток напоминает бульканье одиночно токующего косача. Льет и льется в прохладе утра водица, а откуда – не поймешь. Всюду она, весь оком соткан из бойких говорливых струек: буль-буль-буль. Еще из лазури, простора, ветра и дружно зеленеющей муравы складывается оптимизм весны.

Явственное птичье щебетание, и будто обозначился далекий прерывистый лай. Неужто Флейты? Весь бор в мощном

слитном движении. Добавляемые токующими на зорьке косячками и звонкими ручьями струйки крепнут, соединяются в победный гимн восходящему солнцу. В отсветах зари бурно отпотевают земля, сгоняет остатки сугробов, готовясь к плодотворениям: кряканье, свисты, твиньканья. Кроха-камышовка и та подает о себе знать: дескать, жива, здорова, мастерицу гнездышко будущим милым деткам – все как полагается. Лай тревожней, вырезается предвестием чьей-то гибели. По ком он? Истаял, разбился на голубиные гомоны. Это березнячок за рекой роняет листья, и они устилают землю монетным золотом. Захватывая пригоршнями, со смуглянкой из степной Фантазиевки, быть может, навсегда. По мне благовест гончей. Тяжко.

Устыдясь непрошенных слез, размягченный мелодией, я без пальто и шапки выскочил на улицу, прямо в ночь, под роскошные переливчатые соцветия, отяжелившие небо. Стоял на крыльце и жадно вбирал колкий морозный воздух родной стороны, смотрел на бриллианты неба, какие бывают только в глухозимье, когда созвездия близки и отчетливы на темном. Возле матерых, как дети возле родителей, созвездия мельче. Есть вовсе светлая, бесформенная пыль, такая частая, что кажется общим росплеском. Куда ни повернись, вот они, соглядатаи вечности. Накрасовавшись, опускаются к бору, канут в его безмолвие, и угрюмой кромешности... Выше по крутосклону, инкрустированные камнями, коромысла радуги заглядываются на дымы из печных труб, столбами подпирающие небо.

Сбоку я ощутил прикосновение

– Что же ты? Простудишься, дурашка.

Слегка привстав на цыпочки, Вэлла дотянулась до губ. Наверное, следовало ответить тем же – поцелуем, совершить что-нибудь особенное, но лишь пролепетал:

– Что он, Василий Михайлович, играл?

Вэлла почти шепотом пояснила:

– «Времена года» Чайковского, только на свой лад, иначе, чем по нотам. Папка мой чудик, ты же, знаешь.

...Перед самым окончанием промысла по белотропу Веселый Час отправился по району агитировать население о сдаче кож и, как обычно, взял с собой Флейту. Чтобы зачерымевающий снег не терзал чувствительные лапы, надел костромичке удоб-

ные матерчатые чулки. В ельнике у заброшенной могилы гончая подняла зайца, утянулась за ним в чащу и сгинула бесследно.

Напрасно свистел, кричал. Искал верхом на лошади, крестил на лыжах урманы вдоль и поперек. Пересказывал людям, давал объявления в газету – тщетно, как в воду канула. То ли угодила в петлю и затянулась, то ли попала к лихому человеку на мушку или волку в пасть, одному ельнику ведомо. В его невнятном ропоте звучало трагически-осиротелое, скорбное. Недоставало урману плача Флейты.

С тех пор затосковал Василий Михайлович, запасмурнел и уехал обратно в Фантазиевку. Снялся бог весть куда, к каким куликам Женя. Осталась мне неистребимая память о них.

Я не стал охотоведом, не создал заповедник в местах обетованных, где хаживал когда-то с Василием Михайловичем, зато восстал против охоты вообще: пусть земля будет мирным домом для всех существ, и человек – их первым другом и покровителем. Но все же... все же многое бы отдал за миг былого. Где Вэлла, Веселый Час, «не х-фантазер», с супругой, Женя, те незабываемые деньки, когда по заречью рыжеспиной лисицей бродила дворничиха Осень, оставляя на все пометы, кряхтел, покашливая, Веселый Час, свистал и кликал: «А-о-у-а... Ата-та-та-та-а... Флейтушка!..» – и в голосе звучало очарование. Зову, но время невозвратно, и нет мне ответа, как нет покоя ни от минувшего, ни от настоящего.

Рябий Михаил Михайлович, родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края.

Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993).

Автор более 120 публикаций, в их числе статьи о творчестве писателей Югры. Автор пяти книг по искусствоведению, критики.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Югра» в номинации «Литературная критика». Награжден почетным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами».

В настоящее время живет в Ханты-Мансийске.

МИХАИЛ
РЯБИЙ

МИХАИЛ РЯБИЙ / КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ: ПИСАТЕЛЬ – ЭТО ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ!

Николай Коняев пришел в литературу, когда она переживала духовный кризис. В конце 1980-х и начале 1990-х наряду с долгожданными, ранее запрещенными произведениями отечественной словесности, стали издавать за счет авторов много литературного хлама. Поэтому все чаще и чаще просачивались в печать откровенно безнравственные опусы, которые не только не давали ответов на жизненные русские вопросы, но и уводили читателей в сторону от них. Оставалось только надеяться на выход из кризиса, который позволит приблизить пору воскресения и преображения нашей художественной словесности. Но для этого литературе нужны были настоящие делатели! Одним из таких подвижников стал Николай Иванович. Он никогда не провозглашал себя громогласно художником, обозревавших жизнь с христианских позиций. Православие не было для него очередным трендом. Он, вообще, не любил пиариться. У него был иной принцип: о Боге лучше помолчать, не упоминая имя Господнее всуе.... Но при этом вера для Николая была важна, ибо напоминала людям об их назначении в жизни, передавала чистоту народного мироощущения, вековой опыт нравственной жизни. Так через слово, через образ он вторгался в эпоху и создавал для нас ее символы, которые еще предстоит постигнуть последующим поколениям читателей. Ему было важно в своих рассказах и повестях сохранить национальную культуру, связать воедино разъединенные было концы исторической памяти. Как и его предшественники в деревенской прозе, Николай Коняев не предпринимал попыток лакировки: чем Бог известил, тем он и радовал нас, поклонников его творчества, устраивая так, чтобы мы самостоятельно добирались до авторского замысла. Как писатель Николай был личностью, что называется, во плоти, доказывая это каждой новой книгой. Он был из тех художников, для которых язык являлся материалом для пробуждения идей и чувств, а не поводом для заигрывания с читателями. При этом затевая свой мыслительный клубок, всегда умел его распутывать так,

что ему никогда не требовался, – как говорили древние, – бог из машины. Ощущение любви, уважительности к своим героям из глубинки, не мешало быть художнику правдолюбом, благодаря этому качеству он никогда не создавал идиллий. Со страниц его прозы сошли к нам вполне живые, не придуманные люди, которых не испортил «квартирный вопрос», и потому они еще были способны на самопожертвование. Русская деревня еще сохраняла семейный уклад, была ближе к тайнам природы, старалась учитывать ее законы. Николай сумел разглядеть там национальный дух, глубину характера русского человека! Не всякому дано, а Коняев почувствовал, как нынешняя цивилизация с глобальными идеями мирового господства, отрывает народ от исторических корней, разъединяет с самобытным. Писатель не уводил читателей от проблем, стоявших у ворот. Об этом свидетельствуют его книги повестей и рассказов «Сборщик дани», «Звенела птица в поднебесье» (1992), «Перековка» (1993), «Чужая музыка» (1994), «Околоток Перековка» (1996), «Отголоски-отзвуки» (2000), «До поры до времени» (2005), «Бывает!» (2013), а также художественно-документальное, историко-публицистическое повествование «Моя нечаянная Родина» (2008), сборник статей и выступлений «Право на профессию» (2011). Проза и публицистика охотно печаталась во многих центральных и региональных журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Его произведения имели отклик у молодежи. Помню, как описывала свои впечатления от рассказа «Чужая музыка» первокурсница филологического факультета Югорского государственного университета Анна Берсенева: «Чужая музыка» – «жуткая повесть», – не случайно автор выбирает именно такие слова, потому что «чужая музыка», а, значит, «чужие» жизненные ценности не могут принести радостных известий.

Писатель неоднократно упоминает в тексте об изменившейся жизни, о жизни, в которой резко поменялись нравственные принципы. Люди перестали руководствоваться Правдой, она для них перестала быть частью жизни. Неправда сильна, но ведь Правда – вечна! А для людей, которые привыкли жить по Правде, а значит, жить так, как заповедовал Христос...

Читая рассказ, невольно вспоминаешь притчу о безумном богаче. «У одного богатого человека был хороший урожай в поле, и

он рассуждал сам с собою: «Что мне делать: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись! Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Вот и получается, что дочь Таисии, городская жительница Наташка, как безумная собирает себе сокровища земные, не думая о том, что «в сию ночь душу могут забрать у нее...» Тоскует, мучается душа, совершая неправду... «И сказал ученикам Своим: посеми говорю вам, – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело – одежды <...> «Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам <...> Христа выбирает Таисья, а, значит, жива еще надежда на воскресение нашей России!»

Не случайно автор отклика обнаруживает христианский подтекст, хотя рассказ Николая Коняева о жизни горожан и сельских жителях на примере Натальи и Таисии не содержит явного намека на религию. Хотя, казалось бы, речь идет о другом – образе жизни города и деревни, и читатели сами должны решить, на чьей они стороне – рационального, охваченного новыми веяниями, оплота цивилизации, или осколка когда-то огромного деревенского сообщества, соборности.

Накануне пятидесятилетнего юбилея писателя, тогда еще студентка Югорского университета Наталья Коровкина, раскладывая по полочкам другой его рассказ, писала: «С творчеством прозаика Николая Коняева знакомство началось после прочтения рассказов «Чужая музыка», «Костя-Мариша», «Коршун», «Бывает». Наш земляк – человек, которому близок крестьянский уклад жизни и дух деревни, он пропускает через себя каждого из героев, отмечая их трудолюбивый дух на родной земле.

В рассказе «Бывает» уже в самом начале своего повествования писатель представляет главного героя Володьку Кононова, как человека работающего... Положительность героя проявляется еще и в том, что он чтит прошлое, сохраняя добрую память о своем друге детства.

Рассказ о целеустремленности главного героя вызывает у нас только положительные эмоции, пусть и не совсем досталась ему завидная доля. Ведь живут они, как выразился сам Володька, не очень хорошо, но зато и не хуже других.

Бывает... Слово это становится ключевым в рассказе. Оно как бы допускает то, что может случиться с человеком за небольшой промежуток времени, но потом это искушение пропадает и человек преображается...

Да, «бывает», как сказано в самом названии рассказа, что жизнь сулит нам серьезные препятствия, которые заставляют человека думать о том, что жизнь – это скучная штука. Но бывает и такое, что он не падает духом, а преодолевает эти препятствия и начинает все с чистого листа, заполняющегося новыми желаниями, добрыми делами <...> Тогда жизнь не пройдет даром, не станет серым пятном на твоей репутации. Всегда надо помнить, что она дается только один раз.

Жизнь – это подарок, который мы должны ценить. И верные друзья Гоша с Володей понимают это и учат нас, как правильно надо жить».

Студентку Анну Витязеву заинтересовал другой рассказ: «В нашей жизни происходило и происходит очень много хороших и плохих, радостных и горьких событий. Но есть и такие, о которых невозможно вспоминать без слез, имя им – война. Она не забывается и героями рассказа «Отголосок».

Уже с первой строчки автор дает нам понять, о чем будет этот рассказ – о тяжелых послевоенных годах. Нелегкая колхозная жизнь, холодные ураганные ветра, сменяемые суховеями – все как будто не давало забыть то страшное военное время <...> Но автор акцентирует наше внимание не столько на прошлом, сколько на настоящем, на обыденной мирной деревенской жизни, куда включаются игры детворы, их веселый смех, и народное гулянье – празднование масленицы <...> В финале герой рассказа, видевший все это своими глазами, понимает, что война была не далеко в прошлом, как он думал, а совсем наоборот, именно стон старушки и явился отголоском той далекой войны.

Читая этот небольшой рассказ, невольно задумываешься о том, каково держать в памяти такие события <...> в глубинах нашей памяти <...> останутся они навсегда, как бы мы не хотели

забыть. И тысячи таких отголосков всегда будут вспоминаться и мучить человека».

Напомню, отклики эти, «отголоски» творчества Николая Ивановича, были обнаружены государственной библиотекой Югры полтора десятка лет назад. С той поры читательская аудитория окрепла, расширилась, но молодежь по-прежнему продолжает интересоваться коняевской прозой.

В 2015 году другая студентка Анна Радченко, заметила по поводу еще одного рассказа: «Произведение Николая Коняева «Все перевернут» заставляет долго думать <...> Я считаю, нам не хватает таких авторов, которые могут общедоступным, современным языком помочь <...> увидеть проблемы дальше своих личных».

Вспоминается мне интервью писателя в пору его пятидесятилетия: брала его студентка отделения журналистики Анастасия Соломатина, и мы его опубликовали тогда в нашей окружной писательской газете «Югра литературная». Свой «некруглый» юбилей Николай Иванович отмечал выходом новой книги «Моя нечаянная родина». Мы, читатели, познакомились с ее фрагментами благодаря щедрой распечатке в «Эринтуре», «Чаше круговой», журналах «Югра», «Наш современник», газетой «Тюменская правда». Небывалый случай – еще в рукописи произведение было удостоено региональной литературной премии «Урал промышленный – Урал Полярный». К тому времени у писателя вышло семь книг прозы – не пухлых романов, а убористых рассказов и коротких повестей!

Анастасия Соломатина тогда новую работу писателя назвала «книгой-открытием», поскольку повествование о жизни обычной сибирской деревни читалось как откровение. И, действительно, Николай Коняев в ней попытался многое осмыслить не только в своей жизни. Помню, проникновенные строчки его ответа на вопрос, что побудило автора создать свою «нечаянную родину»: «...с горечью увидел: не только о предках, но и о дедах, о родителях своих, о малой родине своей, да и о себе самом ничего-то толком не знаю...

Я не ставлю себе целью «выращивание» генеалогического древа. Хочу всего лишь в меру сил и возможностей заполнить многочисленные пробелы в книге судеб самых близких мне лю-

дей и белые пятна, образовавшиеся в моей личной биографии уже с «титulyного листа». С начала начал.

Вот моя задумка, она же – главная идея.

<...> В книге изложена не только история становления семьи – первые шаги совместной жизни моих родителей. Речь, собственно, о том, что вся история Сибири – это история переселенческих волн, накатов и откатов, приливов и отливов, губительных для семьи и отдельно взятого человека.

<...> Приехали эти люди сюда не по доброй воле. Они и не чаяли оказаться вдали от отчизны, а уж тем более укорениться в Югре, ставшей для их детей малой родиной. Нечаянной – случайной – родиной.

<...> Сожалею только об одном: очень многие архивы не сохранились, большинство моих персонажей ушло из жизни. А домысливать что-то, фантазировать в этой книге не позволительно. Только факт, только цифра, только биография. Такова была авторская установка. И жанр художественно-документального и историко-публицистического повествования обязывал к точности».

Как писатель, Николай Коняев всегда искал ответы на свои собственные вопросы и надеялся, что у него найдется единомышленник-читатель. Он выбрал трудный, но достойный путь в литературе, я бы сказал, даже суровый! Здесь без принципов и убеждений идти вперед было просто невозможно: «Думаю, писатель должен вести за собой читателя, а не идти у него на поводу. Если заглядывать в рот читателю и гадать: «чего ему сегодня хочется почитать?» – писателя в себе погубишь. Он не клоун для развлечения почтенной публики. Для этого существуют современные российские и зарубежные кинобоевики, детективы, жванецкие, шоу-актёры и дамские романы... К сожалению, и в нашей среде существуют очень талантливые писатели, идущие на поводу у читателей. Говорил им, и буду говорить: соблазн сиюминутного успеха у неразборчивого читателя до добра не доведёт. Не знаю, обидятся они или нет, но кто-то же должен сказать им об этом честно!»

Честно писатель отзывался и о молодежи, новом поколении читателей: «Не стану хаять нынешнее поколение. Оно, несомненно, грамотнее, образованнее, успешнее. Но и «заигрывать» с ним не хочу. Оно – хуже поколения дедов и прадедов. Оно такое, какковым его сделало общество. А наше общество переживает, мяг-

ко говоря, непростые времена. Если дедам и прадедам твердили: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» – то нынешнему поколению вдолбили совсем губительное: «Возьми от жизни всё!», «Живи одним днём!», «Деньги – мерило успеха»! Примеры просты и на каждом шагу.

<...> А сохранить человечность невозможно без знания прошлого своих отцов, дедов и прадедов, истории своей малой родины. Без сострадания к ближнему, без любви к Отечеству. Без веры. Без хорошей, умной книги».

Вспоминаю его худошавую фигуру, нервное покуривание, мальчишескую задорность и ершистость. Он никогда не выглядел солидно, да и не желал этого. Увлеченность творчеством выделяла его личность среди других, да еще отсутствие полутонов, когда речь заходила об ущемлении писательских прав, когда кто-то подвергал сомнению духовную миссию художника. Вот тогда-то он рубил с плеча, заводился с полуоборота и не было для него никаких авторитетов... Эти качества у большинства людей не вызывают симпатии, поскольку всегда больше по нраву – гибкость, умение договариваться, не лезть на рожон.

Кому-то писатель казался сухарем, кому-то – слишком требовательным, – он ведь ко всему прочему был еще и несменяемым три срока руководителем писательской организации Югры и на этом поприще имел немало хлопот. До самой смерти оставался главным редактором альманаха «Эринтур» – тяжесть неимоверная, когда нужно было постоянно выискивать, особенно, в последние годы средства на издание и авторские гонорары. При всех этих раздражающих факторах, все, кто узнавал Николая ближе, не могли не оценить его доброты и порядочности. Он никогда не хапал себе званий, наград и премий, а ведь мог бы – стоило только захотеть! Если что и получал, то заслуженно – и кто его в этом посмеет упрекнуть? Помню, когда вышла, недооцененная еще до конца книга, «Моя нечаянная родина» – выстрадавший и многолетний труд, – он публично отказался от выдвижения своей кандидатуры на соискание губернаторской премии. Однако премию ему все-таки вручили, и в этом не было абсолютно никакой его вины.

В его индивидуальности было нечто такое, что невозможно увидеть только глазами – зоркость сердца, которая помогает его

персонажам полноценно жить на страницах книг и удивлять читателей своей непохожестью и даже чужаковатостью.

Николай Коняев как художник всегда был ближе к народу, нежели к власти. Оттого его вера в традиции и культурные достижения нации наивна, чиста, и даже спасительна, ибо он искренне был убежден в своей правоте, когда речь заходила о духовной поддержке соотечественников. Именно в этом, по его мнению, и заключен смысл жизни художника.

Сам он себя «писателем» старался не называть: «А писатель – это высокое звание, которого не каждым пишущий «литературный работник» может быть удостоен. Это – Лев Толстой, это Достоевский, это Шолохов, это Распутин...»; а еще я слышал от него, примерно, такую фразу: «Для писателя слово – предмет служения мучительного и самоотверженного. Такому отношению невозможно выучиться ни в каких институтах, ни на каких семинарах». И это абсолютная правда! Для него литература была постоянной каждодневной работой, из этого состояла его жизнь.

К собратьям по перу он относился строго, если они не разделяли его принципы в творчестве, пытались добиваться расположения читателей различными сомнительными ухищрениями: «Немногого стоит писатель, если в его произведениях не проступает личность, не проявляется его – писателя и гражданина – позиция, его нравственные оценки, его отношение к тем или иным событиям. Это – пустой писатель, если даже он способен заинтриговать лихим сюжетом, фантастическим вымыслом...» Он и себя мерил такую же строгою мерой – иначе бы не был тем, кем стал для своих читателей – **писателем**, а не литературным работником...

Возглавить региональное отделение Союза Коняеву пришлось в разгар диких рыночных отношений, когда наша многострадальная словесность не миновала нашествия жрецов пошлости, и что, конечно же, не лучшим образом сказалось на ее уровне художественности и глубины. Раньше писатель был подобен творцу: создавая свою художественную Вселенную, он будоражил умы и сердца. Теперь у большинства авторов, желающих очень «сильно» прославиться, одна участь – идти за читателем, потакая его интересам и капризам. Зайдите в книжный магазин, обратите внимание на полки – ряды книг о суперменах,

наемных убийцах, ворах в законе, проститутках. В большинстве своем массовая литература раскупается на рынке, но только у нее безликий читатель, которого язык не поворачивается назвать Личностью. Такой «поклонник» книги чем-то напоминает читателей книг со «специфическим» содержанием: например, о выведении клопов или тараканов в домашних условиях. Те, кто их покупает, никогда не хвастаются своими приобретениями, поскольку подобные книги покупаются по нужде. Кому же хочется выглядеть перед другими убогим. Сами авторы подобных сочинений пишут их не по вдохновению, а тоже по нужде, не особенно-то желая прославиться... Зато те, у кого «беллетристические» тиражи перевалили за сотни тысяч экземпляров, гордятся собой и своим читателем...

Коняев был другим человеком и другим писателем. Он не соблазнялся дешевой славой и свято верил: хорошая книга – путешествие в будущее, хождение к потомкам. В древнерусской литературе «хождение» – жанр, составляющий одну из ее духовных основ. «Хождение» к потомкам для Николая Коняева не было бегство от себя, а в большей степени побегом к самому себе из заточения общих идей и прописных истин, что насаждались коммунистической идеологией, которая оправдывала любое насилие над народом. Это подтверждает содержание его многогранной книги «Моя нечаянная родина».

Так уж случилось, что с Николаем Ивановичем Коняевым я был связан творческим сотрудничеством по ряду вопросов, которые сейчас все и не упомнишь за минувшие почти два десятилетия, – участием в читательских конференциях и литературных конкурсах, организацией писательских встреч со студентами нашего университета, – словом, не только узами говорливого приятельства. Изучая историю художественной словесности, невольно начинаешь понимать: кто сказал в литературе хоть одно настоящее слово, того она не забывает. А Николай, среди лишнего и пустого, что всегда в избытке в творческой среде, сумел сказать много дельного и благородного. Его, как художника, нельзя отнести к писателям-эгоцентрикам, хотя те тоже рассматривают личную жизнь, как материал для творчества, – и в этом нет ничего худого, если писатель, отбрасывая несущественное, пытается быть объективным, в том числе, и по отношению к себе и своим персонажам.

Коняевский герой из повести «О, ля – ля!» (впервые она была опубликована в 2004 году у нас в «Эринтуре») писатель-бессребреник Александр Михайлович Григорьев чем-то напоминал самого автора. Повесть сразу обратила на себя внимание внешней легкостью и простотой и тем, что подход к разгадке личности героя осуществлялся с «невидимой стороны луны» – бытовой. Это позволило взглянуть на его личность изнутри. Поводом к раскрытию характера стали хлопоты с устройством новой квартиры, полученной в канун своего пятидесятилетия. Здесь сходство автора и героя было наиболее полным, поскольку до этого момента Николай Иванович так и не заимел в Ханты-Мансийске ни своего кола, ни своего двора. Автобиографичность заключалась и в том, что прозаик Григорьев был нечета своим собратьям, марающим бумагу с оглядкой на власти. Кто знал Коняева, тот помнит: он никогда не заискивал и не прогибался перед «начальством» и требовал к себе уважительного отношения, поскольку за ним, как руководителем окружной писательской организации, стояли люди, нуждавшиеся во внимании. Когда-то их называли совестью нации, инженерами человеческих душ. Была определенная схожесть в том, что герой повести тоже руководил творческим коллективом – и не только в этом: «Александр Михайлович второй срок (шестой год) был ответственным секретарём писательской организации, главным редактором литературного альманаха, лауреатом нескольких скромных, но дорогих ему премий, полученных не за преданность идеям какой-то там «могучей кучки» одного из двух враждующих литературных направлений, не за выслугу лет в Союзе, не за общий вклад во что-то неопределённое, а за конкретные книги и произведения, за которые не стыдно. Он становился человеком публичным, известным в городе и области. Осталась в прошлом молодость, в которой терпеливо, изо дня в день, работал на имя, теперь же имя иногда срабатывало ответно».

Николай Коняев никогда не придумывал сюжетов для своих произведений – и здесь оказался верен себе. Как человек, дорожащий своей творческой репутацией, герой Коняева, добротный прозаик, старается избегать различных литературных кланов и группировок, не выпрашивает награды и премии. Он лучше чем кто-либо знает закулисную жизнь провинциальных собратьев, но в то же время подкупает своей неприспособленностью в жиз-

ни. Поэтому у читателя закономерно может возникнуть вопрос: а чему, собственно, может научить такой писатель? Эта добрая ирония по адресу своего героя, собственно, и отличает его создателя, ведь сам автор, конечно же, не такой простака. Действительно, чтобы создать запоминающийся художественный образ, нужны не только наблюдательность, опыт, но и житейская мудрость, помноженная на талант. Художник тем и отличается от «геометра-беллетриста», что не довольствуется обозначением всего лишь нескольких «болевых точек» в образе своего персонажа, пытаясь по ним проложить примитивную геометрическую фигуру художественного образа. У Коняева – намного сложнее, ибо у него все действующие лица создаются не при помощи «прямых», а скорее – «кривых», которые точно рассчитаны. Они помогают достаточно узнать о характере, мировоззрении и внутреннем мире героев. Скромный русский писатель Александр Григорьев, как и его творец, боролся с развитой в писательской среде болезнью подать себя в лучшем виде, а со стороны с обыкновенной хлестаковщиной, от которой еще долго избавляться нам в творческой среде. Просто есть такая болезненная слабость у пишущего человека! «Бывает» – как любит повторять сам Николай Коняев. Он-то наверняка знал: в литературу легко войти, труднее задержаться и совершенно невозможно предсказать, кто в ней останется...

Впрочем, огорчения писателю и его герою приносили совсем не такие люди: «И как он ни старался, как ни лез из кожи, а раза два в году в какой-нибудь газете появлялись до обидного несправедливые упрёки, реплики, уколы, а то и откровенные брань и клевета. К этому он должен был привыкнуть, быть всегда готов, – должен, но не мог...»

Заслугой писателя являлся ежегодный литературный выпуск трудов писателей Югры на протяжении более четверти века. Чтобы попасть туда со своим произведением, надо было пройти суровый отбор, поскольку главный редактор терпеть не мог никакой литературной халтуры!

Однако «Эринтур» доставался в последнее время тяжелой ценой! Недоброжелательность критики в его адрес порою заглушала всю конструктивность, ради которой она затевалась. Часто Николая Ивановича обвиняли в тех грехах, к коим он был вовсе непричастен (деятели корректора, технического редактора,

художника и т.п.), формируя на их основе оскорбительные выводы. Упрекали в публикации произведений «нужных людей», хотя материалы отбирались для составления ежегодника честно, по степени их совершенства и согласно талантливости, а «нужными людьми» оказывались те авторы, за которых перед читателями не приходилось краснеть. Скверно, когда вместо помощи, предпринимались постоянные попытки недоброжелателей разрушить наработанное годами: сломать-то легко, а вот создать заново не просто. Это мы испытали в полной мере, когда Николая Ивановича не стало, а писатели чуть не лишились альманаха, где всегда звучали молодые голоса, где талантливая Югра помещала свои произведения, созданные вдохновением и мастерством, а не по привычным шаблонам и лекалам...

Чтобы всему этому противостоять, как, впрочем, и нашему графоманов разным мастей и уровней, ему приходилось тратить много сил и нервов! Откуда он черпал свою энергию, до сих пор удивляюсь, ибо на это способны только большие люди, отличающиеся от «маленьких» глубокими убеждениями и высокими целями. Собственно, герои его произведений, люди из деревни или города, которых принято почему-то называть «маленькими», на самом деле были личностями в области духа, хоть и занимали самое незначительное социальное место в общественной системе. Многие из них заблуждались, но писатель все равно любил каждого из них по-своему и не воротил носа, как иные прозаики, что выводили каких-то небывалых супергероев.

О коняевских героях, – как-то подумал я, – ни один корреспондент местной прессы не напишет очерк, настолько они, казалось, заурядны. Но почему же они заинтересовали писателя? Ни супермены, ни бандюганы, ни романтические герои-любовники... Просто обычный люд из глубинки, без каких-либо закидонов и эквивок. Привлекали они писателя благодаря своей самодостаточности. Каждый из них имел право претендовать на существование независимо от того, какому слою общества принадлежал. Главное требование – быть человеком! Но написать о человеке обычном так, чтобы всем было интересно, надо было иметь что-то большее, чем талант: интерес к каждой личности, умение повнимательнее к ней приглядеться, да разве все перечислишь? Это дано не каждому ма-

стеру, и гораздо сложнее, чем хождение «за три моря» в поисках героя, отличного от всех нас, грешных.

Другой дар Коняева – вовлечение читателей в сопереживание, в любой нелепости и несуразности людской он помогал увидеть и положительную сторону своих персонажей. Читаешь и воспринимаешь их не как очередной фарс нашей жизни, а как личную драму живущих рядом с тобой людей. Наблюдательный прозаик обращает внимание читателей ни на трагедии вселенского масштаба, а на моменты обыденной жизни. Они также полны событий и потрясений, но только для тех, кто принимает в них прямое участие. Так благодаря писательскому увеличительному стеклу, мы начинаем понимать: здесь тоже кипит жизнь со своими страстями, кодексами чести, радостями и огорчениями. Когда знакомишься с произведениями Николая Коняева, вдруг делаешь открытие – внутри нас утрачено что-то важное, может быть, такое, что родственно этим коняевским мужикам и бабам, в каком бы обличье они перед нами не предстали. Утрачивается связь с народом, с его корневой основой – и, получается, мы ни здесь, на своей земле, и не там, где, как нам кажется, гораздо лучше – в своем мирке, обособленном от других... Писатель таким образом объясняет читателю: пока мы не определились духовно, следовательно, нас нет, или мы нигде... Неустроенность российской жизни есть лишь неустроенность нашей собственной души, а несправедливость во многом связана с осуждениями других, когда не видишь бревна в собственном глазу. Поэтому надо начать с себя, а там видно будет! Но как это сложно! Любовь Бобылева, еще будучи студенткой филфака ЮГУ, прочитав рассказ «Деньги для адвоката», призналась: «...наше поколение воспринимает мир, события, людей и их чувства иначе, чем прошлое поколение. В наше время распространен девиз «бери от жизни все!», и люди берут. В погоне за достатком, удовольствиями, престижем забывают об истинных ценностях: о вере, о любви, о семье». Люди почему-то в большинстве своем не задаются вопросом: «Зачем?» – им важнее достичь своих меркантильных целей, чтобы было не хуже, чем у других. По этой причине они лишаются духовных ориентиров – нравственных, творческих, социальных, в том числе, становясь запрограммированными автоматами. Любовь Бобылева сумела постигнуть авторскую мысль, внимательно вчитавшись в описа-

ние просыпающегося аэровокзала: «Входная дверь уже не закрывалась – входили и протискивались боком увешанные багажом и кладью пассажиры ранних рейсов, становились в очередь у стоек регистрации, оклеивали скотчем сумки и узлы, шуршали упаковочной бумагой». Она заметила по этому поводу: «В одном предположении показана и однородность этой группы людей, определяемой как «пассажиры ранних рейсов», и их индивидуальность: кто-то входит, а кто-то протискивается боком, у одних сумки, а у других – узлы. Несмотря на такое различие перед лицом беды, смерти все равны. И только смерть подводит итог человеческой жизни. Итог не как завершение, а как оценка действий, поступков, слов и даже мыслей». И здесь с ней нельзя не согласиться! Понимание авторской идеи заключается в констатации: все материальное тленно в этом мире! Автор, пишет Люба Бобылева, «переносит читателя из бытовой сферы в более высокую, духовную область жизни, ненавязчиво предлагает задуматься о смысле жизни, предлагает строже оценить: так ли в действительности важны и грандиозны наши цели, планы, стремления...»

Если до этого самостоятельно додумалась девушка, которой на тот момент еще не исполнилось и двадцати, значит, додумаются и люди постарше. Им-то и пытался сказать прозаик: если они смиряются с невозможностью понять свои цели жизни, то осуждают себя на бессознательное существование, и, следовательно, отказываясь от стремления к высокому, не смогут отличать обыденное и низкое. Так и происходит в нашем народе падение вниз – от соборности к коллективизму, а от него уже – к стадности. Так мы теряем нашу духовную свободу! До стадности у нас в России, слава Богу, дело пока не дошло, считает писатель, но большую часть духовной энергии мы потеряли. Но спасение возможно, ибо совсем не прост русский человек и живет не хлебом единым! Пусть даже жизнь выдалась невидная, беспокойная, несытная. Потому-то писательская печаль светла, полна веры в человека живого, а непридуманного. Сколько бы не сваливалось на него неведомых соблазнов, а он все пытается оставаться тем, кем его задумал Создатель. Грешным и слабым, но все же человеком, находящим в себе силы подняться с колен. Спасает русского человека, конечно же, любовь и вера – это отчетливо прочитывается у Коняева. Все нашенькие, земные, будь то чудаки Малыги, сторож Гурий

Фадеевич, доморощенный поэт Мишуня или сельская аптекарша. У каждого своя изюминка, которую подметил писатель и не просто срисовал, а переосмыслил и выстрадал в своем сердце. И движет ими, несмотря на их слабости, вполне земное «волеизъявление к жизни».

На мой взгляд, маленького человека для литературы просто не бывает, но зато существуют маленькие писатели. Николай Иванович к таким не относился и это, бывало, вызывало зависть у тех, кто презирал его героев и персонажей – грубых, шершавых, пахнувших мазутом и водкой. А ведь у нас таких большинство в стране, как выразился однажды Коняев, «людей труда, не обременённых славой, регалиями, высокими чинами, должностями, но на которых и держится Россия».

Александр Сергеевич Пушкин однажды заметил: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и<ли> менее отражается в зеркале поэзии». Классик неспроста возвращался к этому вопросу: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Коняевские герои – подтверждение этому. Они стараются жить по совести, хотя, может быть, и не всегда это им удается. Однако, поскользнувшись, они всегда встают на ноги и продолжают свой непростой путь в поисках своего смысла жизни. Оттого они не только не проигрывают в глазах читателей, но и удостоиваются всеобщего уважения. Если бы их творец не задавался вместе с ними извечными российскими вопросами: – «Кто мы? Что мы? Как дальше жить? Что делать?» – он бы просто не был русским писателем.

Забывать откуда мы родом и что с нами может стать, если мы не будем помнить своего прошлого, даже если оно и было тяжелым и невыносимым – нельзя: здесь не один глаз – вон, а сразу два... А незрячее общество вряд ли будет иметь будущее...

Поэтому, как заметил кто-то из критиков, книги Коняева читаются с болью, а помнятся светло!

Творчество Николая Коняева принадлежит своему народу и потому он писал о нем и в горе, и в радости. Последней, правда, маловато в его книгах...

Деятельный человек, редактор «Эринтура», руководитель литературной организацией Югры, Николай Иванович способствовал выходу не одного сборника поэзии и прозы молодых литераторов, не забывал и о литературном опыте тех, кто развивал словесность в регионе с 30-х годов прошлого века, осуществив издание двухтомника литературной антологии. Николай Иванович выступал и в роли летописца, и мемуариста писательской организации, у истоков создания которой находился. В итоговом произведении-исследовании «Моя нечаянная Родина», писатель достигает новых творческих вершин.

Переехав в Тюмень, писатель продолжает занятия большой литературой и выходит на первый в своей жизни исторический роман, фрагмент которого под названием «На свободу через Березов» опубликован в девятнадцатом выпуске альманаха «Эринтур» (2014). Тема, сибирякам не чуждая, – о побеге Льва Троцкого из северной ссылки. Писатель долго шел к ней, в этом можно убедиться, познакомившись с его документальным повествованием «Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки». Основная работа над романом началась еще в Ханты-Мансийске, более десяти лет назад. Первоначально планировался документальный роман-расследование о громких событиях 1907–1921 гг. в Берёзовском уезде Тобольской губернии, главными героями в котором должны были стать обычные люди. Часть его замысла, фрагменты произведения – о побеге Троцкого из Берёзова в 1907 году – были использованы в двухсерийном документальном фильме «Коровьи Ножки» (телекомпания «Югра»). Округу писатель по-прежнему старался быть верным, но... случилось то, что случилось: осенью 2017-го Николая Ивановича не стало. Ему было всего 63 года... В некрологе я прочел фразу, с которой, думаю, согласятся все, кто знал его: он всегда был принципиальным и боролся с несправедливостью.

ТАМАРА ЗУЕВА

Зуева Тамара Трофимовна родилась 11 марта 1952 года в городе Белогорске Амурской области.

Окончила Благовещенский государственный педагогический институт им. М. И. Калинина, факультет иностранных языков, франко-немецкое отделение.

Печатается в газетах, в региональных литературных альманахах, в коллективных поэтических сборниках. Член литературного объединения «Замысел», Ханты-Мансийской писательской организации, Ново-московского литературного объединения. Член Союза писателей России.

Живёт в Нижневартовске.

Лингвистический анализ и языковые особенности сказов Маргариты Анисимковой

Трудно представить детство без книги. С лёгким шелестом страниц она приходит в жизнь человека с самых ранних пор, нащёптывая увлекательные истории и сказки, развивая наш ум и пытливость, обогащая мир яркими образами. Одни книги передают подготовленного юного читателя к другим, более серьёзным книгам, которые ведут его дальше по жизни, устраивая удивительные пути следования в страну знаний. Уже нет с нами Маргариты Кузьминичны Анисимковой, а мы вновь и вновь обращаемся к её творчеству. Остановившись на мансийских сказах, хотелось бы рассмотреть их живой язык, раскрывающий душу, как самой писательницы, так и душу северного народа. Маргарита Кузьминична любила сказки, понимая, как многогранен их мир с его отношением к добру и злу, к тёмным и светлым сторонам жизни, к правде и лжи, к трудолюбию и лени. Писательница понимает, что именно в сказке можно выразить то, что волнует писателя и дарит ребёнку неповторимый удивительный мир. Где, как не в сказке, можно говорить об идеалах человека, бичуя пороки общества, воспевая благородство и мужество, любовь и доброту.

«Сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [1, с. 640]. Вместе с этой выдумкой мы приобретаем силу мысли и мудрость. Мы встречаем всё в сказке, с ней же переживаем и смеёмся, плачем и надеемся на лучшее. Все возникающие образы на основе прочитанных сказок составляют наш духовный мир и оказывают огромное влияние на развитие нашей речи. «Сказ – это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это – художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [2, с. 49]. Маргарита Кузьминична, посто-

янно обращаясь к этносу народа манси, использует жанр сказа, как наиболее подходящий для раскрытия характеров героев, для ознакомления читателя с культурой этого лесного народа. Она много читала о культуре коренных народов Севера. Лозьвинские манси, их быт и традиции увлекли писательницу своей самобытностью. Общаясь с простыми людьми, она накапливала богатые знания, прикасаясь к глубинной мудрости народа, который помогал ей создавать новые интересные сюжеты в сказах, неповторимое и увлекательное полотно которых зазывает читателя и увлекает надолго:

«Мы живём среди природы, мы друзья её. Она беспрестанно с нами беседует, но тайны своей нам не выдаст. Мы постоянно оказываем на неё действие, однако не имеем над ней никакой власти», – эти слова великого Гёте находят подтверждение в творчестве нашей югорской писательницы [3]. С любовью и заботой к родной природе живут в сказах её герои:

«...и стал Сенька жить в дружбе с ветром и рекой. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь. Как-то на расвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов из гнезда, да потягивалась на суку белка, хвост прихорашивая, выехал на своём обласке на рыбалку Сенькин младший сын. Едет, любитесь простором речным, островом родным, на который отец земное тепло приносил да много сказок про него рассказывал...» «Сенькин пай» [4, с. 55].

Эти образы демонстрируют чуткое отношение к природе и родной земле. Взаимоотношения богатых и бедных, торжество справедливости над жадностью и над хвастовством ярко показаны в сказе «Страшные кедровники», повествующем о единении человека и защитницы-природы:

«Раскинулись руки у Домны в разные стороны, и поднялись слева и справа от них кедры могучие, встали сплошной стеной, зашумели, замахали ветвями огромными: не пускают дальше в тайгу пламя-пожарище. Злитесь злое пламя, трещат сучья, летят искры в разные стороны. Но стоят на страже кедры могучие, и зверь спасается в тайге, защищённой высокими кедрами... Места эти, однако, и по сей день страшными кедровниками называют» [4, с. 144].

Сказы создают поэтическое настроение, читая их, ярко представляешь себе загадочные картины суровых мест любимого Севера.

Писательница избрала такую форму изложения, где голос автора не совпадает с повествованием сказителя, а стилистика речи не совпадает с современной литературной нормой. Это – сказ, жанр литературы, подражающий фольклорным произведениям стилем, особенностями речи, специфической интонацией для воспроизведения рассказа или живой простонародной речи как таковой. Чистым родником становится фольклор ханты и манси для Маргариты Кузьминичны. Сказ – это, по определению В. В. Виноградова, «художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это художественная имитация монологической речи» [2, с. 49]. Если вдуматься в определение В. В. Виноградова, то станет очевидно, что для произведения такого жанра характерно смешение разговорной («устный монолог») и книжной («художественная имитация») речи. Маргарита Кузьминична талантливо и умело использует в книге «Сказы. По мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала» самые различные выразительные средства языка, например, простейшие тропы – сравнения:

«Лилась с небес вода, будто кто-то ножом все облака разрезал». «Как подобрели сосновые братья» [4, с. 26]; «Смотрят: Сенька-младший идёт – и не узнать его. Разнаряжен по-праздничному: малица белая, как лебяжий пух, вся расшита по рукавам и подолу рисунками замысловатыми, на ногах бредни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах висит нож охотничий с разукрашенной рукояткой да табакерка отцовская с амулетами». «Сенькин пай» [4, с. 56]; «Волосы длинные, как салом намазанные, блестят, руки худые, чёрные, платье длинное, до пят» [4, с. 76], «Подол юбки – как хвост большой птицы колышется, широкие рукава как крылья, длинные волосы – как перья» [4, с. 78], «У нашей Мосьнэ – лесной красавицы, глаза, как озёра, голубые да добрые». «Оленья шкура» [4, с. 79]; «Подгоняет Пайка лодку ближе к берегу. А от берегов дух идёт – голова кружится. Черёмуха цветёт! Белые гроздья все деревья обметали. Издали берега белыми кажутся, будто с них так и не сходил снег». «Волшебные лыжи» [4, с. 81]; «А ветер кружит, дрожит, как олень на привязи, ждёт, что скажет речка говорливая». «Дочери Отортена» [4, с. 111]; «Он был будто выткан золотом, а звёзды сияли серебром и красной медью».

[4, с. 171] «Первая песнь Куксы»; «А вокруг целое море багово – красной брусники, перезревшей черники и, словно наливной, костяники». «Про рябчика» [4, с. 123].

К. Г. Паустовский писал: «Сравнение вносит иногда удивительную ясность в самые сложные вещи. Сравнения нередко выполняют в речи разъяснительную функцию, в художественных произведениях выступают как сильное образное средство речи» [5, с. 6]. Сравнения чаще всего выступают в форме сравнительного оборота и присоединяются при помощи союзов.

Придают тексту образность и особое звучание точные и образные эпитеты:

Черёмуха – горделивая, душистая, нарядная [4, с. 148]; Дремучие кедрачи [4, с. 16]; Одинокая сосна [4, с. 6]; Короткое осеннее лето [4, с. 6]; Не чужая тундровая сторона, а студёная [4, с. 8]; Ветровые песни [4, с. 9]; Великой реки [4, с. 11]; Резное весло [4, с. 11]; Золотой ковш [4, с. 12]; Красивая, милая, хорошая доченька [4, с. 14]; Зыбкие непроходимые берега [4, с. 23].

Изобилуют сказы и сложными тропами – метафорой: «Ай-Мосьнэ ветер любит – ей песни поёт. Мороз любит – сказки рассказывает, лесной царь...» «Встреча Ай-Мосьнэ с лесной девкой Пурнэ» [4, с. 45]; «Но твёрдой рукой он смахнул с глаз грусть». «Огненная птица» [4, с. 189]; «Плыла лодочка по Великой реке, сидела в ней красавица Ати, резала веслом волны» [4, с. 12], «Подняла глаза, а с неба золотая цепь спускается». [4, с. 14] «Откуда появилась красавица Ай-Мосьнэ»; «Солнце дало ей руки свои, травы дали нежность и стройность, а озёра подарили глаза голубые, бездонные» [4, с. 112], «Раздвигал свои плечи каменные» [4, с. 111], «Стоит Отортен, снежная шапка на нём и савик расшит мхом да лишайником». «Дочери Отортена» [4, с. 113]; «Скоро на землю немой тёмной птицей опустилась ночь». [4, с. 176] «Песня четвёртая «Сон Вазы»; «Из глаз свет выкатывается». [4, с. 72] «Танья – богатырь»; «А она летит, шею вытянула, крыльями воздух режет». «Куда летала гагара» [4, с. 95].

Читая и перечитывая сказы Маргариты Кузьминичны, обращаешь внимание на всё более интересные изобразительные средства, такие, как синекдоха:

«...а позднее юрту ставить начали». «Храбрый Бахтияр» [4, с. 138]; «Узнайте, откуда он столько зверя берёт». «Оленья

шкура» [4, с. 76]; «А в награду дал им Отортен рыбку малую позолоченную. Все селёдкой её зовут сосьвинской. Не увидать такой, не сыскать нигде!» «Дочери Отортена» [4, с. 95]; «В лесах потерялся зверь». «Гнев тайги» [4, с. 108].

Не устаёшь восхищаться самобытностью языка автора. Сказы М. К. Анисимковой наполнены поэзией и суггестией, они полны иносказаний:

«В одно утро открыла Ати глаза и увидела на дне лодки красную ягоду. Взяла её в руки, поднесла ко рту, дохнула тёплым воздухом. Пискнула ягода, заморгала глазками.

– Погляди, Лари! – закричала Ати. – Погляди, какую я ягодку – ягоду нашла на дне лодки.

– Так это наша дочь, Ай-Мосьнэ! Я её всё время во снах вижу! – обрадовался Лари» [4, с. 14].

«Гнев тайги»: – Искать долго не надо, – сказала птичка, – я Гнев тайги.

– Ты? Такая крохотная птичка – Гнев тайги?

– Я и доброта, и гнев, – прошёлкала белогрудка. «Откуда появилась красавица Ай-Мосьнэ» [4, с. 108].

При изображении природы, предметов, животных используется олицетворение:

Тогда маленький карасик выскочил вперёд и запищал отчаянно:

– Зачем теперь отдавать пятак? Не надо жадной щуке давать его. Пусть век живёт в бедном озере. Сама озеро бедным сделала. – Добрый человек! – промолвил зверь. – Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер! «Гнев тайги» [4, с. 107].

«Как травы между собой разговаривали». «Дочери Отортена» [4, с. 111].

«Но никто никогда не видел, как в блеске солнца, в его ярких лучах она (птица Таукси) поднимается обратно и рассказывает Торьму о всех грехах прошедшей ночи» «Третья песня Куксы» [4, с. 174].

«Ветер – буй весело проехал в туче на колеснице, потом надул щёки, стал дуть на неё с края». Песня четвёртая «Сон Вазы» [4, с. 176].

«Северным ветром застучала зима в двери чумов». Песня пятая «Ючо» [4, с. 179].

«Снежинки по поднебесью хороводы водят». «В царстве снеговой тундры» [4, с. 10].

«Ты оставь меня, Тарка-охотник, – вдруг сказал олень голо- сом человечим. – Отпусти на болото меня, дай набраться сил!» «Заколдованное слово» [4, с. 153].

Язык произведения заранее продуман, в известной мере строг и лёгок. Кроме книжного стиля, Маргарита Кузьминична обращается к элементам народной речи. Используя разговорную лексику, автор наделяет язык героев юмором, полётом фантазии, делая произведение по-настоящему народным. Разговорный стиль – один из влиятельнейших стилей русского литературного языка. Характерной особенностью сказов Маргариты Кузьминичны Анисимковой является употребление бытовой лексики. Она ярко характеризует особенности жизни коренного населения, помогает образно описать красоту и суровость северной природы, передать местный колорит. При описании действий придаёт выразительность, непринужденность и образность речи героям сказов: ягель, строганина, чум, нарта, гус, пайка, железный корень, парка, башлык малицы, лесистая боровинка, шибко, шаман, кедрачи, лабаз, бродень, урманы, нажировались, лопушник, лесные духи, сухарка, кладовушка, малица, савик, оленщики, пихтачи, халей, чувал, коренник-шатун, зимняя юрта, колданки, каюр, нодря, топоги, сахи, хорей, пауль, крошни, сангола, тотап, тамга.

Слова, образованные путём повтора одного слова и слова с однородным понятием:

- море – озеро [4, с.204];
- рыба – зверь
- гость – путник
- злодей – зверь
- ягодка – девочка [4, с. 14]
- руки – ноги [4, с. 22]
- морщины – трещины [4, с. 45]
- от земли – воды [4, с. 70]
- отца – матери [4, с. 71]
- пусто – мёртво [4, с. 112]
- храбрец – удалец [4, с.122]
- душа – воля [4, с. 126]
- огонь – камень [4, с. 132]
- Молебен – камень [4, с. 139]
- Птичка – кукушка [4, с. 163]

Разговорная речь выделяется среди функциональных стилей русского языка и противостоит книжному языку. Употребляя в произведении просторечные слова, автор усиливает экспрессию рассказа: И чего раздурилась погода? [4, с. 87]; От дурных глаз прятала [4, с. 17]; Дурной запах идёт [4, с. 28]; Неумеха ты, бестолоковый [4, с. 6]; Без забот живут только бездельники да Пурнэ-девка ленивая [4, с. 33]; Чего мелешь, непутёвая птица? [4, с. 40];

Не забыты автором традиционно фольклорные словосочетания: тихое озерцо, красно солнышко, травы высокие, тучи чёрные.

Фразеологические сочетания усиливают экспрессию речи: ни свет ни заря; видимо-невидимо; без конца и края; тут как тут; будь что будет; плачь не плачь; еле-еле; давным-давно; мало-помалу; ни жива ни мертва; крепко-накрепко, хочешь не хочешь.

Заемствованные слова из языков ханты и манси придают особый колорит сказам:

Ай-Мосьнэ – лесная фея; орха – водка; Мейк (Менка) – великан, людоед, которого сотворил Нуми-Торум из ствола лиственницы; ампа – собака; гус – музыкальный инструмент, под который манси обыкновенно поют свои песни, а также пляшут; вот пых ики – морозный ветер; зимняя юрта – у ханты и манси юрты бывают двух типов: зимние и летние; лузан – вид одежды, сшитой из войлока; лунги – духи; маа – земля; майт – аркан; матур – герой; мейк – (вернее: менка) – персонаж мифологии обских угров, великан – людоед, оборотень, злой дух, сотворённый Нуми-Торумом из стволов лиственниц; Мюсснэ (Мисснэ Ай-Масьнэ) – дева, дух, существо, подобное русалке; нодря – таёжный костёр, сложенный из брёвен; носатая баба – лесная женщина, похожая на бабу Ягу; Торым (Торм, Торум) – бог. Слово полисеманлично, так как означает: эпоху, небо, погоду, время. Мир, согласно мансийской религии, имеет семь ярусов, семь пределов. Бог, заведующий первым мировым пределом над землёй, и есть Торум Нуми-Торум – его сын, хозяин второго верхнего мира и т.д.

Характерной особенностью написания сказов является употребление слов с суффиксами субъективной оценки (уменьшительно-ласкательными): слезинки, складки – морщинки, и пошла в избушку, как брусничную ягодку, грибочек помять, птичку с гнезда спугнуть, стала веночки плести, так на бережок и пошла,

в лоскуточки заворачивает, в руке сосновую веточку зажечь, и стал поправлять ей пёрышки, будто весь в комочек свернулся, как клубочек катится, вдруг промелькнул солнышка луч, и вспыхнул огоньком рябиновый куст, забила она крылышком, проговорила птичка, каждый камушек, братец любименький, ножки у него кривые, глазки узенькие, увидела озерцо и лодочку в нём, Ати стала ей личико речной водою мыть, а бурундучок взял да и выскочил, на спине тёмные полосочки, маленький зверёк, кедровые орешки, низенькая, песенку напевает, полешки.

С увеличительными суффиксами «ищ»:

пожарище,
огнище,
ручищи,
глазищи,
чудище.

Глаголы однократного действия с суффиксом -ну: шагнуть, метнуть, плеснуть, всплеснуть, толкнуть, вздохнуть, стукнуть, заглянуть, облизнуть, зевнуть, скользнуть, кивнуть, перевернуть, крикнуть, выскользнуть, подмигнуть, подпрыгнуть.

Встречается много междометий: Ай-яй! О-о-о; ха-ха-ха; ой-ой-ой!; а-а-а-а-а; у-у-у; ох-ох; ай-я-я-я; эй! Глагольные междометия более экспрессивны, обозначают внезапное, стремительное, мгновенное действие: бух, трах, стук, бряк, щёлк, бульк.

К синтаксическим особенностям художественного стиля относится множество повторов:

– Буду, буду, – держась за ивовый прут, отвечал Лари, крепче сжимая его в руках. – Знаем, знаем, – ответила Ати. «О сыне-богатыре Элле Севесе» [4, с. 17].

Думал-думал, слушал-слушал разговоры сосновых братьев, и есть ему захотелось. – Бока болят, – простонал старший сосновый брат. – Руки-ноги болят. «Об утиных цыплятах» [4, с. 22].

Как живёт поживает Носатая баба? Бегала она, бегала, остановилась на перекрёстке дорог. Крутилась она, крутилась на одном месте. – Молодчина! – хвалил чёрный ворон. – Молодчина!

Не видел, чтобы кто-нибудь под наше карканье так плясал. «Как Носатая баба вороний праздник справляла» [4, с. 40].

Всё равно сживу Ай-Мосьнэ со свету! Сживу! Ненавижу Ай-Мосьнэ! Ненавижу – у-у-у! – и побежала от Носатой бабы. «Встреча Ай-Мосьнэ с лесной девкой Пурнэ» [4, с. 45].

Хочу на берег. Хочу к старухе! Хочу, чтобы она мне такого же жениха послала, как Ной Пох. – Чини, чини, – пробурчала Пурнэ и пошла спать. «Бабушкины подарки» [4, с. 48].

– К сонному ручью! К сонному ручью! – закричали все цветы незабудки. «Сонный ручей» [4, с. 117].

Предложения, начинающиеся с союза «А», придают своеобразию простой разговорной речи:

А старый чёрный ворон орёт Носатой бабе [5, с. 40]. А ты своё [4, с. 34]. А ты отдохни! [4, с. 34]. А птицы летят, курлычут, стрекочут, крыльями машут [4, с. 53]. А Прокопка с Никифором в то время улеглись на боровинке [4, с. 53]. А оленёнок встал на задние ноги. А зима пришла снежная да лютая [4, с. 87]. А свист снова летит по округе [4, с. 85]. А она летит, шею вытянула, крыльями воздух режет [4, с. 95].

Оживляет, окрашивая в живые тона текст сказов, диалог: К ночи починила шубу, подала бабушке, накормила её, напоила чаем. Приподнялась со шкуры бабушка и спросила Ай-Мосьнэ:

– Что дать тебе в награду?

– Ничего мне не надо, бабушка. Проси, что ещё тебе надо сделать.

– Ступай-ка ты, доченька, в лабаз.

– Там два лабаза, – ответила Ай-Мосьнэ. – Оба старые.

– Иди в тот, в какой ноги поведут. На полках лежат утиные крылышки: на одном новые, ты их не трогай, на другой старые, заплесневелые, – ты их и бери. «Бабушкины подарки» [4, с. 47].

Тасман ласково спросил: – Кто ты есть, добрая птичка? – Я пришёл к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал всё живое от людей? Зачем он так сердит на людей?

– Искать долго не надо, – сказала птичка, – я Гнев тайги.

– Ты? Такая крохотная птичка – Гнев тайги?

– Я и доброта, и гнев, – прощёлкала белогрудка. – Когда люди разоряют лесное царство – уходит доброта, прячется, остаются гнев и голод. Когда люди добры – плачу я им щедро: грибами, ягодами, шишками, лесными зверями и птицами.

В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему...» «Гнев тайги» [4, с. 109].

Неотъемлемой частью и особенностью диалогической речи, уточняющей мысль собеседника, являются неполные предложения: Её давно уже нет [4, с. 116]; К сонному ручью! [4, с. 117]; – Ну, ладно! [4, с. 130];

– Народу полно уж там [4, с. 133]; – Ай-яй, как хорошо! [4, с. 147]; – Окре домой надо! [4, с. 149]; – Какими судьбами? [4, с. 157]; – Да ведь кому как? [4, с. 157]; – Да этого у Ювана и в помине нет! [4, с. 157]; – Ладно, ладно! [4, с. 78]; – Ни одной избёнки вокруг! [4, с. 154].

Приобщаясь к завораживающему миру волшебных сказов, хочется, чтобы наши дети их прочитали, а затем их дети и их внуки. Ничто так не заряжает добротой и любовью, как чтение прекрасной книги, которая несёт и свет, и добро. Воспевая нашу северную природу, сказы Маргариты Анисимковой развивают воображение и чудным образом воздействуют на наши чувства, прививая любовь к Родине и родному краю. Сказы, ярко иллюстрированные художником Курачем Николаем Гавриловичем, дарят читателям истинное наслаждение.

Через легенды и сказы до нас дошла светлая память о далёком прошлом, овеянном легендами и мифами коренных народов Севера, получившая по истечении лет налёт волшебства и сказочности. Эту тайну не потеряла наша писательница, сохранив колорит народного эпоса, привнеся свою эрудицию, любовь к слову и безграничную преданность родному краю. Сказы несут в себе глубокие нравственные чувства. В них показана любовь к родителям, почитание старших, исполнение традиций, щедрость и благородство, а также ярко и образно показано бездушие и безразличие детей к наказам отцов, жадность и несправедливость, – обо всём этом говорится в сказках, которые являются богатейшим литературным наследием.

Сказ «Оленья шкура»: «Приподнялся Суеват на локтях, посмотрел каждому в глаза. Видит – лица у всех побелели, губы пересохли, а свет в глазах старших сыновей недобрый, так в них и пляшут огоньки нетерпения и жадности...» [4, с. 73].

В сказках даже вещи помогают герою, отзываясь на доброе сердце. Старая оленья шкура отвечает заботой Куземке за его

преданность и любовь к отцу. Живописно представлена писательницей связь природы с настроением Куземки после похорон отца: «Поднялась с нарты старая оленья шкура, покружила у него над головой и расстелилась на снегу перед ногами Куземки. Только успел Куземка встать на неё, она обняла ему плечи, прикрыла ноги. Вроде и дырявая была шкура, а как подлетела – ворс поднялся, густым стал, мягким. И такое тепло от неё пошло, будто материнские руки Куземку погладили. Так и не заметил Куземка пурги, не тряс его озноб; не щипал его за щёки и нос мороз, не летел снег за шиворот. Отогрела его старая оленья шкура» [4, с. 74].

Сказ «Гнев тайги» образно предостерегает нас от безразличия и равнодушия к родной природе, заставляя задуматься над судьбой зелёного мира, в котором мы живём. Сказ «Дочери Отортена» несёт заряд нежности и тепла, внушая любовь к родным местам, любовь к природе, которая удивляет и наполняет сердца своей неповторимой красотой, оставаясь хрупкой и незащитной. Читая сказ «Сосновая веточка», удивляешься колориту национальной одежды: «Вошла девушка в отцовский чум тихо, с поклоном. На ней – белая малица, расшитая хитрыми узорами по рукавам и подолу. На голове платок кашемировый с яркими цветами и кистями. На ногах кисы лёгкие, в косах украшения из колец, тонких цепочек, монет золотых и серебряных. От лёгкого поворота головы вздрагивают косы, звенят украшения, позвякивают» [4, с. 59].

С уважением относишься к законам суровой жизни таёжников. «Бывало, только выпадет снег, наденет охотник свои лыжи, возьмёт с собой собаку, да и уйдёт на целую зиму в тайгу. Сколько им исхожено, сколько изброжено – кто знает, кто сосчитает? А в тайге законы свои, и правила. Ходят охотники по лесу, промысляют зверя. Где достанет ночь, там и ночуют». «Храбрый Бахтияр» [4, с. 138].

Унося читателя в туманные урманы, поднимая вдохновение и даря красоту таёжного мира, не перестаёт удивлять и радовать изумительная книга мансийского эпоса в обработке М.К. Анисимковой.

«Золотая пора – уральская осень! Благодать вокруг, простор. Воздух свежий и чистый. В нарядном красном сарафане рябина, тяжёлыми чёрными гроздьями увешана черёмуха. А вокруг целое море багрово-красной брусники, пере-

зревшей черники и, словно наливной, костяники». «Про рябчика» [4, с. 123].

«И опять осень сменялась на зиму, а зиму сменяла весна. Уже в который раз на упругих крыльях летели на землю Маа стаи крикливых журавлей. Но проходило лето, и слезливо, как старуха у чувала, подбиралась осень. Увядали травы, облетали листья с лесных нарядов. Однажды, в месяц падающих листьев...» «Песня семнадцатая. Возвращение». [4, с. 216].

Прочитав уникальные сказы – жемчужины, ещё долго остаёшься в мире преданий и убеждаешься, как ярко автор использует выразительные средства языка, наверное, все оттого, что идут они от души, от любви к народу, к земле, к родному Отечеству.

Литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка – М.: Рус. яз., 1981
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: 1980
3. Гёте И. В. – <https://ekovestnik.wordpress.com/citaty-o-prirode/>. Интернет-ресурсы.
4. Анисимкова М. Сказы /По мотивам сказок, легенд, мифов народов Обского Севера и Приполярного Урала. Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры» 2012
5. Паустовский К. Г. «Золотая роза.» Повесть. М.: 1955. Интернет-ресурсы.

Олег Яненагорский (Ширманов Игорь Александрович) родился 11 сентября 1959 года. Окончил Свердловский юридический институт в 1981 г. Публиковался в журналах, альманахах, литературных сборниках Сибири и Урала. Автор нескольких книг прозы.

Член Союза писателей России с 2013 года. Ответственный секретарь Ханты-Мансийской общественной организации Союза писателей России. Живет в Ханты-Мансийске.

ОЛЕГ
ЯНЕНАГОРСКИЙ
(ИГОРЬ
ШИРМАНОВ)

ОЛЕГ ЯНЕНАГОРСКИЙ / КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Рассказы о художниках и писателях

Часть I. Несчастье алого пятна

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Неожиданно для себя плачущим застал я нашего молодого художника, едва перешагнув порог его мастерской под самой крышей заводского клуба. Разбросанные обрезки бумаги, флаконы с тушью, незаконченная афиша нового фильма, фотографии молодых кинозвезд, приколотые кнопками на большом куске фанеры, пепельница, полная окурков и вскрытая консервная банка с надписью «Килька в томате» – являли привычную картину творческой личности. Из окна были хорошо видны два огромных слова «СЛАВА КПСС», закрепленные на крыше главного корпуса.

– Ты чего-то это разнюнился? – грубовато спросил я, одновременно пытаюсь унюхать запах алкоголя.

– У меня украли акварель...

– Когда?

– Сегодня на выставке.

Тут я вспомнил, что в нашем клубе была организована выставка художников-любителей, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

– Жаль, конечно, ну да ладно, не переживай, еще нарисуеть, – довольно неуклюже я попытался успокоить хозяина мастерской, но утешение получилось не очень-то искренним.

По правде говоря, мне самому не очень-то и нравились его акварельные работы... мещанство так и выпирало из них... Рисунки карандашом и пером, на мой, пусть и не профессиональный взгляд, у него получались гораздо лучше.

– Ты не понял... у меня украли... акварель!

– Да понял я, понял! ...Ну и что теперь?... Понимаешь, поскольку укравшего не найти, то не рвать же волосы на голове и посыпать ее пеплом! – я посмотрел ему в лицо. Глаза его, залитые чистородниковыми слезами, опухшие от недосыпа и часто употребляемого алкоголя, лучились каким-то светом.

– Ты не понял... у меня акварель украли ... значит, мои работы кому-то не только нравятся, но и нужны...

СТЕКЛЯННЫЙ ШАР

Поиск Истины не бывает коротким и легким. Иногда он продолжается тысячелетиями. Но об этом я не думал, осматривая картины в мастерской старого художника. Я просто бродил вдоль стен и в одном углу, в шкафу, на темной деревянной подставке увидел нечто странное. В тяжелом шаре из толстого зеленого стекла лежала монета. Пытаясь понять, как ее туда поместили, я взял шар и повертел его в руках, чтобы найти отверстие или хотя бы шов. Но поверхность была абсолютно ровной, и как монета оказалась внутри, было совершенно неясно.

– Да... вот что может делать современная техника, даже на внутренней поверхности прорезь зашлифовали, – проговорил я, заметив взгляд хозяина мастерской.

– Шар очень старый... думаю, что ему несколько столетий, – сказал художник, – а затем, немного помолчав, добавил: но главное здесь не шар, а монета.

Небольшой стертый диск монеты серебристого цвета слегка проглядывал сквозь слой зеленого стекла. Я повернул шар несколько раз, но ничего не смог разобрать: ни рисунка, ни надписей.

– Чем же интересна монета? – более для приличия, чем из интереса, спросил я.

– Пожалуйста, поставьте шар на полку, – попросил художник, – иначе боюсь, что Вы его выроните из рук.

Хмыкнув про себя что-то о сомнениях в крепости моих рук, я все же молча положил шар на полку шкафа. А вслух ничего не сказал, ибо старого художника уважал, как и каждого настоящего творца.

– Это один из тех сребреников, который по легенде... за предательство Христа получил Иуда ...

– Что?!

Да, хорошо, что он меня предупредил – после этих слов я мог и выронить шар. Видно, что так уже бывало, и художник знал об эффекте, производимом его словами.

– Эту легенду я услышал от прежнего владельца – художника, а он – от другого, и так продолжается уже много веков. Как-то в молодости я продал этому художнику свою лучшую картину, но деньги за нее, – собственно, не столь уж и большие! – он не отдавал очень долго. Тогда мне всё это было очень удивительно: и то, что старый художник покупает картину у молодого, и то, что долго денег не платит и картину не возвращает. Тогда я был рад получить «хоть шерсти клочок с паршивой овцы»... Нет-нет, не думайте обо мне плохо – того старика я по-своему даже любил, он ко мне хорошо относился, как к сыну или внуку... а про «паршивую овцу» – это так... «для красного словца». Мне нравились его вещи, далекие от социалистического реализма, созданные то ли воображением, то ли прозрением большого мастера. Сегодня я могу сказать, что от них веяло чем-то древним или, наоборот, – далеким будущим. Завороженный взгляд погружался в прозрачную бесконечность многопланового пейзажа, уходил от знакомого нам физического мира куда-то дальше... в мир космический или... или, может быть, еще глубже. Что-то похожее и одновременно не похожее на картины Рериха и Смирнова-Русецкого. К слову, прежний обладатель шара получил его где-то в Петербурге на рубеже революций и тоже от художника.

В конце концов, деньги свои я получил, а в придачу – шар с монетой и уже много лет он кочует со мной из мастерской в мастерскую. Теперь я думаю, что старый художник меня просто изучал и хотел посмотреть, как я себя поведу, не получая денег за свою работу... А шар мне был передан как эстафета...

Старик же и рассказал легенду шара. Она гласит, что люди должны собрать все тридцать серебряников и заключить их в стеклянные шары. И когда это произойдет, станет известна Истина о трагедии, произошедшей в древнем городе более двух тысяч лет назад. И люди узнают правду, о том, «кто кем был, кто кем стал, и кто кем будет»...

Художник замолчал, но я не сразу это заметил. Нет, я сам человек неверующий, и даже Библию не читал, хотя сын справедливо упрекает меня в этом, утверждая, что образованный человек просто обязан ее прочесть. Полностью с ним согласен: надо хотя бы прочитать одну из величайших книг человечества.

Однако этого я до сих пор не сделал. Тем не менее, общую картину голгофской трагедии, конечно, знал по литературным произведениям и кинофильмам. И вот... минуту назад я держал в руках сосуд с серебряником... Может, действительно с одной из тех самых монет... Наконец, сглотив комок в горле, я спросил:

– Вы про Иуду?

– Не только. Иуда лишь один – самый известный – апостол. Его имя все знают. Но спросите неверующего, да и многих верующих, как звали остальных апостолов? Многие назовут только несколько имен, и только образованные верующие, да теологи знают всех их по именам.... Знают по именам, но не по деяниям! Если пророчество сбудется, и все серебряники будут собраны в одном месте в пирамиде из стеклянных шаров, то мир узнает неразрывную правду об именах и деяниях. В том числе – правду об Иуде из Кариота.

– Сколько же шаров, то есть, монет, уже собрано?

– Не знаю. Сколько я не пытался что-то выяснить о таких же шарах или монетах, почти ничего мне неизвестно. В одном, – специалисты заверили меня, – три года назад – эта монета, действительно похожая на те сребреники, какие были в ходу в Иудее две тысячи лет назад.

– И что же... нельзя достать монету и внимательно ее исследовать? Насколько мне известно, современными методами можно практически точно установить настоящая она или фальшивка... в смысле, новодел... Радиуглеводный метод или там спектральный анализ...

– Я не все сказал. Легенда гласит, что монета никому не причинит вреда, пока она заключена в шар. Но если вынуть ее из хранилища до срока... до того, как будут все тридцать монет собраны в одном месте, горе ждет каждого, кто коснется сребреника... Я суеверен, и не хочу дразнить судьбу или будить старое проклятие...

– Но если Вы боитесь, то, может, просто избавиться от шара – продать, подарить, обменять... наконец, можно уничтожить его...

– Монета не только полностью безвредна пока находится в шаре, но даже приносит творческие удачи тому, у кого хранится. А уничтожить – рука не подымается... Не хочу я быть тем,

кто может помешать выявлению Истины в старом споре о Богочеловеке или о сыне человеческого... Вы думаете, легко взять на себя смелость уничтожить своими руками такой шанс? До меня никто не решился на это... и я не буду. Этот артефакт... своего рода культурная ценность и не художнику уничтожать культуру в любом ее проявлении.

– Где же сделан шар? И почему именно шар?

– Не знаю. В легенде об этом говорится по-разному. Может это, было сделано в одной из гностических сект в первые века христианской эры. Может быть, муранские стеклодувы выдули этот шар, а может какой-то средневековый алхимик в своей мастерской, прочитав заклятие, поместил монету в шар. Не знаю... Про шар говорил я с одним знакомым философом. Он считает, что монета не случайно заключена именно в подобную оболочку. Не в куб, не в призму, а именно в шар... Дело в том, что шар – это древнейший символ, и для древнего сознания – совершенная форма, обозначающая божественность, постоянство, неизменность Космоса. Шар – это предельность Единого, охраняющего Космос от вторжения Хаоса... Шар нужен для того, чтобы нейтрализовать потенциальную Бесконечность непостижимого содержания, которое несет в себе тайна монеты.

– То есть, получается, что один символ ограничивает и влияет на другой?

– Наверное, да...

– А...

– Вы хотели спросить, что будет после моей смерти?

– Ну... не совсем это... ну, в общем...

– По преданию, перед смертью владельца, или лучше, наверное, сказать, держателя... или хранителя шара, он будет передан новому владельцу. Именно передан, а не продан... или будет обменен на другой символ...

Ночью мне снилась пирамида из разноцветных стеклянных шаров, притягивающая взгляды тысяч людей. Пирамида... еще один древний символ...

РИСУНОК НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

Эта книга была куплена в небольшом зауральском поселке у вдовы латышского стрелка. Старушка хранила оставшуюся от мужа библиотеку в довольно сыром подполе ветхого домика. Я и сам не знаю, чем же именно привлекла мое внимание большая книга в толстом самодельном переплете, отпечатанная, вероятно, в начале XX века. Дома, осматривая ее, я неожиданно обнаружил, что на задней обложке, под форзацем что-то есть. «Ну, любопытство не порок...», – промелькнула мысль. Старым скальпелем я осторожно отделил форзац от обложки и достал лист картона размером 18 на 24 см. Я буду называть эту работу рисунком... мне так привычнее...

На темно-зеленом фоне, переходящем в черный мрак, масляными красками была изображена горящая свеча. Но чем больше я всматривался в рисунок, тем больше свеча напоминала чуть повернутую фигуру человека в белом одеянии с ярким оранжево-красным нимбом над головой. Наплывы воска образовывали подобие рук, тесно прижатых к телу. Нижний конец свечи казался сомкнутыми ногами со слегка раздвинутыми ступнями. Фитиль, как тонкая шея, выступал из оплавленного верхнего края, напоминающего воротник. Пламя свечи было подобно вздыбленным рыжим волосам. В темном пятне вокруг фитиля, которое было обрамлено желто-оранжевым цветом, при сильном воображении можно было угадать черты лица.

Включив настольную лампу, и низко склонившись над рисунком, я тогда первый раз тщательнейшим образом рассмотрел и свечу, и фитиль, и пламя. Свеча – и только свеча... Мазки белой и желтой красок, чуть оттененные черным цветом, на редкость правдоподобно передавали структуру размягченного воска. На копии это, может быть, плохо заметно, зато в оригинале – совершенно очевидно! Только взгляд издалека почему-то рождает другие впечатления, которые было трудно выразить словами. Конусообразный нимб ярким свечением тревожил душу. Апостол? Воплощение Света Истины, разрывающее мрак невежества? Свеча как символ Жизни... или это символ Смерти? Как там сказано, в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его?»

В рисунке было что-то отдаленно напоминающее картины Чюрлёниса... Или это неизвестная работа Рериха? А может быть ее автор из круга «Амаравеллы»? Работа явно символическая, но когда и где она была выполнена? А главное – кем?

Книга, в которой был найден рисунок, не давала ответы на эти вопросы. Ведь он мог быть спрятан под обложку самодельного переплета кем угодно и когда угодно! Не понятно даже для чего это было сделано? Еще одна культурологическая или искусствоведческая тайна, разгадать которую никогда не удастся? Свеча, как символ, использовалась в живописи и рисунках, да и в литературе, множество раз. Круг предполагаемых авторов практически не обозрим...

Люди, которых я считал специалистами, осмотрев рисунок, недоуменно пожимали плечами... и высказывали самые разнообразные мнения. Но никто не называл школу или круг художников, время или страну, где он мог быть выполнен. Кто-то находил здесь смысловой и символический ряды: свеча – свет истины, обжигающее пламя – опасность или смерть... Другие уверяли, что это только эскиз, и поэтому смысловое пространство картины не сформировано, и, следовательно, не представляется возможным вести речь о законченности. Третьи что-то бормотали о существовании двух тем и вытекающей отсюда авторской тенденции ухода от реального образа к абстрактному...

Впрочем, некоторые тут же предлагали продать работу за хорошие деньги. Именно это меня больше всего настораживало и одновременно раззадоривало в попытке найти ключ к разгадке авторства. Если сразу предлагают деньги, даже не сделав попытки провести искусствоведческую экспертизу, значит, работа представляет художественную ценность. Это было настолько ясно, что все просители получали моментальный отказ. Кроме того, рисунок мне нравился все больше и больше: после взглядывания в пламя свечи у меня всегда улучшалось настроение, приходили в голову свежие идеи, которые в свою очередь рождали просто замечательные мысли. Я вставил свою находку в небольшую коричневую рамку, поставил на книжную полку и время от времени внимательно рассматривал детали рисунка. И вот однажды, при косом освещении, в пра-

вом нижнем углу я едва различил буквы «Б» и «Г», вписанные друг в друга. Это мое открытие, несомненно, должно было положительно сказаться на установлении авторства. Именно после него я отважился при первом удобном случае опубликовать фотографию рисунка в окончательной надежде, что кто-нибудь из читателей уж точно укажет мне путь к разгадке.

В одной из редакций профессиональный искусствовед долго и молчаливо вглядывался в рисунок. Не выдержав затянувшейся паузы, я, с нескрываемым любопытством и горячностью, поинтересовался:

- И что же Вы думаете?
- Он стоит у входа в какой-то иной мир...
- Он? Да кто Он? В какой мир?
- Проводник... или Ведущий...
- Ведущий... куда?

– Я не знаю... Может быть в мир нашего подсознания... а может быть... в мир не нашего Сознания... или во внутренний мир Высшего плана... Я не знаю, я только чувствую... Там во мраке есть какие-то знаки.... символы, на рисунке их не видно, но они есть... и в них, может быть, сокрыта Истина.

- Почему сокрыта?

Помолчав немного, искусствовед тихо просил:

– А Вы уверены, что человек может вынести свет Истины? Подумайте, например, выдержит ли разум человека, если он узнает всю правду о себе?

Я постарался всмотреться во «мрак» на заднем плане рисунка, а затем, нарочито грубовато, протянул:

– Ну, ерунду вы какую-то несете... Миры, проводники, передатчики, планы, схемы, чертежи, явки, пароли, адреса... Как говорил Аркадий Райкин: «Не надо индукции, давайте продукцию». Не можете ничего сказать, нечего туман напускать. А то «знаки-символы неизвестные», скоро плюнуть будет некуда, что бы в какой-нибудь символ не попасть...

Тирада моя на собеседника произвела нужное впечатление. С плохо скрываемым сожалением, он взглянул на меня, как на молодого недоумка. «Ничего, ничего – я могу и дураком прикинуться, дорогой искусствовед, – молчаливо произнес я, – от меня не убудет, если разок тень на плетень наведу.

Но почему же... пока я слушал тебя... вдруг вспомнился разгром кружков московских тамплиеров, учиненный НКВД в начале 30-х годов XX века? Почему?»

– Может быть, оставите рисунок на несколько дней? Я бы его еще поизучал, – без всякой надежды на мое согласие робко произнес ученый муж.

– Ну, уж нет, – не выходя из роли хамоватого недоумка, ответил я, – не дурнее паровоза, сами разберемся, хоть и «академиев не кончали»...

– Ну, дайте хотя бы копию с рисунка снять...

– Перебьетесь без копии как с копией... Все, давайте рисунок, я пошел. «Не желайте мне побед, покажите мне буфет»... И вот моя визитка, как говорится, «на всякий пожарный случай»...

Выходя из редакции, я снова спрашивал себя: «Почему вспомнились московские тамплиеры? Почему?» Понятно, что вопрос родился не на пустом месте. Фрейда и Юнга я не только в институте читал и своему подсознанию привык доверять...

На следующий день мой цифровой автоответчик воспроизвел неясное послание редакционного искусствоведа. Если отбросить формулы вежливости и информацию о том, что кто-то где-то когда-то видел подобный рисунок свечи с неким письменным предсказанием, то в осадок выпадала всего единственная цитата, приведенная ученым мужем: «Пред концом света страдания человечества будут облегчены, ложь и тьма, проникшие в науки, искусства, религии и правительства, будут повержены, и установится единый стандарт, чтобы все могли радоваться плодам истины». За смысловую точность воспроизведения прозвучавшей фразы я абсолютно ручаюсь, а подтверждающий данное содержание голосовой файл до сих пор храню в компьютерном архиве.

Через несколько дней рисунок вновь озадачил сюрпризом. Я принес его на работу, чтобы сделать сканирование и распечатать снимок на хорошем цветном принтере. В этот день ко мне зашел знакомый шизофреник с предложением инвестировать мои деньги в его очередной бизнес-план и обещанием через несколько лет 50% дохода. Знаю, что грешно смеяться над больными людьми, поэтому сразу скажу: диагноз его был установлен давно и сомнения не вызывал.

Увидев рисунок свечи, мой посетитель начал истово креститься, а потом, заикаясь, спросил:

– К-как т-ты можешь ЭТО держа-ать н-на своем столе? – спросил он, не отрывая взгляда от рисунка.

Я опять «включил дурака»:

– Ты об Уголовном кодексе Российской Федерации или об этой прелестной фигурке обнаженной танцовщицы, – уточнил я, все прекрасно понимая.

– Я.. ЭТО... ЭТО... Я п-потом з-зайду, когда т-ты ЭТО у-уберешь из к-кабинета... и святой водой, с-святой водой побрыз-згать не з-забудь, – уже на пороге приговаривал он...

Окончательно все запутал рассказ моего старого друга – начальника одной из самых значительных по контингенту исправительно-трудовых колоний. Неделю назад я пригласил полковника попить водочки под жареное мясо, расслабиться, поговорить «за жизнь».... И «хорошо сидели», пока мой жизнерадостный полковник не увидел рисунок.

– Интересная у тебя картинка... где взяла? – безразличным тоном спросил он.

Может кого-то и мог обмануть этот тон, но только не меня – я теперешнего полковника знал еще с голой задницей в детско-му саду, а потом и в школе вместе учились...

– Ты, господин полковник, на своем контингенте «форму поддерживай», психолог хренов, там и демонстрируй равнодушные в разговорах. Задела картинка за живое, а? Колись, я тебе потом впечатления других расскажу. Тут у меня были недавно две занятные встречи... Или видел где подобную картинку? В музее, в альбоме? Ну-ка колись, а пока давай еще по одной, за это дело выпьем...

– Такую не видел, – полковник, не закусывая, махнул рюмку и, немного подумав, продолжил: похожую да. Только не в альбоме, а на груди... трупа.

– О, бля..., – невольно вырвалось у меня, – на трупе... Ну-ка, ну-ка, поподробнее, пожалуйста, господин полковник.

Друг мой помолчал, как бы прикидывая, есть ли смысл продолжать разговор, и, наконец, принял однозначное решение в мою пользу.

– Ты, надеюсь, не забыл, что службу я начинал в лагерях на Севере. Через три дня после первого назначения на должность опера, в мое дежурство было совершено убийство, да не простое. Старого зэка распяли на стене трансформаторной будки, и он умер от потери крови. Первое, что мне бросилось в глаза – его рот был зашит суровыми нитками. А на груди у него, у сердца, была наколота такая вот свечка... только без пламени... Я потом в спецчасти поднял его дело – питерский был мужик, долго сидел, чуть ли не с сороковых годов... Древние языки знал, стихи какие-то заумные сочинял. В кармане его телогрейки позднее нашли пустую пачку из-под папирос «Беломорканал», а на ней угольком было написано что-то вроде:

Горит свеча...

И в полдень магов...

Закован голубой арлег...

– А кто убил? Не узнали? Осудили?

– Да брось ты... на зоне все всё знают. И мы скоро узнали, суда, правда, не было... Вот что занятно: как-то быстро умерли все, кто был замешан в этом деле...

– Их, что тоже убили? Мечь?

– Да нет... умерли все сами... Повторяю – как-то очень быстро все «ушли в мир иной». У одного туберкулез неожиданно обострился... Другой на глазах у всей бригады ногу топором случайно поранил, пока «в больничку» везли он и «зажмурился» ... третий простудился и за два дня от воспаления легких загнулся... Четвертый... Ну, одним словом, знаешь ведь блатную поговорку: «Бог не фраер, долго ждет, да больно бьет»... Короче, случаи это были «из другой серии», к которым убийства на зоне не относятся... На нарах потом долго шептались, что, мол, распятый перед смертью успел проклятие наложить на убийц...

Полковник помолчал с минуту, а потом неожиданно продолжил:

– Ты бы картинку-то сжег...

– Да ты что, мне за нее, наоборот, «кучу зелени» предлагают...

– Ну вот и хорошо – срочно поменяй картинку на зеленые портреты чужих президентов... лучше Франклина. –

– Господин полковник, попрошу не отвлекаться, продолжайте свой рассказ об убийстве пожилого заключенного.

– А нечего больше рассказывать. Меня скоро перевели в другой лагерь, оперативная обстановка там была тяжелая и все прежнее быстро забылось, пока вот твою картинку не увидел... и не вспомнил.

Больше мне ничего не удалось вытащить из друга, хотя я влил в него еще чуть ли не литр высококачественного напитка. Полковник водку пить не отказывался, на рисунок не смотрел, но мрачнел все больше и больше... Я же интуитивно улавливал какие-то нестыковки в его рассказе... Чтобы лагерный опер забыл про первое убийство в зоне? Как же, поверю другу на слово... сколько годиков прошло, а заумь стихотворную про полдень магов сразу процитировал... Да и подробности про скоростную смерть тех подельничков тоже в памяти сохранил... Нехорошо, господин полковник, старых друзей обманывать. Хотя и правду он мне не обещал рассказывать...

Вот, пожалуй, и все, что мне на сегодняшний день известно о моем нечаянном приобретении.

Сюжет рисунка темен, автор неизвестен, ответов на вопросы нет... И не ясно, получу ли когда-нибудь их, эти ответы... Уже перед самым завершением моих заметок отыскал я библейскую фразу: «...зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме, – говорит Господь».

КИСТЬ МОЕЙ РУКИ

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

Анна Ахматова

Меня всегда интересовало восприятие разными художниками одного и того же пейзажа, живой модели или предмета. А если еще точнее сказать, то интересно было, как это восприятие преобразуется в само изображение? Вот смотрит группа на композицию из нескольких предметов или на обнаженную натурщицу... и каждый рисует или пишет по-своему! Есть у меня портрет, написанный китайцем... как-то в Дальяне

на набережной позировал уличному художнику... На нем я на русского совсем не похож!...

Впрочем, даже фотографии, сделанные в одно время с одной точки съемки, но разными людьми, могут очень существенно отличаться друг от друга. Хотя, как говорится, «в принципе» и «по идее» фотокамеры должны фиксировать все одинаково...

С этим же был связан и мой интерес к живописным портретам, выполненным по фотографиям человека. Смотрит художник на фотоснимки, что-то происходит в его сознании (или в подсознании?) и кладет он на холст мазок за мазком... В случае удачи проявляется в портрете сущность человека...

К слову сказать, вспомнил давнюю историю... Прошло уже несколько лет с момента избрания Папой Римским Иоанна Павла II. Курганские католики решили заказать портрет понтифика известному российскому художнику Герману Травникову. Конечно, для создания портрета он пользовался фотографиями наместника Бога на Земле...

В старую мастерскую Травникова, которая тогда находилась в доме № 20 по улице Комсомольской, я зашел в середине дня. Сквозь огромные окна солнечный свет просто переполнял мастерскую, преображая ее в храм искусства. Герман писал портрет Папы...

– Здравствуй-здравствуй... присаживайся вот сюда... какие новости? – сказал художник, не отрываясь от работы.

Я присел в старое кресло и начал рассказывать о делах и заботах местного отделения Советского фонда культуры.

– Сиди и не шевелись, – вдруг сказал Травников.

Я замер.

– Поверни вот так правую руку, – попросил художник и одновременно показал, как надо это сделать.

С недоумением взглянул я на него и послушно выполнил указание.

– С твоей руки напишу кисть Папы Римского, а то у меня не с руки как-то получается, – пояснил Травников, – посиди вот так еще немного...

И вспомнились мне бессмертные слова великого поэта о «растущих» стихах из сора... И чьи же тогда лица и руки мы видим на старых портретах великих мастеров?!...

P.S. Где находится портрет Папы Римского Иоанна Павла II с изображением кисти моей правой руки, пока неизвестно... А было бы весьма любопытно снова взглянуть на ту картину... и на часть своего молодого тела...

ТОРС ЮНОЙ ДЕВСТВЕННОИЦЫ

Не раз слышал я туманные рассуждения о претворении благих замыслов в духовные ценности, или, другими словами, в произведения искусств... О красоте... о том, что «в этом что-то есть», о вечности, застывшей «во мгновении» благодаря неземному вдохновению,... о подчинении материала художнику, окрыленному идеями свыше...

Вот и вчера, после хорошего ужина и великолепных напитков (каждому по вкусу) в уютной гостиной богатого дома, «бунтующие художники» вновь глаголили все о «непонимании» обывателями их творений... О косности восприятия и скупой рациональности «сильных и богатых мира сего», не желающих платить «нормальные деньги» за их «нетленку»...

Гостеприимный хозяин, владелец небольшой, но хорошо подобранной коллекции графики и живописи, всем радушно улыбался, кивал, соглашаясь со сказанным, и угощал коллекционным армянским коньяком, не поступающим в розничную продажу...

Я слушал журчащие речи, изредка прерываемые нетерпящим возражений тоном самого хозяина – стареющего художника, и вспоминал давнюю историю «о лучшем воплощении художественного замысла»...

...Однажды меценатом «районного масштаба» в узком кругу местных художников был объявлен конкурс на лучшее изображение торса юной девственницы. Выбор материала и формы являлся привилегией авторов... А затем уже во плоти, так сказать, каждый мог свой шедевр продемонстрировать публике...

...О, Господи, каких только «всплесков творчества» и «дерзких замыслов» не было на той выставке... Один отрубил сучья у старого пня и покрасил его зеленой краской... Другой,

– поставил вертикально длинный мраморный брусок с этикеткой «Будущее формируется сейчас». Третий, – приладил кусок глины, изображавший голову, на горлышко темно-коричневой бутылки из-под пива... Четвертый... Э, да что там говорить... Не в перечислении дело... И, заметьте, каждый, наверное, искренне считал, что он создал нечто настолько выдающееся, что останется в памяти потомков навечно...

А сам вдохновитель местных шедевров, неторопливо обходя выставку, каждому представленному экспонату уделил внимание, задумчиво кивал, наклонял голову и прищурился, чтобы лучше рассмотреть – и даже время от времени отходил в сторону – явно для того, чтобы полюбоваться издалека... Потом всех участников выставки пригласил в ресторан, дабы в приятной и радушной обстановке отметить ее завершение... К слову сказать, у него дома на стенах было несколько прекрасных акварелей в стиле «ню», и две из них, – в круглых рамках диаметром около тридцати сантиметров, мне особенно нравились... Многим из нас было понятно, что ничего из представленного на конкурс, он покупать не будет... Денег некоторым может и даст... Но не за творчество, а так... для «поддержки штанов»... Мужик-то он был вовсе не жадный...

...В ресторане, когда наступил момент распада общей компании на более мелкие, но шумные и бессвязанно говорливые, мне для привлечения общего внимания пришлось даже громко звякнуть вилкой по пустому графину, чтобы предложить тост за процветание всех присутствующих.

А уж после этого, дождавшись, когда все выпьют, но еще не успеют закусить, я, как можно громче, заявил, что завтра утром, во дворе нашего многоквартирного дома, выставят символическое изображение женского торса, созданное из подручных материалов, которое просуществует три месяца, если раньше... местные варвары, не понимающие великого и облагораживающего воздействия настоящего искусства на массы, не уничтожат его...

Кто-то захохотал, в мой адрес посыпались шутки на тему «Художник от слова худо», а долговязый график по кличке «Ермолай» заорал: «Старик, а фотоаппараты брать?»..

...Слово свое я сдержал – утром возле нашего подъезда, недалеко от детской пластмассовой горки, сделанной в виде

зеленого слоника, всех собравшихся ожидала снежная баба... Верхнее шарообразное изваяние в диаметре было чуть меньше нижнего, и это, на мой взгляд, вполне гармонично являло собой необходимую пропорцию для увековечивания торса юной девственницы...

ПОДПИСЬ – ЭТО ПРОСТО СОВРАТИТЕЛЬНИЦА... *Письмо русского путешественника*

Друзья мои милые!

Минуло мне вчерашним днем двадцать лет! В шесть часов вечера вышел я на берег реки Сены и долго глядел на сию реку, думая о жизни людской. Никогда еще не чувствовал я столь живо, что течение реки есть образ нашего жизненного течения! Ах, где ты, где ты, весна жизни моей?

День этот хотел бы я провести с вами, милые друзья, но не суждено сему было случиться. В мыслях вспоминал вас и радовался счастью вашему.

Обедал я вчерашним днем в одном маленьком трактире на Montmartre. Есть такая возвышенность на берегах Сены, что в окрестностях города Парижа. Название сие на русский язык буквально переводится как Гора Мучеников, но до сих пор точно не известно от чего произошло сие название. Здешние литераторы уверяли меня, что оно от имени грозного римского бога войны Марса (Mons Martis, Марсов холм). Однако барон Д., личность весьма образованная, заверял меня, что названа сия возвышенность в честь святого мученика Дионисия Парижского (Mons Martyrium, холм святого мученика).

В трактире познакомился я со старым художником Мишелем, полагаю, что лет ему более сорока. По словам любезного трактирщика, личность весьма прелюбопытнейшая – беден, как философ, и беззаботен, как артист. Днем Мишель торгует в своей лавочке всякой всячиной, а вечерами, закрыв торговлю, берет ящик с красками, идет на одну из здешних возвышенностей и пишет картины. После захода солнца, он возвращается

домой, всегда по пути останавливаясь в трактире, чтобы выпить кружку вина. А вино, друзья мои, здесь прехотличнейшее.

Обратил я сначала внимание свое, глядя, как вытряхивает он табак, и сколь бережно разглаживает маленькие листки голубой бумаги, в которую здешние лавочники табак заворачивают.

Мы разговорились с Мишелем, и взгляды сего парижанина показались мне весьма любопытными. Но сначала написать вам хочу о бумаге той, бережно разглаживаемой.

Мишель каждый день покупает табак, а обертку, разгладив руками, складывает в свой альбом. По словам его, этот сорт бумаги на рисунке хорошо впитывает уголь, а самим рисункам придает бархатистость. Некоторые рисунки свои Мишель мне показал.

Не будучи знатоком искусств изящных, должен, прежде всего, сказать, что напоминают они мне виденные в прошлом году у Его Сиятельства фламандские работы. Надобно особо отметить, что мельницы Монмартра, коих здесь довольно множество, на рисунках Мишеля совершенно явственно движутся, как и тучи, сквозь которые лучи Солнца пробиваются.

Однако более всего удивило меня нежелание Мишеля подписывать свои работы. Поневоле вспомнил я наших петербургских и московских живописцев. На расспросы мои о нежелании таковом ответил мне Мишель такими словами:

– Месье, подписи на своих картинах я не ставлю потому, что по глубокому моему разумению, живопись должна говорить сама за себя, а подпись – это просто совратительница, которая старается обмануть или соблазнить Вас. И нужно поступать так, как предки наши поступали, которые не подписывали картин и рисунков, а подпись их была в таланте.

Позднее любезный трактирщик подтвердил мне, что Мишель действительно не подписывает своих картин, а когда однажды приятель его стал настаивать, то осердясь, Мишель ответил ему:

«Делай что хочешь, что до меня, то не отступаю я от правил своих...»

Милые друзья, мне надобно было перед выездом моим в Дрезден проститься со всеми моими парижскими знакомыми, поэтому после обеда, покинул я трактир, унося в памя-

ти и облик художника Мишеля, и вкус вина, и любезность трактирщика.

Здесь расстаюсь с Парижем с превеликим неудовольствием. Простите, милые друзья! Пакет свой отправляю я на почту.

Ах, кабы вы с таким удовольствием читали мои письма, с каким я пишу их вам, милые друзья!

МОЯ КОЛЛЕКЦИОННАЯ ГОРДОСТЬ

Обнаженная натура ценится всегда! Вот к примеру, художник Модильяни нарисовал тридцать двух обнаженных... А на самом деле семьдесят шесть из них только находятся у американских коллекционеров, а 77-я – самая новая и она же последняя (ее автор перед началом Второй мировой войны изготовил) находится у меня (купил по случаю и очень, знаете ли, недорого...) Зачем мне экспертное заключение?! Я и сам хорошо вижу...

Что Вы мне в нос тычете годами жизни и смерти Модильяни?! Вы что глазам своим не верите? На самой картине же четко написано: «Модильяни. Зроблено у Париже, 1940 г.»...

КИСТЬ ВАША ЛЖЕТ...

...Все великие художники того времени писали портреты прекрасной герцогини. Но всегда она оставалась недовольна, и однажды брошенная вскользь фраза «Кисть Ваша лжет», мрачной тенью лежала на этих работах...

Герцогиня порой находила, что ее изобразили слишком мрачной, и это совершенно не соответствовало действительности... то слишком веселой, что не подобало ее сану... то слишком полной, то излишне худой... то очень просто и не по моде одетой... Иногда она говорила, что одежда на портрете слишком богата и выглядит устаревшей еще до ее рождения...

Никто не мог изобразить герцогиню на портрете, похожей на саму себя... и горе было художнику, впавшему в немилость...

...Молодой чужестранец писал портрет герцогини поздней осенью, когда воздух был сух и прозрачен, а порывы холодного

ветра колыхали не только занавес в мастерской, но и балдахина дворцовой спальни... Портрет был готов и представлен герцогине в день ее рождения...

Многие во дворце и за его стенами шептались, мол, на портрете видны черты самого художника, и что на полотне герцогиня выглядит такой прекрасной... какой она была много лет назад... что мастерство молодого художника несомненно, но...

А герцогине портрет очень понравился...

ЛУЧШИЙ РИСУНОК

Солнце выглянуло из-за туч, и его луч проник сквозь маленькое окошко деревенской школы, осветив кусок парты, на котором второклассник Иван увлеченно рисовал мелом. Сразу стало понятно, что рисунок удался! Танки шли в бой, самолеты летели бомбить фашистов, а Великий Вождь Товарищ СТАЛИН, со знаменем в руках, лично поднимал бойцов в атаку...

Иван тоже был там... в окопах... он сжимал в руках настоящий автомат, а не деревянный, выструганный еще летом, и вместе со всеми громко кричал «Ура-а-а-а!!!»...

– Ты что это делаешь? – строгий голос учительницы вырвал Ивана из мечты, – опять мел зря портишь?

Мальчишка окаменел от страха и неожиданности.

– Что ты опять за галиматью ... – учительница наклонилась, чтобы лучше приглядеться к рисунку, – на парте нарисов...

Все пять учеников первого, второго и третьего классов, занимавшихся в одной комнате, повернулись к Ванькиной парте.

Иван вздрогнул, вышел из оцепенения, плюнул и локтем стал судорожно стирать рисунок с парты.

И тут побледнела строгая учительница... Ее ученик, в ее присутствии плюнул на ТОВАРИЩА СТАЛИНА!

Что делать?!

А Иван, не замечая ее столбняка, рукавом драной ситцевой рубашки, продолжал уничтожать свой лучший рисунок...

ГОТОВЯСЬ К ТВОРЧЕСКОМУ АКТУ

Иван Иванович Синебрюхов к молодым художникам относился хорошо. На выпускнице детско-юношеской художественной школы Галине, подающей надежды, он даже женился. Благо, она была уже на пятом месяце беременности... А ведь далеко не всем так повезло...

Галину он воспитывал «под себя», иногда делясь с ней некоторыми секретами профессионального мастерства и рассказывая байки и легенды, услышанные им еще в художественном институте.

Впрочем, Иван Иванович, будучи членом Союза художников, и даже входя в его областное правление, проявлял свое благорасположение к молодежи и другими разнообразными способами...

Например, талантливому, но уже крепко выпивающему Геннадию С., Иван Иванович неоднократно щедрой рукой наливал водки. И по какой-то странной случайности это всегда происходило перед очередным собранием местного отделения, на котором Геннадия должны были принимать в члены Союза художников. После таких угощений два раза Геннадий просто не сумел подняться из-за стола и прийти на собрание, а третий раз, собрав всю свою волю в кулак, все же дополз до правления Союза. Но собрание, по предложению Ивана Ивановича, учитывая состояние Геннадия, вопрос о приеме в члены Союза рассматривать отказалось.

Геннадий хорохорился, кричал, что он «в гробу видел этот Союз и всех его членов», но в душе страдал от того, что творческое братство не признавало его равным.

– Иван, зачем ты это делаешь? – как-то раз спросила Галина. – Ведь Геннадий талантлив, хотя и пьет, и он давно заслужил право на прием в Союз. Он тебе не конкурент...

– А пусть не пьет! Искусство требует чистоты!! Душа художника должна быть беспорочной!!! Богомазы постились перед тем, как приступить к написанию иконы. Художник должен растворить себя в Природе, стать ее частью, и передать окружающее величие в своем нетленном творении. А что может алкоголик? Хочешь, я расскажу тебе старую легенду, о том, как люди готовились к акту в искусстве?

– Расскажи, – грустно согласилась Галина. Ей немного нравился беспутный Геннадий, а в его картинах она видела порывы мощной творческой натуры.

– Великий император огромной восточной страны, – начал свой рассказ Иван Иванович, – приказал написать на стене своего дворца Гималаи. Художник был Мастером дзэн, и он ответил, что должен три года прожить в Гималаях, чтобы выполнить этот заказ.

– Три года? – удивился император – Тебе надо для этого три года?

– О Великий, я прошу лишь самый минимум времени. Поэтому, что пока я не стану частью Гималаев, я не могу написать их. Мне нужно уйти в горы и раствориться в них, – ответил Мастер...

Прошло три года, Мастер вернулся из Гималаев и за три дня расписал стену императорского дворца. Заказчик, вместе с огромной свитой, пришел посмотреть, что же получилось.

О, это было чудо! Никто и никогда не видел еще более прекрасного изображения гор! Даже настоящие Гималаи не могли сравниться с картиной! Император стоял и долго любовался работой Мастера, а потом спросил:

– Здесь я вижу тропинку. Куда она ведет?

Художник ответил:

– О Великий, мы можем пойти и посмотреть...

Император и художник пошли по тропинке, завернули за скалу и больше не вернулись...

– Вот каким должно быть настоящее искусство, и вот каким должен быть настоящий художник, – закончил свой рассказ Иван Иванович.

И, чуть помолчав, добавил:

– А ты любишь Генкиной мазней...

– Ты ему завидуешь... и ревнуешь... – горько усмехнулась в ответ молодая жена.

НЕСЧАСТЬЕ АЛОГО ПЯТНА

– Дедушка, дедушка, ты обещал рассказать сегодня сказку «О несчастьях алого пятна».

– Это не сказка, а подлинная история о китайском художнике Дай Цзинь, который жил больше шести веков назад. Рассказ мой будет долгим, поэтому, ты, Вероника садись в кресло, а Дима присядет на диван...

– Нет, я сяду на диван, а Дима пусть идет в кресло.

– Ну, хорошо, пусть будет так. Устроились? Тогда внимательно слушайте. О детстве этого художника известно немного. И так бывает часто – пока художник, писатель или музыкант не прославится, никто особо не собирает и не хранит сведений о них. А потом бывает уже поздно... Должен вам еще сказать, что Китай многие тысячелетия был очень большой страной и там встречалось много хороших и разных художников. Я думаю, что Дай Цзинь родился в небогатой семье, но точно известно, что рисовать он начал очень рано. Родители, заметив его способности, отдали мальчика учиться ремеслу резчика по дереву. Это искусство до сих пор очень развито в Юго-Восточной Азии, и особенно в Таиланде, во Вьетнаме, и, конечно же, в Китае. Вон, посмотрите, на книжке полке стоит небольшое деревянное панно – я привез его из Таиланда много лет назад... Видите, как изящно вырезано шествие слонов по джунглям...

– Много лет назад? Я еще совсем маленькая была, а Дима даже еще и не родился, – сказала Вероника. А Дима согласно покачал головой – ведь ему исполнилось только пять лет.

– Продолжу свой рассказ. Мальчик сначала учился резьбе по дереву, а потом – ювелирному искусству. Вы, конечно, понимаете, что всё это требует не только художественных способностей, но и навыков, которые надо все время развивать...

– Да-да, я знаю, нам в художественной школе всё время так говорят...

– Правильно говорят, Вероника, но ты, кажется, ленишься?

– Не-нет, ничего я не ленюсь, но ты рассказывай про художника...

– Хорошо. Рассказывать можно очень долго, но я хочу сразу

перейти к истории «Алого пятна». Когда мальчик вырос, стал юношей, он вместе с отцом примерно в 1410 году переехал в Нанкин – тогда этот город был одной из столиц китайской империи. Дай Цзинь рисовал очень много портретов и пейзажей, расписывал храмы. А еще он много работ исполнил в жанре «Цветы и птицы», то есть рисовал разные цветы и красивых птичек. Особенно хорошо у Дай Цзиня получились горные пейзажи, написанные в сине-зеленых тонах, и стебли бамбука. На пейзажах художник обычно рисовал еще и людей – путников, попавших в дождь после возвращения с прогулки, рыбаков на реке, мудрецов-отшельников в горных пещерах. Многие коллекционеры ценили свитки с его работами.

– А чем он рисовал? – спросил Дима.

– Обычно он рисовал мокрой кистью, нанося черную и цветную тушь и краски на бумагу или на шелковую ткань.

Известность художника росла, и спустя пятнадцать лет его пригласили на придворную службу и в Художественную академию императорского дворца в Пекине. И там, во дворце, и приключилось история под названием «Несчастье алого пятна».

Да, чуть не забыл сказать, что правивший тогда китайский император Сюанде, в свободное от управления страной время, сам любил рисовать. И говорят, что у него единственного из очень многих китайских правителей был талант настоящего художника. Особенно прекрасно получались рисунки борзых собак и обезьянок. Некоторые из них сейчас хранятся в разных музеях.

Но давайте вернемся к «истории алого пятна». В дворце работало много хороших художников, но талант и работы Дай Цзиня сильно отличались от принятого тогда стиля. Императору Сюанде, который, как я уже говорил, сам очень любил живопись, понравились рисунки Дай Цзиня, и он хотел поручить ему исполнение большого заказа по украшению своих дворцов. И вот тогда некоторые завистливые художники вступили вговор с чиновниками, для того чтобы изгнать Дай Цзиня. Вскоре такой случай представился.

Тогда тоже, как и сейчас, проводились разные академические выставки и конкурсы. Но, конечно, самой важной была выставка в императорском дворце, который располагался в са-

мом центре китайской столицы – Пекине, в Пурпурном городе, который иногда еще назывался Запретным.

– А почему он был запретным? – задала вопрос Вероника.

– Потому, что в Пурпурном городе после захода солнца запрещалось находиться всем мужчинам, кроме императора и евнухов.

– А кто такие евнухи? – не унималась внучка.

– О евнухах я поведаю как-нибудь позднее, к сегодняшней истории они отношения не имеют. Давай я лучше расскажу про выставку и о последствиях.

– Давай, – согласилась Вероника.

И я продолжил историю про алое пятно...

– Дай Цзинь представил на конкурс речной пейзаж. Император и его свита, долго любовались этой работой. И, действительно, она была прекрасна – плавные очертания уводящих осенних деревьев хорошо сочетались с волнистыми размывами воды. На небольшой волне легко покачивалась утлая лодочка одинокого рыбака. И все это было мастерски выполнено в результате умелого подбора оттенков черной туши, как и предписывалось традициями китайской живописи. Но еще художник, неожиданно для всех, выделил алым пятном плащ рыбака. И на темно-сером и черном рисунке это выглядело очень красиво.

Именно этот алый плащ очень сильно раздражал влиятельных завистников и недоброжелателей Дай Цзиня. И чем больше император любовался его рисунком, тем больше мрачнели лица придворных художников и некоторых царедворцев. Они понимали, что надо испортить впечатление от этой прекрасной работы.

И тогда советник императора, некий Се Хуань, низко поклонившись, сказал:

– О, Император Вселенной и Сын Неба. Позвольте мне, недостойному из недостойных, смиренно вымолвить несколько слов.

– Говори, – милостиво разрешил император, у которого было хорошее настроение.

– Картина эта, о, Император Вселенной и Сын Неба, может быть, и хороша, но вульгарна. Она нуждается в утонченности и очистке.

Удивленный император потребовал от Се Хуаня объяснить подробнее свое мнение. И тогда этот прожженный придворный интриган сказал, что красный цвет подобает лишь придворным при императорских аудиенциях. И что придавать красный цвет рыбацкому плащу – это крайне бесчинно и очень неблагонамеренно.

Император Сюанде, конечно любил живопись, но еще больше он не терпел нарушения порядков, которые до него соблюдались веками. Нахмурившись, император кивнул и велел Дай Цзиню больше ему своих произведений не показывать.

Интрига удалась, и зависть опять победила талант. Так случилось «несчастье алого пятна» и так закатилась звезда Дай Цзиня в императорском дворце.

Вскоре художник уехал из Пекина к себе на родину.

В бедности он прожил еще более тридцати лет, и написал много картин. Заказчики по-прежнему ценили их, но давать за них достойное вознаграждение не захотели... И такое тоже часто бывает...

Спустя сто лет после смерти художника китайский критик Ван Шичэн написал о нем и его несчастьях: «Дай Цзинь работал непрерывно всю жизнь, но никогда не мог купить себе довольно еды. Это его малое несчастье. После смерти он был знаменит в городе У, но через сто лет его затмил Шэнь Чжоу. Это его большое несчастье».

Вот и всё, что я хотел вам рассказать про «несчастье алого пятна».

– Грустная история, – сказала Вероника, – я не буду алой краской рисовать.

– Завидовать не хорошо, – добавил Дима, – мама так говорит... и воспитательница в детском садике тоже.

– Да, грустно, – согласился я, – но прекрасные рисунки и картины Дай Цзиня до сих пор радуют людей. А кто помнит завистников?

Доклады на межрегиональной конференции
«Литература многонациональной Югры:
прошлое, настоящее, будущее»
в Ханты-Мансийске 14-15 ноября 2017 г.

Нина Ягодинцева,
секретарь Союза писателей России,
кандидат культурологии

**Современная литература:
актуальность и вневременность**

В обществе литература выполняет три основные функции – это наша коллективная память, наше зеркало и проект будущего. Каждый писатель лично творит свой художественный мир, но задачи при этом решает общие – только тогда он действительно писатель.

Вопрос актуальности и вневременности никогда не бывает простым, но сегодня он обрёл трагическую остроту, и эпитафией, а одновременно и ответом на обозначенную в докладе тему могут стать строки Пастернака, точно определяющие участь художника слова: «*Ты вечности заложник у времени в плену...*» Чего требует вечность, держа писателя в заложниках? Вещей простых до невозможного: помнить о ней в любой сиюминутности, жить в её постоянном присутствии, исповедовать и проповедовать её ценности, служить ей. Насколько человек, род, народ и его писатели соизмеряют себя с вечностью, настолько они в итоге оказываются к ней причастными.

А чего хочет от своего пленника время? О, ему не угодишь, даже ревностно прислуживая: на протяжении буквально двух с небольшим веков в России на смену шутам, дамским угодникам и сочинителям хвалебных од для царственных особ приходят пламенные революционеры, затем их вытесняют специалисты по инжинирингу душ, инженеров увольняют без выходного пособия – и сегодня уже востребованы оборотистые официанты: рынок есть рынок, для эконом-класса детектив, дамский роман,

стёб, эпатаж, игра на низких инстинктах. Карманный формат, газетный тираж, ремесленная работа на износ души. Для покупателей духом побогаче – и меню другое: русофобия, махровая в том числе, очернительство всего советского и разоблачение кровавых преступлений коммунистического режима, филологические игры праздного ума в «актуальную литературу» и исподволь, неспешно – отказ от нравственных основ общественной и личной жизни. За это раскручивают, издают, рекламируют, организуют турне, в том числе зарубежные, и выдают премии как современным властителям дум.

Поскольку сегодня учителя и врачи не учат и не лечат, а оказывают образовательные и медицинские услуги, то и писательскую работу в условиях рынка можно назвать оказанием услуг по написанию историй. Ориентированы ли эти услуги на эконом-сегмент, где спрос на развлечение, или на сегмент люкс, где запрос идеологичен – суть одна и та же.

Время постоянно меняет социальную модальность профессии писателя, и каждый раз после очередного поворота событий начинает список своих пленников с чистого листа, выбросив предыдущий – за ненадобностью.

Но что-то же остаётся! Да, остаётся. Мучительно зреющее в раздумьях, в социальной неприкаянности и отверженности честно взыскующее вечности, испепеляющее и исцеляющее душу огнём и светом с трудом добытой истины. Собственно, только духовный труд и есть литература. Всё остальное – товар со вкусом литературы, с неременной фальшивой маркировкой: «натуральный писательский продукт».

Литература – традиция духовного труда, самостояния мыслящего человека, ответственности перед вечностью. И чем выше эта ответственность, тем актуальнее литература. Но как отличить актуальность подлинную от актуальности рыночной?

Первая точка расхождения – **это отношение к читателю**. Традиция в любой выпадающей ей современности читателя воспитывает, заставляя каждый раз тянуться к разговору, приподниматься на цыпочки – потому что ей нужен собеседник и единомышленник.

Рынок предлагает работать на потребителя, ибо платит именно потребитель. Писателя здесь формирует читатель, опре-

деляя, о чём и как писать и сколько это стоит. Или тот же читатель холодно сообщает, что ему некогда и вполне достаточно постов в Интернете. Или читатель сам себе писатель на сайтах Стихи-Проза.ру. Общественная польза литературного труда опускается ниже нуля – но именно это и нужно маркетологам всех уровней: они сами желают формировать и спрос, и предложение.

Однако законы культуры и законы рынка соотносятся так же, как эволюция и естественный отбор: нельзя абсолютизировать ни то, ни другое, но если не работает первое, второму вообще делать нечего. Говоря иными словами, после рынка в литературе возможна только пустыня.

Ещё одна точка расхождения – **обратная связь**. Для традиции важен каждый собеседник, общение здесь не массово, а лично. Для рынка единственная рациональная форма обратной связи – обмен печатных знаков на знаки денежные. В эконом-сегменте – в процессе продажи покет-буков, в сегменте люкс – за счёт выполнения открытых или негласных либерально-идеологических заказов.

Третий камень преткновения – **понимание свободы художника**. Свобода в традиционном смысле – это самостояние и ответственность. Рынок же предполагает раскрутку – кто не раскручен, тот и не писатель. Традиция убеждает в обратном: раскручен – значит, уже не писатель, а изготовитель текстов, раскрутка – это практически дисквалификация, ведь те, кто раскручивает, задают движение в сторону, нужную именно им.

Современность для писателя – всегда вызов. И наша – не исключение. Как отвечать – каждый решает сам, в меру своих душевных сил. Сегодня среди всех настоящих проблем, а не навешенных рынком актуальностей наиболее остро стоит вопрос сохранения национальной культуры. Конечно, политологи во круг говорят о том, что национальное государство вместе с национальной экономикой и национальной культурой уходит в прошлое, но посмотрите, как в ответ на американский проект глобализации глобализация исламская акцентирует свои национально-религиозные особенности! То есть значимость национальной культуры в мире сегодня парадоксально возрастает.

Как это касается нашей литературы? Горько-анекдотично. Например, у нас областная библиотека время от времени пригла-

шает состоявшихся, известных писателей на встречи с российскими и иностранными (часто очень молодыми) авторами, которые дают мастер-классы: что и как писать, чтобы напечататься «в настоящем издательстве» (читай: в коммерческом). А канадская писательская школа подарила веб-кабинет новорождённой детской литературной студии, чтобы учить наших детей писать канадские сказки... Культурная экспансия – абсолютно естественный, нормальный процесс, и вопрос только в том, останутся ли наши сказки русскими (башкирскими, ненецкими и др.)...

Литература традиционно была и остаётся сферой национальной безопасности, делом государственным, трудом, преодолевающим частное временное ради общего вечного. Литература – это сфера производства смыслов. Если посмотреть на смысл как на форму духовной связи отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, соединение «я» с «мы», он может быть представлен в качестве канала связи, по которому человек направляет свою жизненную энергию и получает ответ. Смысл – проводник, по которому течет ток нашей воли. Это корневая система, питающая тонкую травинку или могучее древо нашей жизни.

Обладая индивидуальным, выделенным из мира Природы самосознанием, человек обладает и свободой выбора: направить ли свою волю на событие с породившим его и нуждающимся в нем Миром как целым, то есть соединить системой смыслов «я» с «мы», согласовать своё бытие со всеобщим, – или утвердить в качестве приоритета эго, единичную частную жизнь. И надо понимать, что как личность, так и народ, включенные в магистральный смысл всеобщего события, становятся сопричастны его вечности, а те, кто возвращает свою частность, довольно быстро выпадают в никуда. Мы видим, что смысл является насущной необходимостью бытия, и с утратой его человек погибает, ибо его воля к жизни, не находя связей вовне, внутри него становится волей к смерти.

Литературу в этом контексте можно назвать системой смысловых маяков, расставляемых в наиболее проблемных или прямо опасных точках жизненного пути. Она создает, обновляет, опробует и утверждает смыслы, актуальные для данной эпохи, данной культуры, данного поколения.

И сегодня мы наблюдаем в литературе и в жизни последовательное, стратегически просчитанное обесмысливание. Случайно ли современная русская литература отлучена от государственной поддержки, её общественный статус низведён до хобби, а профессия писателя отсутствует вообще? Нет, это закономерная часть процесса обесмысливания. Случайно ли в качестве замены подлинно национальной литературы раскручивается «обойма» имён и произведений, превращающих в абсурд и бессмыслицу нашу историю, литературное наследие, наше настоящее, наши ценности? Нет, это инструмент обесточивания жизни. И разрушительная деятельность, лишаящая смысла наше бытие, несёт в себе свой собственный совершенно внятный смысл.

Главные удары обесмысливания направлены против **русской истории** – и более всего двадцатого века, которая из истории невероятного напряжения народных сил и практически невозможных, но, тем не менее, реальных побед превратилась в историю бессмысленного бунта, бессмысленного братоубийства Гражданской, бессмысленных репрессий, бессмысленной Победы («жили бы сейчас как на Западе...») – первые проблески смысла усматриваются сегодня разрушителями в идее индивидуализма и личного комфорта только в 1960-е. Но разве страна выжила благодаря этому?

Еще одно направление стратегического удара – **ценностные основания культуры, нравственность**. Изменение отношения человека к человеку, человека к обществу, человека к природе, человека к высшей реальности – к Богу – везде целенаправленно происходит по принципу атомизации, отделения, отпадения от общего события.

Следующий момент – **перенаправление вектора поиска**: литература и гуманитарные науки направляют силы преимущественно на изучение низких смыслов и прямой бессмыслицы как некой безусловной данности. Строительство смысла и неизбежно сопровождающий его пафос рассматривается сегодня как абсурд. Это зона сумерек сознания, тления и угасания воли, жизненных сил, самой жизни. Ну и, наконец, **прямая подмена**: плохо без смысла? Принимайте наш. Не понравилось? Ну, тогда ваше существование бессмысленно.

Именно эта разрушительная деятельность и преподносится сегодня в качестве новаторства, новых смыслов, актуального языка культуры. Но почему мы пропускаем удар за ударом? Надо понимать, что сильные стороны нашей культуры при определенных условиях опасно уязвимы.

Во-первых, русскому человеку в силу исторических и географических особенностей формирования национального характера свойствен **поиск коллективного, всеобщего смысла – для всех**. По этому проводу течет ток самого высокого напряжения, здесь можно реализовать максимум воли. На слабом токе (частных индивидуальных смыслах) наша система просто не работает, и вполне может перегореть, если в этом режиме будет выдерживаться достаточно долго.

Во-вторых, по тем же причинам **смысл должен быть максимально высоким** – иными словами, русский человек живет в присутствии Бога. Я уже не говорю, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» вовсе не потому, что обманываться приятно, а потому, что мы – культура высокого напряжения.

Запрос на настоящее новаторство находится сегодня в сфере смысловой, в актуализации жизненно необходимых вневременных смыслов, которые нужно искать и формулировать, нести читателям не только через книги, но и в каждодневном непосредственном общении. В смысловой битве драгоценен каждый человек, каждая личность, всё, что объединяет нас, удерживает в бытии и питает нашу волю к жизни. И литература – наша мастерская смысла.

Валерий Михайловский,
врач-психотерапевт,
Член Союза писателей России

Восприятие мира через художественный текст

Суть восприятия состоит в организации целого из элементов, деталей, где основная роль отводится принципу ассоциаций. Ассоцианистский подход в основе восприятия мира заключается в том, что закрепление приобретенных связей (ассоциаций) часто относится не к элементам сознания, а находится на уровне

стимулов, инстинктивных реакций, то есть на подсознательном уровне. Но никак нельзя утверждать, что эти «инстинктивные реакции на подсознательном уровне» не возбуждают в сознании определенные образы. В этом и заключается связь сознательного с бессознательным.

Восприятие, это, собственно психический процесс, приводящий к порождению (возникновению) чувственного образа, структурированного по определенным принципам, и содержащего в качестве одного из обязательных элементов самого наблюдателя с его жизненным опытом и целым рядом уже приобретенных ассоциаций. Самый распространенный источник восприятия – это тексты: научные, научно-популярные, публицистические, художественные. Если мы говорим о научных текстах, то условием адекватного восприятия явлений, физических объектов, является соответствие их субъективного описания объективным качествам и свойствам этих явлений и объектов.

«...Творчество, будучи процессом, присущим всей целостности культуры, включающей и нравственность, и художественность, и культуру общения, заведомо есть нечто более высокое и сложное, нежели сфера научности, особенно же в том случае, когда научность ограничена объективно-вещным постижением, или горизонтом натурализма...» – так определил место творчества, (прежде всего художественного текста) в восприятии мира великий философ Генрих Степанович Батищев.

Художественная литература отличается от научной, научно-популярной тем, что пользуясь определенными приемами, может позволить себе отход от принципа «соответствия объективных данных»; но удачная метафора через ассоциации воспроизводит объект или явление безошибочно и точно, придавая ощущение реальности и достоверности. Остроумные, точные метафоры – есть тренажер, ибо заставляют мозг работать, искать эквиваленты соответствия, создавать образ. Вот почему сказанное «в лоб» не имеет необходимого воздействия на процесс восприятия, вот почему телевизионная картинка, а по сути, пережеванное блюдо, поданное в тубике, не побуждает мозг к активной деятельности, не порождает ассоциаций, порождая лишь скудные очень короткие по времени эмоции, чаще отрицатель-

ные. Вот почему человек, не читающий художественную литературу, лишается мощной подпитки живым словом, становится детренированным; такой индивидуум становится энергетически слабым. Люди же читающие наделены другой энергетикой. Они эмоционально-стабильные, ибо образность мышления расширяет их не только в плане интеллектуальных возможностей, но и в плане деловых достижений.

Так вот, если проанализировать эффективность воздействия текста на эти два психологических типа (со слабой энергетикой и эмоционально-стабильными), оказывается, что эффективно-стабильными текст с положительной динамикой воспринимается, нацеливая их на индивидуальную мотивацию на достижение успеха; и наоборот, тот же текст воспринимается индивидуумами энергетически слабыми – лишь с мотивацией на избегание неудачи.

Основа познания – это обобщенный художественный образ, который не вытесняет сознание – он включается в структуру сознания, являясь его актуальным содержанием. Он не может быть полным, тождественным отражением объекта или явления. Здесь всегда есть люфт, зазор для воображения и даже фантазии, в зависимости от опыта и приобретенного багажа ассоциаций.

Слово адресуется к сознанию, к его рационально-логической сфере. Но совершенно не одно и то же – прочесть слово, содержащее информацию, услышать его, или получить информацию в виде символа, картинки (изображения).

Что такое чтение с точки зрения физиологии, психологии? Чтение базируется на идентификации символов (букв), слов на текстовом и контекстовом декодировании зашифрованного буквами текста – это морфо-физиологическая фаза. Текстовые стимулы побуждают нейро-физиологические механизмы к консолидации и активации идентифицируемого текста. Многомерное, пространственное представление об описываемом объекте, явлении в результате подсознательного мгновенного подбирания сравнений с уже имеющимися в памяти подобными параметрами (эталопами), порождает в сознании образ. Это уже фаза нейро-физиологического анализа, собственно фаза рождения (возникновения) образа.

Без ассоциаций, без образности невозможно восприятие, невозможно обучение. И научная и техническая литература не

лишена ассоциативного восприятия. А значит, не лишена образности. Человек запоминает не буквы (символы), а образы! «Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы» – говорил нобелевский лауреат по литературе 1957 года Альбер Камю.

Человек, прочитавший художественный текст, расшифровавший контекст и уловивший тональность, в которой подан литературный материал, полагаясь на свой ассоциативный опыт, гораздо глубже проникает в суть сказанного (написанного). Его восприятие организует свой образ на основе мгновенного сравнения уже имеющихся в памяти множества стимулов-эталонов (образов-ассоциаций) с читаемым текстом, то есть с поступающими сигналами, рождается новый образ... Этот образ запомнится и будет иметь огромное влияние на индивидуума, потому, что он (образ) создан в сознании на основе ассоциаций. И он уйдет в копилку памяти в виде стимула-эталона для того, чтобы помочь в будущем расшифровывать (воспринимать) новые тексты.

Почему так много внимания уделено ассоциациям? Да потому, что из сети и цепочек ассоциаций и состоит наша память. При чтении расширяется сеть ассоциаций, становятся крепче связи в ассоциативных цепочках. Чем гуще сеть, чем крепче связи в цепочках, тем выше интеллект человека. Вот почему нужно читать детям, множа ассоциативные связи, вот почему важно читать людям пожилого возраста, сохраняя эти связи. Известно же, что люди, занимающиеся интеллектуальными упражнениями, много читающие в меньшей степени подвержены такому заболеванию, как болезнь Альцгеймера.

И. М. Сеченов говорил, что «...усваивать (воспринимать) – значит сливать (соединять) продукты чужого опыта со своим собственным».

Интеллект не «качается», выражаясь современным сленгом из игр, боевиков, телесериалов, телешоу. Он «качается» только из книг. Чтение, повышая интеллект, меняет тип отношения человека к миру с обывательского созерцательно-приспособленческого на познавательный, что ориентирует личность на творческий подход в решении сложных задач. Творчество по Г. С. Батищеву это «способность создавать любую принципиально новую возможность». Творческий человек всегда обладает уникальным

складом ума, характеризующимся индивидуально-своеобразными способами интеллектуального отношения к происходящему. А индивидуальное своеобразие – это свой особый взгляд на мир, который не всегда совпадает с устоявшимся мнением. Особый взгляд формируется на основе знания, полученного из книг и особого опыта, тоже в основном сформированного из прочитанной художественной литературы.

Хочется обратиться к вопросу о тех, кто в силу своего положения в обществе, на предприятии должен принимать решения. Вот именно им я рекомендую читать художественную литературу. Если не случилось этого в школьные, юношеские годы, необходимо приходить к книге сейчас. Никогда не поздно. И, поверьте, уже после нескольких прочитанных книг человек начнет воспринимать мир по-другому, более выпукло, добавится красок в жизни. Решения будут приниматься более аргументировано, и, что самое главное – качество жизни человека значительно улучшится, что повысит психологический комфорт.

Так вот – главная парадигма принятия решения – это уверенность. Часто приходится принимать решения в условиях высокой субъективной неопределенности, порожденной дефицитом или избытком информации, надеясь лишь на интуицию. Но ведь интуиция – это мозоль набитая опытом. Молодой человек (специалист, руководитель) не может обладать таким опытом, чтобы его хватило для выработки интуиции. Невозможно прожить несколько жизней, но можно прочесть много книг, вобрав опыт героев (персонажей). Опыт необходим разный, поэтому и отрицательные персонажи чему-нибудь да учат. Чем больше книг прочитал руководитель, тем увереннее он будет, и тем вернее решения он будет принимать.

Современный автор и современный читатель всецело принадлежат своему времени. На первый взгляд в утверждении того, что современники должны (обязаны) читать современных авторов кроется непримиримое противоречие. Ведь мы смотрим на мир одними глазами с приблизительно идентичным багажом знаний (образов и ассоциаций). Даже исторические события мы оцениваем, применяя наш сегодняшний опыт, ошибочно отыскивая эквиваленты в ассоциативном восприятии прошлого.

Писатель, прежде чем изложить на бумаге событие, явление обязан изучить его не только с точки зрения устройства (морфологии), но и проникнуть в суть ассоциативных восприятий современников события, явления; писатель моделирует историческое событие. Иногда для написания текста размером в одну строку уходят многие часы, недели, месяцы исследовательской работы. Это касается исторических текстов и текстов, отражающих наше время. Вот почему нужно читать именно современных авторов. В противном случае, человек, будто что-то недосматривает в жизни, что-то недочувствует, его ассоциативная сетка, что касается современных процессов, укрепляется и развивается слабо.

Но возможность читать современные художественные произведения (тексты) возникает только в случае их издания. Еще раз хочется акцентировать внимание на очевидном: только государственная помощь в деле издания высокохудожественных произведений, создание структуры для распространения литературы, может спасти и литературу, и поспособствовать тому, чтобы в России появлялось больше людей читающих, а значит думающих, умеющих творить, решать сложные задачи.

Александр Ананичев,
секретарь Правления
Союза писателей России,
Сергиев Посад

«Писатели – современники всех эпох»

Кажется – мир сошел с ума. Как подземные бури сдвигают верхние слои планеты, вызывая цунами и землетрясения, так новейшие сообщения, события, факты грозят разуму, вливают горечь и сомнения в душу. У нас – сомнительное ЕГЭ и новые образовательные стандарты, а в Калифорнийских школах дети начинают изучать историю гомосексуализма. В России – два с половиной миллиона наркоманов (из них, в основном, совсем молодых, ежедневно умирает по 80 человек), а Виктор Ерофеев не постеснялся назвать свою недавнюю книгу из тех трех букв, которыми шпана разрисовывает заборы...

Недавно в руки мне попался литературный журнал, изданный в Новокузнецке. Из писательских имен на его 80 страницах я не встретил ни одного, ярко или тускло мерцающее на литературном небосклоне. Полистал – впечатление не самое приятное. Но название журнала – «Союз писателей»... Рядовой читатель наивно предположит – Союз писателей России издает этот журнал. Бренд-то его! «Союз писателей» даже отпечатан в типографии новокузнецкого издательства с тем же «хитовым» названием! Интересно, рискнули бы новокузнецкие ребята во главе с редактором – Ириной Малковой, кстати, единственным представителем Союза писателей России, назвать журнал, допустим, «Союз российских космонавтов», «...композиторов» или «...предпринимателей»... Да никогда.

Мир, в самом деле, сошел с ума. Журнал «Знамя» – №3, 2011 год... Открывает номер роман Юрия Буйды «Синяя кровь». Вот его первый абзац (цитирую без сокращений): «Часы в Африке пробили три, когда старуха сползла с кровати, сунула ноги в домашние туфли без задников с надписью на стельках «Rose of Namet», надела черное чугунное пальто до пят – у порядочных женщин нет ног – и високосную шляпу, распахнула окно и выпустила из спичечного коробка Иисуса Христа Назореянина, Царя Иудейского, Господа нашего, Спасителя».

Пересилив себя, прочитал до конца эту «буйду», растянувшуюся почти на 110 страниц, наивно полагая, что автор не то и не так хотел сказать... Тщетно. Нет смысла спорить с этим «знаменосцем». Или, скажем, с Тимуром Кибировым, который в том же номере «Знамени» заявляет:

Всего ж пристойней и приличней
Варраву выбрать навсегда,
Ведь он гораздо симпатичней
Малопристойного Христа!..

Писатель Борис Евсеев придумал для постмодернистских сочинителей, пародирующих даже христианские символы, термин «эклетиические метафористы».

Писать о вреде подобных текстов недостаточно. Нужна пояснительная работа среди читателей, работников библиотек,

выписывающих журналы, где есть такие разлагающие тексты, от которых веет смертным холодом, пороком и цинизмом.

А иначе... Вспоминаю, как мне довелось однажды руководить на Всероссийском совещании молодых писателей в Нижнем Тагиле семинаром поэзии. Две милovidные поэтессы из самого сердца России – уральского Златоуста и Екатеринбургa (одна из них – лауреат Всероссийской премии «Дебют») – друг за другом ругались в рифму матом, плавали в крови и сперме. Руководитель Екатеринбургского отделения СП России не знал, куда глаза спрятать – ведь до начала совещания он просил меня дать положительную рекомендацию своей землячке для вступления в Союз Писателей России! В Союз, известный своими патриотическими установками и традиционными ценностями, о котором Валентин Распутин на одном из выездных пленумов СП России в Омске говорил: «Не будь нашего Союза писателей – вся духовная обстановка в России была бы иной. Мы несем ответственность не только за литературу, но и за всю культуру... несем ответственность за весь моральный климат, который сложился в России. Мы не просто представители интеллигенции, не просто представители литературы – мы ополченцы той России, которая спасется, может быть, на последних пяточках. Но все-таки спасается».

Конечно, ломать, протестовать, «сбрасывать с корабля современности» всегда легче, нежели *создавать*, следуя традиции русского стихосложения с его духовными прозрениями и глубинными переживаниями. Но согласитесь, все-таки странно – в сердце России услышать такой авангард! Я полагал, что уральским девушкам лавры «сексуальной контрреволюционерки» Веры Павловой не дадут покоя? Все оказалось прозаичней.

– Мы прочли именно эти стихи, – признались мне потом молодые поэтессы, – потому что узнали, что вы из Москвы.

Таким образом, литературная Москва с ее размытыми ориентирами, помещенными зачастую под обложку известных и обсуждаемых печатных изданий, служит, судя по ответам уральских девушек, нравственным камертоном для многих пишущих соотечественников.

Правда, и провинция не отстает от Москвы. Вспомним, что за эксцентричный человек еще семь лет назад руководил журна-

лом «Урал», в котором, без сомнения, хотели отметиться екатеринбургские поэтессы.

В прошлом ноябре мне довелось побывать в Великом Новгороде, на научной конференции, посвященной творчеству Дмитрия Балашова. Организатором конференции стала новгородская областная универсальная научная библиотека, находящаяся в новгородском Кремле, возле древней Софии – собора, построенного в 1046 году сыном Ярослава Мудрого князем Владимиром. В своем докладе, названном «Образ преподобного Сергия Радонежского в романе Д. Балашова «Похвала Сергию», я хотел подчеркнуть, что смысл иноческого служения преподобного Сергия (и это очерчено в романе) – узреть Фаворское свечение. «Жизнь – это долг и труд, и постоянное отречение от себя, постоянная жертва за други своя, повторение крестного подвига Спасителя. И если освободить себя от этого подвига, непрестанного усилия – значит попросту умереть. Все прочее – мара, обман, земная пляска...» – пишет Балашов. И с этим трудно не согласиться. Освободить себя от подвига – значит отказаться от Фаворского света, от Божественных энергий, являющих подвижнику невидимый для других образ Божественной красоты.

Кто в наше время занят поиском Фаворского света? У современного человека много забот – прокормить семью, заработать квартиру, не потерять доходную работу, продвинуться по службе... Люди, посвятившие жизнь слову, так же вынуждены тратить время на рутину, отбирающую у них и силы, и время – работу, дающую заработок. Иначе не выживешь. А уж потом, если глаза ночью не сомкнутся от усталости, читают, пишут, переводят – то есть занимаются настоящим творчеством.

«Не видать среди современных писателей Толстого, Пушкина, Достоевского!» – говорит подчас обыватель. «Не видать так же среди нынешних читателей Наташ Ростовых и Татьян Лариных, – можно сдержанно ответить ему. – А уж князей Мышкиных – Дон Кихотов 19 века – днем с огнем не сыщешь. Измельчал современный человек. Нет в нем главного – поиска света и святости».

Писатель Дмитрий Балашов устами преподобного Сергия укрепляет нас в вере: «Возможет народ сам себя принудить к подвигу, воскреснет еще и не в толикой беде! Не возможет – не

помогут ему ни ученость, ни богатство, ни множество людское... Но ежели каждый возможет хотя посильное ему свершить, и свершит, то воскреснет Русь».

Никак не могу забыть телевизионную программу «К барьеру!», в которой Захару Прилепину оппонировал некий бизнесмен Минаев. Последний, не смотря на то, что был повержен, твердил как попугай: «Да эти писатели-совки – они же неудачники, лузеры: что они, не приспособившиеся к рынку, оставят своим детям? Ржавую жестяную кружку?»

Что ж, тогда, судя по минаевской иерархии, и Пушкин – лузер, оставивший после себя одни долги, и Достоевский, и Есенин, писавший: «Да богат я, богат с излишком: был цилиндр, а теперь его нет, лишь осталась одна манишка с модной парой избитых штиблет», и Ахматова, ничем не одарившая своего сына, и гениальные поэты второй половины XX века Николай Глазков и Николай Рубцов – лузеры, неудачники, ибо чем они озолотили потомство, кроме скромных на вид стихотворных сборников? Только эти сборники переживут столетия, и пока жива Россия, в каждом русском доме, где еще живы народные дух и традиции, будут звучать стихи: «Тихая моя Родина – ивы, река, соловьи.// Мать моя здесь похоронена в детские годы мои...»

Ответить соперникам Прилепина можно словами Станислава Куняева: «куда достойнее оставить своим потомкам в наследство жестяную кружку, нежели презрение и ненависть десятков миллионов обворованного русского простонародья».

«Классики – современники всех эпох», – вспоминаю мудрые слова Сен-Бёва. Чтобы еще раз убедиться в этом, нужно всего лишь быть повнимательнее ко всему, что происходит в жизни... Возле величественного здания МХАТа, ведомого Татьяной Дорониной, висит афиша: Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные». Нет, не сто пятьдесят лет назад в Российской империи написан этот роман, а нынче в нашем демократическом Отечестве. Здесь, прямо возле афиш, встретим мы и сиротку Нелли, и обедневшего, но не потерявшего человеческое достоинство Ихменева, и жестокосердных Бубновых... А уж современных князей Волковских, для которых главная заповедь «возлюби себя», – не счесть. Что такое истинная любовь – жертва или наслаждение?

Можно ли выходить за любимого человека без родительского благословения? Являются ли деньги и финансовая независимость обязательным условием семейного счастья? – все эти вопросы, во все века волнующие почти любого человека, великий писатель поднимает в своем произведении. Оттого он и востребован и будет современным всегда.

Много памятных отметин в уходящем 2017-ом. Валентину Распутину исполнилось бы 80 в этом году лет.

Владимир Крупин на вопрос: «За что же любили ровесники Валентина Распутина?» – ответил в одной из публикаций:

«У него была ранимая возвышенная душа. Каждое соприкосновение с суровыми буднями ранило его. Но несмотря ни на что, он всех любил, в особенности детей, и его все любили... В его характере преобладали грустные нотки. Он любил юмор, но всё же был чаще печальным. Всю жизнь Валентин Распутин прожил в тяжелейших условиях, но вышел из всех испытаний, сохранив душу...»

Владимир Бондаренко, литературный критик, главный редактор газеты «День литературы», писал о Распутине:

«Всегда поражали его скромность и такое чисто христианское смирение, притом, что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей. Он равно говорил и с земными “царями”, и с коллегами-писателями, и со своими земляками. Потому и на самом деле его повести были истинно народной прозой. Не было в нём никогда и гордыни, мол, знаменитый писатель, гений земли русской. Он был просто – одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать трагедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога – многое...»

В 2000 году мне посчастливилось оказаться вместе с Валентином Распутиным в приморском Калининграде, где свой день рождения отмечало издательство «Янтарный сказ», выпустившее в том году двухтомник писателя в кожаном переплете с золотым тиснением.

Празднование дня рождения издательства состоялось в бывшей кирхе, ныне – центральном филармоническом зале Калининграда, вмещающем около 700 человек... Последним вышел на

сцену Валентин Распутин. Зал его приветствовал стоя, словно в далекие, послевоенные годы вернувшихся из опалы и забвения Ахматову с Пастернаком. Валентин Григорьевич начал свое выступление со слов, что самое страшное для русского человека, позади. «Мы устояли в роковые девяностые, а теперь робко начинаем делать шаги от края пропасти. Сегодня уже не страшно произносить слово «патриот», как это было в начале разбойного десятилетия. Вспомним, как Альфред Кох публично грозил: «Русский народ нужно наказать американскими ракетами!» А Новодворская ненавистно шипела, что, дескать, наше место – у парашей!.. Без возрождения семьи, русской жизни, русского быта, русский язык исчезнет. Земля, родной язык и Православие – вот три составляющих русского духа. Заберите одну из них, и наш человек погибнет»...

Вспоминаю также ответ Распутина на вопрос – кого из современных писателей он особенно ценит... «Для меня писатели делаются на тех, у кого есть язык, и у кого этого дара нет. Хэмингуэю легко подражать. Фолкнеру и Платонову – нет, потому что они мастера языка. Из писателей среднего поколения лишь Владимир Личутин обладает самобытным языком. Среди писателей моего поколения особенно близка проза Евгения Носова, Виктора Потапина, Виктора Лихоносова, Юрия Казакова, Виктора Астафьева, за исключением произведений, где Астафьев ударяется в ненормативную лексику. Евгений Носов писал Астафьеву: «Витя, уймись! Мы же знаем, как ты умеешь писать». Но, видимо, для Астафьева мат – дело принципа. Какая радость вскипает при чтении Тургенева, Бунина, Шмелева!.. Вот у кого нужно учиться мастерству. Меня часто упрекают за то, что многие мои сюжеты заканчиваются печально. Но сама жизнь печальна! А слово разрушает печаль...»

Несомненно, главные произведения Распутина «Прощание с Матёрой», «Пожар». «Живи и помни» из русских романов XX века я славлю вровень с шолоховским «Тихим Доном». Но хотелось бы вспомнить один необычный рассказ – «На родине», написанный в конце 1990-х годов. Повествователь приезжает в родную деревню и пишет о том, что открывается взору – о современной деревенской жизни. С болью видит перемены в родном селе: привычный быт и нажитые традиции на-

рушены и забыты, и кажется, будто «земляки живут на какой-то пересылке, на временном расхристанном бивуаке, а не оседло на отчей земле. Люди-то те же, давние, родственно близкие, но теперь растерянные, потерявшие себя»...

Есть в деревне душа, которая пытается раздавать родным землякам хлеб, на этот раз духовный. Это Ирина Витальевна Воложжина, единственный библиотекарь в местной читальне. Зарплата у неё нищая, но пугает её не скудный оклад, а то, что книгу изгоняют из таёжного угла!

«Я вчера был у неё в библиотеке, – пишет Распутин. – Шёл в клуб, библиотека была там, а Ирина выскочила из леспромхозовской конторы: библиотека теперь здесь, чуть наискосок от сгоревшей школы. Тут как бы центр, на улице сгоревшей школы, поссовет тоже рядом. И пожаловалась вчера мне Ирина, что библиотеку вот-вот, должно быть, закроют. Есть норма: если в селе меньше полутысячи жителей, библиотека отменяется. У нас уже меньше. Я пообещал постоять за библиотеку. И вот теперь благодарная Ирина, уже за то благодарная, что не промолчал, пускай и в сердечной муке, что нашёл слова для обещания и одел их в твердость, прибежала с отобранными карточками (библиотечными карточками читателей. – А. А.).

– Читают?

– Читают, – замаявшись, отвечает она.

– Меньше?

– Меньше.

– Сами же говорите, что делать нечего. Ну и читали бы.

– Знаете, – не сразу отвечает она. – Когда дело есть, оно другого дела просит. А нету дела – ничего не надо...»

Верно и тонко подмечено – есть дело, то есть то, главное, что оправдывает человеческую жизнь, есть тогда и смысл в духовном развитии, чтении. Нет дела – нет и смысла.

Дай Бог, чтобы дело сопровождало наш жизненный путь. Дело высокое, звездное, обжигающее, без которого русский человек вместо того, чтобы стать иконой, к чему и призван, становится карающей дубиной.

Конечно, говоря о современном литературном процессе в России, нельзя не упомянуть финно-угорских писателей, Еремея Айпина, Николая Коняева, ушедшего от нас этой осенью, и дру-

гих мастеров слова, чье творчество отмечено глубиной содержания, состраданием к людям и любовью к Отечеству. Можно вспомнить роман Айпина «Ханты, или Звезда Утренней зари» – своеобразное эпическое сказание о ханты, о судьбах финно-угорского народа, его прошлом, настоящем, будущем или «Мою нечаянную родину» Николая Коняева.

Во все века писательское слово в нашем государстве будет востребовано, ибо Россия – страна словоцентричная. Апостол Иоанн указал, что Слово – это Бог. Память о сакральной природе Слова жива в русской душе и никакие перемены ее не смогут истребить. А если это все-таки случится, то такая страна не будет называться Россией.

СЕМЬ ПОЦЕЛУЕВ ЮРИЯ ВЭЛЛЫ

Впервые я встретился с Юрием Айваседой в конце семидесятых годов прошлого века – в полном разгаре была кампания по работе с литературной молодежью. Коммунистическая партия и комсомол вместе с Союзом писателей СССР, взялись за дело. Проходили семинары молодых литераторов на окружном, областном, общесоюзном уровнях.

Вспоминаю свою первую поездку на областной семинар. Однажды, на имя руководителя нашего Спец. АТК, где я работал слесарем второго разряда, пришло письмо за подписью первого секретаря Тюменского обкома комсомола с просьбой командировать меня на семинар-совещание молодых литераторов в Тюмени. Там собирали молодых поэтов и прозаиков, устраивали разбор представленных ими произведений. Рабочая тема была объявлена царицей литературных полей. И все как один обязаны были прославлять романтику героического труда.

Тогда я только недавно женился и поехал в Тюмень в своем лучшем – свадебном, сером кримпленовом костюме. Высокий, с тонкой шеей, с романтической, кудрявой гривой на голове. Нас разместили в гостинице «Восток». А заседания проходили в здании облизполкома. Там на пятом этаже размещалась областная писательская организация, но наши прения проходили в малом зале заседания на третьем.

Мы сидели за полированными столами, напротив огромных окон, как важные государственные люди. Ну как тут сердчишко не затрепещет от восторга. Ну как тут не захочется побежать впереди паровоза и писать, писать, писать, прославляя родную партию, милый обаятельный комсомол, ударный труд, в основном тяжелый и физический на бескрайних просторах Западной Сибири.

Кстати, о тяжелом и в основном физическом труде. Своя романтика и своя эстетика, свой героизм во всем этом был. Правда, он заметно отличался от тех штампов и стандартов, в которых эта тема подавалась. Но всё это сначала нужно было пережить, осознать, дорости до понимания. И только потом,

может быть, из этого виртуального плавильного котла можно было бы получить вечную бронзу поэтических и прозаических строк. И, конечно же, каждый должен был прийти к этому индивидуально, а не в рамках политической кампании. Все это я понял позднее. Для этого требовалось время.

Но тогда, Боже мой, как же хотелось быть «нужным» стране. Как же хотелось «поставить свое перо на службу рабочему классу». И в конечном итоге стать членом Союза писателей, выпустить свои книжки. Там, где я родился, эту задачу решить практически было невозможно. У меня теплилась надежда, что возможно Север, новые впечатления, новые образы, героика северных буден помогут мне. Я узнаю что-то новое, столкнусь с чем-то необычайным и героическим – с тем, что заставит мою скромную лиру зазвучать по-иному. Отчасти надежды мои сбылись, что-то удалось, что-то – нет. Но прорыв в иные сферы был сделан.

Я познакомился с людьми пишущими. Причем из числа тех, кто занимался этим на профессиональной основе. Маститые писатели и критики в основном приезжали из Москвы, из Свердловска. А в Тюмени в основном жили, я бы сказал, мало издаваемые литераторы. У каждого из них было по две, ну от силы по три книжки. Я не беру такого гиганта мысли и пера, как Константин Яковлевич Логунов. А вот у того же Анатолия Кукарского, Альфреда Гольда, Александра Гришина – «иных уж нет», было тогда по книжке, по одной публикации в центральном журнале, какие-то подборки в периодической печати. И вот с этим багажом люди бросали работу и жили тем, что служили литературными консультантами, либо ездили по путевкам бюро пропаганды советской литературы по городам и весям.

Из живых классиков на тюменских, да и на ханты-мансийских семинарах всегда присутствовал Алексей Степанович Смольников. Какое-то время он учился в Ханты-Мансийске, закончил там школу, вроде бы даже ушел из Ханты-Мансийска на фронт. Поэтому всегда бывал на семинарах и с большим вниманием относился к представленным работам. Это был очень спокойный, взвешенный человек. Всегда в безупречном двубортном костюме, свежая рубашка, галстук.

Прямые темно-русые, к тому моменту уже редкие волосы, тщательно зачесаны наверх. Он больше напоминал секретаря обкома партии или важного чиновника. Но это было до тех пор, пока он не начинал разбирать какое-либо творение. Как правило, он был бесконечно бережен, напоминал хирурга, который снимает с обожженного или с израненного тела окровавленные бинты. Очень трепетно, не причиняя лишней боли. А вдруг, а вдруг...

А вдруг за всем этим нагромождением нелепостей, пошлостей, заимствований и графоманского бреда сверкнет золотая крупница. Нет, не таланта – талант – это самородок. А так – лёгонький шлик, знак, надежда на открытие. Так он подходил к моим стихам.

Но были и другие примеры: желчный и морщинистый Леонид Шкавро, представлявший Уральское книжное издательство. Вот этот был безжалостен, как Великий инквизитор. Всё – ересь, всех – на костёр. Но возможно в этом была и своя серьёзная правда. Тем более со страной графоманией он сталкивался каждый день у себя в конторе и зорко стоял на страже ценностей Великого русского языка и Великой русской литературы. Говорят, на самом деле, он был тонким и нежным. Знал и любил поэзию.

В числе того самого – первого для меня Тюменского семинара, среди участников был Юрий Айвасада (Вэлла). Почему я обратил на него внимание? Он был тогда в ненецкой национальной одежде, а на поясе у него висели деревянные ножны, из которых выглядывала рукоять ножа.

Более того, когда мы вышли на улицу после окончания заседания, то я заметил, что на Юре была малица с капюшоном, а на ногах мужские кисы. До этого мне не доводилось встречать человека, который был бы так одет. Даже во время работы в сейсмопартии № 4, в тайге. На профиле нам встречались местные охотники из рода Каюковых, но одеты они были примерно также, как и мы – в утеплённые куртки – «пониженки», правда на ногах у некоторых были меховые кисы с высокими голенищами. А вот чтобы так – в полном парадном обмундировании – в малице, да ещё с ножами на поясе. Нет, это было впервые.

Но Юра привлёк моё внимание не только одеждой. На семинаре я представил вниманию слушателей и судей стихотворение «Росомаха», где были такие строки: «Не ведая горя и страха, не чувствуя зла и беды, я видел – по склону скользит росомаха и тают на склоне следы». Мало кто из присутствующих тогда понял о чём идёт речь. А Юра понял, ничего резкого, отрицательного по поводу стихотворения он не высказал, более того – некоторым образом поддержал. Он сказал так:

– Мне, например, здесь всё понятно, – сказал он. Я сам не раз добывал этого хитрого и смелого зверя. Весьма правдоподобно.

И эта поддержка была для меня весьма важна. Почему? Тогда я не видел росомаху. Даже на картинке. А строки эти появились после того, как выслушал рассказы Леонида Стариковского по возвращению его из очередного похода в Якутию. Леонид был активным внештатным автором нашей многотиражной газеты, путешественником, кандидатом в мастера спорта по пешеходному туризму. Возвращаясь из походов, он заходил в редакцию и очень долго рассказывал. Вот где я впервые услышал о том, как по склону скользит росомаха. Вставил эти строки в стихотворение. И угадал. Воображение меня не подвело. И слова Юры Айваседы поддержали меня. Я первый раз убедился, что можно писать даже о том, чего никогда в жизни не видел. Лишь бы правильно понять собеседника и включить воображение.

Потом, много лет спустя, мне довелось видеть, как охотники на вертолёте преследовали этого отважного зверька. Вернее, сначала одного, а потом другого. Первого им удалось убить. Вертолёт завис и специально подготовленные люди спустились на снег по канату, подняли росомаху и доставили её в кабину. У мертвого зверя были открыты глаза. В них не было страха. Была только ненависть и презрение к преследователям. А вот второму зверю удалось уйти. Охотникам не помогли ни нарезные импортные ружья, ни вертолёт. Росомаха, возможно, даже раненая от них ушла. Огромными волнообразными скачками она пронеслась по лысому заснеженному склону и затерялась в лесной чаще. Спустя десятки лет, я подумал вот о чём: «А может быть сам Вэлла из рода росомахи?» Но это всё было потом, спустя десятки лет.

Тогда же я узнал, что Юрий живёт в соседнем Нижневартовском районе, в посёлке с поэтическим названием Варьёган. И вот когда меня перевели на работу в Нижневартовск, мы с Юрой познакомились поближе.

Почему я начал свои воспоминания именно с этого семинара? Да, наверное, ещё и потому, что наша последняя встреча с Юрием Вэллой состоялась на таком же семинаре, но уже в 21 веке, в 2011 году в Нижневартовской районной библиотеке, которая находится в посёлке Излучинск.

В зале библиотеки были выставлены огромные – метра два высотой – макеты обложки его книги. На одном из них был изображён он сам в позе ненецкого мыслителя, на другом – его жена Лена – воплощение доброты и кротости лесной женщины ханты, на третьем планшете – знаменитые нижний, средний и верхний мир – основа религии и мифологии ханты.

Мы молчали, общение не складывалось. Юра был холоден и дистанционен, задумчив, и даже грустен. Позже, от Николая Денисова я узнал, что Юра перенёс две операции на лёгком и сейчас проходил дополнительные курсы реабилитации. На семинар он пришел прямо из больницы.

Мы стояли возле планшета с изображением трёх миров, и он неожиданно сказал мне:

– Я тут спросил у одного из наших, который постоянно говорит о трёх мирах. А как эти названия звучат на языке ханты? Он не знал.

Меня пронзил какой-то неприятный холодок. Показалось, что будто бы вечность дохнула мне в лицо. Я почему-то подумал, что Юра сейчас скажет что-то очень важное. И то, что он произнесёт, будет неким откровением и завещанием одновременно.

И вот тогда Юра мне сказал, указывая на планшет с изображением трёх миров:

– На самом деле они (три мира – нижний, средний и верхний) расположены не вертикально, а горизонтально. Утром встаешь и идёшь к горизонту. За спиной у тебя ночь – тёмный мир. Впереди у тебя восход – светлый мир, а ты всё время в дороге – в среднем мире. Идёшь от тьмы к свету.

А может быть: «Из тьмы во тьму», – подумалось мне. Но это был уже кусок из другой дискуссии и с другим писателем. А ещё вспомнилось мне то, как мы называли нашу первую совместную газету. Юра дал ей имя: «Ме валтэ мегам». И, как Малечка Катаева, жена ещё одного писателя Юрия Калещука, сказала, что это название звучит уж как-то совсем на иврите. А я в свою очередь выдвинул предположение, что лесные ненцы – это затерянное колено израилюво. Ну, может быть не все, а только один человек – Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла). Вот он-то точно – человек Книги.

Потом в утренней полудрёме, перебирая события вчерашнего дня, я вспомнил слова Юры о том, что три мира расположены не вертикально, а горизонтально, и опять подумал о том, что он представитель Богоизбранного народа. А ещё я подумал, что раса, вероисповедание и национальность здесь абсолютно не причём. К этому роду племени относятся все те люди, которых Господь поцеловал в макушку. И Юра был одним из них. Вернее, одним из нас.

В той короткой беседе, которая состоялась в районной библиотеке, нашло своё отражение очень многое. Заговорили о языке. Мы уже не первый раз касались этой темы.

Когда мы вместе с Юрием готовили к изданию нашу совместную газету, то выяснили, что так называемого «письменного» языка аганских ханты не существует. Он утрачен. Все, что издавалось на языке ханты – газета «Ханты-Ясынг», книги, научные труды на языке аборигенов – все на казымском диалекте хантыйского языка. Жители Агана его понимали с большим трудом и предпочитали изъясняться с соплеменниками по-русски. После того, как вышел первый номер, Юрий выпустил ещё несколько номеров. Хотел с помощью газеты обучать письменности земляков.

Так что же случилось с образным, метафорическим языком представителей коренных малочисленных народов? Его носителями были шаманы. А они после подавления казымского восстания были уничтожены. И не только на Казыме, но и на Агане тоже. Как утверждал Юрий, оставался только один человек, который владел образной речью аборигенов. Это был Таттва. Он был слеп и жил на берегах озера Нумто. Юрий дружил

с ним, записывал его рассказы, песнопения, легенды и сказки. Именно эти произведения на языке ханты он считал достойными высокого звания литературных произведений...

Как-то праздновали в Ханты-Мансийске юбилей Еремея Даниловича Айпина. Не помню, сколько ему в тот раз исполнилось, но отмечали широко и торжественно. Приехали литературоведы из Европы – из Сорбонны, из университета города Тарту, из других городов – из Москвы, Санкт-Петербурга, Сургута, Нижневартовска... Звучали содержательные доклады, много лестных слов было произнесено в адрес юбиляра. Присутствовал на этих торжествах и Юрий Вэлла.

Я почему-то думал, что он тихонько отсидится в сторонке, отмолчится. Но я ошибся. Юрий выступил с довольно пространной и своеобразной речью. Он рассказал о том, как при поселении в общежитие Литературного института имени Горького в Москве и получил от Еремея, выпускника этого учебного заведения подарок – костюм из прочной ткани: брюки и куртку цвета хаки. Такие обычно носили студенты из строительных отрядов.

Как выяснилось, костюм служил Еремею верой и правдой все те годы, что он учился в Литинституте. И он передавал его собрату по перу, односельчанину из Варьёгана. И тот его с благодарностью принимал. Такой вот символический акт.

– Этот костюм потом долго и мне служил и хорошо помогал во время учёбы. – Так рассказывал гостям Юра.

Ну, впрямь, тулупчик из «Капитанской дочки».

Это повествование звучало так ярко, так вдохновенно, что не могло не растрогать собравшихся. А ещё, на мой взгляд, этим своим рассказом он признавал в Еремее старшего по рангу.

Действительно – сильный ход. Признание, устраняющее бывшее соперничество, восстанавливающее некую иерархию в отношениях двух писателей, пишущих на языках коренных малочисленных народов Югры. Но как любил говорить о себе сам Айваседа: он – хитрый ненец.

И сразу же после трогательной истории о костюмчике, Юра прочитал своё стихотворение о семи поцелуях. Причём

как он его читал? Кылевич пригласил на сцену девушку, зачитывал строчку, а в ней шла речь о природе поцелуя, и тут же на спутнице демонстрировал прочитанное – целовал её, проще говоря. И каждый раз, как в стихотворении, так и на сцене один поцелуй отличался от другого.

И тут я подумал о том, что по своей творческой манере Юра близок к постмодернизму. Действо, которое происходило на сцене иначе, как хепенингом не назовёшь. Оно подтверждало некую простую мысль, которая пришла мне однажды: у Юры процесс стихонаписания не ограничивался границами письменного стола. Он вырывался на просторы обыденной жизни, и поступки автора становились продолжением его строф, превращались в некие мегастрофы, которые несли самостоятельно свою метафорическую нагрузку, расцвечивая небывалыми красками наше серое и однообразное существование.

В 1987 году я перешёл работать в газету «Ленинское знамя» и переехал жить в Нижневартовск. Вот здесь-то продолжилось и закрепилось наше знакомство с Юрием Кылевичем Айваседой. Как-то, находясь в мастерской местного фотохудожника Николая Ивановича Гынгазова, я увидел портрет Вэллы. Он был выполнен весьма своеобразно. Создавалось впечатление, что перед нами древнекитайский философ. И только приглядевшись к фотографии, можно было узнать поэта Юрия Вэллу.

– Это мой друг, – сказал Гынгазов. Если хочешь, могу познакомиться.

– Да мы уже знакомы, – ответил я, правда, шапочно. Виделись на семинаре в Тюмени. Но я бы с удовольствием продолжил общение с этим человеком, – сказал я тогда Николаю Ивановичу.

На том и порешили. Юра приехал по делам в Нижневартовск, зашёл как всегда к Гынгазову, а затем они оба появились в моём кабинете в редакции газеты «Ленинское знамя».

Посидели, попили чай, поговорили. Результатом этого разговора стало интервью, которое увидело свет в номере газеты от пятого января 1987 года. Это был первый после новогодних выходных номер.

Спустя много лет, в библиографическом сборнике я не нашёл упоминания об этом материале, как впрочем и о многих других, которые писал о Юрие Вэлле. Дело всё в том, что я подписывал эти публикации своим псевдонимом Б. Кратов. И их, естественно, не отнесли на мой счёт при подготовке сборника к изданию. Но в архивах газеты «Ленинское знамя» они имеются. И я позволю себе подробно на них остановиться.

Называлось интервью весьма незатейливо: «Дела земные». Имелся подзаголовок: «Интервью с депутатом». С первых же строк была задана некая интрига. Вот как начинался материал:

«Охотник-промысловик госпромхоза «Охтеурский» Юрий Кылевич Айваседа – депутат Нижневартовского районного Совета народных депутатов. Студент-заочник Литературного института имени А. М. Горького, поэт и прозаик Юрий Вэлла, проживающий в Варьёгане, хорошо знаком читателям нашей газеты. Его лаконичная сдержанная поэзия и удивительно сочная колоритная проза сразу западают в душу и остаются в ней надолго. Депутат Юрий Кылевич Айваседа и поэт Юрий Вэлла – это один и тот же человек».

В этом немудреном вступлении сосредоточилось очень много информации о нашем герое. Поэтому я позволил себе его привести. В тот год, когда мы встретились, Юрию было уже почти сорок лет. Он был женат, растил четырёх дочерей, работал охотником-промысловиком, а до этого сменил целый ряд должностей и был даже председателем сельского совета, но не усидел на этой должности, вернулся в тайгу, был избран депутатом районного Совета. Поступил в Литературный институт имени Горького, почти заканчивал его.

Иными словами это был уже достаточно зрелый человек со своими проблемами, со своим устоявшимся виденьем мира. И именно этим он для меня, как для журналиста, был чрезвычайно интересен.

Здесь я должен сделать небольшое отступление и сказать вот о чём: мы, люди, выросшие на «большой земле» и приехавшие «покорять север», имели весьма отдалённое представление о жизни коренных жителей. По каким-то неписаным за-

конам посторонним запрещалось посещать посёлки и деревни, где жили охотники и рыбаки со своими семьями. Я не знаю, распространялся ли этот запрет на Варьёган, но вот в деревню Русскинские, что в Сургутском районе, людям из города приезжать не разрешалось. Объясняли это так: мол, нечего там делать, все взрослые в тайге на промысле. Но было еще одно основание для запрета – горожане привозили с собой спиртное, причём не только водку, но и спирт, одеколон – в общем всё, что горит, и обменивали «огненную воду» на шкурки соболя, куницы и белки, вносили свой посильный вклад в спаивание коренного населения.

Одним словом – это были территории, закрытые для посещения. Приезжать можно было на официальные мероприятия, такие как праздник народов Севера. Но и там узнать что-либо было невозможно. В своей основной массе люди отмалчивались да и стремились всячески уклониться от общения с «чужими». Поэтому наши представления о жизни коренных малочисленных народов Севера складывались на основе тех лубочных клише, которые штамповала официальная пропаганда, с одной стороны, а также самых нелепых слухах и легендах – с другой.

А тут такая удача. Мой собеседник с одной стороны – настоящий охотник-промысловик, депутат, а с другой стороны – поэт, прозаик, без пяти минут выпускник «Литературного института» – человек искренний, думающий, понимающий своего пишущего собрата и разговаривающий с ним на одном языке.

Вот тут я хотел бы вернуться к тому первому интервью с Юрием, которое вышло в газете «Ленинское знамя» в январе 1987 года. Вот что я писал тогда:

«Юрий Кылевич приехал на очередную сессию районного совета народных депутатов и у нас, естественно, разговор зашёл о делах депутатских.

Говорил Айваседа сжато, точно формулируя проблему, выделяя только основное, подмечая характерные детали. Чувствовалась хорошая организация речи. Он сразу, как говорится, брал «быка за рога», начинал с того, что имело, по его мнению, первостепенное значение».

Позволю себе процитировать ещё один отрывок из интервью с ним.

– Главная проблема для нас сегодня, – начал «с места в карьер» Юрий, – выжить в бурном водовороте индустриализации края. Нет, как люди, как индивидуумы, мы выживем – это безусловно. Но нам надо сохранить наш уклад, нашу культуру, наши традиции. Всё то, что отличает наш народ от других. *(Не правда ли, как остро и актуально звучит? И сегодня касается это не только лесных ненцев).*

А это всё упирается в решение совершенно конкретных проблем. Вот, например, в сентябре у нас в Варьёгане школу открыли. Построили её шефы. Одна организация деньги выделила, другая их освоила – школа появилась. *(От автора. И заметьте – никаких откатов).* Для этого пришлось обращаться в самые различные инстанции, вплоть до Совета Министров. Но труднее всего было убедить наши местные власти. У них – неоспоримый аргумент. Зачем строить школу в Варьёгане, где проживает около 300 семей, и в которой будет обучаться около сотни детей, когда в Новооганске, всего лишь в десяти километрах от национального посёлка, будет построена большая школа, с кабинетной системой обучения, с просторными светлыми классами, квалифицированными педагогами.

Вот наши дети, дети рыбаков и охотников учатся в Новооганской школе. Их там малая часть от общего количества. А в основном там дети нефтяников, геологов, строителей. И преподавание, а самое главное – профориентация в школе направлена на эти профессии. Никто там не говорит детям: «Вы будете охотниками и рыбаками». Говорят: «Вы будете нефтяниками и строителями». И наши дети, окончив школу, приобретают вышеназванные профессии.

Они заканчивают училища, техникумы, институты, но выросшие в тайге, они зачастую не выдерживают бешеного ритма современного промышленного города, а возвращаются домой, в Варьёган.

Но кто они? Они не рыбаки и не охотники. Их воспитали покорителями Севера. На тайгу они смотрят, как на объект, где ведётся промысел. Неважно чего – промысел нефти или промысел зверя. Им главное – урвать из тайги всё что можно,

а что останется после них – не существенно. Вот поэтому нужна школа в Варьёгане, где бы процесс обучения и воспитания будущих рыбаков и охотников шёл бы одновременно. И в тех возрастных границах, когда ещё человек поддаётся воспитательному воздействию. Это было для меня депутатским наказом избирателей, и я его выполнил.

Вот таким интервью завершилась наша первая встреча на Нижневартовской земле. Сейчас, спустя тридцать лет, перечитывая эти строки, не перестаю удивляться прозорливости и особому чёткому и конструктивному складу ума Вэллы. В бытовых деталях он замечал следы глобальной проблемы, смело говорил о ней, предлагал совершенно конкретные пути решения. Более того, не ограничивался только разговорами, а воплощал в жизнь, то, что считает необходимым. И так будет в дальнейшем. На протяжении всех долгих лет нашего с ним знакомства.

Это был 1987 год. Перемены стояли буквально на пороге нашего общего дома. Но многие из нас даже не догадывались о том, что будет через несколько лет. А Юрий, каким-то своим особым внутренним зрением видел грядущие изменения в деталях и подробностях. И не просто видел, а делал всё, чтобы это наше «светлое будущее» наступило как можно быстрее. Более того, чтобы при переменах было как можно меньше конфликтов, чтобы люди научились договариваться, идти на встречу друг другу, находить золотую середину.

Вот ещё одно интервью, оно вышло в номере от 8 апреля 1987 года. Опубликован материал под рубрикой: «Власть наша народная» и назывался он «Последняя инстанция». Позволю себе снова большую цитату.

«Сход у нас состоялся, сколько живу, а такого схода не помню, – начал свой рассказ депутат Нижневартовского районного Совета Ю. К. Айваседа. Нефтяники пришли к нам в Варьёган. Просили сделать отвод земли. Раньше все эти вопросы решались в райисполкоме, а в этот раз их привезли прямо к нам и сказали: «Как сход решит, так и будет». Да оно и верно – нам на месте виднее как произвести отвод земли, так чтобы для нас это было с минимально возможным ущербом, и чтобы нефтяники смогли производительно работать.

И они, и мы – люди государственные. Они добывают «чёрное золото» – нефть, а мы «мягкое золото» – пушнину. Но и попросили они в этот раз много. Бора по берегу реки Ампуты, мы там добываем 30-40 процентов белки, столько же рыбы в реке вылавливаем, третью часть ягод там собираем. Месторождение, которое они собираются разрабатывать – называется Западно-Варьёганским. Здесь у нас последние олени пастбища, возле них пенсионеры живут. На пастбищах нужно целый год находиться, не отлучаясь, вот там наши пенсионеры и живут.

Да, привезли к нам нефтяников на сход и сказали: «Как народ решит...» Я думаю, что в райисполкоме на это пошли с умыслом, чтобы не забывали наши славные покорители сурового Тюменского Севера на какой земле они работают, что на этой земле до них люди жили, чтобы бережнее они к природе и окружающей среде относились.

Особенно жарко стало нефтяникам, когда перешли к списку объектов, которые они должны нам построить в порядке компенсации. Список длинный. Тридцать домов, зверофермы, котельная, коровник, строительные базы на новых угодьях, бензин.

Я задал Юрию следующий вопрос:

– В списке объектов я вижу ещё и магазины, детские сады, овощехранилища?

И вот что он мне ответил:

– Давай посмотрим, кто воспитывается в нашем детском саду. Там только тридцать процентов ненецких детей. Остальные дети нефтяников, геологов, строителей. Два года назад у нас в Варьёгане построили магазин, но теперь его не хватает. А ведь население нашего посёлка не увеличилось. Кто же покупает в нём продукты? Жители Радужного и Новооганска. Мы же не можем им запретить приходить в наш магазин. Мы можем ограничить для них продажу части продуктов, но остальное-то они покупают. Значит, надо расширять магазин, строить овощехранилище.

Мы сселяем с пастбищ людей, значит, мы обязаны обеспечить их работой. Не следует забывать, что в пятидесятые годы здесь был колхоз-миллионер. Были в нём коровы, звероферма, две с половиной тысячи голов оленей. Значит, возможности для развития животноводства у нас имеются. Следовательно,

надо его развивать, а продукты можно продавать в том же Радужном и Новоаганске.

Ещё один мой вопрос заострил нашу дискуссию:

– А откуда деньги возьмут нефтяники на строительство всего вышеперечисленного. Ведь они переходят на новую систему хозяйствования, хозрасчёт?

– Вот мы и хотим добиться того, чтобы деньги на компенсационные затраты были заложены в смету освоения месторождения, – ответил Юрий.

Иначе, что может получиться? – продолжил он. Построят они трубопровод, а деньги, которые надо было бы затратить на природоохранные мероприятия, израсходуют на компенсационные работы. В результате на трубопроводе рано или поздно произойдёт авария, нефть попадёт в реку, так уже бывало не раз и наше благополучие обернётся против нас. Нет, это должны быть запланированные траты на компенсационное строительство.

Ещё было очень далеко до приватизации, разгосударствления общенародной собственности. Ещё царствует плановая система в экономике и государственные директивы важнее всех законов и природоохранных, и конституционных. Но люди на местах методом проб и ошибок нащупывали пути решения многих серьёзных конфликтов, которые могли вылиться в грандиозное противостояние. И в числе этих смельчаков был и Юрий Айваседа...

После описания всех этих событий у читателя может возникнуть мнение, что наши встречи переросли в серьёзную многолетнюю дружбу. Мне бы тоже так хотелось думать, но, к сожалению, это не так.

В данных вопросах Юрий Кылевич был весьма щепетилён. Знакомых у него было много, а вот настоящих друзей...? Николай Иванович Гынгазов, пожалуй, один из них. Что их объединяло? Оба были страстными рыбаками и охотниками. Юра – в силу своих профессиональных обязанностей, для Николая это была лучшая часть его жизни. В лодке на реке, в палатке у таёжного костерка Николай испытывал такие же минуты счастья, которые ему доставляли удачные фотоработы, отмеченные наградами международных конкурсов. А таких было немало.

Оба были художниками в самом высоком смысле этого слова. Но Юрий подарил Николаю ещё и тот образ коренного жителя, что резко отличался от бесчисленных портретов людей в малицах возле чумов и собачьих упряжек, которые в массовом порядке тиражировались советской пропагандой. Это был образ мудреца, философа, мыслителя. Сотворен он был при помощи фотоаппарата и фотоувеличителя. Но в этом ракурсе никто и никогда лесных рыбаков и охотников не рассматривал.

Думаю, что их сближало ещё и то обстоятельство, что Николай Гынгазов был из семьи репрессированных. Его предков раскулачили и выслали в Сибирь откуда-то из Смоленской области. На судьбе самого Николая это обстоятельство практически никак не отразилось, но память о данном факте в нём жила. Что их тут сблизило с Вэллой? В Варьёган родственники Айваседы переселилась в тридцатые годы. Как мне потом рассказывал Юрий, его семья вынуждена была бежать из родных мест, а это северо-запад Югры, в силу неких политических обстоятельств. Вначале он рассказывал о том, что его соплеменники убили двух офицеров колчаковцев и, опасаясь за свои жизни, вынуждены были бежать на Восток. А потом, спустя годы, после смены общественного строя в нашей стране, два белогвардейца превратились в красных комиссаров в остроконечных шлемах.

Мне кажется, что вторая версия ближе к истине. Речь идёт о подавлении Казымского восстания в начале тридцатых годов. И бегство из этой огненной круговерти, наверное, имело место. Пришлось, наверное, даже сменить родовую фамилию Вэлла на более приближенную к месту нового поселения – Айваседа. В Варьёгане жили и другие однофамильцы Юрия с такой фамилией. Вот, например, Василий Соболевич Айваседа. Он будет активно участвовать в выпуске нашей первой совместной с Юрой газеты. Был ещё и депутат районного Совета Павел Янчевич Айваседа – очень авторитетный в Варьёгане человек. А что касается фамилии Вэлла, то её я услышал снова, много лет спустя, когда работал в Ханты-Мансийске.

Уже в постсоветское время Юрий Кылевич загорелся идеей создания стойбищной школы. Чтобы не в посёлке, а именно на стойбище. И он добился своего. Пригласил учительницу, выпускницу Нижневартковского педагогического института к

себе на стойбище, добился того, чтобы она получала зарплату и обучала его внуков. Чтобы не отдавать детей в интернат, не отрывать от привычной среды обитания.

Об этом эксперименте много говорили и на страницах газет, и с экранов телевизоров, но своего массового развития это дело не получило. У Юрия нашелся лишь один последователь в северо-западных районах Югры. И фамилия у него была Вэлла. Это был крепкий хозяин, предприниматель, возможно дальний родственник Юрия Кылевича.

О моём герое написано много. Но он практически исчерпаем. И каждый, кто коснётся этой темы, будет открывать для себя новые и новые пласты его жизни и творчества. И в связи с этим мне вспомнился один разговор с Татьяной Степановной Гоголевой, депутатом окружной Думы нескольких созывов, а теперь и депутатом Федерального Собрания Российской Федерации. Вот что она тогда мне сказала:

– Мы (она вела речь о коренных жителях Севера) ни лучше, и ни хуже вас, (тех, кто приехал покорять и осваивать) – мы иные. Вы можете существовать только в условиях добычи, переработки и сжигания углеводородов – нефти, газа, угля, сланцев. Но это путь в никуда. Во-первых – запасы чёрного золота конечны. Во-вторых – сжигая их, вы уничтожаете природу. Выбрасываете в атмосферу вредные вещества, уничтожаете кислород, загрязняете реки.

Природу вам не уничтожить. Она будет существовать. Вы истребляете собственную среду обитания, без которой не сможет существовать человек.

А мы (коренные жители Севера) строим принципиально иную цивилизацию. Пытаемся жить, созидать, творить, нарабатывать культурный слой в обществе без добычи, переработки, сжигания углеводородов. Задача по своей значимости и грандиозности равная той, которую решаете вы. Но вы реализуете свои планы самым простым способом. А мы пытаемся претворить в жизнь свои намерения при условии сохранения окружающей среды. А иначе теряется смысл всякой деятельности.

Большая часть этого монолога Татьяной Степановной произнесена не было. Она закончила свою речь на словах: «Мы – иные». Всё остальное я понял из её молчания и додумал сам.

Ну, такая уж манера речи была у мансийской княгини, уроженки деревни Ломбовож Берёзовского района, что на Приполярном Урале, Т. С. Гоголевой.

И Юрий Вэлла был из этих самых «иных». Всю жизнь он пытался докричаться до нас, донести свою правду. Ещё в 1987 году он пытался договориться с недропользователями. Вот что он тогда говорил:

– Мы, охотники госпромхоза, государственные люди. И нефтяники тоже государственные люди. Они добывают для казны «чёрное золото», мы – мягкое золото – пушнину.

Юрий думал, что с ним будут договариваться. Но никто этого делать не собирался. Нефтяники всё дальше и дальше идут в тайгу, выходят в район священного озера Нумто. И тогда Вэлла начинает бунтовать. Он участвует в пикетах, вместе с земляками перегораживает проезд к месторождениям, убивает оленя, которого посвятил первому Президенту России Борису Ельцину.

Но потом всё как-то нормализуется. Вэлла становится почетным жителем Нижневартовского района. Его приглашают в президиумы, выходят его книги, правда, очень многие из них за его собственный счет. Вместе с художником Геннадием Райшевым его снимает телевидение Югры. О нём много пишут в газетах, в том числе и центральных. Он становится фигурой международного масштаба, ездит в командировки в Америку и Канаду. Он уже не стоит в пикетах, но до последнего дня отстаивает право на свою правду на разных конференциях, поднимающих общественные проблемы и судьбу северных народов. А прогрессирующая болезнь, только заставляет торопиться. Сколько ещё не сделано...

Между тем, часы отсчитывают последние минуты жизни. И нужно иметь немало мужества, чтобы стойко переносить приближающееся холодное дыхание вечности. Не потерять лицо, оставаясь в образе великого и мудрого. А ещё нужно кому-то поведать о том, что нижний, средний и верхний миры расположены не вертикально, а горизонтально. И тут происходит наша с ним встреча, последняя встреча на семинаре молодых литераторов в Излучинске в 2011 году. И он пытается мне рассказать о своём открытии, надеясь, что я сам хоть что-нибудь пойму и поведаю остальным.

КЛАССИКИ О ВРЕМЕНИ НАШЕМ

Ф.М. Достоевский
«Записки писателя» (1877год)
(выдержки)

* * *

Вновь сшибка с Европой (о, не война еще: до войны нам, то есть России, говорят, все еще далеко), вновь на сцене бесконечный Восточный вопрос, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... Но, однако, чего нам гоняться за доверчивостью Европы? Разве смотрела когда Европа на русских доверчиво, разве может она смотреть на нас когда-нибудь доверчиво и не враждебно? О, разумеется, когда-нибудь этот взгляд переменится, когда-нибудь и нас разглядит и раскусит Европа получше, и об этом когда-нибудь очень и очень стоит поговорить, но пока – пока мне пришел на ум как бы посторонний и боковой вопрос, и недавно я очень занят был его разрешением. Пусть со мной будет никто не согласен, но мне кажется, что я хоть отчасти, а прав.

Я сказал, что русских не любят в Европе. Что не любят – об этом, я думаю, никто не заспорит, но, между прочим, нас обвиняют в Европе, всех русских, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того – революционеры и всегда, с какою-то даже любовью, склонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам Европы. За это смотрят на нас многие европейцы насмешливо и свысока – ненавистно: им непонятно, с чего это нам быть в чужом деле отрицателями, они положительно отнимают у нас право европейского отрицания – на том основании, что не признают нас принадлежащими к «цивилизации». Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, – разрушить

лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как все это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам, готовым нахлынуть на древний Рим и разрушить святыню, даже без всякого понятия о том, какую драгоценность они истребляют. Что русские действительно в большинстве своем заявили себя в Европе либералами, – это правда, и даже это странно. Задавал ли себе кто когда вопрос: почему это так? Почему чуть не девять десятых русских, во все наше столетие, культуясь в Европе, всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален, к «левой стороне», то есть всегда к той стороне, которая сама отрицала свою же культуру, свою же цивилизацию, более или менее конечно (то, что отрицает в цивилизации Тьер, и то, что отрицала в ней Парижская коммуна 71-го года, – чрезвычайно различно). Так же «более или менее» и так же многообразно либеральны и русские в Европе, но все же, однако, повторю это, они склоннее европейцев примкнуть прямо к крайней левой с самого начала, чем витать сперва в нижних степенях либерализма, – одним словом, Тьеров из русских гораздо менее найдешь, чем коммунаров.

Сшибки наши с Европой близятся к концу; роль прорубленного окна в Европу кончилась, и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере, и это теперь всяк сознает, кто хоть сколько-нибудь в состоянии мыслить. Одним словом, мы все более и более начинаем чувствовать, что должны быть к чему-то готовы, к какой-то новой и уже гораздо более оригинальной встрече с Европой, чем было это доселе, – в Восточном ли вопросе это будет или в чем другом, кто это знает!.. А потому всякие подобные вопросы, изучения, даже догадки, даже парадоксы, и те могут быть любопытны хоть тем одним, что могут навести на мысль. А как же не любопытно такое явление, что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас «западниками», которые тщеславятся и гордятся этим прозвищем и до сих пор еще дразнят другую половину русских квасниками и зипунниками, – как же не любопытно, говорю я, что те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее, к «крайней левой», и что это вовсе никого

в России не удивляет, даже вопроса никогда не составляло? Как же это не любопытно?

* * *

Да, действительно есть и всегда были такие русские (имена многих из них известны), которые не только не отрицали европейской цивилизации, но, напротив, до того преклонялись перед нею, что уже теряли последнее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину и если не переходили в иностранные подданства, то, по крайней мере, оставались в Европе целыми поколениями. Но факт тот, что все этикие, в противоположность либеральным русским, в противоположность их атеизму и коммунарству, немедленно примыкали к правой, и крайней правой, и становились страшными и уже европейскими консерваторами.

...Многие из них меняли свою веру и переходили в католицизм. Это ли уж не консерваторы, это ли уж не крайняя правая? Но позвольте: консерваторы в Европе и, напротив, совершенные отрицатели России. Они становились разрушителями России, врагами России! Итак, вот что значило перемолоться из русского в настоящего европейца, сделаться уже настоящим сыном цивилизации, – замечательный факт, полученный за двести лет опыта. Вывод тот, что русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России.

* * *

...Русские европейские социалисты и коммунары – прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда они выучатся России, и – второе, что русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу со-

всем непохожее и само по себе серьезное. Да и сама Европа, может быть, вовсе несправедлива, осуждая русских и смеясь над ними.

* * *

Восточный вопрос!

Нерешительность и медленность великих держав, дипломатический выверт Англии, отказавшейся примкнуть к заключениям берлинских конференций, и вдруг затем последовавшая революция в Константинополе, и вспышка мусульманского фанатизма, и, наконец, ужасное избиение башибузуками¹⁶ и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – все это разом загло и двинуло войну. У славян много надежд. У них, если сосчитать все их силы, до ста пятидесяти тысяч бойцов, из которых более трех четвертей порядочного регулярного войска. Но главное – дух: они идут, веря в свое право, веря в свою победу, тогда как у турок, несмотря на фанатизм, большое безначалие и большое смущение, и – не диво будет, если смущение это, после самых первых встреч, обратится в панический страх. Кажется, можно уже предсказать, что если вмешательства Европы не воспоследует, то славяне победят наверно. Невмешательство Европы, по-видимому, решено, но трудно сказать, чтобы в европейской политике в настоящую минуту было что-нибудь твердое и законченное. Ввиду огромного и вдруг восставшего вопроса все как бы положили про себя ждать и медлить последним решением. Слышно, однако же, что союз трех великих восточных держав продолжается, продолжают и личные свидания трех монархов, так что невмешательство в борьбу славян с этой стороны пока верно. Уединившаяся Англия ищет союзников: найдет ли их – это вопрос. Если и найдет, то, кажется, не во Франции. Одним словом, вся Европа будет глядеть на борьбу христиан и сул-

16 Башибузуки – солдаты нерегулярной турецкой армии, которых вербовали среди самых отсталых, диких и воинственных племен, проживавших на территории Турецкой империи.

тана, не вмешиваясь в нее, но... пока только, до времени... до дележа наследства. Но возможно ли будет это наследство? Еще будет ли какое наследство? Если Бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? Позволит ли стащить с постели больного человека совсем долой?¹⁷ Последнее очень трудно предположить. Не решат ли, напротив, после нового и торжественного консилиума, опять лечить его?.. Так что усилия славян, даже и в случае очень большого успеха, могут быть вознаграждены лишь довольно слабыми пальятивами. Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но, уж разумеется, она знает, что окончательная судьба ее зависит вполне от России; она знает, что только Россия сохранит ее от гибели в случае большого несчастья – и что Россия же, могущественным влиянием своим, поможет ей сохранить за собою, в случае удачи, возможный тахітум выгоды. Она знает про это и надеется на Россию, но знает тоже и то, что вся Европа смотрит теперь на Россию с затаенною недоверчивостью и что положение России озабоченное. Одним словом, все в будущем, но как же, однако, поступит Россия?

Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно* – вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр¹⁸ извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, – и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков, и которой следо-

17 Позволит ли стащить с постели больного человека совсем долой? – «Больным человеком» назвал Турцию Николай I в беседе с английским послом.

18 ...первый министр... – Речь идет о Бенджамине Дизраэли, графе Биконс-филде (1804–1881), лидере консервативной партии, премьер-министре Англии (1868, 1874–1880).

вала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу, если б та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно. Да бескорыстие в Европе и вообще никто и ни в чем не поверит, не только русскому бескорыстию, – поверят скорее плутовству или глупости. Но нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения. Жаль только, что сила эта иногда довольно-таки ошибочно направлялась.

* * *

Будущее, близкое будущее человечества полно страшных вопросов. Самые передовые умы, наши и в Европе, согласились давно уже, что мы стоим накануне «последней развязки». И вот вы стыдитесь того, что и Россия может принять участие в этой развязке, стыдитесь даже и предположения, что Россия осмелится сказать свое новое слово в общечеловеческом деле. Но вам это стыд, а для нас это вера. И даже то вера, что она скажет не только собственное, но, может, и окончательное слово. Да этому должен, обязан верить каждый русский, если он член великой нации и великого союза людей, если, наконец, он член великой семьи человеческой. Вам дико, что я осмелился предположить, что в народных началах России и в ее православии (под которым я подразумеваю идею, не изменяя, однако же, ему вовсе) заключаются залогом того, что Россия может сказать слово живой жизни в грядущем человечестве?

* * *

Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать «патентованным» проповедником «прекрасного и высокого», вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить свое мнение в каком-нибудь деле (но уже «настоящем» деле, практическом, текущем, а не то что там в какой-нибудь поэзии, в деле уже важном и серьезном, так сказать, в гражданском почти деле), и заявить не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтобы высказать решающее и судящее слово, и с тем, чтоб непременно иметь влияние, — то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завязтого реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подает мнение и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стишки; наместо них одна «реальная правда», но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет ее, в цинизме-то и предполагает ее. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по его, и реальнее. Отчего это так? А потому, что наш идеалист, в подобном случае, непременно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажут: «ну, вы идеалист, что вы в „делах“ понимаете; проповедуйте там у себя прекрасное, а „дела“ решать предоставьте нам». Даже в Пушкине была эта черта: великий поэт не раз стыдился того, что он только поэт. Может быть, эта черта встречается и в других народностях, но, однако, вряд ли. Вряд ли, по крайней мере, в такой степени, как у нас. Там, от давнишней привычки к делу всех и каждого, успели рассортироваться веками занятия и значения людей, и почти каждый там знает, понимает и уважает себя — и в своем занятии, и в своем значении.

* * *

...Практические ли только выгоды, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и «высшую» ее политику, в противоположность всей этой «шиллеров-

щине» чувств, идеалов и проч.? Тут ведь вопрос. Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)? Неужели наш историк не знал, что вот эти-то великие и честные идеи (а не один барыш и шерсти клок) и торжествуют наконец в народах и нациях, несмотря на всю, казалось бы, смешную непрактичность этих идей и на весь их идеализм, столь унижительный в глазах дипломатов и Меттернихов, что политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но, может быть, и самая выгодная политика для великой нации, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и беспреывного бросания себя туда, где повыгоднее, где понасушнее, изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства, горькое положение. Дипломатический ум, ум практической и насущной выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тем, что всегда торжествовали. А если не кончали тем, то кончат тем, потому что так того, неизменно и вечно, хотели и хотят люди. Когда уничтожалась торговля неграми, разве не было глубоких и высокоумных возражений, что это «уничтожение» непрактично, что оно повредит самым насущным и необходимейшим интересам народов и государств? Доходили до того, что торговлю неграми выставляли даже нравственно необходимым делом, оправдывали ее естественным различием племен и заключали, что негр почти не человек... Когда Северо-Американские колонии Англии взбунтовались против нее, не кричали ли в практической Англии столько лет сряду, что освобождение колоний от автономии Англии будет гибелью английских интересов, потрясением, бедой. Когда у нас освобождали крестьян, не раздавались ли и у нас такие же крики по местам, не говорили ли «глубокие и практические умы», что государство вступает на дурную дорогу, неведомую и ужасную, на потрясение всей державы и что не такова должна быть политика высшая, наблюдающая интересы реальные, а не основанные лишь на модных экономических соображениях и теориях, опытом не проверенных, да на «чувствительности». Да чего далеко идти! вот перед нами славянский вопрос: вот бы нам бросить теперь славян совсем! Хотя Грановский и на-

стаивает на том, что мы хотим славянами только усилиться и действуем только для нашей практической выгоды, но, по-моему, он и тут обмолвился. Ну, какая с ними практическая выгода, даже в будущем-то, и чем тут усилишься? Средиземное-то море когда-нибудь или Константинополь, «которого нам никогда не дадут»? Так ведь это только журавль в небе, да хоть и поймать его, так еще больше хлопот наживем. На 1000 лет наживем. Это ли благоденствие, это ли взгляд мудреца, это ли настоящий практический интерес? С славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они еще не наши. Из-за них на нас уже сто лет косится Европа, а теперь и не косится только, а – при малейшем нашем шевелении – тотчас же выхватывает меч и наводит на нас пушку. Просто – бросить их, да и навсегда, чтоб успокоить раз навсегда Европу. Да и не просто бросить их: Европа-то, пожалуй, и не поверит теперь, что мы бросили, стало быть, бросить надо с доказательствами: надо нам же самим наброситься на славян и передавить их по-братски, чтоб поддержать Турцию: «Вот-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя из великодушия жертвовать своими интересами, а вы и не знали этого?» И сколько выгод, практических, настоящих и уже немедленных выгод, а не мечтательных каких-то в будущем, получила бы тотчас Россия! Тотчас же бы кончился Восточный вопрос, Европа возвратила бы нам хоть на время свою доверенность, а вследствие того военный наш бюджет убавляется, наш кредит восстанавливается, наш рубль входит в свою настоящую цену, – да это ли только: ведь журавль-то никуда не улетит, он все летать будет! Теперь-то мы покривим, переждем: «государство не частное лицо, ему нельзя жертвовать своими интересами», – ну, а со временем... Что ж, ведь уж если суждено славянам не обойтись без нас, то они сами примкнут к нам, когда придет время, вот мы тогда к ним и опять примажемся с любовью и братством.

* * *

Конечно, и мы готовы согласиться, что русская политика в славянском вопросе, в это последнее столетие, может, и быва-

ла порою небезупречна; моментами она могла быть слишком уж сдержанною и осторожною и потому, на иной нетерпеливый взгляд, казалась неискреннею. Может быть, и бывала излишняя боязнь за текущие интересы, двусмыслие, вследствие иных внешних дипломатических внушений, полумеры, приостановки, но в сущности, в целом, вряд ли политика России хлопотала только об одном лишь захвате славян под свою власть, об умножении тем своей силы и политического значения. Нет, конечно, это было не так, и в сущности своей политика наша, даже во весь петербургский период нашей истории, вряд ли рознилась в славянском, то есть Восточном вопросе от древнейших исторических заветов и преданий наших и воззрения народного. И правительство наше всегда твердо знало, что чуть народ наш слышит призыв его в этом деле, то всегда отзовется на него всецело, а потому Восточный вопрос в высшей сущности своей, всегда был у нас народным вопросом.

* * *

... Я уверен, что даже из самых крепких и, так сказать, министерских ихних голов найдутся такие, которые убеждены, что Россия спит и видит, как бы их в свою власть захватить и ими безмерно усилиться политически. Ну так вот я и боялся, чтоб на наше русское братолюбие все это не подействовало холодной водой. Но оказалось напротив, – до того напротив, что для многих даже и русских неожиданно. Вся земля русская вдруг заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка божия – все в одно слово. И ни одного звука, заметьте, об захвате, а вот, дескать: «на православное дело». Да и не то что гроши на православное дело, а хоть сейчас сами готовы нести свои головы. И опять-таки, заметьте, что эти два слова: «на православное дело» – это чрезвычайно, чрезвычайно важная политическая формула и теперь, и в будущем. Даже можно так сказать, что это формула нашего будущего. А то, что об «захвате» ниоткуда ни звука, то это ужасно оригинально. Европа никак и ни за что не могла бы поверить тому, потому что сама бы действовала не иначе как с захватом, а потому ее даже и ви-

нить нельзя за ее крик против нас, в строгом смысле, знаете ли вы это? Одним словом, в этот раз началось наше окончательное столкновение с Европой и... разве оно могло начаться иначе как с недоумения? Для Европы Россия – недоумение, и всякое действие ее – недоумение, и так будет до самого конца.

* * *

Русских, истинных русских, оказалось у нас вдруг несравненно более, чем полагали до сих пор многие, тоже истинные русские. Что же соединило этих людей воедино или, вернее, – что указало им, что они, во всем главном и существенном, и прежде не разъединялись? Но в том-то и дело, что Славянская идея, в высшем смысле ее, перестала быть лишь славянофильскою, а перешла вдруг, вследствие напора обстоятельств, в самое сердце русского общества, высказалась отчетливо в общем сознании, а в живом чувстве совпала с движением народным. Но что же такое эта «Славянская идея в высшем смысле ее»? Всем стало ясно, что это такое: это, прежде всего, то есть прежде всяких толкований исторических, политических и проч., – есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтоб, уравнив его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире. И это во все не теория, напротив, в самом теперешнем движении русском, братском и бескорыстном, до сознательной готовности пожертвовать даже самыми важнейшими своими интересами, даже хотя бы миром с Европой, – это обозначилось уже как факт, а в дальнейшем – всеединение славян разве может произойти с иною целью, как на защиту слабых и на служение человечеству? Это уже потому так должно быть, что славянские племена, в большинстве своем, сами воспитались и развились лишь страданием. Мы вот написали выше, что удивимся, как русский народ не забыл, в крепостном рабстве, в невежестве

и в угнетении, своего великого «Православного дела», своей великой православной обязанности, не озверел окончательно и не стал, напротив, мрачным замкнувшимся эгоистом, заботящимся лишь об одной собственной выгоде? Но, вероятно, таково именно свойство его, как славянина, то есть – подыматься духом в страдании, укрепляться политически в угнетении и, среди рабства и унижения, соединяться взаимно в любви и в Христовой истине.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя!¹⁹

Вот потому-то, что народ русский сам был угнетен и перенес многовековую крестную ношу, – потому-то он и не был своего «Православного дела» и страдающих братьев своих, и поднялся духом и сердцем, с совершенной готовностью помочь всячески угнетенным. Вот это-то и поняла высшая интеллигенция наша и всем сердцем своим примкнула к желанию народа, а примкнув, вдруг, всецело, ощутила себя в единении с ним. Движение, охватившее всех, было великодушное и гуманное. Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство – есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений, усилившегося самосознания нашего. Обнаружилась вдруг, ясно сознаваемая обществом и народом, политическая мысль. Чуткая Европа тотчас же это разглядела и следит теперь за русским движением с чрезвычайным вниманием. Сознательная политическая мысль в нашем народе – для нее совершенная неожиданность. Она предчувствует нечто новое, с чем надо считаться; в ее уважении мы выросли. Самые слухи и толки о политическом и социальном разложении русского общества, как национальности, давно уже крепившиеся в Европе, несомненно должны получить теперь, в глазах

19 Удрученный ношей крестной... Исходил, благословляя! – Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...»

ее, сильное опровержение: оказалось, что, когда надо, русские умеют и соединяться. Да и самые разлагающие силы наши, – буде она существованию таковых продолжает верить, естественно должны теперь, в ее убеждении, принять сами собою другое направление и другой исход. Да, много взглядов с этой эпохи должно впредь измениться. Одним словом, это всеобщее и согласное русское движение свидетельствует уже и о зрелости национальной в некоторой значительной даже степени и не может не вызывать к себе уважения.

* * *

Целое восемнадцатое столетие мы только и делали, что пока лишь вид перенимали. Мы нагоняли на себя европейские вкусы, мы даже ели всякую пакость, стараясь не морщиться: «Вот, дескать, какой я англичанин, ничего без кайенского перцу есть не могу». Вы думаете, я издеваюсь? Ничуть. Я слишком понимаю, что иначе и нельзя было начать. Еще до Петра, при московских еще царях и патриархах, один тогдашний молодой московский франт, из передовых, надел французский костюм и к боку прицепил европейскую шпагу. Мы именно должны были начать с презрения к своему и к своим, и если пробыли целые два века на этой точке, не двигаясь ни взад ни вперед, то, вероятно, таков уж был наш срок от природы. Правда, мы и двигались: презрение к своему и к своим все более и более возрастало, особенно когда мы по-серьезнее начали понимать Европу. В Европе нас, впрочем, никогда не смущали резкие разъединения национальностей и резко определившиеся типы народных характеров. Мы с того и начали, что прямо «сняли все противоположности» и получили общечеловеческий тип «европейца» – то есть с самого начала подметили общее, всех их связующее, – это очень характерно. Затем, с течением времени поумнев еще более, мы прямо ухватились за цивилизацию и тотчас же уверовали, слепо и преданно, что в ней-то и заключается то «всеобщее», которому предназначено соединить человечество воедино. Даже европейцы удивлялись, глядя на нас,

на чужих и пришельцев, этой восторженной вере нашей, тем более что сами они, увы, стали уж и тогда помаленьку терять эту веру в себя.

* * *

И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение. Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учтивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них «не так поняли». ...Мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками. Правда, в последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, восемьдесят миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут; что мы говорим на всех языках, а что они говорят лишь на одних своих, – ну и многое еще они стали смекать и подозревать. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!

А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Как же быть?

Стать русскими во-первых, и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будем с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, – единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...

А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но – слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...

* * *

...В Европе кричат о «русских захватах, о русском коварстве», но единственно лишь чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны отнюдь тому не верят, да и никогда не верили. Напротив, их смущает теперь и страшит, в образе России, скорее нечто правдивое, нечто слишком уж бескорыстное, честное, гнушающееся и захватом и взяткой. Они предчувствуют, что подкупить ее невозможно и никакой политической выгодой не завлечь ее в корыстное или насильственное дело. Разве обманом, – но Дон-Кихот хоть и великий рыцарь, а ведь и он бывает иногда ужасно хитер, так что ведь и не даст себя обмануть. Англия, Франция, Австрия – да есть ли там хоть одна такая нация, с которой нельзя было бы соединиться при удобном случае из политической выгоды с насильственной корыстной целью: стоит лишь не пропустить ту минуту, в которую подкупаемая нация всего дороже может продать себя. Одну Россию ничем не прельстишь на неправый союз, никакой ценой. А так как Россия в то же время страшно сильна и организм ее очевидно растет и мужает не по дням, а по часам, что отлично хорошо понимают и видят в Европе (хотя подчас и кричат, что колосс расшатан), – то как же им не бояться?

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

*Поздравляем Сургутское городское объединение с юбилеем:
в 2017 году ему исполнилось 50 лет!!!*

Сургутское городское литературное объединение «Северный Согонек» возникло в 1967 году. В тот год в газете «К победе коммунизма», единственном печатном органе Сургута, была открыта поэтическая рубрика, чуть позднее переименованная в Литературный клуб «Северный огонёк». Редактором газеты Анатолием Прохоровичем Зубаревым был предложен логотип – факел, как символ Олимпийских побед. На страницах газеты стали печататься произведения местных авторов – геологов, нефтяников, строителей, учителей – Н. Заболотневой, Г. Васильева, Ю. Лапина, Т. Царенко. Большая часть стихотворений приходила по почте, поэтому неудивительно, что «разбираться» с ними приходилось заведующей отделом писем Алле Походенко (Ярошко). Она же стала организатором встреч литературно одарённых сургутян, ищущих встреч с близкими по духу и культурным запросам людьми. Так и возник Литературный клуб «Северный огонёк» не только на газетных страницах, но и в реальности – в редакции городской газеты. Именно в редакции по четвергам регулярно собирались самодеятельные поэты и прозаики.

В 1979 году в Союз писателей СССР был принят первый из «Огоньковцев» – выпускник Литинститута Николай Шамсутдинов, а в 1988 – Пётр Суханов. Их активное руководство заседаниями клуба, царившие на них жаркие споры, давали новые импульсы к творческому развитию, формированию собственных интонаций и художественных индивидуальностей членов клуба. В 80-е гг. на страницах Литературного клуба, выходящих ежемесячно, а то и дважды в месяц, публиковались стихи Дмитрия Сергеева, Никона Сочихина, Валерия Шляхова, Николая Шакуры, Леонида Сидорова, Игоря Кириллова, Сергея Сметанина, появлялась проза Олега Рихтера. Газетные страницы стали тесными для членов «Северного огонька», ставшего с годами полноценным литературным объе-

динением, члены которого издают книги, публикуются в альманахах и сборниках.

Менялись руководители, были спады и подъёмы в деятельности литературного объединения, но «Огонёк» жив! Мы всегда помним тех, кто был в числе первых. Помним Олега Борисовича Рихтера, Валерия Сергеевича Матвеева, Георгия Карожановича Ешимова, Петра Антоновича Суханова, которых, к сожалению, уже нет с нами. На многочисленных встречах в школах, колледжах, гимназиях, институтах и университетах рассказываем о них, и читаем их стихи. Кроме того, мы поддерживаем связь с иногородними литературными объединениями, часто выезжаем на встречи с читателями других городов и поселений: Мегион, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Локосово, Лянтор, Лангепас. В конце декабря прошлого года были в Варьёгане, Радужном, Мегионе, Нефтеюганске. Наши стихи печатают в местных газетах: «Сургутская трибуна» и «Нефть Приобья».

В настоящее время в объединении числится более двадцати человек. Следуя традиции, начатой в первые десятилетия клуба, заседания проводятся два раза в месяц в Доме журналистов. Дом журналистов носит имя идейного основателя «Огонька» Анатолия Прохоровича Зубарева. Разные люди, разных профессий и возрастов приносят на обсуждение своё поэтическое творчество. Так же как в прежние десятилетия, разгораются споры в этих обсуждениях. Талантливый начинающий автор Егор Елистратов создал замечательный сайт «Огонька», где есть всё: фотографии авторов, их личная и творческая биография, публикуются произведения. Размещена аудиозапись нескольких авторов, записанная на студии местного радио. Теперь весь город, и не только наш город, может познакомиться с творчеством интересующего автора. Электронный адрес сайта очень прост: северный-огонек.рф. Несколько человек из числа «Огоньковцев», на мой взгляд, достойны быть в союзе писателей Российского масштаба.

Диплом победителя литературного конкурса им. Петра Суханова за коллективный сборник «Созвучия и контрасты», изданный в 2016 году, стал достойным подарком к 50-летию старейшего литературного объединения в нашем округе. Это уже достижение современных авторов – членов литературного объ-

единения. В сборник включены произведения всех членов «Северного огонька» и переводы на русский язык с армянского.

Сегодня продолжают быть «огоньковцами» Никон Сочин, Александр Козловский, – члены Союза писателей России, Наира Симонян – член армянского отделения Союза писателей Грузии, Анжелика Бивол – член Российского союза писателей. В 2017 году ушёл из жизни Леонид Гайкевич – член Российского Союза писателей. Наши авторы – Любовь Коробкина, Людмила Елистратова, Александр Любякин, Анжелика Бивол, Юрис Хисматуллин являются членами Ассоциации «Поэты Тюменской области». Их произведения печатаются в литературно-поэтическом альманахе «Поэзия земли Тюменской».

Татьяна Юргенсон в послесловии к сборнику «Созвучия и контрасты» написала: «...название сборника очень точно отражает суть всего содержания – подборки авторов позволяют увидеть творческую особенность каждого. Разнообразны и темы произведений, хотя все они пронизаны чувством любви к Родине, России и родному Сургуту...»

*Александра Лазарева,
руководитель литературного объединения «Северный огонёк»,
член Союза писателей России*

* * *

Окружной фестиваль «Дни литературы в Югре» проходил с 15 ноября по 30 декабря 2017 г.

Цели окружного фестиваля «Дни литературы в Югре» были сформулированы следующим образом:

- брендинг территории ХМАО – Югры как территории перспективного и развивающего региона Российской Федерации, повышение культурной роли автономного округа в Уральском федеральном округе и Российской Федерации;

- популяризации современной российской и югорской литературы, перспективное положительное позиционирование в литературных произведениях Югорской земли и её жителей, сохранение литературных традиций Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;

– поднятие престижа чтения среди югорчан, повышение осведомлённости о региональной литературе, популяризация творчества местных авторов.

Были поставлены и решены следующие задачи:

– активизация интереса жителей ХМАО – Югры к современной российской и региональной литературе;

– создание условий для развития и самореализации личности жителей ХМАО – Югры посредством активизации творческой, познавательной и интеллектуальной деятельности;

– расширение и углубление знаний жителей ХМАО – Югры в области истории и литературы.

Творческими площадками для проведения мероприятий «Дни литературы в Югре» были города Югорск, Советский, Нягань, Ханты-Мансийск, Сургут, Мегион, Нижневартовск, Радужный, а также пос. Зеленоборск Советского района, национальный посёлок Варьёган Нижневартовского района, пос. Излучинск и село Большеитархово Нижневартовского района. В этих населённых пунктах прошли встречи жителей с писателями и поэтами, работающими в ХМАО – Югре, а также приглашёнными литераторами.

Всего в различных мероприятиях выступили более 40 литераторов, среди них особо активное участие в организации и проведении фестиваля приняли югорские литераторы: Акимов В., Бармин П., Бецко А., Бивол А., Волковец В., Гостева Е., Елистратова Л., Зуева Т., Кайгородов Г., Карташов Б., Кузьмина А., Лазарева А., Плюхин П., Симонян (Маилля) Н., Сладкова М., Смирнов А., Сочихин Н., Степанов В., Хорос Г., Ширманов И., Юргенсон Т.

На встречах с поэтами и прозаиками приняли личное участие более 1600 жителей ХМАО – Югра и еще более 1400 человек посетили страницы фестиваля «Дни литературы в Югре» на страницах в социальных сетях.

Особенности фестиваля в 2017 году:

Специальные мероприятия для детей и подростков (г. Ханты-Мансийск, г. Сургут и г. Нижневартовск).

Встречи со студенческой молодежью (Югорский государственный университет, Сургутский государственный педагогический университет, Сургутский институт экономики, управления

и права (филиал Тюменского государственного университета), Сургутский политехнический колледж, филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске.

Встречи с читателями из числа лиц с ограниченными физическими возможностями (Сургутский реабилитационный центр инвалидов по зрению и Нижневартовский реабилитационный центр «Кардея»).

Проведение встреч с читателями в малых и отдаленных населенных пунктах ХМАО – Югры (пос. Зеленоборск Советского района, пос. Лянтор Сургутского района, поселки Излучинск и Варьёган, село Большетархово в Нижневартовском районе).

Организация удаленного доступа для участников, проживающих на территории Югры и за ее пределами (писателей, поэтов, читателей, зрителей, слушателей), на страницах фестиваля «Дни литературы в Югре» в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук».

Например, на странице «Одноклассников» было размещено 118 фотографий, 6 видеосюжетов, а также текстовые материалы. На момент подготовки отчета было зафиксировано более 1100 просмотров на «Одноклассниках» и 315 просмотров на «Фейсбуке».

* * *

14-15 ноября 2017 года прошел Форум писателей Югры.

Писатели Югры собрались, чтобы подвести итоги деятельности окружной писательской организации и обсудить наиболее актуальные творческие проблемы. В форуме приняли участие писатели двух Союзов: Союза писателей России и Союза российских писателей. В их числе известные современные поэты и прозаики, лауреаты разных премий, а также авторы произведений, получивших общенародное признание. Гости съезда – писатели из Челябинска, Тюмени, Урала.

На два дня г. Ханты-Мансийск стал литературной столицей ХМАО. Мероприятие, посвященное 20-летию образования окружной организации «Союз писателей России», вышло далеко за пределы округа. Как отметил ее ответственный секретарь Игорь

Ширманов, Форум стал площадкой для серьёзного разговора о современной литературе, о ее месте в жизни общества. Поднимались вопросы окружной писательской организации, о планах на будущее, о программах «Читающая Россия», «Читающая Югра».

Торжественная церемония открытия Форума писателей Югры прошла в КТЦ «Югра-Классик». В рамках торжественного открытия форума Борис Хохряков вручил писателям Югры благодарственные письма «За многолетний добросовестный труд, достижения в творческой деятельности и значительный вклад в развитие литературы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Директор департамента культуры Югры, Надежда Казначеева, в приветственном слове рассказала, что глава региона и правительство оказывают особое внимание проблемам писательского сообщества и развитию югорской литературы. Для этого в регионе предусмотрено несколько видов господдержки – от организации научно-практических конференций до оказания финансовой помощи по нескольким программам. Например, на территории нашего региона проходит и фестиваль детско-юношеской книги, и детский литературный конкурс имени А. М. Коньковой, и конкурс «Slowwww», реализуется проект «Югорский десант», функционирует сайт «Югра литературная». Вниманию участников Форума была представлена информация о комплексном просветительском проекте «Многовековая Югра».

Состоялся разговор о ежегоднике «Эринтур», который был создан в 1997 году для объединения разрозненных литературных сил Югры и создания стартовой площадки для выхода в большую литературу молодых авторов. Коллеги Николая Ивановича вспоминали совместную работу над выпусками альманаха, говорили о повышенной требовательности редактора к авторским материалам. Не случайно альманаху удалось удержать высокую планку, об этом говорят награды: Почетный диплом лауреата конкурса АСКИ «Лучшая книга 2002 года», в 2009 году – Диплом лауреата Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова, в 2014 году – Диплом лауреата регионального конкурса «Книга года – 2014» в номинации «Лучшая художественная книга».

Была отмечена несомненная заслуга бессменного редактора

и создателя альманаха «Эринтур» Николая Ивановича Коняева. Кроме этого, 14 лет он руководил окружной писательской организацией, а после переезда в Тюмень избирался членом бюро Тюменского регионального отделения Союза писателей России, оставаясь сопредседателем Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, которую вместе с единомышленниками создавал 17 лет.

В рамках форума прошла межрегиональная конференция «Литература многонациональной Югры: прошлое, настоящее, будущее».

Как отметил председатель Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России Дмитрий Мизгулин, люди не должны обкрадывать себя, ведь книга – не только источник знаний, но и возрождение нашего интеллектуального развития.

На конференции прозвучали доклады:

«Современная литература: актуальность и вневременность» Ягодинцевой Нины Александровны, секретаря Союза писателей России, доцента кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры, кандидата культурологии, Челябинск;

«О взаимодействии учреждений культуры и писательских сообществ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» Казначеевой Надежды Михайловны, директора Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск; «О важности продвижения русской литературы на Запад во время информационной войны. Взаимодействие деятелей культуры Востока и Запада во имя мира»;

Сергиенко Владимира Владимировича, президента Союза писателей межнационального соглашения Федеративной республики Германия, Берлин (видеообращение); «Восприятие мира через художественный текст»;

Михайловского Валерия Леонидовича, врача-психотерапевта, члена Союза писателей России, Нижневартовск; «О работе литературных объединений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» Лисютиной Ирины Борисовны, заместителя директора Департамента общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – начальника Управления по обеспечению поддержки гражданских инициа-

тив, Ханты-Мансийск; «Югорская литература: история и будущее» Ганущака Николая Васильевича, заведующего кафедрой филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, председателя городского общественного фонда развития российской словесности «Словесность», Сургут. «Писатели – современники всех эпох» Ананьичева Александра Сергеевича, секретаря Правления Союза писателей России, Сергиев Посад.

Секретарь Союза писателей России Нина Ягодинцева поделилась опытом работы на примере Челябинской области. Наши соседи по федеральному округу широко применяют в своей деятельности такие формы, как литературные клубы, онлайн-семинары, в которых участвуют начинающие авторы из разных регионов страны.

Еремей Данилович Айпин, председатель Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера, заместитель председателя Думы Югры, член Союза писателей России поделился: «Нам необходимо объединить все творческие силы автономного округа и выработать систему работы с литературными объединениями, писательскими организациями на уровне муниципалитетов, региона, УрФО и России».

В ходе двухдневного заседания на Форуме обсудили ряд важных вопросов: система работы с литературными объединениями и писательскими организациями, развитие книжной сети, поддержка молодых писателей и писательского сообщества.

* * *

10 апреля 2018 года в Государственной библиотеке Югры состоялась церемония награждения 11-ой Международной литературной премии «Югра» за 2017 год. За литературные заслуги российских авторов награждают с 2007 года. С 2009 года премия получила международный статус.

Лауреатов премии приветствовали председатель Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера – заместитель Председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Еремей Данилович Айпин, директор Департамен-

та культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Надежда Михайловна Казначеева, секретарь международной литературной премии «Югра» Сергей Сергеевич Козлов, председатель правления Ханты-Мансийской писательской организации Союза писателей России Дмитрий Александрович Мизгулин.

В этом году лауреатами международной литературной премии «Югра» стали: Лидия Сычева (г. Москва) в номинации «За вклад в русскую литературу», Александр Новопашин (г. Тюмень) в номинации «Поэзия» за книгу «Частный случай», Гордана Чирьянич (Сербия) за книгу «Поцелуй» в номинации «Славянская книга», Анна Неркаги (Ямало-Ненецкий автономный округ) в номинации «Проза» за двухтомник «Избранное», Иерей Ненад Илич (Сербия) за книгу «Дорога на Царьград», лучшим переводчиком назван Вячеслав Куприянов (г. Москва).

По окончании церемонии состоялась творческая встреча читателей и лауреатов премии «Югра».

За одиннадцать лет лауреатами премии стали более 70 писателей и критиков из России, Белоруссии, Украины, Сербии, Болгарии, Македонии, Чехии, Словении и Польши, из них писатели из Югры: Михаил Рябий (2007), Юрий Дворяшин (2008), Александр Семенов (2009), Новомир Патрикеев, Маргарита Анисимкова (2010), Князь Гочаг Курбан-оглы (2011), Юрий Вэлла (2012), Андрей Тарханов, Еремей Айпин, Мария Вагатова (2013), Владимир Андреев (2014), Владимир Волковец, Сергей Козлов (2015), Валерий Михайловский, Павел Черкашин (2016).

* * *

25 мая 2018 года в столице Югры назвали имена победителей регионального конкурса «Югорская книга». Мероприятие проходит в рамках окружной книжной выставки «Югорика». Основная её задача – знакомить читателей с новыми изданиями. Книжная выставка традиционно проводится в Государственной библиотеке Югры.

Дипломы победителей в региональном конкурсе «Югорская книга – 2018» получили:

– в номинации «Лучшая художественная книга» Светлана Динисламова за книгу «Ятил Войкан... = Милое Пресветлое...»;

– в номинации «Лучшая общественно-политическая книга»: Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры за книгу «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого»;

– в номинации «Лучшее учебно-методическое издание»: Ольга Милованова за книгу «Раннее творчество Н. Я. Мясковского: взгляд современников»;

– в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» Валерий Михайловский за книгу «Наш маленький секрет»;

– в номинации «Лучшая книга на языках коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»: авторский коллектив Раисы Решетниковой и Надежды Вах за книгу «Рот муземн восум... = На родной земле...»

Всего за годы проведения выставки «Югорика» представила жителям округа более 24 тысяч книг. За это время о Югре высказались как признанные мэтры литературы, так и молодые писатели из разных городов России.

Ливн Валентин Викторович родился 12 апреля 1936 года. Окончил Краснодарское художественное училище в 1963 году. Живописец, монументалист, педагог. Член Союза художников СССР с 1968 года.

Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР с 1977 года. Делегат III съезда Союза художников СССР – 1972 год (г. Москва). Делегат I съезда художников ЧИАССР – 1976 год (г. Грозный).

В 2007 году награждён нагрудным знаком «За высокие достижения» Министерства культуры РФ (№ 227).

В 2012 году удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

В 2016 году награждён Золотой медалью ВТОО Союз художников России «Духовность. Традиции. Мастерство» (№ 20).

Участник многочисленных городских, республиканских, региональных и всероссийских художественных выставок.

Живёт и работает в пгт. Новоганск Нижневартовского района ХМАО – Югры.

ВАЛЕНТИН
ЛИВН

ВАЛЕНТИН ЛИВН / МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Банька

Гурзуф

Автопортрет

Оттепель

Рябина и гранат

Портрет девушки

Улица «Новый быт»

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР

(ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Главный редактор Валерий Михайловский
Ответственный редактор Валентина Рыбакова
Корректор В. Неёлова
Дизайн, вёрстка – Анастасия Евменова

Подписано в печать 24.12. 2018. Формат 60X84/16.
Бумага офсетная «Светокопи». Печать офсетная.

Печ. л. 36

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06